

Ульяна Соболева
ОТШЕЛЬНИК
Сделка с дьяволом

ОТШЕЛЬНИК

Ульяна Соболева

АННОТАЦИЯ:

Может быть....Наверное....Вы когда-нибудь встречали зверя в человеческом обличье? Бездушного, кровожадного и циничного зверя, которому все дозволено, только потому что у него миллиарды? Человеческая жизнь для таких, как он, измеряется в денежном эквиваленте. Впрочем, как и любовь.

Я думала, что нашла хорошую работу и смогу оплатить лечение своего младшего брата, а на самом деле я заключила сделку с дьяволом, которому мало только тела – он хочет заполучить и мою душу. Как и души тех, кто были с ним до меня. И у меня нет ни выбора, ни шанса на спасение.

ГЛАВА 1

Какими разными путями идут желанья наши и судьба...

© Уильям Шекспир

– Развелось этих олигархов, как собак нерезаных. Жиреют на наши деньги. Кровью нашей накачиваются. Вампиры. Люди голодают, а они...

– Ты о чем, мам?

Поле ночной смены дико хотелось спать, и я следила за разводами молока в чашке с растворимым кофе, чувствуя, как засыпаю сидя и с открытыми глазами.

– Ну вот еще один. Глянь на него – Роман Огинский написано. Хлыщ лощеный. Филиал банка они открыли новый по европейским стандартам. Кредиты будут якобы без процентов на проекты по развитию города выдавать и бюджетникам на покупку жилья. Посмотри на директора банка – жирный, как три свиньи, и этот рядом стоит, вроде как с обложки журнала, а глаза звериные, ничего доброго в глазах этих. Беспроцентные, ага. А не выплатишь взнос – почку вырежут и продадут вот этому на еще одну яхту. Лучше б детям детдома отстраивал и пенсию старикам подняли. Сволочи. Откуда только капиталы свои берут?

Я голову от чашки с кофе подняла и на экран телевизора посмотрела. Лицо «лощеного хлыща» показали очень близко, и я внутренне подобралась. Бывают такие люди, при взгляде на которых ощущаешь физический дискомфорт. Нечто странное на уровне подсознания, когда еще непонятно – нравится тебе этот человек или нет, а тревога появилась. Может быть, потому что глаза у него необычного цвета – янтарного. Редко такой встретишь в природе. Или это освещение. И взгляд с прищуром цепкий с экрана насквозь пронизывает. Звериный взгляд, хищный, с долей презрения к тем, кто его обступили и щелкают камерами, но как-то настороженно, не нагло, держат дистанцию. Кажется, он сейчас шаг вперед сделает, и они назад попятятся.

И снова притягивают его глаза очень светлые, неестественно светлые, возможно, это линзы. В сочетании с крупными, но симметричными чертами лица и черными волосами – поразительный эффект. Он что-то говорит низким хриловатым голосом, и видно, как притихли журналисты. Никто ничего не выкрикивает. Они все, словно замороженные, смотрят на Огинского этого, как кролики на удава. Камера отъехала дальше, и теперь я увидела его в полный рост. Нет, он не похож на кого-то с обложки журнала. Только потому что такие для обложек не позируют. Такие вообще не позируют – позируют для них и в той позе, в которую вас поставят, а ставят они обычно только в одну и притом всех. И он далеко не лохотонщик, а скорее, матерый, внушающий суеверный страх и какое-то оцепенение, ощущение неограниченной власти, способной смести на своем пути абсолютно все. Ростом невысокий, но спина прямая, и видно, как мышцы бугрятся под складками костюма стального цвета. Я тряхнула головой – какое мне дело до этого олигарха? Их только по телевизору и можно увидеть. Как экспонат в музее. Для таких простые люди – мелкие букашки, по которым можно пройти туфлями, как у него – с натертыми до зеркального блеска носками. Ему плевать на всех, и это открытие банка – показуха. Скорее всего, или выборы на носу, или свой определенный интерес в резонансе. Мужчина на экране отвернулся от камер и не торопясь пошел в здание, журналисты тут же загудели, начали выкрикивать вопросы, он резко обернулся, и они так же резко замолчали. Камера снова приблизила его лицо, и я сама невольно отпрянула назад – слишком пристальный взгляд, слишком пробирающийся под кожу. Он знает, что его боятся, и наслаждается этим страхом. Чувственные губы слегка дрогнули в подобии улыбки.

– Надь, может, не надо в столицу? Сдалась она нам, а? Я выздоровею немного и на работу выйду. Мы справимся, а дочь? Не уезжай никуда.

Мама отвлекла меня от телевизора и, едва я обернулась, вымученно мне улыбнулась. Я улыбнулась ей в ответ.

– Конечно, мы справимся. Я сделаю все, чтоб мы справились с тобой. Главное, работу хорошую найти. Потому что вот так, как сейчас, больше нельзя ни мне, ни тебе, ни Мите нашему.

Медсестрам в нашей единственной в городе больнице платили мизерную зарплату, которой едва на нескончаемые лекарства для брата хватает и чтоб за квартиру заплатить, да поесть. Нищета – это жутко, кто никогда не был с ней знаком, не поймет, что это значит. Люди боятся, а еще больше – стыдятся нищеты. Прячут ее под видимым благополучием, под картонными декорациями якобы удавшейся жизни. Чтоб никто и подумать не мог, что помада не брендовая и духи турецкая подделка, если и на это хватало денег. Вот мне не хватало даже на подделку. Поэтому я на рынке покупала самое дешевое и красилась либо дома, либо в кабинке туалета, чтоб не так стыдно было. Сейчас людей не по душевным качествам оценивают, а по гаджетам, шмоткам, духам и другим материальным благам. А нет денег – ты тупой нищеврод. Мне наша главврач всегда говорила:

«– Наденька, с твоей внешностью кукольной не задницы колоть и клизмы ставить, тебе в столицу – подиумы покорять и сердца олигархов. В дыре этой сидишь, красоту губишь.

Я смеялась и шприцы укладывала в ряд, подсчитывая, сколько осталось в шкафчике, чтобы дозаказать вечером.

– Да прям и красота. Светлана Анатольевна, в столице красавиц и без меня хватает, а кто Степан Антонычу капельницу на дому поставит? Он никого на порог не пустит. Марья Ивановна без прописки, вы сами знаете – я ее колю. Да и мама не справится с Митей.

– Я вполне серьезно, Самойлова, ты б о брате подумала. В нашей дыре никого не встретишь, а в столице ты любую за пояс заткнешь. Красота – это страшная сила и самая ценная валюта. Это дар свыше. Пользоваться надо.

– Ничего. Я в Интернете подработку нашла. Справимся и так. И без олигархов.

– Справится она. Ты хоть ела сегодня? Иди в столовой скажи, чтоб тебе мою порцию отдали, я из дома принесла. Иди, тетя Дуся борща нальет горячего с котлетой. Смотреть на тебя тошно – халат болтается, как на вешалке. Сама впроголодь живет и справится она... тоже мне».

Разве в наше время кто-то голодает? Разве в наше время кто-то в чем-то себе отказывает? Да, голодают, и да, во многом себе отказывают. Некоторые мясо по праздникам покупают. Это в столице словно мир иной, а по маленьким городкам ни черта не изменилось, а где-то и хуже стало.

Вроде все одеты прилично и по помойкам не шастают, и даже в супермаркеты ходят, но это лишь видимость. Менталитет у нас такой – не привыкли мы напоказ наши беды выставлять. Мама всегда вещи перешивала, старалась, чтоб как в журналах, и духи у нее французские уже лет десять стояли на комоде. Как-то подруга ее привезла и на день рождения подарила. Мама пользовалась ими по праздникам по большим. А мне так хотелось духи ей новые подарить и цветы на восьмое марта, и в театр с ней сходить, и в кафе. Столько всего хотелось... то, что для других обыденно, мне казалось недостижимыми мечтами.

Иногда я уныло смотрела на свою зарплату, прикидывала, что и куда надо оплатить в первую очередь, и понимала, что жить снова придется впроголодь. И Мите за лекарствами в другой город ехать надо. У нас их здесь нет. У младшего брата, больного с рождения ДЦП, три года назад начались приступы эпилепсии, и с тех пор мы на нескончаемых противосудорожных препаратах, но они плохо помогают и интервалы между припадками становятся все меньше, а их интенсивность сильнее. Мама ушла с работы бухгалтером и устроилась санитаркой ко мне в больницу. Менялись с ней, чтоб Митя сам не оставался. Спину она там сорвала недавно и сейчас еле по квартире ноги передвигает. Смотрю на нее и иногда больно так становится – ведь она еще молодая женщина, а это безденежье лютое почти старуху из нее сделало, потому что ни одеться красиво, ни сумочку новую купить, ни волосы в парикмахерской уложить и ночи бессонные нескончаемые, и ужас вечный за Митю. Со смены утром приходит и ничком на постель валится. Я ее пледом прикрою, сапоги с отекающих ног стяну, и боль-тоска душу гложет. Бессилие, проклятое, до слез из глаз. Отец, когда жив был, полегче нам всем жилось, он на заводе работал, подрабатывал иногда и деньги «левые» домой приносил. Его не стало внезапно. Инсульт. На улице упал, когда с работы шел, и так на остановке почти до утра пролежал – ни одна тварь внимания не обратила, а когда обратили – он уже мертвым был. Людское равнодушие страшнее самого жуткого маньяка-убийцы, оно жизни людей косит конвейером. Предпочитают отмолчаться, отсидеться, не видеть и не знать. Так жить легче.

Недавно один урод на глазах у всех соседскую девчонку-старшеклассницу в машину затолкал, никто даже не заступился. Я из окна увидела, на улицу бросилась, а джип уехал уже. В полицию позвонила, номера продиктовала, мне сказали, что заявка принята. Девочка эта в школу потом с месяц не ходила. Я так и не знаю, что произошло, но могу лишь догадываться, и страшно от этого жить становится. Страшно, потому что

кто-то с деньгами способен заплатить за что угодно, а еще страшнее, что кто-то может эти деньги взять и на все закрыть глаза. Безнаказанность и вседозволенность только потому, что денег много. И я по-тихому, но люто ненавидела всех этих любимчиков фортуны, которые не знают, что значит утром сгибаться пополам от чувства пустоты в животе или давиться слюной от запаха сэндвича, и не иметь возможности его купить. Тех, кто могут везде без очереди с наглым видом, кому изначально положено, только потому что деньги есть... а еще больше презирала лизоблюдов, которые за счет вот таких мразей живут припеваючи.

Может, поэтому я врачом хотела стать – людей спасать. Баланса какого-то... но все мечты рухнули, когда средства большие понадобились. Оставалось только работать. На учебу уже ни сбережений, ни времени не осталось. Мама нас двоих не потянула бы кормить.

Я как-то увидела ночью, как она в кухне горько плачет над очередной выпиской от невролога с кучей рецептов, и поняла, что врачом стану когда-нибудь потом, а сейчас работать надо и ей помогать. Пошла в училище после девятого класса на медсестру и по вечерам официанткой в пиццерию.

На маму смотрю и уезжать боязно-боязно. Одну ее оставлять с Митей. Вдруг не справится. Но мне подруга пообещала помочь... конечно, с трудом верилось в то, что она рассказывала, но верить хотелось, потому что просвет я наконец-то увидела в темноте нашей вязкой и надежда задребезжала слабеньким лучиком где-то на горизонте. Человеку ведь всегда верить в лучшее хочется. И мне очень хотелось. Несмотря на то, что двадцать два уже и давно жизнь вынудила перестать быть ребенком и начать заботиться о семье.

Лариса Мельникова – моя бывшая одноклассница. Я встретила ее в соседнем городе, когда в аптеку ездила. Она меня чуть не задавила своим огромным белоснежным джипом, паркуясь у тротуара – тоже тетке своей за лекарствами приехала. Извиняться не собиралась, выскочила руками размахивать, цокая по асфальту сапогами на тоненьких шпильках и кутаясь в короткий искусственный полушубок сиреневого цвета. В школе Ларка была пышкой, а сейчас я бы ее даже не узнала – вся из себя подтянутая, стройная... но зато она сразу же узнала меня.

– Смотри, куда идешь, курица! Совсем ослепли в своем Мухосранске! Твою ж... Самойлова! Обалдеть! Просто оба-л-де-е-е-ть!

Она схватила меня за руки и, качая головой, рассматривала с ног до головы.

– Ты ли это, Утенок? Охренееееет! Модель! Надька, да ты настоящая модель, – потом нахмурила толстые по-модному нарисованные брови, – ну,

если приодеть и прическу твою извечную сменить. Ты что, волосы ни разу так и не стригла?

Мне даже расхохотаться захотелось – это все, что ее волновало после стольких лет? Мои волосы были любимой темой в школе. Да, я их не стригла. Никогда. Потому что сама себе поклялась, что отрежу волосы только тогда, когда Митю прооперируют и ему станет легче. Где-то в книге прочла про священные обеты и дала вот такое обещание. И ни разу ножницами не коснулась. Из-за длины приходилось в косы заплетать и узлами на затылке скручивать.

Ларка насильно затолкала меня в свой джип и повезла в кафе, по дороге ругаясь, что ни одного приличного здесь точно нет, а она кофе пьет только в одном заведении, а тут точно не кофе, а помои. Брезгливо вытерла влажной салфеткой стол и лишь тогда поставила на него локти. Разговорились – кто сейчас и где из наших одноклассников. Мельникова щебетала – кто и кем стал, а я на часы поглядывала и помешивала сахар в чашке, думая о том, что этот кофе мне так не в тему. Лучше б я бутерброд купила или печенье, в животе так пусто аж до ноющей боли. Словно к спине прилип.

– А ты где сейчас? В этой дыре разве есть работа?

Наконец-то она вспомнила обо мне.

– У нас в больнице. Медсестра. И... ты прости, Лар, у меня смена скоро и лекарства надо Мите отвезти. Я и так сильно задержалась, а у него по времени.

С лица Ларки вдруг пропало наигранное выражение напускного веселья. Словно выключился весь этот раздражающий пафос.

– А что с Митей? Все так же плохо, да?

Ужасно не любила рассказывать о проблемах брата, мне казалось, что это выглядит жалко и я побираюсь или о помощи прошу заранее. Мы, конечно, обращались в фонды, но я не могла в соцсетях денег вымалывать и по знакомым ходить с протянутой рукой. Не могла и все. Нееет, я никого за это не осуждала, наоборот, искренне радовалась, когда у людей получалось собрать. Может быть, это неправильно, и я лишала Митю шанса, но у меня язык не поворачивался попросить. Благодарила от души, когда помогали, но сама не умела и мама не умела умолять дать хоть копейку.

– Эпилепсия началась пару лет назад. Точнее, она и была, но мы не знали, пока хуже не стало. Нужно тщательное обследование и, может, операцию делать – подозревают опухоль. Но пока мы на лекарствах.

– Ужас какой! – всплеснула руками с длинными фиолетовыми ногтями. – Это помимо его аутизма!

– ДЦП. Не аутизм. Ты прости, Лар, у меня вечером девочка приходит – я ей по английскому помогаю. А мне еще трех пациентов обойти и Мите капельницу поставить.

– Подожди ты... подожди.

Она о чем-то думала, постукивая ноготком по столешнице, а потом вдруг спросила.

– Надь, а если я тебе работу предложу хорошую? Тебе ведь не хватает копеек твоих, я же вижу, что плохо все. Давай помогу, а?

Я вдруг поняла, что так и не спросила у нее, чем она сама занимается. Когда своих проблем по горло, невольно становишься эгоистом, и чужая жизнь совершенно не волнует. Ни порадоваться, ни посочувствовать нет ни сил, ни желания.

– У меня с мужем агентство свое. Оказываем разного вида услуги высокопоставленным лицам. Находим для них обслугу, нанимаем дворецких, бухгалтера, садовника, в общем, полностью берем на себя все бытовые проблемы клиента. Я могу найти для тебя хорошее местечко с окладом в десять твоих зарплат, но надо переехать в столицу.

Лариса несколько секунд меня пристально рассматривала:

– Например, можно было бы устроить тебя горничной в приличный дом на полный рабочий день, включая проживание. На заочку пошла б в медицинский со временем.

По мере того, как она говорила, у меня сердце билось все сильнее и сильнее. Громче и громче. Так что в висках пульсацией отдавало. Мне хотелось заорать и схватить Ларку за руки, но я только стиснула чашку и перестала нервно размешивать сахар.

– Ну чего ты молчишь? Ты бы хотела, чтоб я подыскала тебе хорошее место?

Я молча кивнула, не в силах сказать ни слова.

– Ты не думай – работа не грязная. У них такие хоромы, как дворцы. Унитазы чуть ли не золотом покрыты. Там стерильней, чем в ваших операционных, и все автоматизировано. Будешь как сыр в масле кататься. Ну да, это, конечно, не научный центр и не частная клиника... но ты вряд ли смогла бы туда устроиться. Ты ж не дурочка и сама понимаешь... Может, брата со временем привезла б в больницу хорошую.

Глаза Ларки сверкали, и она явно была довольна собой. Люди невероятно любят кому-то помогать, это делает их значимыми в собственных глазах. Они начинают считать себя хорошими и добрыми, гордиться собой и натирать нимб синтетической тряпкой, не оставляющей ворсин. Почему именно ею? Не знаю. У меня перед глазами возникла

именно такая тряпка из рекламы.

– Так, я сейчас позвоню Игорьку, он мне пробьет по картотеке, где требуется услуга, мне сегодня запрос попался на рабочем мейле, а ты собирайся – вместе полетим, нас там встретят. Я тебе и аванс выбью.

У меня возникло желание просто задушить ее в объятиях. Запищать и душить, душить, душить. Надо же. Ведь мы в школе и не дружили особо, а тут на тебе. Но я впала в ступор. Ларка подняла указательный вверх, набирая номер в сотовом.

– Гош, а Гош... глянь для меня, кому горничная недавно нужна была? Та нет. Нет же. Эта девочка не такая. Именно горничная настоящая. Да, и перезвони мне.

Прикрыла трубку ладошкой.

– У тебя если что со здоровьем все в порядке? Врачей сможешь обойти?

Я быстро закивала. На самом деле медосмотр мы в клинике каждый квартал проходили.

– Вот и чудненько. Судимостей не было?... Хотя, что я спрашиваю, какие судимости, если тут на лбу написано – «я честная, можете меня дурить».

Я рассмеялась впервые за нашу встречу, а может, и впервые за долгое время.

– Неправда.

– Правда-правда. Я помню, как мы тебя с Елисеевой обманули и сперли браслет, который тебе Генка подарил на день рождения. Дурында ты.

– Вы же его вернули.

– Конечно, вернули. Елисеева думала, это золото, а это просто железка желтая оказалась. Вот и вернули. Ой, мы такими сучками в школе были, и вспомнить стыдно.

Мне почему-то подумалось, что вряд ли она сейчас сильно изменилась. Но вслух я этого, как раньше, не сказала. Обижать ее было ни к чему.

– А ты, я смотрю, как была добрая душа, так и осталась. Нельзя, Надька, в наше время такой быть. Люди – звери, а то и хуже. Уж поверь мне. Я такого насмотрелась с работой этой...

***

Я подняла снова взгляд на маму.

– Надо, мам. Пора нам выбираться из нищеты этой. И, может, Митю

получится в столицу привезти. Ты радоваться должна, что шанс такой появился. Главное, не грусти и отдыхай побольше. Если что, к Светлане Анатольевне обратись – она поможет обязательно. Обещала позаботиться о тебе.

Мама кивнула и руку мою сильно сжала, а у самой слезы на глазах.

– Ты прости меня, хорошо?

– О боже, за что?

– Что во так вот все... что не дала вам ничего. Сама с зарплаты на зарплату, и ты также... Может, надо было не за отца твоего выходить, а... за кого-то побогаче. Были же у меня всякие ухажеры-мажоры.

– Стоп! Остановись... не говори лишнее. Ты папу любила, и он тебя любил. И это самое дорогое, что у вас было. Деньги – не самое главное в жизни, мама!

– Главное... главное. Деньги – это свобода, Надя. Это возможность жить, как хочешь... возможность жить, понимаешь?

Она разрыдалась, а я обняла ее крепко и зубы стиснула.

– Не главное. Думаешь, у них, у богачей этих, дети не болеют и не умирают?

Но я знала, что она права. Будь у нас сейчас возможность, Мите уже давно стало бы лучше.

– Все хорошо у нас будет. Вот увидишь.

Потом к Мите пошла. Посидела у кровати, за руку подержала. Он спал так сладко и во сне совершенно не выглядел больным. Повзрослел так. Уже не малыш, как раньше.

Мне иногда снилось, как он бежит по двору и мяч гоняет. А мама смотрит на него и смеется громко так и счастливо, как никогда за последние годы, и папа наш живой еще. Просыпалась вся в слезах... потому что лишь во сне все это возможно. Мне б туда, в сон этот перебраться, где мы счастливы все и отец с нами, ласково улыбается, щурится от солнца и мать за плечи к себе прижимает.

***

– Надь, ну ты бы эти косы уложила как-то по-другому и платье покороче надела. Как из деревни какой-то. Ей-богу.

Осмотрела с ног до головы и поджала ярко-малиновые губы.

– Я и так из деревни.

Она рассмеялась, а я нет, только сильнее стиснула чемодан. На самолетах раньше никогда не летала, и мне было страшно до тошноты и

дрожи в коленках. Но показать этот страх Лариске я не хотела. Она и так находит повод надо мной поржать, а я чувствую себя ужасно неуютно рядом с ней в ее красивых сапогах, полушубке и коротком фиолетовом платье. Нет. Не зависть. Я не знала, что это за чувство – мне оно было неведомо. Я никогда не хотела иметь что-то, как у других. Мне хотелось чего-то достичь самой, а когда этой возможности не было, то и зачем заикливаться. Где-то видела цитату: «зависть – добровольное признание себя ничтожеством», я была с ней всецело согласна.

– Надь... смотри, как тот мужик пялится на тебя. Вон тот в очках у окна, аж шею вывернул. Ты такая хорошенькая. Если б приодеть тебя и прическу сделать, такого жениха б нашли тебе...

Я не смотрела ни на кого, меня от страха начало тошнить, и я с трудом старалась справиться с ним и с подступающими позывами вернуть свой завтрак обратно. У меня так всегда – если очень сильно нервничаю, меня начинает мутить.

– Ты вообще не изменилась. Есть мужики-ботаны, а ты баба-ботан. Уравнения, что ли, в голове просчитываешь или препарлируешь кого-то?

Я ей не ответила, а отпила минеральной воды и уставилась на журнал.

– Самойловааа, а, Самойлова, а у тебя парень есть? Встречаешься с кем-то?

Я выдохнула и повернулась к ней. Что ж она неугомонная такая никак не успокоится. Впрочем, она и раньше такой была. Мне постоянно хотелось заклеить ей рот скотчем.

– Нет. Не встречаюсь.

– А как же Генка? Замуж после школы не звал?

Звал. И не только Генка звал. Но куда я замуж пойду, когда мама одна совсем и Митя без присмотра. Мне не до замужеств было, не до флирта, не до мужчин совсем. Я лет с десяти скрюченное тельце брата с мамой мыла, переодевала, кормила его с ложечки, книжки ему читала. Мне не до гулек было. Генка позвал и уехал из города, а Стас, наш физиотерапевт, тоже поухаживал какое-то время, понял, что мне не до этого, и женился на лаборантке Вале, которая таскала ему из дома пирожки. Правда, иногда пытался меня зажать на лестнице и получал по морде, матерился, потом извинялся, а через время все снова повторялось. Никак успокоиться не мог, что секса у нас не было... и ни с кем не было. Вышло так. Не специально. На медосмотре Елена Владимировна цокала языком и говорила, что для здоровья вредно мужика не иметь. А когда мне его иметь? Если не было времени даже поспать, не то что ходить куда-то.

– Ясно, ты своему Мите второй мамой заделалась и все на себя

взвалила. Тетя Люда могла и о тебе подумать...

– Лар, давай не будем о моей семье, хорошо? Мне неприятно. Все решения, которые я принимала, были только моими. И дай бог всем такую маму, как у меня.

Я не хотела ее обидеть. Мать Лариски бросила их отца и укатила куда-то с молодым любовником, еще когда мы учились в седьмом классе. Она долго скрывала, но как-то наша классная бестактно брякнула эту новость на классном часе, отчитывая Лару за что-то.

Мельникова брови нахмурила и уткнулась в свой смартфон.

– Спасибо, огромное, что помогаешь, Ларис, огромное. Но я, правда, о себе не люблю. Давай о тебе.

– В том-то и дело, Надя, надо прежде всего о себе любить. Тогда в жизни все складывается. Ладно, святоша ты наша, нашли тебе превосходное место у одной старушенции – матери олигарха. Сынок крутой до невозможности. С ним и поговорить особо не удастся, обслугу всю она через нас сама нанимает. Регентша, блин. Типа вся из себя царица и душеприказчица. Будешь убираться у них в доме. Выходной – раз в неделю, или раз в месяц можно взять несколько дней. Разберешься на месте. Справку взяла из больницы и о «несудимости»?

Я кивнула, по коже поползли мурашки и от страха глаза расширились. В ту же секунду взлетел самолет, а Ларка расхохоталась.

– Ааааа, я не могу. Ты самолетов боишься? Или не летала никогда? Самойлова, ну ты редкий экспонат. Реально. Держи жвачку – уши перестанет закладывать. Так вот, эта баба тот еще фрукт. Ведьма. Тяжело с ней будет. Ну ты справишься, я думаю. Платят там так, что тебе и не снилось. Аванс дают вперед. Это если вдруг ты в первые дни передумаешь, я поищу другое место, но именно горничной у меня пока ничего нет.

Мне надо было у нее спросить – а что есть или чем еще они занимаются, но мне это даже не пришло в голову. А зря.

ГЛАВА 2

Держи подальше мысль от языка, а необдуманную мысль — от действий.

© Уильям Шекспир

– Так, Самойлова, сиди тут, я скоро приду. Не уходи никуда, еще потеряешься опять.

Издевается зараза. Да, я потерялась в здании. А кто б не потерялся? Небоскреб с зеркальными окнами и этажами-лабиринтами. В туалете две входные двери и у лифта две. Если с другой стороны вышел – все, пиши пропало. У меня вообще с ориентацией на местности очень и очень плохо. Я в трех соснах себя теряю. Лариса мне показала, где уборная, и я вышла не там, где надо. В итоге она нашла меня на какой-то пожарной лестнице и искренне недоумевала, как можно было сюда попасть. Мне было ужасно неловко, потому что я такие здания видела по телевизору и в Интернете, а вживую никогда. Может быть, это покажется кому-то забавным, но думаю, что любой из нас, попав в незнакомое место, чувствовал бы себя, как я сейчас – растерянной и совершенно заблудившейся, как в этом здании, так и в себе. Я откинулась на спинку мягкого кресла возле нереально красивого камина с красными языками электрического пламени и, пригревшись, задремала. Проснулась от того, что кто-то тряс меня за плечо.

– Девушка, идите.

Молодой парень с фотоаппаратом на шее кивнул в сторону коридора.

– Куда?

– Как куда? Сделать фотоснимки. Так положено.

– Я давала свои паспортные фотографии и...

– Я не понимаю, почему нужно повторять по несколько раз? Вы пришли на работу, а я выполняю свою. И мне сказано вас сфотографировать. К чему лишние вопросы и трата времени?

Дёрганный, нервный. Волосы торчат в разные стороны, на концах крашенные в голубой цвет, рваные джинсы и свитер в полоску облепили округлое тело фотографа, как вторая кожа. На шее бряцают женские белосиние бусы. Как их там называют? Метросексуалы? А может, гей? И те, и те похожи. Кажется, я увидела одного из них вживую. Нет, никакой неприязни, просто забавный тип. И очень, и очень странный.

– Хватит на меня пялиться. Можно подумать, у меня на лбу что-то написано.

Очень хотелось сказать, что у него не только там написано, но сдержалась и пошла следом.

Он долго вертел меня в разные стороны, просил принять разные позы. Пришел в какой-то космический восторг от моих волос и даже несколько раз их понюхал, и один раз сильно дернул. После него я еще долго сидела в коридоре. Мне стало скучно, и я решила пройтись взад и вперед по этому крылу этажа. Вдалеке слышались женские голоса, и я пошла на них, чтобы в недоумении остановиться поодаль, рассматривая безумно красивых девушек в ярких одеждах и с невероятными прическами, как экзотические

птички, сбились в стайку и что-то наперебой рассказывали друг другу. Может, здесь еще и модельное агентство? Вполне может быть. Я ведь не уточняла у Ларисы, что находится на этаже. Какие они все красивые, как с рекламных плакатов. Стройные с матовой или золотистой кожей, пышной грудью и длинными ногами. Чем-то друг на друга похожи.

Внезапно из кабинета вышел полный мужчина низенького роста. Прошел вдоль притихших девушек, осматривая каждую из них и бормоча себе под нос. Но так, что было слышно аж в конце коридора из-за возникшей тишины.

– Все не то. Все. Не. То. Я говорил тебе, что мне надо. Точнее, заказчику. А это кто? Зачем мне эти одинаковые куклы? Самые лучшие? Мне стыдно спросить, как выглядят самые худшие. Где ты их берешь? По вокзалам вылавливаешь? Мне лига нужна. Высший класс... а это лохудры безвкусные. Силиконовые лохудры. Как копи-пейсты все. Я их еле отличаю. Я понимаю, что модно... ты заказчикам об этом скажи. Они ж у нас теперь все естественное хотят, натуральное. Ну какая мне разница, что с ними происходит потом? Я продаю товар, а там хоть трава не расти.

Прошел мимо, размахивая пухлой рукой, и вдруг остановился, и медленно обернулся. Посмотрел на меня. Обошел несколько раз. Тоже дернул за волосы.

– Настоящие? – взгляд такой, что, если скажу «нет», он меня пристрелит.

Я кивнула.

– Пошли... давай-давай.

Я не успела ничего сказать, как он схватил меня за руку.

– Что ж ты раньше не сказала. Ну и хитрая стерва. Тут такая девочка... ооох, такая. Точно, как надо. Ларисочка, моя ты прелесть. Забираю слова обратно и с меня винцо. Как ты любишь. Периньончик выдержанный... Нет, мне сейчас не до твоей подружки – я нашёл бриллиант. Подружкой займемся позже, пусть подождет.

Отключился и с довольной улыбкой посмотрел на меня.

– Пошли фотографироваться.

– Опять?

– Сколько надо, столько и сфотографируем. Тебе ж деньги нужны?

– Ддда.

– Вот и славненько.

Фотографировал меня все тот же фотограф. Оказалось, его зовут Ньюша и нет, он не гей. Вот просто он стильный. Мне от них всех рябило в глазах и казалось, я попала в какое-то сюрреалистическое кино, где люди

вовсе не люди, а неизвестно кто. Меня опять вертели туда-сюда и трогали мои волосы. В конце концов закончили и попросили обождать в коридоре. Я попыталась набрать Ларису, но она мне не отвечала. Позвонила маме убедиться, что все хорошо. Внутри появилось чувство, что я не на своем месте. Захотелось сбежать... и, наверное, это было бы самое правильное, что я могла на тот момент сделать. Но перед глазами возникало лицо Мити, и я продолжала упорно сидеть в кожаном оранжевом кресле и листать журнал. Кажется, я опять задремала, но меня разбудило дребезжание сотового. И едва я ответила, Лариса рывкнула мне в ухо:

– Я тебя просила никуда не ходить? Просила или нет? Тебе трудно было сидеть на месте? Как ты вообще оказалась в левом крыле?

– Нет, я...

– Все уже не важно. Я скоро буду.

Отключилась, а я в недоумении смотрела на сотовый в своих руках. У Ларисы сменился тон, и она явно была не в себе. Ждать пришлось довольно долго. Мельникова появилась спустя пару часов с пакетами и папкой и кивнула мне на кабинет.

– Идем.

Усадила меня за стол и положила передо мной папку. Лицо ее удивительно изменилось – стало непроницаемым, как маска. Взгляд больше особо не задерживался на мне, и она не улыбалась. Лариса больше не походила на хохотушку, летевшую со мной в самолете и сидевшую в кафе. Ее как подменили. Сейчас наш разговор приобрел какой-то официальный тон, и я явно сидела перед работодателем.

– Подписывай и поедешь на работу.

– Все хорошо?

– Да, все хорошо, – пухлые губы растянулись в улыбке, но мне она показалась фальшивой. – Я просто забежалась сегодня, на меня свалилась куча всяких проблем неожиданных. Не обращай внимание. Подписать надо на первой страничке и на последней.

– Да, я читаю и...

– Нет времени читать, я тебе все расскажу. Ты лучше переоденься.

Поставила пакеты на стол и пристально посмотрела мне в глаза.

– Я сделала все, чтобы помочь тебе, Надя. И я думаю, у тебя все получится. Иди примерь, потом подпишешь бумаги, я дам тебе твой аванс, и поехали.

От ее слов быстрее забило сердце. Да, конечно, у меня все получится, не может не получиться, это ведь такой шанс, такой невероятный шанс.

Пока я доставала вещи из пакета, Лариса вышла за дверь и до меня доносились обрывки ее фраз.

– Я в ужасе, Гоша. Я не нервничаю, а я в ужасе!... Плохо понимаешь?..... Ты же знаешь, какой он!... Нельзя было так... У меня бы спросил... Предложи другую... Две других. Три, твою мать!... Эту? Ясно! Ну ты и козел!

Я достала из пакета темно-бордовое платье до колен, туфли на шпильках, черное нижнее белье. От непонимания округлились глаза. Когда Ларса вернулась в кабинет, я крутила в руках кружевной лифчик. А она нервно выдохнула и закурила тонкую длинную сигарету.

– Что такое? Я ошиблась с размером?

– Нет... но... зачем горничной все это?

Выдохнула быстро дым и посмотрела мне в глаза из-под длинных накладных ресниц.

– Это приличный дом, и людей туда берут приличных и со вкусом одетых, ясно? А не в тех бомжацких тряпках, в которых ты пришла.

Она почему-то злилась и нервничала, и ее нервозность передавалась мне. Но на столе лежал конверт с деньгами, и я решила, что перетерплю. Что важнее работа, которую она мне выбила. Быстро переоделась, даже не глядя на себя в зеркало, а Лариска окинула меня каким-то странным взглядом, так, наверное, породистых кобыл рассматривают.

– Обалдеть, Самойлова. Реально обалдеть. Как можно было такую красоту прятать под этим бесформенным барахлом? Будь у меня побольше времени, я бы, может, тебя моделью пристроила, а так... Все, ладно. Подписывай, и тебя отвезут на встречу... на собеседование.

Сунула мне два листа бумаги.

– Я все же хотела бы почитать.

Глаза Ларисы вспыхнули, и она нервно постучала по столешнице. В этот момент зазвонил мой сотовый. Я быстро достала его из сумочки и ответила.

– Да, мам... да.

– Снимки Митины пришли, Надь.

Голос глухой, дрожащий и слышно, что плакала она. Я выпрямилась на стуле, а Лариса мне подсунула шариковую ручку.

– И что там?

Мама всхлипнула.

– Опухоль. Пока не знают какая – злокачественная или доброкачественная. Надо в город соседний везти, там частную клинику открыли недавно. Светлана Анатольевна очень рекомендует, там знакомый

ее нейрохирург работает.

В тишине голос мамы разносился по всему кабинету, и Лариса поскребла ногтями по конверту, привлекая мое внимание.

– Повези, мам, обязательно. Я тебе деньги переведу.

– Это большие деньги, дочка. Я узнавала... Господи, что делать, а? Я тетке твоей звонила, отцовской сестре – она обещала занять немного и...

В этот момент я поставила две подписи и протянула ручку Ларисе, а она подвинула ко мне конверт.

– Не надо никому звонить – мне дали аванс. Я положу тебе деньги на карту, и вези Митю в клинику. Попроси соседей – дядь Петя точно сможет отвезти вас. Заплатишь ему за бензин.

Я закрыла старенький сотовый и хотела положить в сумочку, но Лариса отобрала ее у меня и достала из пакета другую – бордовую с серебристыми вставками.

– Эта подойдет больше. И давай все же попробуем что-то навертеть с твоими волосами.

– Стричь не дам!

– Ненормальная. Стричь и не надо. Я сама тобой займусь, нет времени звать всяких парикмахеров и визажистов. Хотя не мешало бы.

Через час Лариса повернула меня к зеркалу, но мне было наплевать, что там она нарисовала мне на лице и какую прическу соорудила. Я думала о словах мамы и искренне надеялась, что опухоль не злокачественная. Пусть нам повезет и ей там скажут, что у Мити есть шансы выкарабкаться.

– Посмотри на себя. Вот это другое дело. Куколка.

Я ожидала увидеть разукрашенное пугало, но макияж был аккуратным и очень естественным, при этом мое лицо действительно напоминало кукольное, а волосы распущены и собраны заколкой так, чтобы подняться до бедер.

– Нравится?

– Да. Очень хорошо получилось. Не ярко. Не люблю ярко.

– Я курсы визажиста закончила. Мечтала стать моделью, но меня не брали, и я готовила к показам девчонок. Потом встретила на одном из дефиле в столице Гошеньку, и он женился на мне. Сделал из меня такую, как я сейчас, красавицу для себя и на подиум не пустил.

Я так и не поняла – жалеет она об этом или нет.

– Так, ладно, пошли. И запомни – ты еще будешь мне благодарна за все. Я все сделала только для тебя!

Я быстро закивала и сжала ее руки.

– Прости. Я просто сильно нервничала. Спасибо тебе огромное. Ты

очень много сделала для меня, и правда. Я безумно тебе благодарна.

– Вот и хорошо. Поезжай. Тебя отвезет наш водитель. Аааа, документы пока оставь, я оформлю тебе трудовую карточку от нашего агентства.

– Паспорт?

– Да, паспорт, свидетельство о рождении. Я забыла записать, дурья моя башка. Кажется, даже в договор не внесла. Я верну тебе документы в выходной – заеду как раз небольшую проблемку уладить с мадам Ведьмой.

Я протянула ей паспорт, и на ее лице появилась широчайшая улыбка... но глаза все же не улыбались.

– Еще увидимся и, если что, звони мне. Любую проблему можно уладить. Хорошо?

– Конечно. Ты меня проведешь?

– Нет, снаружи стоит Валера – твой водитель и сопровождающий. Он отвезет тебя на место. Ну все. Удачи.

Чмокнула меня в щеку. Точнее, воздух у моей щеки. В коридоре меня, и правда, ждал парень в аккуратном деловом костюме, сложив руки за спиной. Я обернулась на Ларису, а та помахала мне рукой и подмигнула, но, когда я обернулась еще раз – она уже кому-то звонила и нервно захлопнула дверь в кабинете.

ГЛАВА 3

Тот человек мне гадок,

В ком мысли гнусные, язык же льстив и гладок.

© Уильям Шекспир

Я ощущала себя Золушкой, ну приблизительно. Потому что у меня уже очень давно не было обновок, я не ездила в такой шикарной машине и у меня никогда в сумочке не лежало столько денег. Не важно, что мне нужно будет их отправить маме... точнее, именно это и важно. Не важно, что они не останутся у меня. Вместе с эйфорией в голове пульсировал страх. Вспоминались слова Ларисы о хозяйке дома. И сердце вдруг сжалось очень сильно, а вдруг я ей не понравлюсь и меня рассчитают в первый же день? Тут же стало нехорошо. Я разнервничалась и тяжело выдохнула. Водитель бросил на меня взгляд и резко отвел его в сторону. Восковой манекен. Ни одной эмоции на физиономии и перчатки белые на руках.

Я отвернулась к окну, глядя на проносящиеся мимо загородные

пейзажи. Хотя бы на пригород посмотрю. На столицу не получилось. Хотя я так давно мечтала. Ничего, в следующий выходной обязательно съезжу и погуляю по городу. Щеку приятно щекотал мех полушубка. Надо же – полушубок. У меня была лишь теплая стеганая куртка и то уже лет пять одна и та же с подстежкой, которую снимали весной и осенью. Мама ее уже и зашивала, и змейку меняла, и карманы новые пришила со своей куртки. А сейчас на мне какие-то вещи совсем из другой жизни. Из той, что по телевизору показывают или в книжках пишут. Иногда ловила свое отражение в зеркале заднего обзора и моментами мне казалось, что это не я. Та девушка мало на меня была похожа. И... она впервые мне нравилась.

«– У тебя такие красивые большие голубые глаза, Самойлова. Ты должна непременно подчеркивать их и скулы эти. Ты не представляешь, сколько за ними бегает к пластическим хирургам, а губы – полные и сочные. Я бы их только блеском красила. Но волосы надо обрезать. Они, конечно, шикарные, светло-русые, но вот эти твои косы, как село какое-то».

Голос Лариски звучал в голове, а я тронула пальцами скулы – лицо, как лицо. Мужчины меня особо вниманием не баловали. Может, потому что я не думала об этом или не замечала. Светлана Анатольевна говорила, что я закрыта для знакомства. Замкнутая. И я их пугаю своей холодностью.

«Ледышка ты, Надька. Бесчувственный кусок льда. Влечешь, а потом отталкивает от тебя, как от морозильника. Красивая и холодная. Вера горячая, как огонь, а ты – труп. Лучше ее трахать после ее всех хахалей, чем тебя пытаться хоть немножко разогреть. Даже целка твоя на хрен не нужна. Кривишься брезгливо, и не стоит у меня на тебя».

Я тогда ударила Стаса по физиономии и плакала в туалете у раковины. Потому что он мне нравился. Очень нравился. Я думала, у нас что-то получится. А потом с лаборанткой его увидела – зажимались на лестнице. Было больно. Точнее, обидно. Что такое боль, я еще не знала. Тогда.

Какой наивной и хорошей девочкой я ехала в Багровый закат. Да, этот дом назывался именно так. И от этого названия становилось так волнительно внутри. Перед глазами возникал дворец из сказки на высокой горе, освещенный розовыми лучами солнца. Идиотка. Я знаю. Но девочки, которым никто не делал больно, верят в сказки и в принцев. Я тоже верила. Мне еще не встречалась грязь этого мира, не встречались подлые и страшные люди. Те, кто были рядом, любили меня.

Я даже представить не могла, насколько красивым и живым окажется этот дом на самом деле. По началу он мне показался именно таким – живым. Потом я начну думать совсем иначе. Огромный и величественный из красного камня, действительно похож на дворец. И еще багровый

потому, что стены усадьбы летом увиты мелкими дикими алыми розами. Потом... спустя месяцы, я увижу эту мрачную красоту своими глазами. Ну и, конечно, знаменитый закат, который очень часто и зимой, и летом окрашивал всю местность в ярко-алый цвет.

Дом находился на утесе и был окружен лесопосадкой, как оказалось потом – заповедником, принадлежащим хозяину дома.

Я зачарованно смотрела на окна верхних этажей – лучи заходящего солнца, попадая на стекла, преломлялись, и получалось, что верхние этажи окружены алым сиянием. Думаю, это был какой-то фокус в самом стекле. Но зрелище впечатляющее, особенно снизу с дороги и на фоне снега.

Машина подъехала к массивным воротам, и те разъехались в разные стороны. Я снова начала нервничать, стиснула вспотевшими ладонями сумочку.

Передо мной учтиво распахнули дверцу, подали мне руку, помогая выйти, и провели в дом.

Даже не успела заметить, кто взял у меня полушубок и шарф. Я просто замерла и осматривалась по сторонам с открытым ртом. Ничего подобного я никогда в своей жизни не видела. Он был огромен, этот дом. Он был невероятно огромен, как снаружи, так и изнутри. И все убранство вокруг походило на музей... Мне было не с чем сравнить, но именно такими я представляла себе старинные особняки. Я стояла и хлопала ресницами, будучи не в силах глотнуть воздух, задрав голову, посмотрела на высокие потолки гостиной, у меня от узоров и зеркальной мозаики закружилась голова.

– Я прошу прощения, – меня окликнули, и я резко обернулась – передо мной стоял мужчина в таком же элегантном костюме и белых перчатках, как водитель. – Вас ожидают в другом крыле дома. Я проведу.

– Кто ожидает? Хозяйка дома?

– Нет, хозяин дома.

На лице ни одной эмоции, ни улыбки, ни презрения – ничего. Хозяин? Разве Лариса не говорила, что всем занимается его мать? Хотя, может, так даже лучше. Мысли о старой злобной ведьме пугали гораздо больше, чем мысли о ее сыне.

Наивная дурочка. Вот прямо сейчас надо было бежать отсюда без оглядки. Но я лишь озиралась по сторонам и с ужасом думала – как вот это все можно убирать и какой штат прислуги находится в этом доме? Пусть мне дадут какое-нибудь там крыло с парочкой спален и буду тихонечко наводить там порядок. Я же здесь потеряюсь.

– А меня Надей зовут.

Едва поспевая за... не знаю, кем он приходится в этом доме. Мне похож на тупого истукана, который проигнорил мой вопрос. Не очень-то они здесь гостеприимные и дружелюбные.

– А где комнаты для прислуги? Эй, вы меня слышите? Я с вами разговариваю.

На меня бросили странный взгляд, как на раздражающий элемент интерьера, но опять не ответили. Ладно, у всех свои причуды. Может, ему нельзя со мной разговаривать или он просто придурок. Второе больше было похоже на правду..

Коридоры казались мне бесконечными, а туфли на шпильках беспощадно жали ноги. Я все так же осматривалась по сторонам – внутреннее убранство дома всех оттенков бордового цвета. Очень красиво смотрится в сочетании с черной мебелью. Я словно попала в другой век, немного корбило от чучел голов животных. Они так низко висели на стенах, что, казалось, их стеклянные глаза смотрят прямо на меня, и мне было их ужасно жаль. Когда я была маленькая, отец принес с охоты зайца... После моей жуткой истерики мы его отпустили.

Внутри дома солнечный свет не попадал, все окна плотно занавешены тяжелыми шторами и на стенах горят электрические свечи в подсвечниках. Полумрак мне казался приятным, но в то же время почему-то заставлял обращиваться на удлинённые тени.

Это дом или лабиринт? Он же нескончаемый. Едва я об этом подумала, как передо мной открыли двойную дверь и впустили меня внутрь небольшой залы. Похоже на зал ресторана, только маленького. Такой же приглушенный свет, как и во всем доме. Я не сразу обратила внимание, что за столом кто-то есть, а когда услышала мужской голос, сильно вздрогнула:

– Надежда, если не ошибаюсь? Какое... интересное имя. Я бы сказал, говорящее. Девочка с солнечными волосами... При выборе меня поразили именно они.

Дар речи я точно потеряла и плохо соображала, что именно мне говорят.

Воздух сильным вздохом попал в легкие, а вот выдохнуть я уже не могла. Потому что узнала того мужчину... из телевизора. С тигриными глазами. Судорожно сглотнула и стиснула сумочку до хруста пальцев. Он встал из-за стола. Положил салфетку и не торопясь пошел мне навстречу. Каждый шаг – удар сердца в горле. Шаг-удар, шаг-удар. В нем настораживала даже походка. Она казалась мне хищной, словно зверь неумолимо крадется ко мне. Захотелось попятиться к двери. И это было самое правильное ощущение. Может быть, если бы я тогда попыталась

уйти... Но я не попыталась. Ведь он подошел вплотную, и мне в ноздри ударил головокружительный запах парфюма и сигар. В пепельнице как раз дымилась одна из них. Вблизи ощущение мощной энергетики этого человека усилилось в тысячи крат. Он завораживал голосом и взглядом этих адских глаз. Вблизи я видела, что это не линзы – это его цвет. Роман Огинский. Я всегда плохо запоминала фамилии и имена, а вот его имя тут же всплыло в памяти. Нет, я его не слышала. А увидела. Огненные буквы, тающие в воздухе. И я не ошиблась, он не высокий, не намного выше меня, но при этом занимает все пространство вокруг себя. Каждое движение, поворот головы, слегка удивленный взлет бровей вверх.

Подавляющая харизма... и взгляд. Невыносимо тяжелый. Из-под широких век с длинными ресницами. Он проникает под кожу. Очень медленно. Очень осторожно. У него мужественное, выразительное лицо, привлекательное не красотой, а каким-то дьявольским магнетизмом. Он обошел вокруг меня, заставляя нервничать и тяжело дышать, впиваясь в сумочку все сильнее, и остановился напротив. Чуть закинув голову назад, смотрит на меня, улыбаясь уголком рта. И у меня начинают ползти по коже мурашки от этого взгляда. Мне нравится и не нравится одновременно. Но отвести глаза я просто не в силах... смотрю жадно и ничего не могу с собой поделать. Я не встречала таких мужчин никогда.

Мне он казался красивым, жутким и каким-то из совершенно другого мира. Даже из другой Вселенной. Светлая рубашка с распахнутым воротом открывала сильную мощную шею с ровным золотистым загаром и оттеняла его угольно-черные волосы. Кожа казалась гладкой и горячей. Да, от него исходил жар. У меня даже руки согрелись. Как говорила ординатор Ниночка – «да это же ходячий секс». И именно сейчас я поняла весь смысл этого словосочетания. И впервые в жизни у меня пересохло в горле.

– Добро пожаловать в Багровый закат. Тебе понравился дом, Надяяяя?

Я кивнула, все еще глядя в его янтарные глаза.

– Очень хорошо, – он улыбнулся, сердце забило быстрее, потому что улыбка совершенно преобразила его лицо. Оно стало по-мальчишески озорным. Возле глаз появились морщинки, а зрачки заблестели. Я улыбнулась в ответ. А он вернулся к столу, взял дымящуюся сигару, потянул в себя дым, выпустил несколько колец в мою сторону, склонил голову к плечу и отчетливо вот этим своим спокойным голосом сказал:

– А теперь раздевайся.

Я втянула воздух и на выдохе переспросила:

– Ннне поняла?

– Сначала трусики. Не спеша. Потом платье и лифчик. Чулки не

трогать. Ну! Я жду!

Тяжело дыша, я попятилась назад. Ошарашенная. Едва удерживая равновесие на дрожащих ногах. А с его лица исчезла улыбка и глаза сверкнули как-то совершенно по-звериному, даже ноздри затрепетали.

– Эээто шутка какая-то?

– Разве похоже, что я шучу? Снимай свои тряпки, Надя. Я хочу видеть тебя голой. Сейчас.

ГЛАВА 4

У каждого безумия есть своя логика.

© Уильям Шекспир

Меня никогда раньше не унижали. Особенно мужчины. Особенно вот так. Вся краска сначала прилила к лицу, а потом отхлынула назад, и от злости задрожали кончики пальцев. Он что, решил, раз я устраиваюсь горничной, то со мной можно вот так? Что если я не его сословия, то уже заведомо шлюха? Я смотрела на наглого и самоуверенного ублюдка, и мне становилось все тяжелее и тяжелее дышать. Я никогда не оказывалась в такой ситуации... но я еще не боялась его. Где-то внутри остался трепет от дикого взгляда Огинского и от нечеловеческого магнетизма, обволакивающего собеседника, как паутина. Словно он обдумал каждый свой жест и каждое слово. И что еще хуже – он знал наперед, как на нихотреагируют. Но был момент, когда мне вдруг показалось, что он в недоумении. Ровно секунду.

– С чего это? – спросила и сделала несколько шагов назад. – Вы что себе позволяете?

Его брови вздернулись вверх, и он ухмыльнулся. Больше мне его улыбка очаровательной не казалась. Она, скорее, походила на оскал, открывающий сбоку ряд ровных белых зубов. На какое-то мгновение мне стало страшно. Вспомнились журналисты, которые явно его боялись. С их-то профессией. Продолжая мерзко улыбаться, он сделал несколько шагов мне навстречу. Молча. Так же, как и я молча двигалась назад. Улыбка стала хищной, а глаза сузились и осматривали меня с ног до головы. Идет на меня, закусив ножку сигары зубами, и расстегивает на ходу светло-бежевый пиджак. Я с ужасом подумала о том, что я не помню, как бежать до выхода из этого дома. Я ведь даже не смотрела, какими коридорами вел меня Истукан в это крыло.

Огинский грациозно отшвырнул пиджак на пол, а я оступилась и чуть не упала, продолжая двигаться к двери и чувствовать, как на спине выступают капельки пота и становится тяжело дышать.

– Что... что здесь происходит? Я... закричу.

И глаза снова вспыхивают жутким блеском. Он мне не отвечает, но у меня ощущение, что его заводит все, что я говорю. Каждое слово вызывает очередную усмешку, а пальцы расстегивают рукава рубашки, отутюженной до идеала, со стоячим воротничком, тронешь – захрустит.

А мне становится все страшнее с каждым его шагом. Это ведь не игра. Совсем не игра. Не флирт. Не шутка. Меня явно приняли за ту, что не прочь вместе с уборкой спальни ублажать и ее владельца. Я уперлась спиной в стену возле двери.

– Не подходите ко мне! Вы что – чокнутый? Чего вы от меня хотите?

Глупый вопрос после того, как мне русским языком сказали раздеться. Он приблизился вплотную ко мне, все так же удерживая сигару зубами, сощурился от дыма, а я лихорадочно шарила по двери в поисках ручки. Вытащил сигару двумя пальцами и приблизил свое лицо ко мне, демонстративно шумно втягивая мой запах и медленно выпуская дым мне в шею. Щекотно, и в то же время, помимо страха, появляется странное томление вблизи от его рта. Противоречие на противоречии. Когда одна часть меня дрожит от ужаса, а вторая замирает от его близости. Но ведь это не флирт, Надя! Этот ублюдок считает, что в праве с тобой так обращаться!

– Женщиной... от тебя охрененно пахнет женщиной. Это такие духи? Или это запах твоей кожи?

У него очень глубокий голос. Он и успокаивает, и дразнит, и пугает одновременно. Коктейлем адских эмоций на грани.

– Зачееее? – тихо спрашиваю я, продолжая шарить пальцами у себя за спиной. Роман сжимает резко челюсти и смотрит мне прямо в глаза, бросает сигару на пол и давит носком туфли. Но не дает отвести взгляд. Внезапно в его пальцах появляется зажигалка. Он что, снова собрался курить? Но Огинский вдруг подхватывает лямку моего платья на плече.

– Не двигайся, – все так же вкрадчиво произносит он, вспыхивает огонь, и он подносит его к материи. От ужаса я всхлипнула и вся сжалась.

– Одно движение, – шепчет, а в зрачках пляшут языки от зажигалки, как дьявольское пламя на костре для грешников, мне даже кажется, что они корчатся внутри его расширенного зрачка. Души женщин, которых он сжег. – И ты вспыхнешь как факел, Надежда, – опять этот оскал с подрагивающей верхней губой. Так чувственно и дико одновременно. О, божее! Боже! Он маньяк. Он чокнутый психопат!

– Горящая Надежда. Так символично... ведь никто раньше не видел, как она горит, но все однажды ее лишались. А сколько раз мы сжигали ее сами, но ни разу не видели, как она полыхает.

Говорит словно сам себе и проводит языком по губам. От страха, что он обожжет мне плечо, я не могу дышать, а он жжет материю, наслаждаясь моим ужасом, то глядя мне в глаза, то на огонь.

– Я ведь просил все это снять... Просил. Плохая девочка Надя. Тебя не подготовили к этой встрече? Не сказали, что ты должна со всем соглашаться и делать, как я сказал? Не сказали, что иначе можно сильно пострадать?

Кто подготовил? О чем говорит этот ненормальный? Кто должен пострадать?

– Я хочу уйти... отпустите меня, пожалуйста.

– Уйдешь, – хрипло отвечает он, не сводя взгляда с моей груди, и, отшвырнув зажигалку, рвет корсаж платья от горла до пояса, – мне начинает надоедать эта игра, малышка.

Дернул меня за плечо, привлекая к себе.

– Стань раком и оттопырь задницу. Хватит ломаться. Я целок не заказывал!

От его слов внутри все переворачивается и вместе с ужасом поднимается волна дикой ярости.

– Ты больной урод! Я тебе не шлюха!

Он хохочет. Внезапно. Громко и оскорбительно, запрокинув голову назад, а я вижу, как дергается его кадык, и мне хочется ударить богатого подонка. Но он вдруг силой впечатывает меня в стену так, что я больно ударяюсь затылком.

– А кто ты? М? Какого хера ты вырядилась в тряпки, которые я оплатил вплоть до трусов, и приперлась ко мне в дом? Поговорить о звездах? Ты пришла, чтоб тебя здесь оттрахали. За деньги. Так кто ты? Шлюха!

Отшвырнул мои руки, сжимающие разорванный корсаж, и зарычал, увидев мою грудь под черными кружевами, а я от страха громко всхлипнула. Схватил пятерней за лицо, приблизив свое почти вплотную.

– Это было бы забавно, если бы я этого хотел. А я желаю полного подчинения. Поэтому становись на колени и ползи к столу, я хочу посмотреть, как ты ползаешь, малышка. Если ты мне понравишься – завтра мы поиграем в целку, я обещаю. Ты поорешь для меня, когда я буду тебя рвать на части, как сучку.

Наверное, у каждого есть предел. Какой-то предел страха, предел

унижения собственного достоинства, тот предел, когда внутри взрывается ядерная бомба и становится на все наплевать кроме желания разодрать обидчику лицо. И я так и сделала – впиалась ему в скулу ногтями, изо всех сил отталкивая от себя, пнула каблуком чуть ниже колена и, дернув ручку, бросилась прочь из залы. На ходу снимая туфли, швыряя их куда-то назад, помчалась к лестнице, сломя голову вниз. Позади меня взревел Огинский, как раненый зверь. Я вскинула голову, не прекращая бежать, увидела, как он выскочил в коридор и проехался к пролету, скользя по мраморному полу своими начищенными до отвратительного блеска туфлями. Повел пальцами по щеке и посмотрел на окровавленную ладонь, а потом расхохотался, как псих. Мне стало не просто страшно, а у меня от ужаса все в желудке скрутилось в узел.

– Беги, солнышкоооо, бегиинии, – заорал он. И меня словно хлыстом полоснуло. Надо не просто бежать. А мчаться отсюда сломя голову.

Я бежала вниз, через ступеньку, подворачивая лодыжки, чувствуя, как свалилась с волос заколка и они бьют по спине и по бедрам. Нескончаемые коридоры и повороты назад, в страхе, что догонит, но за мной никто не гнался. Я должна была понять, что это странно, но во мне бурлил адреналин. Он зашкаливал. Я тыкалась из угла в угол в поисках выхода. Нет, не кричала. Мне казалось, что, если закричу, меня обязательно догонят. Стены дома начали давить на меня, а волосы цеплялись за чучела. Сбиваясь с ног, я выдирала их клочьями, рыдая от страха, пока не нашла какую-то дверь и, толкнув ее, не оказалась на улице. Холодный воздух волной ударил в разгоряченное лицо. Как жутко снаружи. Все освещено бордовыми лучами. Он точно больной на всю голову, этот Огинский. Он не в себе. Как Лариска этого не знала. Я должна выбраться отсюда и все ей рассказать.

О, божеее! Я на улице! Да! Босиком по снегу, прочь от этого проклятого места к дороге. Но дороги с этой стороны дома не оказалось, только калитка в массивном заборе, ведущая в сторону лесопосадки. Я толкнула ее изо всех сил, но она была незапертой. Вспомнила, что за посадкой проходит трасса. Надо бежать туда. Может, я увижу машину... поймаю попутку, доберусь в город.

Вначале я не чувствовала холода от взорвавшегося в венах страха и адреналина после борьбы с чокнутым психом. А потом вдруг почувствовала, как порванные чулки прилипают к обледенелой тропинке. И я бегу среди деревьев в сторону дороги, с трудом различая в свете фонарей от дома эту протоптанную кем-то дорожку. Только бы выбраться к трассе.

Где-то вдалеке послышался лай собак, а потом в усадьбе выключили

свет, и я оказалась в крошечной тьме. Оглядываясь по сторонам расширенными глазами и выдыхая клубы пара, я начала дрожать. В тишине отчётливо слышала собственный стук зубов. Лай собак начал приближаться, а у меня от ужаса по щекам потекли слезы. Вместе с осознанием – он не отпустит. Он играет со мной. Спустил по моему следу собак... и дверь, и калитка были открыты именно для этого, чтобы гнать меня по лесу как животное. Как их... чьи головы висят у него в коридоре. Мамочка... куда я попала?

ГЛАВА 5

Я — это я, а вы грехи мои

по своему равняете примеру.

Но, может быть, я прям, а у судьи

неправого в руках кривая мера...

© Уильям Шекспир

Азарт, вот что я почувствовал, когда ее увидел. Нет, не у себя дома. А намного раньше на видео и на фото, которые прислал мне Гоша. Внутри что-то щелкнуло. Я даже услышал этот щелчок. Мгновенный интерес, когда по телу проходит судорога предвкушения. Что-то в ней было такое неуловимо притягательное, заставляющее взвиться от желания взять и мять, разбирать, изучать, ломать и собирать заново. Она слишком настоящая, естественная не вытягивает в камеру губы, не принимает поз озабоченной самки богомола с раскоряченными ногами или оттопыренной задницей с прилипшим к спине животом. Меня такие не возбуждали уже давно. Я любил охотиться сам. Играть. Вот таких вот инстаграмных копи-пейстов вокруг был океан. Помани пальцем – и отсосут прямо на лестнице любого заведения, а то и на улице при камерах, лишь бы считаться девушкой Огинского. Смотрят как на бога, раззявив одинаковые рты, а в глазах доллары, как на игровых автоматах, щелкают. У меня на таких не стоял с тех пор, как я заработал свою первую сотню тысяч зелени. Сам. Первая сделка и бинго. Отец тогда подарил мне золотой портсигар и трехкомнатную квартиру, а сотню сказал вложить опять в оборот. Мой отец был умным сукиным сыном, и я всегда был похож на него, чем иногда

гордился, а иногда люто ненавидел нас обоих. Особенно после того, как первый раз увидел его с другой женщиной. Мне было лет четырнадцать, я вернулся со школы, а он трахал мамину лучшую подругу на нашем обеденном столе. Я хорошо запомнил, как ритмично двигались его бедра, бряцала пряжка на приспущенных штанах, и сучка, которая еще вчера обнимала и целовала мою мать в обе щеки и называла «моя любимая Любочка», выла под моим отцом и грязно материлась, сжимая столешницу тонкими пальцами с ярко-красным лаком.

Отец увидел меня в отражении в окне на фоне темных штор, подмигнул и продолжил осатанело вбиваться в полное тело Анечки. Да, эту сорокалетнюю пышку они с моей мамой называли Анечкой. Потом он мне втирал, что это естественные физические потребности, что это как сходить в ресторан или справить нужду на улице и что все бабы – шлюхи и готовы раздвинуть ноги, если помахать у них перед носом стопкой зеленых бумажек. Он, конечно же, был прав.

Но тогда я видел, как мать рыдает по ночам в подушку, как замазывает синяки под глазами от бессонницы и пьет свои бесконечные антидепрессанты. Но она скорее бы отрезала себе язык, чем показала ему, что знает о нем с Анечкой. И я ее понимал. Потому что пока ты не знаешь о предательстве или делаешь вид, что не знаешь, ты еще не вывалян в грязи настолько, чем когда знал и закрыл на это дерьмо глаза. Ты еще хоть немного себя уважаешь. Самое паршивое в этой жизни – это потерять самоуважение. Пока ты сам себя уважаешь – тебя уважают и другие. Впрочем, мне всегда было плевать на других и на их мнение. Когда начинаешь интересоваться – кто и что о тебе думает, ты перестаешь быть личностью, а становишься еще одним примером шаблона, по которому принято жить, чтоб у других от шока или зависти челюсть не отвалилась. Мне было насрать на чужие челюсти и на то, как их владельцы спят по ночам, считая моих женщин и мои деньги. Потому что и того и другого у меня было до хрена.

Меня называли отшельником не потому что я был одинок, а потому что я был всегда один. Чувствуете разницу? Мне не нужна была толпа шутов и свита. Я предпочитал тишину и уединение вечеринкам и приемам. И устраивал их лишь по большой необходимости. Но иногда мне становилось скучно, и я хотел поиграть. Тогда я звонил Гоше.

Анечку я трахнул спустя пару месяцев на своем дне рождения. Она сильно не сопротивлялась, развернулась задом, наклонилась и призывно прогнулась. Кажется, эта поза стала моей любимой с тех самых пор. Вроде как говорят, что своих самых первых помнишь всегда. Это правда, я

помнил Анечкин зад и ее груди с сосками разного размера. Это все, что я в ней запомнил. Мне не нравилось ни то, ни другое. С тех пор я всегда любил маленькую грудь. Хотя я, несомненно, не гнушался всеми возможными и практически невозможными позами, в которые можно поставить, нагнуть, уложить или усадить свою любовницу или шлюху.

Мамина подруга недолго была нашей общей с папой любовницей, и в отличие от меня, он не знал о том, что я ее трахаю до него и никогда после.

Она его бросила ради меня, потому что я поставил ей такое условие. Ооооо, Анечка согласилась бы на что угодно, извиваясь подо мной, как прибитая гвоздями к столешнице бабочка, ведь у ее нежного горлышка подрагивало лезвие бритвы, и я с каждым толчком рассказывал ей, как перережу его от уха до уха, если она откажется бросить моего папочку, когда я произнес последнюю угрозу и сжал двумя пальцами ее клитор, она кончила, закатывая глаза, проклиная меня и называя конченным психом. Мне было плевать, что она думает по этому поводу, я заткнул ей рот членом и толкался в ее горло пока не залил его семенем.

Анечка сказала Огинскому-старшему, что бросает его ради меня, и папочка был ошарашен, он даже назвал меня сопливым ублюдком. На что я ответил улыбочкой и заверениями, что моя ублюдочность лучше любого теста днк доказывает, что я его сын. Урок был усвоен. Он больше никогда не трахал своих шлюх так, чтоб и я, и мама знали об этом. После Анечки я расширял и углублял свои познания в сексе всеми доступными мне способами, а иногда и недоступными.

Уже в универе я любил заполучать в свою постель этих тупых идиотов. Не умеющих держать ноги сдвинутыми и мечтающих о богатеньком лошке, покупающем им тачки и смартфоны. Только после меня их не могло утешить ни то, ни другое. Потому что я ломал их мечты. Я играл не по их правилам, а только по своим. Они мечтали больше никогда обо мне не вспоминать, а были и такие, кто не хотели вылезать из моей постели. Кому как повезло.

Я понял лишь одно – отец был прав, их можно покупать пачками. Всех! Вопрос только в цене. Захотел – заплатил – взял.

Огинский-старший развелся с матерью, когда мне было почти двадцать и собирался жениться на молодой породистой сучке-фотомодели. Но не смог... потому что на ней женился я, а он умер в тот же вечер от кровоизлияния в мозг. Оставив мне все свое многомиллиардное состояние. Впрочем, женатым я пробыл недолго. Моя милая женушка скончалась

через год после свадьбы в этом доме. Вскрытие показало в ее теле наличие чужой спермы и кокаина. Через неделю любовник моей покойной супруги сгорел заживо у себя в однокомнатной хрущёвке. Конечно же, это был несчастный случай. На этом мой опыт женатого мужчины и завершился.

С тех пор я стал распущенным, избалованным сукиным сыном, который больше всего на свете обожал игру. Азартную игру. Высокие ставки. Интерес, предвкушение и адреналин. Когда у вас есть огромные деньги, вам становится невероятно скучно, а люди предсказуемы до оскомины на зубах. Вы знаете наперед, что они думают, что скажут, чего от вас хотят.

И вдруг мне впервые стало интересно. За долгие годы нескончаемой вереницы шлюх на одно лицо. Нет. Они были разными. Я никогда не выбирал один и тот же типаж. Я же не маньяк. Да, псих. Да, извращенец. Но не маньяк. Я почему-то никогда не мог вспомнить, как они выглядят и как их звали. Едва очередная игрушка переступала порог моего дома и уходила, я забывал даже – какого цвета были ее волосы, и не важно, что каких-то полчасика назад она стояла на коленях и исступленно брала у меня в рот, а я впивался в женские волосы пальцами и насаживал ее на свой вздыбленный член... Хотя нет. Было у них нечто общее – я любил, когда у них длинные, шелковистые, натуральные локоны. Вот что было моим фетишем. Редким. Потому что сейчас невозможно найти натуральную. Все поддельное. Иногда становилось не по себе от мысли, что мне могут подсунуть и не женщину вовсе, а гениальную работу хирурга по смене пола. Я требовал натуральности. Это был единственный важный критерий при отборе новой игрушки. Я хотел эстетически наслаждаться, а не угадывать – что и где она подкачала силиконом и не лопнут ли ее импланты, если я сильно сдавлю ее грудь.

Мне одинаково нравились все и не нравился никто. Бывало, я не нуждался в игрушке годами. У меня были обычные любовницы, с которыми я появлялся перед папарацци. А потом накрывало, и я звонил Гоше. Так называли этого элитного сутенера, который находил девочек из любого уголка мира и на любой вкус.

Один взгляд на эти длинные светло-русые волосы и на тонкий овал лица с невинными огромными голубыми глазами, у меня тут же встал. Я ждал ее приезда. С предвкушением и болезненным стояком. Меня возбуждало даже цоканье ее каблуков по коридору. Я представил, как она голая будет так же цокать ими по этой зале, отражаясь в мраморе пола.

Но эта сучка начала играть в какую-то странную непонятную мне игру. Словно не видела, как меня повело от нее и как я хочу ее трахнуть. Игру в

оскорбленную невинность. Первой реакцией было взять за затылок, опустить на колени и заткнуть ей рот самым естественным способом. Но меня что-то остановило. Наверное, вот это смятение в ее глазах. У меня от него быстрее забило сердце и налился кровью член. Я смотрел, как она сопротивляется, а сам жадно жрал взглядом ее кукольное лицо, розовые губы и длиннющие ресницы. Красивая игрушка. Безумно красивая. Хрупкая. Белоснежная. Ее кожа молочного цвета с просвечивающей сеточкой вен и эта грудь в обрамлении черных кружев, и торчащие маленькие соски. Я видел их очертание под ажурными узорами, и у меня покалывало кончики пальцев от желания сдавить их и посмотреть, как распахнутся глаза этой юной грязной куколки, которая так хочет казаться чистенькой.

Трогая кончиками пальцев раны на щеке, оставленные ее ногтями, я скалился, представляя, как она ими расцарапает мне спину, когда я буду долбиться в ее сочное тело.

Я смотрел, как открываются вольеры и выбегают наружу ротвейлеры. Строптивая шлюха оскорбила и разозлила меня. И мы с ней поиграем в мою самую любимую игру – догонялки. Она бежит, а я догоняю, чтобы схватить зубами и трепать насмерть перепуганную добычу. Мне нравилось видеть в их глазах страх. Когда они понимали, что перед ними не стандартный клиент, а я, ублюдок с огромными тараканами в голове, и со мной придется работать всеми частями тела, а не подсовывать мне свои дырочки и ждать, когда я их просто отымею. Это скучно. Иногда я мог их не трахать вообще. Мне хватало только игры. Я любил продумывать каждый пункт и отыгрывать с особой тщательностью.

За собаками я шел сам с фонариком и удавкой, чтобы оттянуть, если что, особо усердных. Но они были научены не трогать еду, пока я не разрешу. Игрушка была для них всего лишь едой, и, если бы я сказал «можно», они бы порвали ее на части и сожрали. Но, к счастью, я не поклонник хоррора и оторванных частей тела.

Холодный воздух приятно обдувал мое разгорячённое тело. Пока смотрел на камерах ночного видения, как она бежит от псов, спотыкаясь, натыкаясь на деревья, размахивая руками, мое дыхание и пульс учащались. Похоже, эта игра станет самой интересной за всю мою жизнь. Я шел по тропинке, не торопясь, докуривая очередную сигару и насвистывая... они загнали ее в маленький домик в самой глубине заповедника.

Тёмный, мрачный коридор,

Я на цыпочках, как вор,

Пробираюсь, чуть дыша,

Чтобы не спугнуть

Тех, кто спит уже давно,

Тех, кому не всё равно,

В чью я комнату тайком

Желаю заглянуть,

Чтобы увидеть...

(с) Король и Шут «Кукла колдуна»

Тихое рычание псов и всхлипывания Надежды... Хм. А я запомнил ее имя. Дал команду псам отступить. Нашел выключатель на стене, и помещение залил мягкий свет. Она зажмурилась и выставила израненные ветками руки перед собой.

А я смотрел на ее волосы солнечного цвета, и меня опять накрывало, как и на весь этот хрупкий облик, на лицо, залитое слезами. Вот и поиграли, маленькая.

– Вставай.

Смотрит на меня огромными глазами и не шевелится.

– Мне кажется, урок с непослушанием должен был быть усвоен. Или я ошибся? Мы можем повторить или изучить новый.

Отрицательно покачала головой и тут же встала. Платье превратилось в лохмотья, разорвалось сбоку по шву, и от вида стройной длинной ножки в порванном чулке я судорожно выдохнул и почувствовал, как дернулся напряженный до предела член. Содрал с нее остатки одежды. Когда щелкнул лезвием раскладного охотничьего ножа, она закричала, а я просто поддел лямки ее лифчика и отшвырнул его в сторону.

– Опусты руки.

Стоит, прикрывшись тонкими исцарапанными руками, скрестив их на груди и обхватив плечи дрожащими пальцами. И меня трясет от этого зрелища и от ее красоты. Эти волосы светлые и такие мягкие, тонкие, как облако.

– Опусты, я сказал.

Медленно опускает.

– Больной ублюдок.

Тихо, но я слышу... и мне плевать, потому что от вида ее голой груди у меня пересыхает в горле. От холода маленькие соски сжались и вытянулись. Мягкие очертание полушарий над ребрами и плоский нежный живот с аккуратным пупком завораживали. Потрогал кончиком пальца самую вершинку, обвел несколько раз розовые окружности и сдавил сосок. Девчонка всхлипнула, а я взял ее за подбородок и повернул заплаканное лицо к себе, продолжая натирать сосок большим пальцем. Вцепился взглядом в ее взгляд, удерживая и охреневая от того, какие у нее глубокие и отчаянно голубые глаза. Бездна неба и космос расширенных зрачков, а на пушистых ресницах дрожат слезы. Такая беззащитная, нежная, мягкая. Хочется одновременно и испачкать, и не трогать. До боли запульсировало в паху, и от напряжения начала подёргиваться вена на лбу. Мне надо было кончить. Немедленно. Сейчас. Вот так, глядя на нее вот такую трогательно чистую.

А потом взяла злость. Эта нежная, хрупкая и чистая взяла мои деньги и подписала контракт, в котором я по пунктам расписал ее добровольное оказание мне услуг интимного характера на протяжении всего времени, что она будет находиться в моем доме, в любое время суток и любыми способами, какими я пожелаю. И теперь ломает из себя загнанную овечку. Может, ее цена не устроила, или я не понравился. Потому что еще никто из игрушек не вел себя, как она. Никто не смотрел на меня с таким ужасом и презрением.

Взял ее за руку и потянул к своей оттопыренной ширинке.

– Расстегни. Я хочу кончить.

ГЛАВА 6

Мне казалось, что все, что происходит сейчас вокруг, не может быть реальностью. Не может. Так, будто ты находишься в каком-то гребаном зеркальном лабиринте, липкой паутине, мечешься, бежишь куда-то, суетишься, но все это – чья-то изошренная и тщательно продуманная игра. Игра человеческими жизнями. А мы, как пешки, снуем по этим коридорам, комнатам без окон и с сотней выходов, не зная, куда свернуть и что нас ждет в следующую секунду. Я не мог отделаться от ощущения нереальности происходящего. Потому что ни я, ни Карина не успели еще отойти от того, что происходило в кабинете врача, и тут этот звонок... “Приезжайте немедленно, Андрей Савельевич, Ваш отец мертв... Его убили...”

Убили, бл***!!! Под носом у десятков людей, охраны, среди белого дня... Что за ересь? Только они повторили это несколько раз. Он мертв. Еще утром все было иначе. Иначе, вашу мать. А сейчас все походило на чертовы руины, гребаный конец света, а ты среди всего этого хаоса пытаешься куда-то убежать, найти какое-то решения, делаешь вид, что ты бл***кий супермен, который спасет этот рассыпающийся в пепел мир.

Когда положил трубку, Карина сразу подскочила, поняла, что что-то произошло. Хотя я произнес всего несколько слов. Она просто знала это. Я сказал, что ничего серьезного, всего лишь очередные неполадки в делах, но она не поверила. Чувствовала... Промолчала, несмело кивнув... только мы оба понимали - скрывать это вранье долго не получится. Когда приехали домой, вошли внутрь, практически не разговаривая. Чувство опустошающего отчаяния после сеанса гипноза отнимало и силы, и желание думать о том, как быть дальше. Придет время, и оно ослабнет, отпустит из своих тисков, а сейчас нам осталось довольствоваться только надеждой. Хрупкой, слабой, неокрепшей. Но самое главное, что она у нас появилась... Лишь она позволяла сейчас держаться. Я крепко обнял дочь, так, словно больше всего на свете боюсь отпустить ее хоть на мгновение. Мы стояли посреди комнаты, все так же боясь нарушить тишину, пока мой сотовый опять не позвонил. Словно напоминая, что время вышло. Нет его больше. Я поцеловал Карину в макушку, а она пообещала, что выпьет снотворное и поспит, сам же пулей вылетел в сторону больницы.

Ехал и повторял сам про себя, что это какая-то ошибка, недоразумение, этого просто не может быть. Сколько людей говорят себе эти глупые слова, в которых скрыта последняя надежда, хотя каждый знает, что это самообман. Оттянуть еще немного время, оставить для себе эти несколько минут... чтоб подышать, потому что потом все рухнет. В один момент...

Я наконец-то взял в руки телефон. Ненавидел сейчас этот чертов аппарат, я, бл***, готов был разбить его вдребезги, словно от этого может что-то измениться. Я, черт возьми, не хотел больше никаких новостей. Более двадцати неотвеченных от Макса. Что за... Вспомнил потом, что во время сеанса выключил звук в телефоне. Представляю, в каком котле из мыслей и догадок варился брат эти пару часов. Набрал и уже знал, что на меня сейчас выльется поток брани... Кричи, Макс, кричи. Мне это нужно сейчас. Потому что потом орать будет трудно, каждый звук застрянет в глотке липкой глиной.

- Да, Макс....

- Граф, бл****. Я не знаю, что я с тобой сделаю, когда увижу, ты

какого хера не на связи?

- Потом... все потом. Сейчас в больницу. Срочно.

- Да, вот точно в больницу. Она нам сейчас, я чувствую, понадобится. Я места себе не нахожу. Что у вас там, бл***, происходит?

- Ты прилетел уже?

- Да, и ни с кем из вас не могу связаться.

- Езжай в больницу. Прямо сейчас. Не телефонный разговор...

***

Меня отправили на нижний этаж и, проходя по темным коридором, я чувствовал, как тело сковывает холод. Не от того, что здесь сыро и температура воздуха ниже, чем наверху, а потому что дыхание смерти всегда окутывает нас морозной белой дымкой. Парализуя тело, выбивая из головы мысли, выковыривая из сердца все чувства, кроме одиночества. Его вдруг ощущаешь настолько остро, что мертвым становится весь мир. Потому что именно сейчас никто и ничто не имеет значения. Есть только ты, твое горе и тот, кто забрал с собой часть тебя самого. Это понимаешь только когда теряешь... Я потерял... в очередной раз...

- Смерть наступила час назад. Его отключили от аппаратов жизнеобеспечения. Все зафиксировала камера... - голос врача звучал как будто из подземелья.

- Возле его палаты круглосуточно стояла охрана. - Я чувствовал, что наконец-то пустота внутри уступает место ярости. Схватил врача за халат и, резко дернув на себя, прошипел. - Как это могло произойти?

Он испугался, глаза забежали, и он, судорожно сглатывая слюну, попытался мне ответить.

- Господин Воронов, посмотрите видео... там... там все видно... Я не виноват... отпустите... умоляю.

Я отшвырнул его от себя и быстрым шагом направился к выходу. Мы зашли в лифт, и я с отвращением смотрел на дрожащую руку доктора, который нажимал на кнопку с цифрой три. Боится, мразь. Понимает, что есть от чего. Мы вошли в небольшую комнату, где все было готово для того, чтоб пересмотреть запись с камеры наблюдения.

- Секунды бежали, но ничего не происходило. Отец лежал неподвижно, глаза закрыты, исхудал до неузнаваемости. Так прошло несколько минут, пока дверь не открылась и в палату не зашла Дарина... Она подошла к отцу, наклонилась к его лицу, словно шептала что-то... а потом схватила его за волосы и плюнула прямо в лицо, после чего отошла, утирая губы тыльной стороной ладони и смазывая помаду. Что это, бл***, за дрянь? Кровь хлынула к голове, вызывая резкую боль в висках, и я резко

вскочил, не понимая, что происходит. Швырнул стул и, резко оборачиваясь, пошел в сторону охранника, который нажал на пульте кнопку, чтобы остановить запись.

– Что за херню вы мне тут показываете? Это что за дешевка? Жить, бл***, надоело. К Ворону захотели? Вырвал пульт из его рук и, приподнимая за воротник, прижал к стене. – Кто приказал склепать это дерьмо? Кто? Отвечай, пока у тебя есть язык... потому что потом я его своими руками вырву!

– Ан-ан-андрей... - задыхаясь и заикаясь, он покрылся потом и покраснел в один миг, словно его кожу ошпарило кипятком... - вы можете проверить... это не подделка... смотрите дальше....

– Проверять? Ты, дрянь, что мне подсунуть собрался? - ударил кулаком в живот, а когда тот согнулся, обхватив себя руками, добавил локтем между лопаток. – Молись, потом некогда будет... Ты не жилец больше.

Я включил плеер и оторопело смотрел, как Дарина, отключив все аппараты, смела с прикроватной тумбочки все вазы с цветами и рамку с семейным фото, с которой Сава в последнее время не расставался. Она подбежала к ней и начала с остервенением топтать, разбивая помутневшее стекло каблуком и разламывая оклад на щепки. Дальше сорвала с отца простынь и глумливым вычурным жестом бросила ее на пол. Она вытерла о ткань подошвы сапог. С утра лил дождь, и простынь на полу покрылась мокрыми грязными следами. После этого она совершенно спокойно, не спеша, вышла из палаты, аккуратно прикрыв за собой дверь...

Я сжимал пальцами переносицу и, в сотый раз пройдя из одного конца комнаты в другой, опять и опять пересматривал эту запись. Я связался с охраной, которая вела ее с самого утра. От дома и по всему пути. Они отчитались за каждую минуту... Все факты свидетельствовали против нее. Только сейчас я был готов опровергнуть все что угодно, даже то, что видел собственными глазами, признать себя сумасшедшим, сознаться в зрительных галлюцинациях, временном помешательстве - но только не поверить в очевидное. Нет! Это невозможно! Никогда в жизни она не поступила бы так. Только не Дарина. Мы не могли так ошибиться... Это же моя сестра... В этом нет никакого смысла. Нет причин. Нет мотива. Тем более делать это настолько демонстративно, открыто, не скрываясь. Нет... мы проверим эту запись. Это гребаная фальшивка. Фикция. Она сама все объяснит... Да... нужно найти Дарину, организовать похороны отца, а потом найти ту мразь, которая устроила этот бл***ий фарс.

– Артур, поднимайся сюда... Заберешь сейчас одну запись, проверишь

ее на монтаж и узнаешь, откуда она могла взяться. Макс подъехал? Хорошо..

***

Макс

Я просто смотрел на экраны мониторов и не мог выдохнуть. Я окаменел. Весь. От кончиков пальцев до кончиков волос. И рядом брат, такой же каменный. Мы смотрим на застывшую картинку с разбитой фотографией и оба не можем сказать ни слова. Я стук наших сердец слышу в этой тишине. Она, сука, живая, как подлая, уродливая тварь, ползает по узкой комнате и опутывает нас двоих паутиной. Я ее кожей чувствую, как тянется вдоль тела, наматывая адские круги. А там время остановилось на наших лицах под разбитым стеклом, и на нем капли грязной воды. Мы эти кадры раз сто пересмотрели. Я, как невменяемый, просил еще и еще, по телу пот холодный ручьями, сердце бьется то быстро, то медленно, а мне хочется, чтоб оно заткнулось. Просто заткнулось хотя бы на пару минут, чтобы я думать мог, чтоб мозги начали работать, а они каменные, как и все тело.

Один удар - и ты, может быть, еще стоишь на ногах, сплевываешь кровь, шатаешься, но стоишь, а вот два одновременно поставят на колени кого угодно, и я чувствовал, что упал. Скрутило меня, и разогнуться не могу. Еще нет осознания, нет восприятия происходящего, только кадры перед глазами и это проклятое окаменение. Знаю, что надо что-то делать, орать хочется и голоса нет. Потому что я впервые не могу понять «ЧТО ДЕЛАТЬ?» Я не могу выпутаться из этой гребаной паутины. Мертвый отец в палате, укрытый с головой простыней, бледный как смерть брат рядом, а на кадрах то самое мое счастье жизнь нашу крошит каблуком сапога. Цинично так. Размеренно. И потеки грязи на стекле остаются. Грязные слезы сожалений.

Это фальшивка. Не могла она. Кто угодно, бл**ь, мог, но не она. Я же знаю её. Я же её знаю. Лучше, чем себя. Мою девочку. Чувствую её. Уловить настроение могу по взмаху ресниц. Слезы вижу, когда она сама еще о них не знает. Что снится знаю, по дыханию чувствую, когда спит у меня на груди.

Это какая-то мразь подделала, и когда я эту мразь найду, я от нее мясо по кусочкам отгрызать буду. Зубами. Пока до костей не обглодаю. На живую. За вот эти минуты, когда мы оба с Графом подышаем стоя, когда рыдаем молча и орем немymi ртами, зашитыми тем самым окаменением. Ни звука не слышно, а у меня от нашего крика барабанные перепонки лопаются, и голова разламывается на части.

– Простите.

Мы оба вздрогнули, но не обернулись.

– Тело в морг пока заберем? Или вы еще хотите зайти к нему?

Я медленно повернулся к врачу, не пойму, о чем он. Вроде слышу хорошо, а понять не могу.

– Куда забрать?

– Тело вашего отца в морг.

А мне кажется, он что-то странное говорит. Не про Ворона. Не про нас вообще. Андрей глухо сказал, чтобы увозили пока и чтоб никаких ментов. Чтоб ничего не просочилось за стены больницы. Ничего о насильственной смерти.

Смерти. Я словно впервые услышал это слово. Оно вдруг стало каким-то объемным, похожим на кусок льда, и меня от него морозить начинает. Словно в руках его держу, а выбросить не могу, оно к пальцам примерзло.

Врач перепугано и быстро кивал, а я на них обоих словно сквозь рваные куски тумана смотрю и все еще ничего понять не могу. Он вышел, а Андрей подошел к мониторам и вырубил изображение. И как насмешка они погасли не одновременно, а по очереди каждый.

– Пойдем на воздух выйдем, брат. Хреново мне тут. Дышать не могу.

Вышли во двор больницы, вроде солнце светит, а мне темно. Хочется руки протянуть и в темноте выключатель найти, чтоб снова свет появился. Это бред какой-то. Кошмар затяжной или фарс.

Закурил, на автомате Андрею предложил. Брат тоже сигарету взял. У обоих руки ходуном ходят так, что зажигалка не срабатывает.

- Следы тут обрываются... – голос Андрея, как чужой, хриплый, севший, - она словно не вышла из больницы. Уже все вверх дном перевернули. Но нет её. Переоделась, видно, и либо с черного хода, либо наши вообще не узнали. Сотовый по-прежнему вне зоны. Город прочесывают. Пока глухо.

- Это не она, - сам не знаю, сказал вслух или это у меня в висках пульсирует.

- Не она, Макс. Запись отдали профессионалам. Скоро разберемся с этим.

- Не могла она так, - я смотрю в никуда, а перед глазами все тот же каблук сапога в фото впечатывается. С остервенением топчет... топчет... топчет... – не могла она. Не могла, слышишь?! НЕ МОГЛА ОНА!

Заорал, и в тот же момент Андрей мне в плечи вцепился. Лицо близко, в миллиметрах. Белый до синевы, и только глаза лихорадочно блестят, как у сумасшедшего. Мне кажется, в них мои такие же дикие отражаются.

- Не могла, – кивает и сильнее плечи мне сжимает. - Не она это. Не она, брат.

Сам повторяет и в глаза мне смотрит, а я ему. И трясет нас обоих, как в лихорадке. Взрослых мужиков, смертей перевидавших в своей жизни больше, чем кто-либо другой. Но к нам сейчас не только смерть пришла. Воздух, как ядом пропитан предательством, и легкие нам обжигает. Нас оглушило обоих, и мы пока что с братом хреново справляемся с ударами. С колен встать не можем.

Мой сотовый запищал. Я все еще в глаза Андрею смотрю и тянусь за аппаратом. Уведомление с электронной почты. От нее. Сердце рвануло вниз, заколотилось так, что ребра заболели.

Руки трясутся и телефон из пальцев выскальзывает. Открыл, а буквы перед глазами пляшут. Я читаю, а они в ровную черную полосу выстраиваются. Вроде вижу всё, что написано, а мне кажется, я читать разучился. Там не может быть написано то, что я прочел. Там должно быть что-то совершенно другое. Что угодно, но не этот бред.

- Прочти. Не могу понять ни слова. – голос сорвался. Сотовый брату протянул.

Понял, что он сначала про себя прочел и сильно, до хруста челюсти сжал.

- Вслух, Андрей, - а у самого перед глазами точки прыгают.

- Я уйду от тебя. Все имело свой смысл. Не ищи. Все равно не найдешь. - Андрей откашлялся, затянулся сигаретой. - Все ненастоящее. И я не настоящая. Это с тобой я задыхалась. Мерзко дышать фальшивкой и играть бесконечно. Я рада, что всё это наконец прекратилось.

Я отобрал у него телефон и сам еще раз перечитал. Не больно. Нет. Боль, она иная. Когда больно - чувствуешь себя живым. А я себя не чувствовал. Омертвел. Все еще камень ледяной.

- Почту могли взломать, - голос брата сквозь вату и шум в висках.

- Могли.

«Это с тобой я задыхалась. Мерзко дышать фальшивкой и играть бесконечно».

Горящую сигарету в пальцах сжал и боль не заметил. Ладонь прожигает и мясом паленым воняет, а я эти слова её голосом услышать не могу. Все, что раньше писала слышал всегда. Даже интонацию знал. А тут не слышу. Вижу, чувствую, как они осколками в мозги впиваются, но не слышу.

- Ноутбук сейчас отвезут к Глебу, он проверит и почту, и ай пи, Макс. Ты слышишь меня?

- Да, я его слышал, посмотрел в глаза, а там - та же бездна из отчаяния, но мы за надежду цепляемся вдвоем, намертво держимся.

- Искать будем. Каждый шаг по минутам отследим. Каждую секунду и мгновение. Найдём её, а дальше разберемся с теми, кто эту херню затеял и раздерем на части, брат.

Я кивнул и сотовый в карман сунул.

«Это с тобой я задыхалась. Мерзко дышать фальшивкой и играть бесконечно».

- Поехали. Насчет похорон надо распорядиться, – голос не мой. Я его впервые слышу, голос этот.

- Её подставляют, Макс. Нас всех втягивают в какое-то дерьмо. Я чувствую вонь... только откуда, и кто?! Мать их! Какая тварь рискнула?! – и словно сам себе, плечо моё сжимает, курит уже черт знает какую сигарету и хрипло говорит мне, нам, - Мы узнаем, кто. Нам только немного в себя прийти. Сейчас наши камеры по городу прверяют, шерстят каждый сантиметр. Ответы будут, и очень скоро. Найдём падлу, которая это устроила и похороним нахрен!

Держимся изо всех сил, а я вижу, как он сам надломлен, только виду не подает. Отец ближе ему был, чем мне. Воспитал всё-таки. Любил, как умел. И нет его теперь. Нет у нас больше отца. Только мы вдвоем и остались. Вот так цепляться друг за друга, стоя мысленно на коленях, раздавленные и размазанные. Осознание, что его больше нет... придет позже. Но с колен вставать надо. Обоим. И искать.

– Поехали, - я сам сжал его руку у себя на плече.

***

- Переписку нашли. Вела её несколько месяцев постоянно, с двумя. Удалила письма, но Глеб восстановил. Её ай пи и те два других. Писала прямо из дома. У вас статический адрес из-за сигнализации и камер наблюдения.

Я водку из горла глотнул и сильно затянулся сигаретой, глядя на Фиму, сидящего напротив Андрея, который сцепил пальцы и сжал так, что мы все слышали хруст костей.

- Восстановим текст с сервера и перешлем вам. Пока что работаем в этом направлении.

- А что с другими ай пи? Вычислили кого-то?

- Да. Есть адрес. С минуты на минуту получим точные координаты, и можно выезжать.

Фаина увезла Карину к себе еще до того, как мы приехали к Андрею.

Ей пока не нужно знать про дедушку, потрясений и так хватило. А мы с братом уже несколько часов шаг за шагом восстанавливали передвижения Дарины. Афган несколько раз зашел к нам, но как на Андрея взглянет, так и слезы по обветренным щекам катятся. Похож на отца потому что. То ли смотреть больно. Потом в морг уехал. Сказал, будет до последней секунды присматривать, пока гроб в могилу не опустят. Он слово дал. У него работа такая.

- И опять тишина, а в ней часы тикают, и водка не берет ни меня, ни Графа. Горло обжигает, а мозги как были каменными, так и остались. Зазвонил сотовый, и уже никто не вздрогнул. Андрей автоматически ответил, включил громкую связь.

- Да, Глеб.

- Пробили первый ай пи. Есть адрес. Это гостиница «Интерконтиненталь». Список постояльцев за последние три дня выслал вам на мейл, Андрей Савельевич. По второму работаем. Сервер находится в Уганде. Зашифровался, паскуда. Но я вычислю. Просто времени больше потребуется.

- Ищи.

- Андрей посмотрел на меня, а я глотнул еще алкоголя и рот ладонью вытер. Морозит. Все никак не согреюсь. Лед теперь внутри, а не снаружи.

- Там постояльцев тысячи, бл*. А ай пи гостиничный. Что нам это даст?

- Я просмотрю поименно. Мало ли.

- Смотри.

Сполз по стене на пол. Бутылку рядом поставил.

«Это с тобой я задышалась. Мерзко дышать фальшивкой и играть бесконечно».

Одно слово там... слишком личное. Наше слово. Предложение в голове вспыхивает болью. Бывают минуты, когда я о нем не думаю, а оно вспышкой ослепляет неожиданно и у меня внутри все как через мясорубку, а потом опять отпускает.

- Твою ж, сука, гребаную мать! Давыдов! Среди постояльцев. Борис Давыдов, Макс!

Я вскинул голову и сжал сильно горлышко бутылки.

- Думаешь, это как-то связано?

- Не знаю. Сейчас кое-что проверю.

Андрей набрал кого-то, а я к окну подошел – снег срывается с неба и морозный узор по краям стекла витиевато застыл. Еще глоток водки сделал и пальцами по стеклу провел, а они такие холодные, что даже следов не

оставили.

- Макс, поехали. Эта мразь прилетела не несколько недель назад, а уже пару месяцев тут торчит. Давай. Мне кажется, он что-то знает. Не верю я в совпадения!

ГЛАВА 7

Давыдова мы поймали не в гостинице. Он к тому моменту уже съехал, сука. Катался по городу. Вычислили по сигналу сотового, догнали мразь по дороге в аэропорт.

То, что замешан, сразу поняли. Сам спалился, нервничать сразу начал. Он как машины наши заметил, скорости прибавил. Уйти пытался, ублюдок. Только мы слишком озверели, чтобы дать ему слинять. Мы жаждали крови и ответов. Много крови и исчерпывающих ответов на каждый из наших вопросов. Я бы за ним и в ад отправился. Да и Граф, я думаю, тоже. Пожалуй, это единственное, что не давало нам обоим сломаться, не давало думать о том, что похороним отца, о том, что та тварь, что его убила, втянула нас в самый жуткий фарс, какой только можно придумать.

Догнали, перекрыли дорогу, отрезая пути к отступлению, прямо на трассе. Долго вели, загоняли на окружную, чтоб некуда деться было, чтоб на виду оставался, не нырнул в какую-то глухомань. Могли, конечно, расстрелять, но нельзя, он - единственная зацепка.

Сука трусливая, даже из машины не вышел, вжался там в сиденье со стволом в обнимку, орал, что всех порешит. Наши окружили тачку, но подойти не могли, да и эта падла был нужен нам живым и людьми своими мы с Графом рисковать не хотели. Предчувствие бойни в скором будущем. Каждый человек на счету.

- Я его сейчас заставлю выйти, или спрессую к такой-то матери вместе с его железкой.

Подошел к джипу и сел за руль, чувствуя, как адреналин вяло заструился по венам и тут же замерз. Полный коматоз мыслей и эмоций. Я балансировал где-то на грани здравого смысла и полного срыва в бездну. И меня сорвет рано или поздно. Я знал об этом. Держался дикими усилиями воли. Не слететь с катушек. Не сейчас. Нельзя. Иначе все в кровавое месиво превращу. А нам ответы нужны. Андрей бросал на меня иногда обеспокоенные взгляды: «Ты как?»

«Херово, но держусь».

Вдавил педаль газа и поехал на Давыдова, глядя прямо в глаза. Раздавлю падлу, как трусливое насекомое, или выкурю из тачки. Третьего

не дано.

«Это с тобой я задыхалась. Мерзко дышать фальшивкой и играть бесконечно».

Он стрелял по стеклам, но джип бронированный, да и мне было пофиг, я пер на него как танк. Пока эта мразь не выскочила из машины и не упала на землю, закрывая голову руками. Вот так, сука. Вот так. А теперь поговорим.

Его подняли за волосы и поставили на колени, окружили плотным кольцом. Андрей сдернул с его шеи галстук и пнул в спину. Я нагнул его, удерживая за волосы, и брат затянул ему запястья галстуком. Давыдов лихорадочно озираясь, всматриваясь в наши лица.

- Вы чего? Граф! Вы чего?! Я только немного приврал с процентом. Всего пять накинул себе. Так я все верну! Клянусь!

Ему никто не отвечал, только ногами отпинали под ребра под вопли и хруст костей, чтоб почувствовал, что никто не шутит. Когда отдышался, снова за волосы – и на колени поставили, и тогда уже я спросил у него, наклоняясь к ублюдку и поигрывая ножом у его лица:

- Где она?

- Кто?

Удар в челюсть, и он сплевывает кровь на землю вместе с парой зубов, дрожа всем телом.

- Где она?

- О ком ты, Зверь?!

Я присел перед ним на корточки и поднес к его глазам нож, он судорожно сглотнул. Андрей схватил его за волосы сзади и прорычал ему в ухо.

- Я нанижу твои глаза на это лезвие, а потом ты будешь их жрать, а я буду слушать, как они хрустят у тебя на зубах.

- Где. Моя. Жена? – и лезвие у самого зрачка, а Граф держит крепко за веко, чтоб сука даже моргнуть не мог.

- Я думал, вы из-за процентов... я думал....

Удар по яйцам с носака, а он не может и скорчиться, так как острие ножа у самого зрачка, только завыл, заскулил, как псина паршивая.

- Заканчивай думать, Боря. Думать уже поздно. На вопросы отвечай и, может быть, сегодня ты не умрешь. Только правду говори – какая мразь увезла мою жену, в какую гребаную игру вы все здесь играете и какого хрена она писала тебе, пока ты сидел, как гнида, у себя в гостинице? Отвечай!

Еще один удар, и у него из глаз от напряжения слезы покатались.

- Тебе не понравится правда, Зверь. Не понравится, и ты убьешь меня,
- взвыл он, тяжело дыша и облизывая пересохшие губы.

- Ложь мне не нравится намного больше, и у меня кончается терпение.
Без одного глаза ты станешь разговорчивей?

- Ты хочешь, чтоб я говорил при всех? Ты реально этого хочешь,
Зверь?

Я резко посмотрел на Графа. Друг другу в глаза, едва заметный отрицательный кивок и брат отпустил голову Давыдова, а я убрал нож от его глаза. Наверное, именно в эту секунду внутри оборвалось что-то. Мы оба знали, что он может сказать. И да, пока что ни я, ни брат не хотели, чтобы наши что-то поняли... **НО МЫ ОБА ЗНАЛИ!**

- В машину его. Поговорим в другом месте.

***

Давыдов только с вида казался таким трусливым, либо он кого-то боялся больше, чем нас с Графом. Так как говорить он не торопился. Висел вниз головой в гараже, синий от побоев, и нес, сука, какую-то ахинею, совершенно неинтересную ни мне, ни Графу, который, как и я, методично бил эту тварь, как боксерскую грушу. А потом я понял, что он тянул время. Или думал, что спасет его кто, или для кого-то выигрывал отсрочку.

Он сломался, когда я сунул лезвие ему под ребро, после того как расписал и его грудь, и спину кровавыми узорами.

- Мне надоело. Если ты ничерта не знаешь, то почему бы мне просто не наделать в тебе дырок по периметру твоей туши. Лезвие, оно как член, Боря. Им можно делать непрерывные толчки в одну и ту же дырку, то медленно... вот так, - я высунул лезвие и снова погрузил его обратно, под протяжный и мучительный стон боли, - или долбиться им вот так, - резко по самую рукоять и тот заорал, дергаясь всем телом.

- Когда я вытащу его, ты истечешь кровью. Она будет бить фонтаном, заливая здесь все вокруг.

Склонился к его лицу.

- Затем я выколю тебе глаза. Не быстро. Сначала один, потом другой. А Граф отрубит тебе пальцы. Один за другим. Под конец я отрежу тебе член. Тебя найдут по частям, Боря. Тебя даже не опознают. А есть и другой вариант...

Резко вынул нож и зажал рану на его боку пальцами.

- Я привезу сюда врача, тебя заштопают, и будешь ты как новенький, Боря. Только шрам останется на память.

И он сломался, заливаясь слезами и дрожа всем телом.

- Она у Бакиста. Должна отплыть в Турцию с партией девок... - он закашлялся, а я резко сунул пальцы в рану, и он зашелся в крике.

- Когда должна отплыть? И откуда?

- В четыре часа. Зве-е-е-рь... я все скажу. Все скажу. Шлюха она. Не стоит так... за нее.

Я вонзил пальцы глубже, прокручивая, и он обоссался от боли. Но мне сейчас было похрен на все. Я уже не мог остановиться.

- Моя жена не шлюха! Я вырву тебе язык! Вы её заставили, мразь! Отвечай! Заставили?

- Ма-а-а-акс, пожалуйста... я все... скажу! Не надо!

- Говори! – но пальцы не вытащил, только прокручивать перестал. Головой повертел до хруста в позвонках.

- Она сама, понимаешь? Они с ним давно уже. Подобрал ее где-то на улице и прикормил. Это его сучка. Одна из тех, кого подкладывал под нужных людей. Он мне рассказывал. Засланный казачок она, Зверь. Нае**ли тебя, понимаешь? Развели, как лоха. Она на связь со мной вышла. Доки я ей делал. Ей и еще нескольким шлюхам. Она уже готовилась свалить от тебя к нему. Когда у вас был, я паспорт ей привез как раз. Сука она, Зверь...Сука-а-а-а! Бл**ь Бакистовская. А тебя как лоха...Только не... убивай...Ма-а-акс!

Я его изрешетил. Сам не знаю, как. Просто бил и бил ножом, пока он не затих и дергаться не перестал, а я остановиться не мог. Рука сама двигалась. Четко. Сильно, но куда попало.

Меня Граф от куска мяса оттащил и нож из руки выбил. Толкнул к стене. А я задыхаюсь, глаза закрыл и мычу, как немое животное.

- Врет сука! Врет падла! Вре-е-ет! Сука-а-а-а!

Я орал. Просто орал и не мог остановиться. Потому что знал – не врет. Под такими пытками мало кто врать будет, да и точно не Давыдов, который трясся за свою шкуру. И я чувствовал, как крыша едет, как трещат мои мозги. Они горят и дымятся. И от боли перед глазами темнеет.

Граф сильно сжал меня за плечи и тряхнул, впечатывая в стену.

- Я сейчас пробью, кого и когда Бакист вывез в Турцию. В себя приди, Макс, и давай, езжай в ее город. В детдом. Выясни там, что и как. Может, и правда врал. На, хлебни!

Сунул мне в руки бутылку с коньяком. Мы смотрели друг другу в глаза, и меня снова трясло, по щеке кровь Давыдова каплями катилась.

- Давай! Рано еще ярлыки вешать. Разобраться надо!

- Слышал, что сказал? – я согнулся пополам, тяжело дыша и глядя, как

красная лужа растекается по гаражу. Меня тошнило. Волнами накатывало. И в этот момент я снова орал. Сам не понимал, как это вырывалось из меня.

- Бл***дь! Ты это слышал, Граф? Ты слышал? – глотаю коньяк, и он по горлу течет, не обжигая, там уже все обуглилось.

- Слышал.

- Давно он с ней. Как давно, мать вашу? Она же со мной! Каждый день! Каждый! Гребаный! День! Со мной! И с тобой!

-И со мной! Поэтому проверить надо. Все, пошли отсюда. Здесь приберут.

Сделал еще несколько глотков. Шумно выдохнул, стараясь отдышаться и разогнуться. А мне кажется, что между лопатками нож торчит. В стену кулаками, до крови, пока кости не затрещали. Отдышался, наконец. Боль немного отрезвила.

- Да. Все. Поехали. Нет времени.

Я не хотел сейчас думать. Потому что, если позволю себе - с ума сойду нахрен.

Впервые за много лет понимал, что не контролирую себя, что я на грани. Сорвет меня - и все. Даже машину вести не могу, трясет всего, и Граф молчит, за руль вместо меня сел. Его изнутри раздирает, я вижу, как челюсти сжимает до крошева зубов.

***

Дома под душем стоял холодным, и во рту появился привкус мертвечины. Словно гнили нажрался. И дышать нечем. Я вздыхаю, а легкие огнем жжет, и выдохнуть не могу.

Когда вышел из ванной, понял, что не справляюсь. Мне анестезия нужна. Немедленно. Набрал кое-кого. Остались связи с прошлых времен, когда еще Ворона подсиживал и дела проворачивал втихаря с барыгами.

- Димыч? Живой еще?

- Ты ли это, Зверь?

- Я. Собственной персоной. Мне кое-что надо.

- Так это не ко мне теперь. Я пас.

- Не заливай. Мне надо. Самому.

- Нету, говорю. Не моя тема больше.

- Так узнай, бл**ь, чья и привези. Иначе я сам к тебе приеду. И если хоть что-то найду - линчую на месте.

Он несколько секунд думал.

- Сколько?

- Десять.

- У меня нет столько.

- Сколько есть?
- Сейчас три.
- Вези три. Только быстро, братан.
- Думал, ты не в теме давно.
- Я тоже так думал.

Привез через двадцать минут. К подъезду на моте подкатил, трусливо озираясь по сторонам. Я денег ему дал и сунул пакеты в карман. На разговоры времени не было.

- Херово выглядишь, Зверь.
- Ну ты ж лекарство привез. Теперь все зашибись будет.

Я пакет прямо в коридоре разодрал, на комод сыпанул, и сразу несколько полосок втянул. В голове тут же ослепительно взорвались все мысли. Ядерным. С резонансом дрожи по всему телу. Искусственный кайф, притупляющий боль.

Стоял у зеркала, опираясь руками на комод, и смотрел на свое отражение. Взмокший, бледный, и в глазах начало проясняться. И адреналин закипал с шипением, словно пошла разморозка. Я буквально слышал, как он бурлит внутри.

Оживаю и подыхаю одновременно. Зверь оживает, а я в агонии, только уже не так больно. Уже под наркозом. Вот так лучше. Так думать можно.

Зажал переносицу пальцами. Теперь можно куда-то ехать. За руль сесть.

Сунул пакет дряни в карман рубашки, продолжая смотреть на свое отражение. Потом оттолкнулся руками и, подхватив сотовый, вышел из квартиры.

***

- Я впервые слышу такую фамилию, да и девочку эту вижу первый раз. Не было у нас такой.

Я смотрел в маленькие глазки директора детского дома и прикидывал: если сейчас схватить его за затылок и приложить о столешницу, он ее узнает или нет?

- Не было такой? Или после громкого скандала в вашем детдоме полгода назад вы решили забыть нескольких воспитанниц, чтобы избежать проблем?

На его лице не дрогнул ни один мускул, он только поправил очки толстым указательным пальцем.

- После скандала многие были уволены, в том числе и бывшая заведующая. Мне не о чем волноваться. Я работаю здесь больше

пятнадцати лет и всех наших воспитанников помню в лицо – такой у нас не было. Вы можете просмотреть архивы.

Я откинулся на спинку стула, продолжая сверлить его взглядом. Не похоже, чтоб нервничал, но я уже сам не знаю, что на что похоже. Я запутался до такой степени, что мне хочется убивать каждого, кто говорит мне то, чего я не хочу услышать. И сейчас мне хотелось свернуть шею этому толстяку с лоснящейся лысиной и свинячьими глазками.

- А бывшая заведующая? Где она сейчас? Может, она вспомнит?

- Лариса Алексеевна умерла два месяца назад. Угорела в своей квартире. Газ забыла выключить.

Я усмехнулся. Или ее там угорели. После того, как воспитанниц за бабки подкладывала. Чтоб много не разговаривала.

- Где ваши архивы?

- Вы можете их посмотреть в понедельник. Сегодня пятница и ...

Я ударил кулаком по столу, и у него с физиономии свалились очки, когда он подпрыгнул от неожиданности.

- Анатолий Иванович... не злите меня. Никаких понедельников. Вы откроете мне помещение лично и прямо сейчас, еще и покажите, где смотреть. Вы меня хорошо слышите?

Он быстро закивал, отодвигая ящик стола, а я поднялся со стула и почувствовал, как снова становится нечем дышать.

Мы просмотрели папку за папкой, каждое дело, фотографии, документы о принятии и выпуске. Выписки из лазарета и больниц. И ничего, мать вашу! Ни слова о ней! Не было ее! Ни на фотографиях, не в списках. Нигде! Когда я это понял, то во рту снова появился привкус гнили. Как падали нажрался. Скулы сводит и блевать хочется.

Я вышел из здания детского дома, не сказав директору ни слова. Только пару купюр бросил за моральный ущерб. Задержался со мной почти до полуночи.

Не могла она врать! Не могла так играть, бл***! Или я нихрена не понимаю в людях.

Эта бессонница, этот страх. Я же его чувствовал кожей. Такое не сыграешь. У страха свой специфический запах. Я прижимал ее к себе дрожащую, в слезах, и видел, как она боится. Как можно ТАК сыграть?

Но если не в детдоме, то где она была? Все эти годы. Откуда к отцу своему сбегала? Бл***! Я сейчас с ума сойду!

Сидел в машине и смотрел на свои руки, лежащие на руле, сжатые до белизны, так что костяшки выпирают под натянутой кожей. Действие кокса стихает, выветривается, а у меня в голове голос Давыдова на повторе.

«Его сучка она, Зверь. Бл**ь бакитовская! Как лоха тебя...!»

И я высыпаю остатки порошка на запястье, вдыхая яд всей грудью, чтобы перестало трясти, чтобы прояснилось в голове, чтоб голос его затих, сука. Только он еще ярче становится, отчетливей, громче. И картинка вырисовывается четкая... логичная картинка, а с меня кожа живьем слезает. Потому что увидел под другим углом. Увидел то, чего не позволял себе видеть. Её настоящую. Ничего не бывает в этом мире просто так. За все платить надо. И я думал, что меня уже нельзя развести, что я видел достаточно лжи и фальши, чтобы повестись на такое кидалово. Но маленькая умела удивлять всегда. И меня удивила. Проклятая, лживая сука! Влезла в душу змеей, в сердце продралась.

Вот теперь все похоже на правду. От начала и до конца похоже. Начиная с её побега из дома и заканчивая тем, что у Ахмеда на даче появилась. Логично. Шлюху брата позвали в гости. И спектакль для меня разыграли. Я расхохотался.

«Она его сука»... Вот этого я пока не принял. Точнее, понимал, что скорее всего так и есть, но принять еще не мог – потому что слишком жестоко. Слишком цинично для девочки с голубыми глазами и черной дырой внутри.

Сотовый завибрировал на соседнем сиденье, и я ответил, увидев номер брата на дисплее.

- Пленка не поддельная, Макс. Все проверено... – пауза в мгновения, а у меня все внутри горит, разлагается, корчится. Я начинаю истекать кровью и сам чувствую, как внутри все разворочено до костей.

- У тебя что?

- Не было такой здесь, - голос свой не узнаю, охрип, - не существовало, бл**ь!

Да. Кажется, не существовало и в самом деле. Я придумал ее себе. Нарисовал сам. Красочно, ярко. Именно такую, какую хотел видеть. Идеальную для меня. Нарисовал сверху по грязи и сам не заметил. А Зверь внутри оскалился и цепь оборвал, он готов, и я больше не хочу его сдерживать. Отпустил и внутри все догорело. Один пепел остался. Смертью завоняло снова.

Я чувствовал, как во мне ветер гуляет и вихрем кружатся обрывки тупого и наивного, бл**ь, доверия, обрывки проклятого полиэтиленового счастья, которое сгорело самым первым, как капрон. Только там, где сердце, продолжает тлеть, обгорает и заново тлеет. Там все еще живое. Как рана раскрытая. Ни огнем не берет, ни ядом, ни холодом. Я б его вырезал оттуда и раздавил под ногами, в месиве грязного снега и крови. Ничего, и

там все стлеет. Спустя время. Через месяцы, годы или пока я сам не сдохну. Когда-нибудь стлеет. У всего есть срок годности, и даже эта сука-любовь начнет разлагаться и кишеть червями, когда я найду тебя, маленькая тварь, буду убивать вместе с ней.

Я же найду. А когда найду - не пощажу. Чувствуешь, как я твой след брать начинаю? Смертью и болью не воняет? Поверил! Как идиот! Знал ведь, что слишком все хорошо... Знал, что не по мне все. Не для меня... И верил. Потому что хотел верить. За все годы лжи, грязи, крови увидел что-то чистое и настоящее, а настоящая ложь - вот она. У меня в спине торчит. Вздохнуть не дает.

Это теперь только между нами. Между мной и тобой. И не говори, что ты этого не знала. Я накажу тебя сам, и ты будешь мечтать о смерти, ты будешь о ней молиться. Ты моя. Какая бы тварь лживая не скрывалась под маской, она принадлежит мне. И я сам решу, как и когда ты сдохнешь. Я буду убивать нас обоих. Медленно и жестоко.

Ненависть проснулась какая-то страшная. Голову подняла. Глухая, черная, вонючая. Все тело наполняет, через поры в кровь впитывается. Я сам её боюсь, потому что впервые почувствовал, что значит сдохнуть, но остаться живым. Зомби гребаный. Эмоции отключились от еще двух полосок кокса. Анестезия пробежала током по телу, омертвляя окончательно.

Повернул ключ в замке зажигания и вдавил педаль газа. Музыку на полную мощь и глоток водки из бутылки. Вот теперь я себя узнавал. Зверь больше не сидел на цепи, он взял след своей жертвы и предвкушал расправу.

ГЛАВА 8

Теперь пришел его черед... Рассыпаться на части от гребаного ощущения, что все летит в пропасть, жизнь идет под откос. Нанося удар за ударом, выворачивает наизнанку и заставляет корчиться от боли и ядовитой надежды. Надежды, которая становилась сейчас нашим общим проклятием. Потому что нам, насквозь пропитанным цинизмом и жестокостью мужикам, хотелось верить... Верить, бл***, что так не бывает. Только не с нами. Мы не могли так ошибиться. Только не в случае с ней... И я злился сам на себя за то чувство... за то стремление к слепому самообману, когда хочется закрыть глаза на любой аргумент, только чтобы оправдать. Это же Дашка... сестра моя... она ту же женщину, что и я, матерью называла и

руками за шею обнимала... Да херня все это... Каждый подставить может. Каждый. Вопрос в мотивах. Верить – не верить... детский сад, черт возьми. Думать нужно. Доказать. Проверить. В руки себя взять, потому что расклеимся, нахрен, оба. Действовать...

Пленка оказалась оригиналом. Никакого монтажа. Никаких врезов или склеек. Все чисто. Я несколько раз переспросил, опять проклиная себя за эту подбирающуюся к сердцу надежду... Только вердикт от этого не изменился. Все чисто. Ни одной вероятности фальшивки.

Я со всей силы заехал кулаком в стену... Черт... Не понимаю! Почему сейчас? Если все, что сказал Давыдов – правда, почему они ждали так долго? А Дарина... эти глаза, полные эйфории... улыбка, которую она иногда пыталась даже спрятать, словно смущаясь из-за того, что так бесстыдно счастлива... Неужели все – мишура? Неужели я ничего не понимаю в этой пропитавшейся ложью жизни... Все равно внутри что-то не давало покоя... Странное ощущение подлога. Когда одну реальность меняют на другую, точно такую же на вид, где каждая деталь воссоздана с точностью до миллиметра... Но не можешь избавиться от скрипящего на зубах чувства фальши... Когда кричишь в тишину – а в ответ не прилетают отзвуки эха. Когда бьешься головой о стену, и не чувствуешь ни грамма боли, потому что даже кирпичи здесь на ощупь как обивка мебели. Только с виду все такое же, как мы привыкли, а внутри – подделка.

Я в который раз просматривал эту пленку, устроил допрос всей охраны, которая вела ее от самого дома. Дьявол, она же сама звонила мне тогда и сказала, что собирается в больницу, чтоб отца проведать. Все сходилось один к одному... У нее даже голос тогда не дрогнул, говорила с сожалением, как переживает за него, что почаще к нему нужно, пусть чувствует поддержку нашу... Бл****! Но как? Как после этого можно прийти и равнодушно убить. Я не знаю, сколько бутылок уже опустошил, сигарет одну за другой выкурил, просматривая видео, ставя его на бесконечный повтор, пытаюсь приблизить и рассмотреть хоть что-то, хоть одну деталь, которая разбила бы вдребезги эту чудовищную реальность. Охранники рассказали, что даже на видеорегистраторе зафиксирован каждый шаг, каждый километр, который проехали... Я просмотрел их все... все эти гребаные записи... и на каждой из них она - моя сестра... Сестра! Никаких сомнений... Вот из дома выходит, улыбается, вежливо здоровается... Вроде и живет в роскоши уже не первый год, а не зазналась. С каждым из персонала как с ровней разговаривала. Как дела всегда спрашивала... Как настроение... Знала, как зовут каждого, у кого какое

горе, и всегда просила у Макса, чтоб помог. Он злился на это, конечно, больше для вида, что нянькой не нанимался, только никогда не мог отказать.

Дьявол! Зачем сейчас именно эти воспоминания в голове возникают. Хотя понимал я все – хорошее хотел видеть, чтобы мысль, которая словно мелодия шарманки, звучала в голове, окрепла еще больше: Дарина не смогла бы этого сделать!

Только и цену подлости мы знали слишком хорошо. Знали ее приторную оболочку, под которой скрываются самые жуткие твари, терпеливо ожидающие своего часа, чтобы потом за секунду тебя сломать. Наслаждаясь тем, как ты орешь от боли, потому что предательство всегда вонзается в нашу спину острым лезвием, выворачивает суставы, дробит кости, вскрывает вены, и делает все это одновременно, чтобы упиться твоими страданиями и болью.

Смотрю дальше... на то, как волосы поправляет, как глаза щурит, потому что солнце глаза слепит, как очки надела и за руль села. Тут она тоже смогла каким-то непостижимым образом выпросить у Макса разрешение на то, чтобы водить самой. Говорит, всю жизнь мечтала научиться, что всегда думала, что не светит ей, что невозможно. А когда сбылась эта обыденная для любого из нас мечта, она прыгала от восторга, как девчонка, которой куклу подарили. Ребенком таким же оставалась. Чистым... Радовалась любой мелочи, особенно шоколаду молочному с орехами.

Черт! Как же больно и невыносимо от этих мыслей. Я сейчас сидел и вспоминал все это так, словно просто соскучился. Уехала она просто куда-то, и мы ждем. Вот вернется скоро, в дверь зайдет, в объятия бросится, и я закружу ее... Она всегда говорила, что это еще одна мечта, которая сбылась – всегда хотела у старшего брата вот так вот на шее повиснуть, заливаясь смехом... Да, я вспоминал, на жесты смотрю, и в каждом – частица жизни. Потому что не хотел думать о том, что дальше случилось. Да... оправдать хочу. Да! Это нормально... Мы семья.. Это святое... пусть не так давно обрели друг друга, но не могла она оказаться такой дрянью. Все внутри протестовало, орало диким голосом: «Андрей, ищи! Не останавливайся! Мы чего-то не видим...»

Я не знаю, что рассказали Максиму в детдоме... Что якобы не было там такой. По фото не узнали... Знаю я, как у людей способности забывать и вспоминать стимулировать. Не нужно было его одного туда отпускать. Он не в себе, у него земля из-под ног уходит, внутренности разрывает. Молчит, только тут и слов не нужно, чтобы видеть – мир рушится, крах всего. После

такого не восстанавливаются. Не жилец он больше, если вся эта дрянь правдой окажется. Потому что он дал себе один шанс. Себе и ей. И после этого никто из них не выживет. После такого не живут больше... влечат существование, захлебываясь в собственной ненависти и заливая кровью свой мир.

Мы и поговорить толком не успели... Ему, видимо, и слышать больше ничего и не нужно было. Он внутри уже им обоим приговор вынес. Меня и самого холодом сковало от этой мысли, но я понимал сейчас – вдвоем нужно было. Не клеилось тут что-то. Слишком много громких событий для провинциального детского дома. Заведующая с торговлей несовершеннолетними, ее кончина скоропостижная, директор с внезапной утерей памяти... Хрень собачья. Не бывает такой картинки идеальной самой по себе. Когда как по одному движению волшебной палочки все свидетели вдругдохнут, как мухи. Уж мы то знали, как эти дела делаются. Только вряд ли Макс сейчас мозги свои кипящие охладить сможет, дел наворотит. Я сам себя казнил, что я сейчас здесь, вдали. Только слишком большая воронка нас засасывала, не могли мы везде вдвоем успеть, не справлялись... Похороны отца нужно было организовать. При том по всем канонам нашего мира. Широко, статусно, всех паханов пригласить – дань традициям, бл***. Никому нет дела до того, что внутри у нас творится... Что отца в последний путь отправить хотелось бы по-тихому, попрощаться по-человечески, чтоб только те, кто правда тосковать будут. Что не до проводов этих абсурдных сейчас. Что валится все, как карточный дом. Только позволить кому-то усомниться в том, что все под контролем – значит позиции свои ослабить, дать понять, что не все гладко у Воронов, пошатнулось положение... И тогда все – это начало новой войны. За власть, деньги, влияние и статус. Не дождется. Никто. Даже если виноватой окажется, Дарина придет на эту бл***кую церемонию, будет лить слезы и изображать скорбь. Заставим. Потому что все это должно остаться внутри. Ни одна тварь не узнает, что наша семья сейчас напоминает руины...

Зазвонил телефон, на дисплее высветилось имя Фаины. Я дал указание отвезти их с Кариной в загородный дом с полным отсутствием связи, под усиленной охраной. Никакого Интернета и телевидения – там уже всю трубят о смерти Савелия Воронова. Дочери сейчас нельзя этого слышать. Я понимал, что единственный выход для нас – закрыть ее, подобно заключенной, в этой клетке, чтобы спасти. И физически, и морально.

- Да, Фая... Все в порядке у вас там?

- Андрей, в порядке, хотя ты понимаешь, что такое подросток, которого оставили без связи с внешним миром...

- Понимаю, но я уверен, ты справишься. Сама понимаешь все...

- Андрей... - я слышал, что она замялась, словно боясь продолжить, - тут... в общем...

- Фаина, - я чувствовал, как начинаю злиться, потому что я сейчас не готов, бл***, услышать хоть одну плохую новость. А, судя по ее тону, именно ее она и собиралась мне сказать...

- Что? Говори! Не тяни!

- Андрей, мне уехать нужно.

- Никто никуда не уедет. Даже слушать дальше не хочу....

- Послушай... у Афгана инфаркт, его в мою клинику везут. Я не могу сидеть здесь, - слышал, что ее голос дрожит, она разговаривала очень тихо. Наверное, боялась, что Карина услышит.

- Ты понимаешь, что я не могу сидеть здесь и ждать, пока...

Она не договорила, только я и так все понял.

- Не стоит недооценивать старика Афгана. Он еще всех нас переживет, - говорил эту идиотскую заезженную фразу, понимая, как нелепо она звучит сейчас. - Я через несколько дней приеду к вам, тогда и уедешь. А к Афгану я сам поеду. Я не позволю Карине там одной остаться...

- Андрей... я знаю... Но тут приехала Настя. Она присмотрит за ней.....

Я подорвался, направляясь по ступенькам вниз. Внутри все бурлило от злости.

- Она хочет поговорить с тобой....

Она передала трубку Насте, и я, не здороваясь и еле сдерживая свою ярость, рявкнул:

- Какого черта ты там делаешь?

Она на несколько секунд замолчала, видимо, опешив от такого приветствия.

- Андрей... я....

- Я вопрос тебе задал - кто просил туда ехать?

Я понимал, что просто начинаю сходить с ума, видя в каждом врага. Того, кто, нацепив на себя маску, пытается окунуть нас в весь этот кошмар еще глубже.

- Андрей, ты что несешь? Это же я. Ты что, не доверяешь мне?

Это звучало как долбаная насмешка. Она говорит мне сейчас о доверии. Она, сама того не понимая, зажгла ту искру, от которой, казалось, все взорвется сейчас. Потому что я, бл***, не мог больше даже слышать этого слова. Доверие... Это иллюзия... Для идиотов, которые хотят верить, что этот мир еще не полностью погряз в дерьме. И от этого оказываются в

нем по уши.

- Оставайся там. Пока я не приеду. Имей в виду – за тобой глаз да глаз. И уехать оттуда ты уже не сможешь...

- Что творится с тобой? Андрей, остынь..

Я не стал отвечать. Понимал где-то в голове, что становлюсь похож на шизоидного параноика, только не мог ничего с собой поделаться. Ждал подлости. От всех и каждого. Запереть всех хотел в одном месте, и пытаться, пока не расколются. Как в примитивных детективах а-ля – все действия разворачиваются в одной комнате.

Я позвонил своим людям и дал необходимые распоряжения. Камеры в каждом углу, плевать, даже в туалете и ванной. От Фаины не отходить. Пусть говорит что хочет – если кто ослушается – сердце вырву, нахрен. Я не мог сейчас позволить себе хоть одну ошибку. Не мог. Плевать на чьи-то чувства, если любят искренне – поймут и простят. Потом. А сейчас пусть ненавидят, проклиная тираническую натуру и возмущаясь ограничению их свободы. Не важно уже... Если среди нас затесалась еще хоть одна тварь – я уничтожу ее и всех ее подельников.

Услышал про Афгана – и зубы сжал до боли, схватился за грудь – там больно. Слишком. Не протянет он долго. Вслед за отцом уйдет. Тот ушел, и для Афгана смысл жизни словно в Лету канул. Не держит ничего больше. Ни семьи, ни детей, возле старика всю жизнь провел, как сиамский близнец. Разорвали эту связь – и сдался он. Чувствовал, что похороны отца будут не единственными.

Пришел Русский и доложил, что там уже Глеб подъехал. Я ждал этого парня, на которого возлагал большие надежды. Да. Нам нужно было все раскопать. Только не в этом суть... я ожидал, что он поможет мне найти зацепку. Хоть малейшую. Наши люди работали по всем направлениям. Сто раз прочесали маршрут, по которому она ехала, изъездили в больнице все записи с камер. Врачам рот закрыли, нам не нужны были сейчас еще и ищейки ментовские. Заключение о смерти нарисовали как нужно – никакого убийства, умер, потому что сердце не выдержало. Старый уже Сава, хватит землю эту топтать, ушел на покой. Версия правдоподобная. И всех вполне устраивала. Я эту грязь не дам за порог вынести. Мы все внутри решим. Сейчас главное – Дарину найти. А уж тогда решать и приговор выносить...

Когда эмоции немного удавалось утихомиривать, я начинал думать о том, что все возможно. Да... это могла быть она. К ней могли подход найти. Когда Давыдов нес всю эту ахинею - и сам мог быть не в курсе. Простая

пешка. Шестерка, чтобы все расклады знать. Поэтому и не раскололся, когда подышал. Как признаешься в том, чего не знаешь, когда тебе иную правду в мозг вбили? В этом адском ребусе слишком много неизвестного... Хотелось узнать все, и в то же время становилось страшно... Потому что правда редко предстает перед нами в виде сладкой нимфетки, скорее – существом без пола и возраста, но с одним обязательным атрибутом – орудием наших пыток.

В дверь постучали, и я пригласил Глеба войти. Я заметил, как он бросил быстрый взгляд на обстановку, словно оценивая. Это заняло всего долю секунды, но я уловил. Внимательный. В голове уже цепочка выводов пошла. Не зря такие чудеса с информацией творит – там аналитический склад ума. Такие быстро соображают, собрав все мелочи в одну кучу и тут же расставив по нужным местам. Ценный парнишка. Знает, как быть нужным, и что самое главное – ждать умеет. Указаний, вопросов и вознаграждения.

- Приветствую, Глеб. Проходи... Рассказывай

- Добрый день, Андрей Савельевич, - он присел на стул и, как и в прошлый раз, достал свой ноутбук из серой неприметной сумки.

Правильно делает все. Знает, что внимание привлекать нельзя. И не важно, что ты со своими - это стало одним из его принципов. Я это по жестам его читал, по манере разговаривать, по тембру голоса, даже одежде неброской и простой.

Я ждал, пока он загрузит необходимые программы. Он каждый раз делал все по одному и тому же алгоритму, не начиная рассказ раньше времени, чтобы каждое свое слово подтвердить фактом. И мне это импонировало. Я даже начинал его понемногу уважать. За то, что толковый. Это другое поколение уже. Они по-другому будут жить, зарабатывать, богатеть и будут исповедовать другие ценности.

- К сожалению, пока не могу вас ничем порадовать. Потому что на ноутбуке вашей сестры я не обнаружил следов взлома. Входов с других ай-пи адресов также...

- То есть, ты хочешь сказать, что переписку вела она...

- Я хочу сказать, что переписка велась с ее ноутбука. Она или не она – знать мы не можем...

- Поставлю вопрос по-другому. Если переписка велась с ее ноутбука, при этом доступ к нему не имел никто, кроме нее...

- Он был запаролен. Пароль достаточно сложный, это я вам как айтишник говорю. Только нет ничего невозможного. Скажем так, если ноутбуком она пользовалась только дома, то любой человек, который имел

хотя бы малейшую возможность добраться до него, мог вести переписку...

- Это исключено. У Макса камеры везде. Там уже все перелопатили... целый штат людей работает... Разве что саму запись можно было подменить...

- Да, Андрей, в этом вы правы... Запись можно подменить, можно выставить на определенное время даже необходимую заставку – словно в комнате пусто и ничего не происходит...

Я сжал ладонями голову, у оперся локтями о стол. Долбаный замкнутый круг! Движемся по нему, как проклятые, и вместо того, чтобы что-то прояснить, запутываемся еще больше. Потому что теперь под подозрением вообще любой, кто хоть раз переступал порог дома Максима. А учитывая многочисленные встречи, празднования и прочее - круг подозреваемых как-то резко увеличился. Меня это злило. Чертовски. До дрожи. Раздражения. Желания разнести здесь все в щепки. Чтобы не давило так внутри. Чтобы ответ получить и Максу набрать, хоть что-то хорошее сказать ему. Чтобы сил придать, напомнить, что держаться нужно, всю хрень из головы выбить и держаться. До последнего. Цепляться за все. Выгрызть зубами это право по-прежнему называться семьей.

Я тер пальцами виски, думая, предполагая, бросая взгляд на Глеба, который оставался все таким же спокойным в ожидании моего очередного вопроса.

- Глеб, возможен ли вариант, что ее ноутбуком кто-то мог пользоваться на расстоянии?

- Все возможно. Я не знаю, в данном случае это вас обрадует или огорчит...

Понимал парнишка все. Что это та самая соломинка, за которую утопающий хочет схватиться. Что переписка эта – не доказательство. Такой же фальшивкой оказаться может. Только как умудрились? Когда недоглядели мы? Все люди проверенные работали. Всех до седьмого колена проверяли.

И опять эта мысль, словно занозой в сердце: а если она... Если Дарина – что тогда? Долго мы еще будем в романтиков сопливых играть?

Неизвестность способна свести с ума. Взорвать наш мозг. Иногда она даже приводит человека на край моста, с которого тот потом сиганет вниз. Потому что она выпивает наши силы. Она наматывает на кулак наши нервы. Она заставляет нас напиваться до беспамятства, совершать необдуманные поступки, подавляя волю, постепенно, шаг за шагом, пока ты не превратишься в жалкое подобие себя.

И мы тонули в ней. Эта неизвестность попадала в легкие, обжигая их,

заставляя задыхаться и не находить себе места.

Мне позвонили и наконец-то доложили все детали по отправке живого товара в Турцию. Бакит и Ахмед. Я уже видел их синие и изуродованные трупы. Им недолго осталось. Только это потом... И если тварь Давыдов имел хоть какую-то достоверную информацию, то мы выйдем на след Дарины. Эти два ублюдка не просто объявили нам войну, они уже ступили на тропу своей смерти. Длинной. Мучительной. Жестокой. Которая будет скрашена звуками их криков, ломающихся костей, разорванной в клочья кожей, унижением и мольбами прикончить их поскорее...

Решил набрать Макса. Голос его хотел услышать. Убедиться, что держится как-то.

- Здравствуй, брат. Насчет Бакита узнал. Гнать надо – времени в обрез. Их на закрытом чартере через полчаса отправят.

- Я близко... успею... новости есть еще? – он говорил коротко, не так, как обычно, словно мыслями далеко, словно боль притупилась. Мне почему-то не нравилось это. Это не тот Макс, которого я знаю. Может, ситуация влияет... но не мог он быть таким... Я одернул сам себя, не время сейчас думать об этом. Увидимся – тогда и посмотрю. Нервы на пределе – что угодно почудиться может.

- По переписке есть. Только все белыми нитками шито... Вариантов подстав много – я бы не стал даже внимания обращать. Век цифровых технологий, мать их так.

Сам не верил в то, что говорю. Понимал, что звучит глупо и жалко. Словно корчащемуся от боли на смертном одре человеку рассказать, как здорово ему предстоит провести отпуск в горах. Только Максу нужно было сейчас это услышать. Как глоток воздуха получить, чистого, среди всего этого смрада из подлости и ненависти. Он, как и я, хватался за эту возможность верить, вгрызался зубами, затыкая пасть разочарованию, которое истекало слюной в предчувствии скорой трапезы. Пусть это станет отсрочкой. Пусть поживет еще... мы поживем...

ГЛАВА 9

Меня разбудило размеренное покачивание и ощущение движения. В голове сильно шумело. Так сильно, что подташнивало и сводило желудок. Вскочила настолько резко, что от боли потемнело перед глазами. В ужасе оглядываясь по сторонам, дернулась и поняла, что руки связаны. Затянуты так, что веревка впивается до костей. Паника обрушилась мгновенно,

мешая дышать. Глаза лихорадочно осматривали помещение. Из всех сил старалась понять, где я. Но так и не смогла, потому что вокруг тьма непроглядная, глаза должны к ней привыкнуть сначала, а их режет от боли в висках. Еще раз дернула руками и застонала от бессилия... а потом с ужасом услышала, как застонал еще кто-то. Надрывно, со всхлипом, и дышать стало нечем. По спине покатился пот градом.

Тихо... тихо. Надо дышать. Считать и дышать. Это когда-то помогало. Иначе паника сведет с ума. Я больше всего боялась именно этих удушливых приступов безысходности.

Просто дышать и думать, вспоминать. Последнее, что я помню, это как зашла в примерочную. Вот здесь надо сосредоточиться. Именно здесь что-то произошло.

Каждое свое движение вспоминать по секундам. Все, что может помочь понять. Я тогда сняла верхнюю одежду и повесила на вешалку, потом сняла сапоги, начала расстегивать кофту. Смотрела в зеркало... Боже! Как болит голова. Теперь я слышала стоны отовсюду. Я здесь не одна. Нас как минимум человек пять. Женщин.

Зеркало... В примерочной. Прямоугольное, во весь рост. Кто-то отодвинул шторку, и я увидела лицо. Расплывчато очень, а потом меня схватили за шею и что-то прижали ко рту. Что-то с резким запахом. Перед глазами вспыхнула яркая вспышка, и от боли в висках я согнулась пополам.

Значит, меня выкрали и куда-то везут. Не только меня, судя по звукам.

Я снова дернула руками – точно веревка, не цепь. Но очень короткая, и руки связаны сзади. Глаза постепенно привыкли ко мраку, и теперь я выхватывала взглядом какие-то трубы, мешки, картонные коробки. Похоже на склад. Но если я чувствую колебания... то мы движемся. Шума колес нет, сигналов машин тоже. Не самолет однозначно. Мы плывем. Да. Вот оно, это покачивание. Монотонное. Паника снова начала подбираться к затылку. Меня похитили и куда-то везут, вместе с такими же, как я. Где, черт бы всех побрал?

- Эй! Где мы?! – крикнула в темноту и прислушалась.

Мне не отвечали, кто-то копошился и плакал неподалеку, а я снова дернула руками, понимая, что они привязаны к чему-то. Скорее всего, к одной из труб.

Я опять закричала, и вдруг кто-то мне крикнул в ответ:

- Заткнись. Хватит орать. И так голова болит. Нахватают шавок для количества.

- Где мы? Куда и кто нас везет? – не унималась я. Звук голосов немного успокаивал. Так всегда бывает, когда понимаешь, что в дерьмо вляпался не

один.

- А то ты не знаешь, где мы? На корабле. В трюме сидим. Границу пересекаем. Потом нас развяжут и наверх поднимут.

- Каком корабле?! Что за бред. Куда наверх?

Я понимала, что спрашиваю что-то не то и не так. Я, наверное, должна рыдать и орать, требовать, чтоб меня выпустили, а я не могла. Я пока не осознавала, что именно происходит.

- Свет, она из нежданчиков. Которых, скорее всего, для количества отлавливают перед самым отплытием.

- Да мне пофиг, кто она. Пусть не орет. А то, когда эти придут, и ей, и нам достанется.

Я снова всматривалась в темноту и теперь уже различала силуэты людей. Женщин. Теперь я видела, что нас человек двадцать.

- Кто отлавливает? – спросила я. Ответа не последовало.

- Кто, мать вашу, отлавливает? Я сейчас такой ор подниму, что у вас уши позакладывает!

- Кто-кто... Наши хозяева. В Стамбул везут. Торги прям здесь проведут. Вот выйдем в нейтральные воды, и нас наверх поднимут. Продадут, как скот, разным извращенцам, и будет нам счастье работать за границей, бл***ь. Ты разве не за этим сюда попала? Только работать дырками будешь.

Она истерически засмеялась, а меня передернуло.

- Какие торги, к черту? Что за... - паника не отступала, и я начала задыхаться, - какие торги? Я не какая-то там шалава. Я сестра и жена довольно влиятельных людей. Что за бред?

Кто-то из пленниц опять расхохотался, а та, что велела мне заткнуться, продолжила:

– Успокойся, им всем наплевать, кто ты такая. Если ты попала к Мехмету, с этого момента ты – рабыня, никто, пустое место. С тобой можно поступать, как угодно хозяину или работоторговцу. Они могут тебя насиловать, бить, продать или даже убить. Ты теперь собственность Мехмета. И поверь, если ты здесь, то искать тебя уже никто не будет, а если и будут, то никогда не найдут. Сегодня тебя купит один из этих... наверху, и ты станешь собственностью, вещью без имени, без прав. Если тебе очень повезет, то ты понравишься своему хозяину и получишь привилегии, а если нет – то гнить тебе в дешевых борделях, пропуская через себя человек по тридцать в сутки.

Я начала дышать шумно, со свистом, чувствуя, как пот затекает в глаза и уши, глядя в темноту расширенными от ужаса глазами. Мне начало

казаться, что это какой-то кошмар. Я просто сплю и скоро проснусь. Или чья-то шутка, розыгрыш, изощренное издевательство. Они просто не знают, кто я, и когда поймут, меня отпустят. Вернут обратно... Я закричала, начала дергать веревки, пытаюсь оборвать их.

- Меня будут искать! Я не какая-то там шлюха! Меня найдут. Слышите! Меня уже ищут!

- Мы-то тебя хорошо слышим. А толку? Да и им насрать. Нет тут случайностей, крикливая ты наша, все продумано до мелочей. И все знают, и кто ты, и откуда. Поэтому заткнись и не ори. Вот придут за нами - им поорешь. Почки отобьют, в рот оттрахают - и заткнешься сама. Такие долго не живут, поняла?

Ничего я не поняла, согнулась пополам, упираясь лбом в грязный пол, воняющий рыбой и тухлятиной.

- Силы береги. Не дергайся. Никто не знает, как на торгах пойдет. Иногда они трахают прямо там. Ломают дальше. Пускают по кругу. А потом забьют как животное. Покорные только выигрывают. Потом подумаешь, что дальше делать, а сейчас умнее будь. Им не нужны проблемы. Тебя сольют сразу же. Таких не покупают, и тогда тебя ждёт ад.

Голос женщины доносился словно сквозь вату... а я, кажется, начала понимать, что происходит. Это сделано специально. Это как-то связано с Максимом и Андреем. Это их враги. И да, все не случайно. За мной ведь следили, иначе как бы меня увезли прямо из торгового центра.

- Эй. Ты терпи. Скоро откроют. Накормят и напоят. Не паникуй, главное.

- Меня выкрали... И я не пойму, почему и зачем. Какого черта это я?

- Я тоже в первый день думала только об этом: «почему я?». А потом начала думать о том, что нужно выжить. Мной расплатились с Мехметом за долги. Вот так просто. Мой сожитель завез на пустырь и отдал, как вещь. А я его любила, падлу.

Ты как сюда попала? Видела, что ты долго была без сознания. Обычно все девушки попадают в эту машину смерти по своей воле или по воле тех, кто их продал перекупщику.

- Не знаю. Я была в магазине одежды. Зашла в примерочную, и кто-то зашел следом. Больше ничего не помню.

- Значит, тебя вели. Особый заказ был. Именно на тебя. Такими делами Бакит с Ахмедом занимаются обычно. Девочки ВИП.

- Ахмед?

Меня бросило в дрожь от этого имени, снова стало трудно дышать.

Если это он все устроил... то тогда здесь продумана каждая мелочь. Каждая деталь. Эта мразь действительно готовилась нанести удар. Он понимал, что это не сойдет ему с рук, значит, есть подвох. Ему что-то нужно от Макса или Андрея. Как быстро меня начнут искать? Скорее, к вечеру, когда хватятся... а может, и сразу. Но сразу не начали, а значит, их сбили со следа. Мной овладело отчаяние, когда представила себе, что сейчас происходит с ними, в какой панике пребывают они. Макс... Он же с ума сходит.

– Откуда ты все это знаешь? Кто ты?

– Я? Да я все знаю про это дерьмо. Так жизнь сложилась. Из провинции приехала звезды с неба хватать, а схватила сутенера и панель. Теперь отсюда надо выбираться, но не воплями. Умней надо быть. Нас пока в фургоне в порт везли, троих убили. Изнасиловали, а потом пулю в лоб и там же у дороги закопали. Это чтоб ты понимала, что орать и дергаться не вариант. Не нужны им такие. Они потом выбраться пытаются, в полицию достучаться. Их просто сразу сливают нафиг.

Наверху послышались шаги и лязг замков.

- Все. Запомни – молчать. Не дергайся - и выживешь.

Но я уже и так знала, что выживу. Если в это замешан Ахмед, то я им нужна. Я их козырь в какой-то игре. Нам в лица посветили фонариками.

- Ну что, суки, жрать хотите? Не обоссались тут без сортира? Сейчас всех отведут облегчиться, потом накормят.

Они отвязывали по одной и пинками толкали к двери, успевая облапать, ударить по лицу, отпустить грязные шуточки. Напряжение вибрировало у меня в каждом нерве. Я ждала, когда они подойдут ко мне и старалась унять панику. Думать о том, что говорила та женщина.

Одна из пленниц вдруг закричала, начала отбиваться, вцепилась в одного из мужиков. В ответ ее ударили ногой в живот, а потом он достал дубинку и начал ее избивать. По голове, по рукам и ногам. Она истошно кричала, а все молчали, обходили их и шли к выходу. Не смотрели. Как будто ничего не происходит, и мне стало по-настоящему страшно именно в этот момент.

- Сука драная! Получай, тварь!

Другой перевозчик пытался оттянуть напарника, но ему это не удавалось, тот как с цепи сорвался.

- Она меня укусила, мразь. Кто знает, какой дрянью она больна.

– Прекрати! Прекрати! Мы и так троих в дороге потеряли. Не бей! Мехмет будет злиться! Не бей, говорю. Накажем ее по-другому! Эй! Трахнем эту суку во все щели! Следов не останется, и другим неповадно будет!

Я с ужасом смотрела, как женщину швырнули на пол, несколько мужчин обступили ее кругом, на ней разодрали одежду. Я слышала, как она кричит, рыдает, как они подначивают друг друга грязными словечками. Нас больше не выводили из трюма, нас оставили любоваться зрелищем, чтоб неповадно было. Никто не смотрел, все закрывали уши руками, прятали лица, но ее крики все равно до нас доносились. Мне казалось, это никогда не закончится. Я слышала все, что они делали, потому что ублюдки озвучивали каждое движение, всю грязь, приказывали, матерились. Она не сопротивлялась и уже не кричала, только постанывала и плакала. Все время плакала. Я этот плач никогда не забуду. Это было впервые. Я никогда раньше не встречала такой жестокости по отношению к женщине. Как можно выжить после этого? Как можно после этого спать по ночам? Они ее ломали. Теперь я понимала значение этого слова. Ломали по-настоящему. Так, как только можно сломать живое существо.

- Хватит! Не то сдохнет. Оставьте ее тут - пусть в себя приходит. Мехмет заберет в бордель потом, если оклемается.

Меня тошнило, и голова кружилась, трясло от отчаяния и ужаса. Когда отвязали и повели к выходу мимо несчастной, которую рвало на пол, пока она, окровавленная, ползла к стене, я сама почувствовала спазмы в желудке. Она подняла на меня лицо, залитое слезами, кровью и спермой, и я отшатнулась, тяжело дыша. Твари! Ублюдки! Конченные, отмороженные ублюдки! Господи! В какой ад я попала?! Это хуже, чем на проклятой даче Ахмеда! Это самое страшное, что я когда-либо видела.

- Пошла, сука, или на ее место хочешь?

Пнули в спину, и я сделала шаг к двери, все еще глядя на женщину. Я никогда этого не забуду, и до меня с ужасом начали доходить слова: «Мы никто, мы их вещи, их рабы, они могут нас насиловать, бить, терзать».

– Все, твари?! Теперь все успокоились! Пошли за мной!

Нас и правда накормили, согнав в одно помещение, похожее на столовую, потом отправили мыться. Как скот. В душевую под надзором нескольких мужчин. Меня трясло от страха и отвращения. С нас сдирали одежду, швыряли нам мыло, а сами смотрели, как мы моемся, иногда подзывали к себе то одну, то другую, лапали, заставляли заниматься с ними оральным сексом. Меня пока не трогали, а я, в затаенной истерике, ждала своей очереди и понимала, что все были к этому готовы. Все, кроме меня, от одной мысли, что кто-то из этих уродов прикоснется ко мне, я впадала в состоянии хаоса, в такую панику, что мне казалось, я не смогу молчать, и меня убьют. И пусть убьют. Лучше сдохнуть, чем стоять перед ними на коленях и брать в рот их вонючие члены.

Из душа нас снова погнали в тот же круглый зал – столовую. Вокруг тошнотворная роскошь и золотая роспись по стенам. И меня снова затошнило, как тогда на проклятой даче Ахмеда. Слишком похоже. Отдает тем же цинизмом и болотом. Адом под декорациями Рая.

Все пленницы, кроме меня, голые, стояли в шеренгу по кругу, а Мехмет, высокий рыжеволосый тип, с густой щетиной и зелеными сальными глазками, рассматривал нас, как лошадей на ярмарке, и щелкал коротким хлыстом, иногда охаживая им кого-то из девушек. Не сильно, но достаточно для того, чтобы они вскрикнули или заплакали, а он улыбался и похотливо поправлял член под джинсовыми брюками.

Некоторых увели сразу, я даже не знаю, куда, и знать не хочу! Я вообще старалась абстрагироваться, насколько это вообще возможно в этом кошмаре. Я успокаивала себя тем, что я им нужна не для этого. Скорее всего, не для этого... но если я ошибаюсь?

Нас осталось всего десять. Он прошел возле каждой, трогая за лицо, за грудь и за ягодицы. Некоторым приказывал встать на четвереньки задом к нему, наклонялся, засовывал в них пальцы и комментировал насколько там узко или нет. Остальные ржали, наблюдая за этими проверками. Когда он подошел ко мне, я подумала о том, что выжить не хочу. Пусть лучше забьют до смерти, но я не встану даже на четвереньки. Мехмет потрогал мои волосы, ущипнул за сосок через кофту.

- Она? – спросил у одного из своих.
- Она самая. Бакит себе хочет. Велел обращаться иначе.
- Себе или для кого-то по заказу?
- Сказал, себе лично. Приедет аукцион смотреть, цену обещал приличную.

Глаза торговца ощупывали меня так тщательно и мерзко, что я чувствовала, как он копошится у меня под кожей.

- Даже так? Жаль. Я б ему подогнал парочку других, а эту забрал в одно шикарное место, где как раз не хватает таких красоток свеженьких, не сидящих на дури.

- Личные указания, Мехмет. Бакит именно её хотел.
- Пофиг. Разденься, сучка! Давай, снимай шмотки. Покажи, что ты там спрятала настолько золотое, что сам Бакит глаз положил? Ты меня слышишь, ты, недосука? Снимай шмотки и покажи мне свое тело. Симпатичная физиономия еще не залог успеха на торгах. Если Бакит не возьмет, а у него бывают заскоки, я знать хочу, что мне делать с тобой?

Я и не думала ему покориться, потому что лучше вскрыть себе вены, чем позволить с собой, как с ними всеми. Я после этого выживать не собираюсь. Потому что Я не выживу. Один из пособников Мехмета что-то шепнул ему на ухо.

– Ну и что?! Для меня она - ноль, шлюха, пустое место! Какая разница? Ее все равно трахать будут, как последнюю шалаву. Бакит сам побалуется, потом брату скинет, и будут видео снимать с ней в главной роли, а может, на ошметки и по пакетам в лес после очередной вакханалии. Я что, не знаю забавы этих двух ублюдков-извращенцев? Снять тряпки, я сказал!

– Да пошел ты! – процедила я сквозь зубы и плюнула ему в лицо. – Когда за мной придут, то тебе отрежут яйца и заставят сожрать.

- Сука! – Лицо Мехмеда заострилось, глаза вспыхнули, он сжал хлыст крепче и замахнулся. Я даже не моргнула глазом, не дернулась и не отшатнулась. Рука с хлыстом медленно опустилась. И вдруг за волосы схватил так, что из глаз брызнули слезы.

– Если бы я не был уверен, что ты принесешь мне немеренные бабки, я бы убил тебя прямо сейчас. Оттрахал во все дырки, даже в уши, а потом забил до смерти, глядя, как блюешь кишками. Но на тебя уже есть покупатель. Твое счастье, что ты так дорого стоишь.

С этими словами он повернулся к своим.

– Подержите ее, я осмотрю зубы и на ощупь проверю, что под этими дорогими шмотками скрывает наша ВИП-шалава для Бакита.

Меня тут же схватили сзади, руки завели за спину, а голову оттянули за волосы назад и придавили шею так, что я не могла даже пошевелиться.

– Не дергайся, не то я за себя не ручаюсь. Стой смирно.

Мехмет приподнял мою верхнюю губу, осматривая зубы.

– Даже не курит. Бл**ь, у меня такой заказ есть. Бакит все карты вечно спутает. Лучших, падла, себе забирает и за долг списывает. Но за нее я возьму свое, либо не получит её.

Его руки скользнули у меня по груди и ощупали, сильно сдавили, потрогали соски, затем талию, бедра, ягодицы. Я содрогнулась от брезгливости, поморщилась, силясь вырваться, но рука перевозчика сдавила мне горло еще сильнее.

- Молись, чтоб он за тебя заплатил. Иначе ты достанешься мне. И ты даже не представляешь, ЧТО я с тобой, сука, сделаю. Хотя... кто знает, что ОН сделает с тобой, наш извращенец.

Они заржали, а я вся внутренне сжалась, но с облегчением поняла, что сейчас меня пронесло. Пока. Временная отсрочка.

***

Торги проходили здесь же, в этом самом зале, только сейчас ее освещали неоновые лампочки и прожекторы, теперь помещение напоминало ночной клуб или стрип-бар. Самое поразительно то, что покупателей никто не видел. Лишь огромные прожекторы, подиум и камеры. Так же охрана и верные псы Мехмета. Я представляла себе все совсем иначе. Мне казалось, что будет много народа, и все будут выкрикивать свою цену, как на аукционе, но вместо этого играла музыка, она сопровождала каждую женщину, выходящую на помост. Многие из них были рады своей участи и с удовольствием демонстрировали свои прелести камерам. Потом в микрофоне послышался голос ведущего, он оглашал цену и говорил, кому продана очередная пленница.

Я смотрела в узкое окошко из маленькой гримерки, где нас причесывали и натирали тело разными маслами, где молчаливые «парикмахеры-визажисты» драли волосы расческами, украшали, вызывая красили лицо и надевали на нас одежду, как в дешевых порнофильмах. Я не узнала себя в зеркале – размалеванная кукла с толстыми черными стрелками на веках, красными губами, блестками по всему телу. Даже на соски намазали красные румяна.

- Эту одеть, как любит Бакит. В его вкусе... – приказал Мехмет, заглядывая в гримерку.

Когда я поняла, что значит “в его вкусе”, снова началась паника. Состояние, близкое к истерике. Меня раздели в латекс, корсет, чулки и застегнули на горле ошейник.

Мехмет остался доволен, он удовлетворенно осмотрел меня и вкрадчиво сказал:

– Испортишь аукцион – убью. Замучаю пытками, будешь мечтать о смерти. Никаких выходок, поняла? Будешь хорошей девочкой – больше меня не увидишь. Но я мог бы быть лучшим вариантом, чем Бакит, который с тебя кожу плетью сдирать будет под треск камеры.

Он подтолкнул меня к длинной портъере.

– Иди и делай все, что тебе скажет ведущий. У тебя в ухе наушник. Он включится, как только заработают камеры.

Я старалась не думать о том, что будет после. Время идет, и меня ищут. И найдут. Обязательно найдут. Макс убьет каждого, кто к этому причастен.

Я в этом уверена.

Только бы вернуться домой не сломанной ими ТАК. Не измазанной чужими руками, телами и губами. Выдержать и не истерить. Думать. Главное, просто думать о Максе.

Я ступила на шелковую дорожку, и прожекторы тут же были направлены на меня. В ухе что-то щелкнуло, и я услышала голос ведущего. Он был похож на шепот, но четкий и настолько угрожающий, что по моему телу пробежал мороз.

– Пройдись до конца дорожки. Потом снимешь корсет. Останешься в одних шортах.

Я подчинялась этому голосу, странное спокойствие и дикое желание выбраться из лап Мехмета давало мне силы выполнять приказы. Во всем есть смысл. А в том, что сейчас происходит со мной, тем более. Тварям что-то нужно, и они нашли способ это получить, а я должна вытерпеть и дожждаться финала. Меня не могут просто так убить.

Музыка играла все громче, и я понимала, что мне, наверняка, что-то подсыпали в питье, чтобы я не боялась. Какую-то дрянь типа экстази. Меня заставили полностью раздеться, я слышала сопение ведущего, понимала, что тот видит мое тело в мельчайших подробностях. И ему нравится то, что он видит, очень нравится. Я ползала по помосту следом за мужчиной в черном, который водил меня за ошейник и щелкал плетью.

- Оближи губы, сука. Смотри в камеры и облизывай.

Мне казалось, что просмотр затянулся, что других участниц смотрели гораздо быстрее, что их не заставляли тысячи раз поворачиваться, изгибаться, поднимать волосы, улыбаться, танцевать, тереться о шест.

«Меня найдут, Макс меня спасет, он придет за мной! Обязательно придет за мной! И с каждой минутой я ближе к этому! Они все пожалеют об этом, когда он придет! Все до одного!».— успокаивала себя чувствуя, что мои нервы на пределе. Это закончилось внезапно, видимо, кто-то назвал такую цену, что перебил все предыдущие ставки. Либо Бакит назвал ту сумму, которую хотел услышать Мехмет. Когда её огласили, я застыла, не веря своим ушам, понимая, почему Мехмет меня не ударил тогда. Это стоило того, чтобы держать себя в руках.

– ПРОДАНА!

Мерзкое слово эхом разнеслось по пустому помещению и запульсировало у меня в голове.

Я с ужасом увидела, как двери распахнулись. Зашли несколько мужчин

в черных костюмах и плащах. Они казались совершенно одинаковыми, как близнецы. На меня набросили просторный халат и увлекли к выходу. Последнее, что я увидела, прежде чем мне завязали глаза – это улыбающегося, довольного Мехмета. Он помахал мне рукой и послал воздушный поцелуй.

«А с тебя Макс сдерет кожу живьем и выпотрошит, как свинью. Это я тебе обещаю».

***

Меня вели по коридорам с завязанными глазами, подталкивая в спину, но молча. Ни звука не издали, проклятые.

Я поняла, что мы спускаемся по ступенькам, потом меня пересадили куда-то... Кажется, на моторку. Судя по звуку и холодному ветру, треплющему волосы и освежающему горящее лицо. Тишина давила на мозги. Опять начиналась паника, а я старалась дышать глубже. Очень глубоко и медленно.

«Когда тебе будет нечем дышать, малыш, дыши мной. Думай обо мне и дыши».

И я думала о нем, я наивно надеялась, что мне это поможет. Надеялась, даже тогда, когда меня снова поднимали по ступеням и когда сняли повязку с глаз. Я поняла, что мы уже на другом судне и все еще продолжала медленно дышать, справляться со страхом и паникой.

- Пошли, - мужчина в черном кивнул в сторону коридора и грубо взял под руку, - тебя ждут.

Когда я увидела того, кто купил меня, я вдруг поняла, что меня еще не ломали. Что ломать меня будут именно здесь и именно этот человек с густой бородой и колючими, страшными черными глазами так похожими на глаза Ахмеда.

- Здравствуй, Дарина, - сказал он низким голосом, - знаешь, зачем ты здесь?

- Я знаю, что будет с вами, когда меня найдут.

Он усмехнулся уголком рта.

- Мы тоже знаем, поверь. Но мы подготовились.

Его глаза лихорадочно блеснули, когда он опустил взгляд к моей груди и облизал мясистые губы.

- Мы снимем тебя в нашем блокбастере с рейтингом двадцать один плюс, птичка. Основанном на реальных событиях. А ты для нас сыграешь самую лучшую роль в своей жизни – СЕБЯ!

ГЛАВА 10

Бакит смотрел, как тело женщины извивается от ударов хлыста, и от каждого ее стоны закатывал глаза. Да-а-а-а! Вот оно! Та самая музыка, которая поднимает из мертвых - ее стоны.

И эти полосы на спине. Тонкие, аккуратные, как царапинки. До мелких капелек крови, а боль адская. Изнутри рвет. Он любил, когда у него получались узоры, а это случалось ТАК редко... и с каждым годом все реже и реже. Как можно рисовать на грязных холстах? Вдохновение испарялось, таяло от их фальшивых улыбок, лести, покорности, жалкой раболепной преданности. Игры. Одни игры. «Да, Господин, да Хозяин». Ему надоело играть. С детства хотел по-настоящему. Они с Ахмедом часто снимали живые развлечения... Только отец, когда узнал, выгнал младшего сына, думал, это он десять девушек на смерть в охотничьем доме замучил. Но Ахмед любил именно игру, за ним любовницы сами бегали пачками, а у Бакита никого. Только шлюхи, и те до ужаса боялись. Приходилось самых дешевых брать, неразборчивых. Не все они потом обратно возвращались.

Многих потом закапывали за городом в пластиковых пакетах. Совесть его не мучила никогда. Шлюхи - вообще не люди. Так, отбросы гнилые. Да, все они смеялись у него за спиной, потому что он не мог сделать с ними то, что должен делать настоящий мужчина. Он видел, как под масками боли они хохочут над ним... Не-е-ет, не боятся, а издеваются, потому что он не может раздвинуть их ляжки и засадить им. Хочет... зверски хочет и не может. Тогда он их убивал. Чтоб стих смех у него в голове, и он стихал потом на долгие месяцы, пока Бакиту хватало собственной руки, натирающей вялый член до оргазма под очередной ролик Ахмеда, снятый специально для него. Наказал его Аллах наперед, в детстве еще, когда придавило под сводами рухнувшей конюшни, ноги парализовало на несколько лет... Камран тогда говорил, что это Ахмед доски подпилит, знал, что Бакит с утра на вороном кататься поедет, но он не верил. Со зла Камран ляпнул, может, сам и подпилит. Впрочем, какая теперь разница, кто. Раз наказание уже хлебнул сполна, то что теперь его остановит?

Только надоело все и опостылело. Снова к вере пришел. Какое-то время помогало. И вдруг эта девка с тонкой сливочной кожей. Увидел на фото, и пах за долгие годы прострелило возбуждением. Что-то в ней было такое... Какая-то провокация, то ли во взгляде, то ли во всем ее облике. Сильная она. Бакита всегда будоражила чужая сила. Зависть вызывала и дрожь азарта. Предвкушение вкуса непокорных слез и крови. Это Ахмед любит раболепие и лесть, а Бакиту по нраву честность и ненависть.

Вкуснее ломать, кромсать и доводить до излома.

Она его удивила изначально, как только завели в эту комнату. Слова не сказала ни единого, только смотрела свысока и насмешливо, намекая, что им это с рук не сойдет. Да и сама в этом не сомневалась. Он хотел ее довести до того, чтобы просила и умоляла, слюни по лицу своему кукольному размазывала и просила не трогать, а она молчала. Словно назло. Как знала, чего он хочет и не давала ему этого.

Не орет как все, а тихо стонет, а у него от каждого ее стона яйца поджимаются и член начинает оживать. Такое бывает очень редко... чтоб твердел и в висках похоть колотилась с удовольствием. За долгие годы только пару раз такое было, он даже на камеру записал и просматривал иногда, видел себя нормальным, таким, как все. Отчаяние приходило позже, когда понимал, что не контролирует этот процесс. Его собственное тело живет своей жизнью.

А сейчас полосует ее спину коротким кожаным хлыстом и чувствует приход, как от наркоты, которую как-то у Ахмеда попробовал.

«Эту насильно не брать даже если встанет, Бакит. Узнают – похоронят нас. А мы имеем другие цели. Будь хорошим режиссером и сними для них правдоподобный фильм, а не трешатину в своем стиле».

Только ведь он оживает... Как держаться? Разум вспышками загорается в мозгах и гаснет от зверской жажды. Красивая тварь. Очень красивая. Экзотическая, он бы сказал. Кожа белая, глаза светлые, а волосы почти черные.

- Кричи, сука! Кричи, я сказал! Ждала моего разрешения?

Камеры потрескивают отснятыми кадрами, а она не кричит, и он бьет сильнее, так, чтоб ее прорвало. Стройное тело извивается на веревках, покрыто каплями пота, блестит, лоснится, но она молчит тварь. Как назло, молчит... А его это еще больше подхлестывает и заводит. Бьет уже сильнее, со спины пот и капли крови слизывает. Вкусно. Как же вкусно, мать её. Жаль, что нельзя с ней по полной. Он бы себе оставил. Только компания по перевозкам нужна им намного сильнее, да и вражда открытая с Воронами ни к чему. Ахмед, сученыш, все продумал идеально. Гениальная подстава, после которой семейка долго еще будет собирать себя по частям.

- Кричи, шлюха! Давай!

Развернул к себе, прокрутив на веревке, как на карусели, вглядываясь в голубые глаза, наполненные ненавистью и упрямством. Как там ее зовут? Даша, Дарья? Да пофиг. Сучка ее зовут, как и всех его пресмыкающихся самок.

- Кричи... я сказал. Я хочу, чтоб ты кричала.

- И тогда у тебя встанет?

Прищурился. Откуда знает, сука? Или просто дерзит? Отвесил ей пощечину, потом другую и снова склонился к ее лицу.

- Кричи, я сказал, не то кожу с тебя сниму. Живьем.

- Да пошел ты!

Ударил снова, еще и еще, чувствуя, как возбуждение уже скользит по венам от вида тонкой полоски крови в уголке ее идеального рта. Раздирать эту идеальность. Если он сможет... в этот раз, то он поймет ее везде. Везде... как и мечтал в своих фантазиях, когда дергал свой член, глядя на ее фото и почти достигал подобия эрекции... достаточно, чтоб всунуть. Сам не заметил, как начал делать тоже самое, пытаясь поднять его, и похрипывая от удовольствия.

И вдруг она расхохоталась громко, истерично. Взгляд на его руку бросила и начала хохотать, тварь. Захлебываться слезами и смеяться ему в лицо. Догадалась, сука! Она догадалась!

Все потухло, исчезло, появилось дикое желание раствориться. Исчезнуть. Или убить ее. Да! Убить. Именно убить. Забить насмерть или ножом в нее тыкать, пока кровавое месиво не останется. Он даже нащупал в кармане «бабочку», подаренную одним зэком. Ручной работы.

- Заткнись! Заткнись, падаль такая! Прекрати смеяться! Я же убью тебя сейчас. Я тебя этим ножом трахать буду.

А она хохотала, не унимаясь, смотрела на него, слезы по щекам текут, а она хохочет. Достал нож и сильно сжал рукоять. Ее смех слился для него с хохотом других таких же сук, которые поплатились за это жизнью.

- Заткнись! – даже голос сорвался на визг. Стиснул ее челюсти, не давая смеяться.

- Да пошел ты на хер! Меня найдут, и ты... ты сдохнешь! – процедила она.

Затрещал сотовый, он трещал и трещал, звенел с каким-то раздражающим треском. Заставляя медлить, не вонзая в нее нож, а отсчитывать секунды в голове и смаковать то, что себе представляет и снова твердеет в паху, шевелится, оживает.

Пришла смска.

Бакит выхватил сотовый из кармана. На дисплее номер брата светится и десять пропущенных один за другим.

«Не ответишь, я к тебе прямо сейчас вылечу. Не трогай девку, я сказал!»

И снова звонок, на этот раз Бакит с раздражением ответил, глядя, как

девчонка смотрит на лезвие в его руке и тяжело дышит. Наконец-то испугалась.

- Да! Что тебе надо, мать твою?! Какая падла донесла?

- Умная. Полезная. Которая присматривает за тобой, чтоб фигни не натворил, а если творишь - подтирает за тобой. Мы о чем договаривались, Бакит? За ней уже едут. В порту ждут тебя. В руки себя возьми и не порть наш план. Я найду тебе другую соску. Слышишь, брат? Заканчивай спектакль, как договаривались. Через пару часов получим то что хотели. Слышишь меня? Давай, щелкни пальцами... и успокойся. Нож спрячь. Не сегодня и не сейчас, и не эту.

- Ты обещал мне эту! – взвизгнул Бакит, пятясь назад от девчонки, извивающейся на веревках.

- Обещал. И дал. Но вас нашли раньше, чем я думал. У тебя времени всего ничего. Не трать его. Не то не успеешь.

- Как нашли?

- Понятия не имею. Давыдов, видать, раскололся, трубку не берет, падаль. Зверь уже в Стамбуле, вроде один приехал...но не факт. Так что давай, успокаивайся и заканчивай представление.

- Сука ржала надо мной!

- Тш-ш-ш-ш... тихо. Она над тобой сейчас... а потом смеяться будем мы... Как думаешь, ей простят? М-м-м? Где Ася?

- Здесь, на судне.

- Вот и заканчивайте. Не разочаруй меня, родной. Не разочаруй. Асю потом... сам знаешь. Давай, все. Попей воды холодной, умойся. Зверь к тебе сразу поднимется, на берег не даст сойти. Прими гостя. Он наверняка привез интересное предложение.

- Ты говорил, у меня дня три будет!

- Вот нет у тебя трех дней, и дня нет, и часа нет, Бакит. Это шанс отомстить и за Камрана, и за нас. Жена самого Зверя в твоих руках. Двойное наслаждение ломать в её лице сразу обоих. Нет оскорбления страшнее для мужчины, чем его поруганная женщина, а еще большее, если она раздвинула ноги добровольно. Вот и заставь его в это поверить. Ты же превосходный режиссер.

***

Бакит почти спокойно смотрел на экран, как Зверь поднимается на судно. Действительно один. Почти... Потому что знал, что и на дачу брата этот псих сам приехал, а трупов после себя оставил словно гребаный серийный маньяк. Не факт, что неожиданно и на их судно не поднимется

человек сто, вооруженных до зубов. У Воронов везде свои люди есть.

Мужчина позволил себя обыскать, спокойно поднял руки, пока его ощупывали. Бакит хмыкнул – без оружия?

- Проверьте за штаниной и даже в пачке сигарет.

- Проверим, господин.

Нармузинов перевел взгляд на второй экран, где он сам долбился членом в рот девушке, как две капли воды похожей на жену Зверя.

Смотрел на эти кадры на мониторе и сам замирал от восхищения. Где только Ахмед откопал эту копию, и каких денег ему это стоило? Волосы того же цвета и длины, пластика носа, ярко-голубые лизы. Ей даже сиськи четко в размер подогнали и жрать давали строго по рекомендации, чтобы фигуру не отличить было. Да, Ахмед умеет творить чудеса.

Там, на видео, он поставил потом девку на четвереньки и вошел в нее сзади, пристраиваясь над ней и, оттягивая голову за копну темных волос назад, сжал горло двумя руками и жадно поцеловал, перегибаясь через ее голову.

- Нечем дышать, да? Дыши мной. Моя сука. Моя!

Она кивает, а заорать не может, только рот открывает, хрипя и задыхаясь. Камера замерла в тот момент, когда тело девушки выгнулось и задергалось в оргазме. Ахмед не обманул, Ася кайфовала от боли. Заводная, не фальшивая, реально наслаждается процессом. Жаль, пришлось от нее избавиться.

Бакит снова посмотрел на второй экран. Нармузинов нервничал, несмотря на то, что враг приехал к нему совершенно беззащитным, но беззащитность Зверя слишком показная. Этот из любой вещи оружие сделает. Он недостаточно знает Воронова младшего, чтобы предугадать его действия или понять, что тот задумал. Но когда мужчину провели в просторную каюту Бакита, он подумал, что противник неважно выглядит, и внутри поднялась волна удовлетворения. Он себе представлял Зверя иным, видел как-то давно на каком-то приеме, а потом не доводилось пересекаться, а сейчас перед ним предстал заросший щетиной тип с кокаиновым блеском в глазах и смертельно-бледной кожей. Нездоровый тип, неадекватный. Но что-то во взгляде Зверя заставило Бакита подобраться и насторожиться, когда тот посмотрел прямо в камеру. Когда-то Нармузинов был на полигоне террористов-смертников и видел такие же взгляды больных фанатиков, готовых на все ради своей дикой цели. И этот готов. В зрачках пустота и смерть. Не ненависть, не обещание отомстить, а именно смерть. То ли в себе ее носит, то ли Бакиту принес.

Нармузинов бросил взгляд на спящую рядом женщину, накачанную

снотворным. Беспокойно спит, веки подрагивают, шепчет что-то неразборчиво. Черная шелковая простыня прикрывает голое тело со следами экзекуции и синяками. На шее засосы. Он заботливо поправил ее локоны, стянул простыню, обнажая тело. Засмотрелся на рисунок из тонких бордовых полосок на спине.

Жаль, что это лишь представление, он бы с удовольствием лицезрел ее в своей постели каждое утро с такими метками. У него-таки встал, когда продолжил ее полосовать, аккуратненько и уже ради самого искусства, правда оттрахал он другую... но так похожую на нее.. Брат не глотает оскорбления, он их копит и вынашивает, чтобы потом отомстить. Кино с этой актрисой, так похожей на оригинал, получилось интересное, грязное, пошлое, развратное. Он хлестал ту суку, а представлял эту, драл на части, рвал везде, где только мог, а она завывала от удовольствия, давно с ним телки не были... да что там давно – никогда. Правда, эта была за бабки, которые ей пообещал Ахмед, а вместо десяти тысяч баксов ее час назад по кускам кинули в средиземное море. Только ощущение у Бакита осталось, словно все же отымел жену Зверя, настоящую. Когда пленку просматривал, сам усомнился в подмене. Четко сработано, профессионально. Гостя ждет ВИП-просмотр шикарного запрещенного порно, где он увидит свою собственную жену, отсасывающую Бакиту или подставляющую свой зад под его член.

Нармузинов встал с постели, накинул на голое тело шелковый халат и наконец вышел к гостю, которому до этого успели принести бокал виски и сигару.

***

Когда вошел и посмотрел посетителю в глаза - стало холодно, мрак в зрачках гостя оказался лихорадочно живым, он вибрировал и подергивался, как живой организм. Бакит поежился. От этого человека исходила опасность. Скрытая и пока что контролируемая, но Нармузинов не был уверен, что у того все под контролем. Не даром его называют Зверем.

- Максим Савельевич, рад нашей встрече. Такая приятная неожиданность. Хотите чаю?

Протянул гостю руку, но тот продолжал смотреть ему в глаза, и вблизи этот взгляд казался еще страшнее, чем в маленькой камере наблюдения. Взгляд опустил ниже, на чуть распахнутый халат хозяина судна, и снова вернулся к лицу Бакита.

- Прости, Зверь, не ожидал гостей. Занят был. Оторвал ты меня от

очень приятных дел, дорогой, – ухмыльнулся, поправляя пояс, и сел напротив гостя в кресло.

- Чего стоишь? Как говорят ваши – в ногах правды нет. Присаживайся.

Парень сел в кресло. Очень медленные движения, словно он заторможен или действительно под кайфом, но Ахмед как-то говорил про своих хищных кошек, что самые опасные звери всегда двигаются либо медленно, либо молниеносно.

- Я по делу и времени у меня мало.

Голос ледяной, отстраненный. На лице не видно ни одной эмоции. Пока. Бакит искренне надеялся, что пока.

- Ну тогда приступим к твоему делу, Зверь. Вижу, виски наш ты не тронул, побрезговал?

- Нет, предпочитаю быть трезвым сегодня.

Спокоен и холоден. Бакит по-прежнему чувствовал покалывание вдоль позвоночника. Словно это не Зверь у него в каюте сидит без оружия, и стоит только Бакиту пальцами щелкнуть - того порвут на части, а наоборот – это сам Бакит окружен со всех сторон смертью, и она дышит ему прямо в лицо.

Зверь сунул руку за пазуху, и Бакит почувствовал, как в горле тут же пересохло, бросил взгляд на камеры и на ящик стола – успеет ли ствол достать, но тот вытащил небольшую карту и медленно разложил на столе.

- Вот здесь и здесь моя территория, мои цистерны и моя граница. Шестьдесят процентов акций. Я так понимаю - это нужно было вам с Ахмедом?

Бакит почувствовал, как триумф смешивается со страхом и несется по венам.

- Говори более понятно, Зверь. Прямо говори.

- Компания по перевозкам принадлежит мне. Я получил ее от отца, а тот от Царева-младшего. Я отдам тебе контрольный пакет акций. Доходчиво? Или повторить еще раз?

Бакит не удержался и прищелкнул языком, откинувшись на спинку кресла.

- Более чем доходчиво, Зверь. Вопрос в другом – с чего бы это?

Но они оба знали - с чего. И Бакит ясно прочитал это в глазах Зверя, когда тот поднял взгляд на него. Тяжелый взгляд, свинцовый.

- У тебя есть то, что принадлежит мне, и я готов обменять ее на контрольный пакет, Бакит. Мою жену, которая, судя по всему, находится на этом судне. Поэтому я говорю с тобой прямо – я ее забираю. Я не стану торговаться, играть с тобой в какие-то игры. Я предложил плату, и ты либо

берешь, либо ты мертвец. Третьего нет, Бакит, думать не надо.

Нармузинов тоже закурил и покрутил печатку на среднем пальце. Слишком все просто, либо Ахмед и правда гений. Знает то, чего не знает сам Бакит. Кажется, птичка с голубыми глазами заарканила Зверя, да так, что тот на многое готов, лишь бы получить ее обратно. Возникло едкое желание отказать и оставить сучку себе.

- Угрожаешь мне, Зверь?

- Нет. Я никогда не угрожаю – я предупреждаю. Угрожает тот, кто ни на что не способен.

Бакит нервно усмехнулся и снова отметил этот блеск в глазах гостя – таки под дозой. Ему раньше не говорили, что Зверь сидит на дури. Как Ахмед мог этого не знать.

- Зачем тебе сука, которая убила твоего отца, Зверь? Зачем тебе шлюха? Моя шлюха, которая сосала у меня полчаса назад вон в той каюте, - кивнул назад.

Удар достиг цели, и противник стиснул челюсти так, что Бакит услышал, как заскрипели зубы. Драйв! Ахмед был прав. Сродни оргазму. Мягко ломать врагу грудную клетку каждым словом и подбираться к сердцу, чтобы выдрать.

- Я говорил ей, писал, чтоб не лезла к вам, что все в прошлом. Она сама наворотила всякого дерьма. Я вообще думал убить её и доказать вам с Графом наше истинное расположение. Девка была одержима местью вашему отцу и вам. Вы ей жизнь поломали, ей и ее матери. Железный мотив, я бы сказал. Что, впрочем, не мешало ей кувыркаться с тобой в постели... А она та еще штучка, да, Зверь?

Макс резко встал, и Бакит расхохотался. Он буквально слышал, как лопаются вены противника под ударом каждого слова-лезвия. Чужая боль потекла по нервам, принося удовлетворение. Ахмед обещал кайф и не обманул. Ментально Бакит только что кончил.

- Не нервничай, Зверь. Живая она. Как же женщины вертят нами. Мы их люто ненавидим и в тоже время готовы за них убивать. Успокойся. Живая.

Не совсем целая, но живая. Твоя жена девочка с секретом. Не знаю, все ли тебе о ней известно, но она не любит оставаться целой после секса.

- Избавь меня от подробностей твоей нездоровой сексуальной жизни. Давай четко по делу. Где она и когда я ее могу забрать?

- О-о-о-о, хочешь наказать сам. Я понимаю. Понимаю, как никто другой. Но ты то после появился... а до тебя моей сукой была, каждую мою прихоть выполняла. Поосторожней с ней. Не наказывай шибко. Жалко все-

таки. А может, мне оставишь? Зачем она тебе после всего этого? Договоримся. Я тебе вместо нее что-то другое подгоню. Кокс высшей пробы. Кристаллы чисты, как алмазы...

- Я хочу четкий ответ на поставленный вопрос. Тебе подходит или нет?

Зверь проигнорировал предложение Бакита и швырнул на стол флешку с пластиковой карточкой.

- На носителе копии пакета, а это ключ от ячейки в банке. Все переписано на твое имя и заверено нотариально.

- Я вот думаю...

- Меньше думай, Бакит. Мы оба знаем, насколько тебе это нужно. Тебе и твоему братцу. Два раза предлагать не буду.

- Слишком дорого за дешевую шлюху, Зверь. Знал бы я, что она так дорого стоит, продал бы ее тебе намного раньше. Информацию проверить надо.

Встал с кресла и протянул руку за картой, но Зверь ловко перехватил ее и повертел между пальцами, как игральную.

- Флешки достаточно для проверки. Убедишься – скажешь. Карточку получишь, когда я получу свою жену.

- Не боишься, Зверь, что не выйдешь отсюда?

- А ты не боишься, что я тебе этой карточкой перережу глотку? Приведи мою жену, Бакит. Сюда приведи. И разойдемся мирно. Никто не умрет. Сегодня.

Провернул в пальцах пластик еще раз и посмотрел Бакиту в глаза. Тот не выдержал взгляд, сжал флешку в пальцах.

Самоуверенный ублюдок, наглый и зарвавшийся сукин сын. Только проверять, насколько Зверь отвечает за свои, слова Бакиту не хотелось.

- Я пока проверю, а ты кино посмотри. Я думаю, оценишь. И да... зачем мне ее приводить? Она вот за дверью. Спит в моей постели. Притомилась за ночь.

Нажал на пульт и на большом плоском экране телевизора появилось изображение...

- Захочешь еще виски - бар в твоем распоряжении. С перемотками и паузами, я думаю, разберешься...

Это было унижение... и Бакит, когда прикрыл за собой дверь, прислонился к стене, вытирая пот ладонью с затылка. Ощущение, что вся эта затея Ахмеда пахнет мертвечиной его так и не покинуло, несмотря на то, что это была самая настоящая победа. Зверь сам казнит свою «неверную» жену, а потом трещина разрастется и по всему семейству... но смертью воняет все равно. Недаром Бакиту несколько дней назад снилось,

как вороны глаза ему выклевывают, а он орет беззвучно и лицо руками закрывает...

ГЛАВА 11

- И когда я смогу получить обратно свой телефон?

Настя смотрела мне в глаза, ожидая, и словно пытаюсь прочесть в моем взгляде ответ на свое недоумение.

- Сегодня...

- Нашли что-то интересное? - хмыкнула и слегка прищурила глаза.

- Не волнуйся, Настя, даже если там были какие-то грязные секреты, меня это совершенно не волнует.

- Андрей, не ерничай. Может, объяснишь, в конце концов, что происходит? Что все это, - она развела руки в сторону, - вот все это, значит?

- Я не люблю самодеятельности, Анастасия! – приблизился к ней вплотную, остановившись в миллиметре от ее лица. – И ты это прекрасно знаешь. Какого черта ты сюда заявила, и откуда знала, что они здесь?

Увидел, как она поджала губы, а в глазах появился влажный блеск. Даже подбородок слегка дернулся.

- Мне Фаина позвонила, попросила приехать... Сказала, что ей уехать срочно нужно, а Карину не хотела оставлять одну. Допрос окончен?

Дьявол... Понимаю, что обидел ее сейчас. И вроде складывается все, вроде правду говорит. И про Фаину, которая к Афгану в больницу срочно уехала - все логично. Получается, что помочь хотела, поддержать, с моей же дочерью возится. Только все равно внутри недоверие. Дерганные мы все стали. Врага в каждом видим. А тут... Черт его знает. Подставить любой может, да так, что не подкопаешься. Поэтому все равно не верил. Подвоха какого-то ждал на каждом углу. Потому что все из-под контроля выходило, и меня колотило от этого крупной дрожью. Внутри. Там, глубоко. Кажется, что каждое слово произнесенное тройное дно имеет, что любой может крысой оказаться. Поэтому взбесился, что приехала сюда без моего ведома. Приказал телефон отобрать, проверить, даже одежду ее, вплоть до нижнего белья. Унизительно это, знаю. Только сейчас другие приоритеты – не дать развалить все окончательно – семью, бизнес, место наше, которое мы зубами выгрызали каждый день.

- Фаину, значит, тоже разговор ждет. Потом....

Я отошел от нее на несколько шагов и приблизился к мини-бару,

доставая бокалы.

- Выпьешь чего-нибудь?

- Нет, спасибо. Не хочется, - она подошла к окну и смотрела куда-то вдаль. Обняла себя за плечи. Отвернулась. Не хотела, чтобы лицо ее видел, с эмоциями так легче справиться.

Я все же налил в бокал красное вино, знал, какое любит, и подошел к ней, становясь рядом и протягивая ей напиток.

-Настя, мы не первый день знакомы, и меньше всего мне хотелось тебя обидеть. Ты умная женщина и все должна понимать. Нет полного доверия. Ни к кому. Ничего личного. Обстоятельства требуют.

Она обхватило ножку бокала тонкими пальцами и сделала несколько торопливых глотков.

- Знаю я все. Понимаю. Уехать хочу. Фаина сегодня должна вернуться.

- Да, конечно. Только я к тебе людей приставлю своих.

- Дальше проверять будешь? – она ухмыльнулась. Горько так, разочаровано.

- Нет. Охранять...

Настя залпом выпила оставшееся вино и поставила бокал на стеклянный столик. В этот момент в гостиную вошла Карина. Лицо засияло, глаза засверкали, подбежала ко мне - а у меня горло занемело от того, что увидел ее такой. Рада видеть. Не скроешь этого. Сам не заметил, как улыбнулся – искреннее, давно не чувствовал такого, чтобы от счастья в груди тесно было.

- Карина, привет, доченька... - руки протянул, чтобы обнять, а внутри опять дрожь, обнимет ли в ответ. После того визита к врачу у нас и времени-то толком не было, чтобы поговорить. Что она чувствует сейчас? Как себя поведет? Мысли вертелись словно ошалелые, а когда почувствовал, что обвила шею, показалось, что я дышать перестал. Все свой смысл потеряло, на второй план отошло. Как будто нет ни проблем, ни тревог, как будто не нужно сейчас бежать куда-то, что-то решать, договариваться и выяснять. Одно движение – а сил как будто в десять раз больше стало. Как и уверенности, что все улажу. Не может все вот так вот, в один миг рухнуть. Не может. Увидел, как Настя тихо вышла из комнаты, поднимаясь на второй этаж. Спустя короткое время Карина все же не удержалась и решила пожаловаться.

- Па-а-а-ап, я, конечно, все понимаю, но закрыть меня здесь без интернета - это жестоко... Я скоро умру со скуки...

Возмущается, губы надула, но нет в ее словах злости или раздражения, как раньше. Это чувствуется. Уверен, она понимает, что неспроста все, что

так нужно, что происходит что-то, от чего ее уберечь пытаются.

- Потерпи, дочь... Ты ведь знаешь, что это не моя прихоть...

Смотрит мне в глаза, и взгляд поменялся – появилась в нем серьезность и тревога. Ребенок ведь, хоть и пережила намного больше иных взрослых. Защиту хочет чувствовать, знать, что в безопасности, что есть кому защитить.

- Пап, что-то случилось, да? Что-то плохое?

Хочется соврать, успокоить, улыбнуться фальшиво и отмахнуться, что нет, все хорошо, что не о чем волноваться, только понимал, что не поверит и только очередную стену выстроит эта ложь.

- Случилось, моя хорошая. Поэтому ты здесь. Потому что так нужно. Но я все решу. Ты же веришь мне? Веришь?

- Верю, конечно... Просто тяжело мне. Фаина вся задумчивая. Молчит постоянно. Ты весь на нервах... Сложно мне сидеть и додумывать...

Обхватил ладонями ее лицо и прямо в глаза смотрю. Опять чувство гордости распирает, насколько сильная она. Как ведет себя. Нет той спеси, которой прикрывалась раньше, только тревога, волнение, и при том – никаких лишних вопросов.

- Карина, послушай, потерпи сейчас, хорошо? Я не знаю, сколько. Это то, о чем я хочу тебя попросить. Хотя бы за тебя я хочу быть спокоен. Это временно...

Улыбнулась слегка, своими пальцами мои накрыла и в конце концов глаза опустила... Знаю, что кучу вопросов задать хочет, но сдержалась. Сказала ведь, что верит, поэтому и не стала продолжать.

- Хорошо, пап. Давайте уже, решайте все быстрее. А может, ты Даринку ко мне привезешь. Мне бы легче было, и не так скучно. Попроси у Максима, он отпустит?

Отвернулся, опять к бару подошел, потому что в глаза не могу ей смотреть, потому что в этот раз все же придется лгать. Налил в бокал виски и залпом выпил.

- Она приедет. Только немного позже. Они с Максом не в городе сейчас. Как только вернутся – будет тебе твоя Даринка. Договорились? – придал голосу мнимую веселость, чтобы не почувствовала в нем вибрации волнения.

- Да, я буду очень ждать. Скажи, пусть хотя бы позвонит, а то и поговорить не с кем...

- Хорошо, Карина. Обязательно.. Ты такая у меня молодец. Мне уезжать уже надо...

- Так быстро? – тихо произнесла она, с грустью, а мне как

законченному эгоисту опять улыбаться хочется. Значит, тоскует...

- Прости, доченька... Правда, нужно. Я скоро опять заеду, обещаю...
- Хорошо, пап. Давай тогда...

***

Как только я выехал за ворота, сразу же схватил телефон. Дьявол! Он мне так и не перезвонил. Макс, бл***, где тебя носит. Он мне весь день не отвечает. Просто не отвечает... Я наверное ему раз сто уже набирал – и тишина. Что за хрень? Он же знает, мать его, что я тут на иголках. Что за игры? Что случилось? Набрал опять. Связи нет... Чертыхнулся и со всей силы ударил руками по рулю. Я готов был взорваться сейчас, я был зол как черт, потому что так, бл***, нельзя. Нельзя. Понимал, что у этих отморозков все могло пойти не так..

Да какое понимал, уверен был. Только Макс, если хотел бы – нашел бы способ оставить информацию. А он просто не отвечает. В такие моменты мне казалось, что я ненавижу его настолько сильно, насколько это возможно. Ненавижу, потому что знаю, в какое дерьмо он влезть может. Ненавижу, потому что не плевать. Потому что места себе не нахожу от этой гребаной неизвестности, которая любого способна свести с ума. Не заметил, как на встречу выехал и, едва справляясь с управлением, резко отвернул машину, чтобы избежать столкновения. По ушам резанул визг шин. Черт! Только угробить себя сейчас - и все... Так, хватит психовать, мозги включить нужно. Узнать, что произошло и куда Макса занесло на этот раз.

- Ало, Русский... Пробей, где Макс сейчас. Он вернулся уже?
- Да, Андрей Савельевич. Вернулся.
- Я со всей силы сжал зубы от злости и ярости.
- У себя?
- Да...

Нажал на кнопку отбоя и отшвырнул телефон, вдавливая со всей силы педаль газа. Я сейчас до тебя доберусь, и ты мне, твою мать, объяснишь, почему так себя ведешь. Сейчас я был готов думать о нем что угодно, потому что не хотел допускать других мыслей. Тех самых, которые могли сломать нас всех. Не хотел думать о Дарине. О том, что произошло, и что Макс мог узнать. Когда подъехал к его дому, мне не сразу открыли. Что за...? Они что, вообще все с ума посходили? Пришлось даже выйти из машины и рывкнуть охраннику, который смотрел на меня перепуганными глазами, а потом и вовсе потупил взгляд. Мне все это порядком надоело. Что за фокусы? Я быстрым шагом направился в сторону дома и

решительно открыл дверь.

- Макс! Ты где?

В помещении – полумрак, шторы задернуты, нигде свет не горит. Я еле смог рассмотреть брата, который развалился в кресле и, чертыхнувшись, наконец-то ответил.

- Граф, бл***. Закрывай дверь пошустрее... Долбанный свет....

Если бы я не знал, что это мой брат, клянусь, я бы его не узнал. Бледный, глаза ладонью прикрывает, как будто солнечного света боится, или же скрыть что-то хочет. Исхудавший... от него, наверное, половина осталась. В руке – бутылка виски... Из горла хлестал, никак иначе.

- Дарина где?

Я приблизился к Максиму и в который раз удивился тому, что от меня прячут взгляд. Этот дом как будто стал чужим. Не только люди, которые в нем живут, а даже стены, даже та зловещая тишина и темень, в которую он погрузился.

Он вальяжно поднес ко рту бутылку с виски, сделал несколько глотков, а потом, глядя мне прямо в глаза, рассмеялся. Раскатисто. Громко. От этого смеха стало жутко. Словно передо мной – душевно больной человек.

- А нет Дарины, брат... Нет ее...

Он продолжал смеяться, а мое недоумение начало перерастать в злость. Что за комедия, что за фарс? Нашел когда накидаться и нести чушь...

- Эй, Макс... В руки себя возьми! Где Дарина, я спрашиваю?

Он бросил бутылку, и она ударилась о стену. Напряженную тишину пререзал звук разбивающегося стекла. Вскочил и начал шагать по комнате то в одну сторону, то в другую, словно не мог сидеть на одном месте. Возбужден до предела, взвинчен, даже руки потряхивало.

- Я тебе сказал уже... Нет этой шлюхи! Осталась ублажать Бакита... еще вопросы?

Я подбежал к нему и схватил его за рубашку.

- Ты что несешь? Совсем мозг пропил уже?

Увидел наконец-то его глаза, и не по себе стало. Да он под кайфом. Дряни какой-то нанюхался, поэтому и ведет себя так. Даже сомневаться не пришлось. Только этого не хватало сейчас. Что угодно вытворить может. Желваки ходуном ходят, впился пальцами в плечи и со всей дури меня оттолкнул.

- Шлюха твоя Дарина... Вот что.. Забудь, брат. Пригрели, бл***...

У меня в голове не укладывалось то, что он орал сейчас. Опять это гребаное чувство фарса. Сам еле сдерживался, чтобы не сорваться, видел

просто, что не в себе он сейчас.

- Ты можешь внятно рассказать, что произошло? Что ты узнал? Какого хрена вообще происходит?

- Я, брат, ни хера не буду тебе рассказывать. Я, бл***, своими глазами видел ее... голую в его постели.. Ноги, сука, перед ублюдком раздвинула...даже видео имеется. Хочешь глянуть, как сестра твоя, шлюха, стонет и орет под уе***ком этим? Уверен?

- И ты хочешь сказать, что ты ее там оставил? Ты думаешь, я идиот, Макс? Сестра где? Я сейчас весь дом разнесу нахрен... Говори, давай.

- А ты думаешь, я такую шалаву в дом свой привел бы? Ту, которая отца нашего урыла и как сука скулила под другим?

- Да что произошло, в конце концов...Что там, бл***, произошло?

- Я приехал туда... с ублюдком этим поговорил, он мне все и выложил. Все... Не лезь в душу, Граф... Не лезь... Там такое творится, что... не ковырай. Забудь. И я забуду. Когда-нибудь. Одной сукой меньше, одной больше. Нам не привыкать...

Я видел, как он заводится еще больше. Как его бьет раз за разом волна отчаяния. Как ломается, как крошится на части, как ненавистью своей дышит, чтобы не задохнуться и не сдохнуть сейчас. Я понимал, что никакого разговора сейчас не получится. Не знаю, что произошло там, что он увидел, чем все закончилось, только понимал, что самому придется туда поехать. Слишком много Дарина для него значила, превращался в одержимого с ней. Нет тут трезвых мыслей. Ни одной. В таком состоянии можно в чем угодно человека убедить, особенно такого, как он - у которого между любовью и ненавистью грань стерлась. Как не убил ее? Просто оставил? Не верю... Не верю, бл***. Не сходится тут что-то... Самому выяснить нужно. Я вообще не уверен, что Макс сейчас не путает реальность с вымыслом. Судя по всему, он не первый день на белой дряни сидит.

- А теперь послушай меня. Проспись, иди... Завтра отца похоронить надо, и не дай Бог я увижу тебя завтра в таком же состоянии...

Вышел из дома, чувствуя, словно на грудь сотню гирь взгромодили. Тяжело на душе, так паршиво, что с каждым днем все только хуже становится, что вместо того, чтобы выяснить что-то, мы только запутывались в этом липкой паутине. К Ахмеду ехать надо. Бакит пешка его, не с ним решать надо. Сестру забрать и самим думать, что делать дальше. Все свидетельствовало против нее, видео какие-то гребаные, одно за другим, а мне все равно хотелось докопаться. Даже если виновата –

пусть передо мной ответит. Перед семьей своей, которую разнести в клочья захотела. Пусть в глаза мне посмотрит и скажет все, как есть. Если Макс прав – то Дарина не упустит шанса, чтобы нанести еще один удар, и выплюнет в лицо правду, которая терзает острее кинжала.

Набрал опять начальника службы безопасности, нужно было хоть что-то узнать. Сам не смог проконтролировать, как Макс вернулся, но сопровождение всегда работает.

- Русский, Макс когда вернулся, один был?

- Андрей Савельевич, мы его вели уже на пути из аэропорта. Охрана его и он в машине были.

- И все?

- Да, Максим и трое людей его...

- А Дарина?

- Точно не было. Мы вели их до самого дома, пока в ворота не въехали...

- Хорошо, до связи.

Дьявол! Неужели правду говорит? Неужели я до сих пор пытаюсь найти ей оправдание? Такие вещи не придумаешь. Их, наоборот, спрятать хочется, чтобы не увидел никто и не узнал, что тебя выставили полным идиотом. Наивным. Зверя, от которого весь криминалитет шарахается, обычная девка вокруг пальца обвела, с руки кормила, пока время подставить не пришло. Не мог лгать... Не об этом. Плевать, что под кайфом...

Откинул голову назад, сжимая пальцами виски. Пульсируют, до боли, а в легких словно воздуха не осталось. Завтра отца хоронить, прощаться, в последний путь отправить по-семейному, а от семьи этой не осталось ничерта. Мысль закралась – подлая такая, недостойная, что хорошо, что умер.. Не видит всего этого, покой наконец обрел. Успел еще застать нас всех... счастливыми, что ли? Прощенье попросить и дожждаться того же. Сыновей обрел, семью. Не под проклятия на тот мир ушел, а в мире и спокойствии. Только это-то и стало началом конца.

***

На похороны съехалось несколько сотен лживых и лицемерных тварей, чтобы насладиться чужим горем. Смаковать чужую скорбь и отчаяние. Обменяются наигранными улыбками и рукопожатиями. Слетелись, коршуны. Высматривают, чем поживиться. Кого сдвинуть, кого убрать и что урвать. Злорадно шепчутся прямо за нашими спинами, что жена Макса не приехала. То ли синяки прячет, то ли хвостом вильнула и бросила Зверя. Испытывают наше терпение. Намеренно. Издевательски ударяя в одну и ту

же цель. Наносить удары, зная, что пока все мы находимся у могилы отца, их не тронут. Потому что слабость нельзя показывать. Никогда. Тут, на кладбище, каждый ублюдок ощущал эту циничную неприкосновенность, потому что тот, кто сорвется - проиграет.

А после похорон мы с братом разъехались в разные стороны, сухо попрощавшись. Словно не было последних нескольких лет, словно не братья уже. Чужие. Он замкнулся в себе, избегая разговоров, вопросов, отмахиваясь от попыток поддержать. Даже глаза свои прячет под солнцезащитными очками.

Каждый по-своему переживает свое горе, справляется с болью и находит способ, как существовать дальше. Он не тот уже. Словно часть от него отрезали.

Присматривать за ним надо, с наркотой чтоб завязал. Хреново ему, понимаю, только в гроб себя загонит за несколько месяцев. А пока что нужно связаться с Ахмедом... Нутром чую, что есть тут что-то, чего я не знаю. Слишком много недостающих элементов в этой картине. Только решение действовать позволяло сейчас держаться. В этой истории не может быть такой точки...

ГЛАВА 12

Я открыла глаза от того, что меня били по щекам. Не больно, но довольно чувствительно. Вскочила на постели, прижимая к себе простыню и глядя расширенными глазами на ненавистную рожу Бакиста, от вида которой тошнило и все скручивалось в узел. Если бы я могла ее разодрать в кровь, я бы это сделала. И сделаю когда-нибудь.

Тяжело дыша смотрела на него и чувствовала сильную боль в висках, как и там, в трюме, когда очнулась после сильной дозы снотворного. Кажется, и сейчас мне вкололи нечто подобное, потому что меня мутило и в горле дико пересохло. Я помнила, как меня сняли с веревок и сделали укол в вену. С ужасом прислушивалась к собственному телу, но кроме жжения и боли от ударов хлыстом ничего не беспокоило. Меня не тронули. Я чувствовала кожей, на подсознательном уровне. Этот ублюдок не занимался со мной сексом. Если он вообще способен им заниматься.

Тогда почему я голая и в его постели, к горлу подступила тошнота от одной мысли, что он ко мне прикасался, пока я спала, но Бакист ухмыльнулся и швырнул мне ту одежду, в которой меня похитили. Она провоняла гнилостным запахом трюма и рыбы, которую в нем перевозили. По коже медленно поползли мурашки... Что это? Неужели? О, Боже! Так

быстро?! Неужели меня нашли?

- Раздумываешь, трогал ли я тебя этой ночью, пока ты спала? Нет. Не трогал. Я не люблю трупы - я люблю орущих и дергающихся сучек. Да и поверь - это совершенно не имеет никакого значения. Одевайся. За тобой приехали.

Все. Он мог больше ничего не говорить. Или наоборот - он мог говорить все что угодно, но, когда я услышала это «за тобой приехали», я перестала что-либо соображать. Я поняла, кто. Сразу поняла по взгляду проклятого азиата, по его презрительной ухмылке и, да, по страху в его глазах. Я видела его там, на самом дне. Легкая тень ужаса, которую мог вызвать в этом монстре только другой монстр. Слишком похожий на него самого, но более сильный и опасный. И этим монстром мог быть только мой муж... либо мой брат. А скорее всего они оба и вместе. И я не могла в это поверить. Боялась, что разочаруюсь и сойду с ума, если это не так. От одной мысли, что Макс здесь, где-то рядом, совсем близко, мне становилось больно дышать, и я словно летела в пропасть на огромной скорости, так быстро, что свистело в ушах и ломило все тело.

Я натянула через голову свитер, не обращая внимания на боль в израненной спине. Какая к черту боль, если Максим здесь? Моя анестезия, моя сила, моя стена. Все перестало иметь значение. Даже то, что Бакит смотрел, как я одеваюсь. Мне стало наплевать на его присутствие. Ведь за мной приехали. А значит - ему недолго осталось. Совсем не долго. Когда я буду в безопасном месте, он пожалеет о каждой секунде, которую я провела здесь, о каждом ударе, о каждом слове, что сказал мне. Ему отомстят за меня, и так жестоко отомстят, что он будет мечтать о смерти. Мой муж умеет быть лютым извергом, если кто-то его сильно разозлит...

Когда я лихорадочно застегивала змейку на сапогах, то вдруг, приподняв голову, увидела, как азиат улыбается, он буквально излучал какое-то ненормальное удовольствие... Даже страх испарился из взгляда его узких глаз, пристально меня разглядывающих, как будто впервые увидел.

От сомнений стиснуло горло... А что, если это не Макс приехал? Что, если этот ублюдок что-то задумал? Какое-то низкое издевательство? Он способен на любую подлость. Я не должна рано радоваться. Должна быть готова ко всему.

- Торопишься, птичка, ручки дрожат? Я бы на твоём месте так не торопился.

Не спросишь, кто за тобой приехал или настолько уверена в нём? М-м-

м? Знаешь кто здесь, да?

Я выпрямилась и, все так же тяжело дыша, посмотрела Бакиту прямо в глаза:

- Знаю. Я могу сомневаться в ком угодно, но только не в нем. И тебе не советую.

Но улыбка с его лица не исчезла, несмотря на угрозу, и мне стало не по себе.

- Правильно, птичка, не сомневайся. Идем, хватит прихорашиваться, ты и так у нас красивая.

Опустил взгляд к моей шее и снова посмотрел в лицо, ухмыляясь, а я вспомнила, как эта мразь засасывала мою кожу и лизала мой подбородок, когда я висела на веревках и мечтала сдохнуть раньше, чем он меня испачкает своими прикосновениями еще больше.

- Может, останешься? Я бы повоевал за тебя со Зверем... А? Не хочешь дать нам шанс, девочка? Нам же было так хорошо вместе.

- У тебя он есть, этот шанс. Шанс прямо сейчас бежать так далеко, чтобы Зверь никогда не смог тебя найти.

- Кто знает... может, тебе стоило бы бежать так же далеко. Счастливой дороги, птичка. Я надеюсь, ты не пожалеешь, что выбрала не меня.

- Да пошел ты! Начинай молиться, Бакит. С той минуты, когда моей жизни не будет угрожать опасность - твоя упадет в цене ниже плинтуса.

- Ты тоже молись, девочка... кто сказал, что твоя жизнь с этой минуты стоит дороже моей? Только, возможно, ты меняешь один ад на другой...

- Не льсти себе. Это не ад. Здесь у тебя. Это так, грязный притон и больной извращенец во главе него.

- Конечно, не ад... Ад у тебя только начинается. Бакит всегда знает, что говорит. Я приготовил для тебя много сюрпризов... но получишь ты их не от меня, а от того, в ком ты так уверена. Запомни, сучка, в этой жизни нельзя быть уверенной ни в ком. Даже в своем отражении.

Сказал вполне серьезно, чуть прищурившись.

- Мне жаль тебя.

И меня передернуло от мрачного предчувствия, что эта тварь все же что-то задумала.

- Себя пожалей. Недолго тебе осталось.

Он не пошел за мной следом, меня вывели его молчаливые псы, подхватив под руки с обеих сторон. А мне хотелось броситься, сломя голову, вперед, а внутри клокотал пожар, безумие, бешеный восторг. Я снова забыла о проклятом Баките, я предвкушала свободу и встречу с Максимом. Я ее буквально видела перед глазами в мельчайших деталях.

А потом я потеряла способность дышать и даже крикнуть. Как во сне, когда открываешь рот и не издаешь ни звука. Я увидела Максима. Он стоял возле машины и смотрел на меня. Не двигаясь, словно сам превратился в камень. Только взгляд, продирающийся сквозь кожу к самому сердцу. Макс быстро надел очки, а мне захотелось побежать к нему, но я не смогла, у меня ноги не слушались. Как ватные. Занемели. Меня просто парализовало, а по щекам покатались слезы. Градом. От счастья, что он здесь. Что забрал меня. Разве могло быть иначе? Это же мой Максим. Мой муж. Мой безумец. Он бы меня нашел даже в пекле. Для него нет ничего невозможного. Такой бледный, худой... в темных солнцезащитных очках, а я его взгляд чувствую кожей... Но хочется содрать очки и захлебнуться в синеве, потеряться в ней, раствориться и сойти с ума от того, что он рядом.

Я все же набрала в легкие побольше воздуха и хотела крикнуть, но в этот момент Макс махнул своим людям рукой и сел в машину. Я еще не понимала, что происходит, глядя, как отъезжает его автомобиль, как, скрипя покрышками, разворачивается, чтобы уехать прочь, а меня подхватывает под руки Фима и ведет к другой машине. С облегчением увидела знакомые лица и радостно вздохнула полной грудью. Запах свободы, он пьянит, он сводит с ума.

Все! Все кончено! Этот кошмар. Так быстро и так невыносимо долго. Макс просто сильно торопился, нужно покинуть это место как можно быстрее, я думала что угодно, ища оправдание тому, что он не бросился ко мне, не сдал в объятиях до хруста...

– Фима! Куда Максим поехал? Почему я не с ним в машине? Что-то происходит? Это какая-то стратегия?

– Вам лучше помолчать, – спокойно заметил Фима. – Помолчать и следовать с нами. Садитесь в машину.

На «вы»?! Он со мной на «вы»?! С каких пор?!

– Что происходит? Нам угрожает опасность?

Но мне никто не ответил. Телохранители, к которым уже давно привыкла еще в своем доме, расположились в джипе так, что я оказалась посередине. Словно под строгой охраной, а Ефим сел вперед рядом с водителем. Наверное, тут слишком опасно. Наверное, нас могут преследовать, Макс что-то натворил, чтобы вытащить меня отсюда. Да! Он мог! Все что угодно мог, лишь бы забрать меня и вернуть домой. Мо-о-о-ой Зверь.

Воздух! Свежий воздух! Свобода! Я увижу его очень скоро. Мы же полетим на самолете и обязательно будем вместе. Господи! Я с ума сойду, когда почувствую его так близко! И сердце снова застучало в горле.

Я знала, что он заберет меня, знала. Но что у них за лица, как на похоронах? Почему никто не рад меня видеть? И медленно вдоль позвоночника холодом – предчувствие....

– Фима, что-то случилось, да? Там дома... там что-то произошло?

Ефим молчал и упрямо смотрел вперед.

– Фима, черт подери, почему ты мочишь? Эй! Остановите машину, мы уже достаточно проехали, я хочу пересесть к мужу. Я вижу, он впереди. Скажи водителю – пусть остановит.

Они продолжали молча смотреть вперед, а у меня снова поднималась волна паники внутри, необъяснимой тревоги

– Я сказала, остановите, не то я сама выйду отсюда. Дайте мне позвонить Макс. СЕЙЧАС! – внутри нарастала ярость. Мне кажется, я начала срываться после всего, что случилось. Я больше не могла держать себя в руках, у меня сил не осталось. Я хотела только одного – обнять Максима и понять, что я не сплю, почувствовать себя в безопасности и плакать... долго плакать у него на груди, пока он укачивает меня, как маленькую на руках. Я до ломоты в пальцах захотела прикоснуться к нему, до истерического желания сделать это немедленно.

Попыталась дернуть за ручку двери, но Фима уверенно отбросил мою руку. И я заметила, что из кармана его пиджака выглядывают наручники и медленно перевела взгляд на его лицо.

– Куда мы едем?! Мне все это не нравится. Куда мы едем, Фима? Какого черта ты молчишь и говоришь со мной этим официальным тоном?!

Мне казалось, у меня начинается истерика. Словно кошмар продолжается и ничего не закончилось. Если бы я не видела Макса, я бы решила, что меня везут не домой, а что это очередная выходка Бакита или его чокнутого психопата-брата.

– Успокойтесь, у нас указание не разговаривать с вами и не отвечать на ваши вопросы. Нам вообще дан приказ надеть на вас наручники. Так что не вынуждайте нас. Мы бы не хотели...

– Дан приказ! Наручники! Кто дал вам такой приказ?! Это бред! Что за чушь вы несете! Кто дал приказ?

– Зверь приказал.

Я истерически засмеялась, я смеялась долго и так громко, что даже водитель обернулся.

Фима протянул мне бутылку с водой и молча уставился вперед. Но я швырнула ее на пол, меня начало лихорадить от какого-то дикого предчувствия. От ощущения давящей тяжести из-за их поведения и молчания. И я вдруг поняла, что это не шутка. Они не меня охраняют, они

меня сопровождают куда-то, чтоб это Я не сбежала. Это я пленница. Ничего, я приеду в аэропорт и устрою ему истерику, я буду трясти его за шиворот и орать, выть, рыдать... потому что все это время я держалась, и мне плохо. Мне так плохо сейчас. Я хочу, чтобы он был рядом, чтобы обнял меня. Мне было страшно, и я просто хочу, чтобы обнял... почувствовать его запах, и...

Но я его не увидела. Ни в аэропорту, ни в самолете. Это потом я уже поняла, что мы летели разными рейсами и меня провели через паспортный контроль под чужими документами. Какая же я идиотка была тогда. Даже не возмущалась. Я все еще верила, что это нужно для моей же безопасности.

Моя эйфория после прилета домой испарялась по мере того, как я понимала, что меня везут не к нащему дому. Что мы едем куда-то в другое место, по незнакомой трассе.

На каждый мой вопрос ответом было молчание. Меня игнорировали. И когда я попыталась снова дернуть ручку машины, меня впечатали в сиденье:

- Мне дали приказ не церемониться с вами, а надо будети - и... применить силу.

- И что? Ударишь меня? Этот приказ тоже дал тебе мой муж? Ты вообще в своем уме?

- Именно он. Не вынуждайте меня им воспользоваться. Давайте доедем до места назначения, а дальше можете истерить, сколько хотите. Я выполняю свою работу.

Мне казалось, я погружаюсь в какой-то новый кошмар. Нет, я все еще сплю на судне у Бакита, и мне вкололи не снотворное, какую-то дрянь, вызывающую весь этот бред. Макс приказал меня ударить? Не церемониться со мной? Да что это за чушь! Он бы скорее им руки поотрывал... Только я почему-то думала одно, а глаза видели совсем другое – Ефим, который стиснул челюсти до хруста и второй охранник, чье имя я забыла напрочь, вели себя со мной совсем не как со своей хозяйкой, у которой они работают... Они вели себя со мной, как с кем-то ничтожным и омерзительным. Кем-то, с кем можно обращаться как со швалью.

Машина заехала в лесопосадку, а затем выехала к одиноко стоящему особняку. Когда я его увидела, то снова обо всем забыла, вскрикнула от радости и на глаза навернулись слезы. Нет... это таки розыгрыш. Макс просто немного меня пугает после моего исчезновения... А сам готовил мне очередной сюрприз. Чтобы мы после разлуки остались наедине.

Только я даже предположить не могла, что меня привезли в

фешенебельную тюрьму. В персональный ад за белым забором. В Ад с небольшим озером, запорошенным снегом, с безумно красивым садом. В ад без единого средства связи, зарешеченными окнами и оградой под током.

В доме было поразительно тихо. То ли слуги избегали меня, то ли он совершенно пустой. Ефим шел за мной по пятам, как собака, пока я оглядывалась по сторонам в этом огромном и пустом здании, где веяло могильным холодом. Полупустые комнаты, кое-где закрытые секторы и запах краски.

- Вы останетесь здесь до дальнейших распоряжений Зверя. Охрана меняется каждый день. Ограда под током и на окнах решетки. Дом охраняется, как крепость. Никто не заезжает и не въезжает без моего ведома. Так что даже не думайте отсюда бежать. В радиусе нескольких километров нас окружает лесополоса.

Фима начал меня раздражать, и я в ярости набросилась на него. В дикой жажде вцепиться ему в лицо. В невозмутимую физиономию.

- Бежать? От кого? Что это значит, Фима? Я ничего не понимаю. Что все это значит?

- Вы теперь будете жить здесь до дальнейших распоряжений Максима Савельевича... - повторил он, как заезженная пластинка.

- Жить здесь? Ты с ума сошел? Это насмешка, это издевательство? Как здесь жить, здесь же мертвая зона. Дом в стадии ремонта. Здесь поблизости ни души. Это заточение? Мы в двадцать первом веке! А-а-а-а, - я медленно кивала головой, чувствуя, как у меня сдают нервы. - Это не Макс... нет, не Макс. Это вы сами! Вы меня похитили, да? Вы меня увезли, чтобы его шантажировать? Да он сгноит вас. Он вас всех... - я не понимала, что плачу, что меня трясет, как в лихорадке.

Фима посмотрел мне в глаза, и я увидела в его взгляде сожаление. Это меня он сейчас жалеет? Меня?

- Где мой муж? Где он? Почему он не приехал сюда вместе с нами? Ты можешь мне объяснить? Где мой брат? Они приедут? Кто-нибудь приедет сюда? Где Макс? Я хочу немедленно его видеть! СЕЙЧАС! Я хочу видеть его сейчас! Позвони ему! При мне позвони!

Он отвел взгляд, не выдерживая моей истерики, а мне уже было все равно. Я начала потихоньку сходить с ума.

- Нет, не приедут. Сюда никто не приедет, Дарина Александровна. Максим Савельевич поговорит с вами, когда сочтет нужным. Скажите спасибо, что вы вообще живы. Я бы свернул вам шею на его месте или прирезал еще там, на судне, и скинул в море... но это не мое дело. Не мое...

Я ничего не понимала, только хлопала глазами и чувствовала, как внутри поднимается паника, такое мерзкое чувство, когда ты еще не знаешь, что именно происходит, но точно знаешь, что случилось что-то ужасное. Что-то, что тебя сломает, распотрошит на осколки, смешает с грязью.

– Свернул шею?! Ты что несешь вообще?! За что?

Он, похоже, потерял терпение и вдруг резко склонился ко мне.

– Тебе ли не знать?! Нам все известно. Ни к чему притворяться. Зверь поступил с тобой более, чем гуманно после всего, что ты сделала.

А что я сделала? Томилась в аду? Терпела пытки Бакита? Что я сделала?

- Фима-а-а, - я вцепилась в его руку дрожащими пальцами.

- Что происходит, скажи мне, я умоляю тебя. Мы же были близки. Вспомни... мы играли в шахматы и выбирали тебе собаку. И... Фима-а-а.

- Ты сука. Вот ты кто. Продажная подлая сука. И я бы на месте Зверя закопал тебя живьем где-нибудь в лесу.

Он просто сошел с ума. Да, он чокнутый псих, который меня выкрал, и теперь будет шантажировать Макса. Либо я сошла с ума окончательно.

- Ты не на месте Зверя. Ты его пес. Его ручная собачка. Он скажет «фас» - и ты выполнишь... Либо ты решил ему за что-то отомстить. Он узнает и...

Ефим вдруг развернулся на пятках и просто ушел, а я так и осталась стоять в пустом коридоре, между распахнутыми дверьми, ведущими в такие же пустые комнаты. Когда наконец зашла в одну из них более или менее обставленную мебелью – я вдруг обнаружила в шкафу свои вещи. Аккуратно разложенные по полкам. И мне стало плохо... я разрыдалась, судорожно цепляясь пальцами за платья, висящие на вешалках и стягивая их вниз за собой на пол.

***

Я в который раз ходила по пустым комнатам поместья и с ужасом понимала, что да, меня здесь заперли. Этот дом - моя тюрьма. Смотрела на стены затуманенным взглядом. Мне казалось, что я схожу с ума. Нет, не просто схожу с ума, а превратилась в сгусток боли, от которой ослепла и оглохла, от которой каждая клеточка моего тела болела настолько невыносимо, что я не могла даже вздохнуть. Я просто бродила по коридорам. Часами. У меня шумело в голове, и я не отдавала себе отчет в том, что снова и снова прохожу по незнакомым пустым комнатам, мои шаги эхом отдаются под высокими сводами и застывают где-то очень высоко, теряются под потолками. Я их слышу, а биение своего сердца – нет.

***

Или же Макс в чем-то меня подозревает, и это единственное, что приходило мне на ум. Ничего, я подожду. Я умею ждать. Он придет. Обязательно придет и поговорит со мной, иначе и быть не может, и я все расскажу ему, я буду рыдать у него на груди, а он станет баюкать меня, как когда-то. Носить на руках и тихо шептать на ушко, что я его малышка, а потом будет целовать мои шрамы и долго любить меня на нашей постели. Это просто дурной сон. Он не мог со мной так. С кем угодно, но не со мной. Я же его девочка, его маленькая и сладкая девочка.

Но я горько ошибалась. Макс не приехал ко мне ни в этот вечер, ни на утро. Я нервничала, и с каждым часом все больше и больше. Так и не смогла заснуть. Закрывала глаза и видела то рожу Бакита, то ту изнасилованную девушку, ползающую, как слепая, по полу на четвереньках. Утром я уже была близка к истерике. Вместо Макса опять приехал Фима, и я видела, что ему не нравится находиться здесь со мной. Он смотрит на меня с плохо скрываемой ненавистью. Словно знает что-то, чего не знаю я.

Бросилась к нему и начала умолять, чтобы он дал мне поговорить с мужем. Просто посмотреть ему в глаза. Но Фима сказал, что Макс не желает меня видеть. Я снова и снова бродила по дому, словно зверь, запертый в клетке. Только сейчас я понимаю, что это были самые лучшие мои часы в этом доме, дни, когда я ничего не знала. Дни, когда я только молча ждала, когда мне дадут увидеть Максима.

На второй день своего заточения я уже не выдерживала и кричала, меня била истерика, я швыряла посуду, стучала в двери, разбивала окна с витыми решетками. Я не верила никому из них. В тот момент не верила, что меня здесь заперли по приказу моего мужа. Я требовала выпустить, умоляла, обещала деньги, просила позвонить моему брату, Фаине, Карине в конце концов. Я с надеждой заглядывала в глаза охранников и просто молила сделать хоть один звонок ЕМУ. Чтобы он забрал меня, приехал и нашел меня. Как это было всегда. Но мне просто сухо отвечали "не велено". Я кидалась на них с кулаками, я орала, но ко мне относились еще учтивей, чем в моем собственном доме. Слуги боялись на меня смотреть, а охрана стойко вынесла еще одни сутки моих криков и истерик. Мне неизменно приносили попить, поесть. В этом проклятом доме не было ни одного телефона или компьютера. Я была уверена, что меня похитили, хотя и видела все те же знакомые лица охранников. Но это они же и подстроили. Конечно, они. Макс заплатит за меня и заберет отсюда. Когда найдет – они все сдохнут. Все до единого. Каждый из них. Я в это верила. Наивная

глупая дурочка.

И я его увидела, но лишь спустя три дня. За это время мне казалось, что я уже окончательно обезумела от неизвестности и бессонницы. О нет, я ошибалась, это были лишь зачатки безумия, которые меня ожидали. Паутина только начала оплетать мои ноги, поднимаясь все выше и выше... скоро она обмотается вокруг моего горла и задушит меня насмерть.

Я никогда не забуду тот день, когда Макс приехал ко мне. Моя жизнь в этот момент изменилась до неузнаваемости. Я сама в этот день стала другим человеком. Нет, я ошибалась. Я повзрослела не тогда, когда полюбила его и даже не тогда, когда увидела его с другой женщиной или потеряла с ним девственность. Я повзрослела в этом доме... когда поняла, что по-прежнему никогда не будет и что мой собственный муж станет моим палачом.

Но в самом начале, когда заметила его машину из окна, я силой впилась в решетку, прижимаясь к ней лицом, забывая об этих нескончаемых днях, когда грызла ногти до крови и плакала в пустых комнатах от отчаяния и страха. Мне казалось, что я просто упаду от слабости, когда увижу Максима вблизи. Нет, не наброшусь на него, и не буду бить его, царапать, орать, а просто сползу к его ногам от изнеможения и тоски. Но вместо этого я просто вдруг перестала чувствовать свое сердце. Увидела его и поняла, что оно не бьется... потому что мой муж... он показался мне совершенно чужим человеком. Когда я, сломя голову, бежала вниз по лестнице, к нему, он уже стоял в полупустом кабинете и пил виски, глядя не на меня, а в окно, и я почувствовала, как внутри что-то оборвалось и стало невыносимо больно даже моргнуть. Я ощутила, как между нами разверзлась пропасть. Она невидимая...но я ее вижу. Я даже вижу, как из-под моих ног вниз летят камни, и я вот-вот сорвусь, чтобы там, на дне, разбиться насмерть. И мне вдруг привиделось, что когда я буду умирать, истекая кровью, Макс будет смотреть сверху и хохотать...

В эту секунду я поняла, что и Фима, и все, кто меня окружали, говорили правду – это ОН запер меня здесь. Это он забрал меня из Стамбула и привез в эту тюрьму.

Он, и никто другой. Потому что все они смертельно его боялись. Все до единого. Никто бы и не посмел меня тронуть. Никто, кроме самого Зверя.

- Что происходит... Максим...? - тихо спросила я, и мне показалось, что он вздрогнул от звука моего голоса, тишина стала казаться зловеще оглушительной, застучало в висках, разрывая барабанные перепонки от напряжения. - Где ты был все это время, любимый? Почему не приехал ко

мне?

Говорю, а у самой по щекам слезы катятся и от боли в глазах рябит, потому что хочу броситься к нему и обнять сзади до хруста, заорать, что я скучала, что мне было страшно. Где он был эти три дня? Я же спать не могла, я же выплакала все глаза и ободрала ногти до мяса. Почему он бросил меня здесь одну? Он что больше не любит меня? Я даже не представляла, что именно в этот момент та самая паутина обвилась вокруг моего горла и постепенно начнет меня душить, распарывая кожу... пока не обмотает мое сердце и не выжмет его до последней капли крови.

И вдруг он резко распахнул окно настежь. Ледяной воздух ворвался в помещение, я хлебнула его широко раскрытым ртом, словно понимая, что больше дышать, как прежде, уже не смогу никогда... Им дышать... У нас отныне нет общего дыхания. Мы дышим по разные стороны пропасти. И, может, с его стороны и есть кислород, а у меня только угарный газ, и совсем скоро я просто задохнусь.

- Смертью воняет, - наконец заговорил он... голос глухой, хриплый, а у меня. внутри защемило, словно начала замерзать... я в нем пустоту ощутила, - чувствуешь, Дарина? Здесь воняет твоей ложью и твоей смертью.

И он обернулся ко мне.

ГЛАВА 13

Когда я посмотрела ему в глаза, я, кажется, даже пошатнулась. Мертвая пустота. Выжженная пустыня, а не глаза. И в тот же момент слишком тяжело в них смотреть. У него всегда был невыносимый взгляд, но сейчас он убивал меня этим взглядом. Не похож на себя. Словно впервые вижу этого человека. Он изменился за эти дни так, что мне казалось, наша пропасть длиной не в какие-то дни, а в десятилетия. Кажется, у него на висках поблескивает седина, или это тусклый свет так падает на волосы. И еще мне казалось, что он пьян. Его зрачки сухо блестели на осунувшемся лице с многодневной щетиной, и одет слишком небрежно. Я буквально физически ощутила, как ему сейчас плохо. Волной. Отдачей. Он выглядел так, словно несколько дней беспробудно пил. Под глазами мешки с синяками, и все костяшки на руках сбиты до мяса. Что-то случилось, пока меня не было... что-то помимо моего исчезновения. Что-то страшное... И это что-то изменило моего мужчину до неузнаваемости. Он сломан и безумен. Никогда я еще не видела, насколько человек может быть не в себе, как в эту минуту, и я вдруг поняла, почему его называли Зверем...

Вот за это. За то, что рядом с ним становилось страшно шелохнуться, он излучал запах смерти сам... Мне тоже завоняло ею в эту секунду. Нашей смертью.

Я сделала несколько шагов к нему и остановилась так близко, что теперь чувствовала, как от него разит алкоголем и отчаяньем.

Снова посмотрела в глаза и почувствовала, как сердце пропустило несколько ударов. Стиснул челюсти и только дышит часто, ноздри раздуваются, и взгляд все тяжелее и тяжелее, а меня прогибает под ним, прессует и давит к полу. Провела пальцами по его скулам. Молчит, просто смотрит в глаза, и напряжение отдает в голове потрескиванием электричества.

- Сколько ночей ты не спал?

- Не помню, - говорит одними губами и смотрит исподлобья, словно внутри него происходит какая-то борьба, известная только ему.

- Что-то случилось?

- Случилось.

Я рывком обняла его за шею. Чувствуя, как задыхаюсь, как невыносимо быстро бьется сердце и заходится в немом крике. Не обнимает в ответ. Каменный. Напряженный настолько, что я это напряжение ощущаю даже кончиками волос.

- Расскажи мне. Поговори со мной. Пожалуйста.

Руки хаотично гладят его волосы, путаются в шевелюре. Конечно, что-то случилось, поэтому он не приезжал. Может быть, даже ради моего блага... ради нас и... Я почувствовала этот взрыв всем телом, за секунду до того, как он сжал мои руки до хруста в костях и резко отодрал от себя.

- Ты спрашиваешь, что случилось, Дарина? А мне хочется разбить тебе голову о стену за этот вопрос! - я невольно отшатнулась, потому что в его глазах произошел этот взрыв так же мгновенно, как и в поведении. Они запылали жгучей ненавистью, от которой стало невозможно дышать, от которой все внутри скрутило в узел и разорвалось на ошметки. - Но я отвечу тебе. Ты случилась. Ты все эти дни подыхала внутри меня, но так пока и не сдохла. Ты ужасно живучая сука. Мне больно, пока ты подыхаешь... Мне так больно, Дарина. Я на части разваливаюсь, а ты... ты все еще живая. Вот здесь живая!

Прижал мои руки к своей груди, выламывая, причиняя адскую боль. Я попыталась освободиться, но он сжал мои запястья сильнее и дернул меня к себе. Слова бессвязные и похожие на бред. И я не пойму, что он говорит, я только сама рассыпаюсь на части. Вместе с ним.

- Кто ты такая? Кто? Что за суку я пригнул рядом с собой? Кого я

подобрал там, на дороге? Кто ты, мать твою?

Я смотрела на него расширенными глазами, не понимая, чувствуя только, как внутри вместе с испугом продолжает разливаться то самое онемение, и в груди дерет, как ржавыми крючьями. Дырявит сердце. Пробивает насквозь.

- Твоя малышка, - прошептала я, - твоя.

- Нет...- очень близко к моему лицу, щекой по моей щеке скользит, - ты его сука, его шваль и его шлюха. Смотрю на тебя и не понимаю, как я мог быть таким слепцом? Чем ты взяла меня? Чем ты вгрызлась мне в мозги?

- Мне больно, - так же тихо, пытаюсь выдернуть руки. Он усмехнулся, но глаза улыбка не тронула, а у меня перед глазами потемнело от его мрачной и страшной красоты. Все черты лица заострились, стали четкими. Хищные черты. Он излучает опасность. Она кипятком обжигает мне легкие.

- Больно? В каком месте? Где тебе может быть больно? Что ты знаешь о боли? Ты хотя бы когда-нибудь ее чувствовала?

Я не могла разобрать ни одного слова, но слышала каждое из них, и не понимала, неужели он говорит их мне. С ним что-то не так. Он не в себе. Или это я сумасшедшая.

- Что с тобой?! Это тебя я не узнаю!

- А меня нет, Дарина, - наклонился еще ниже, - нет меня. Это уже не я. Я сдох пару дней назад. Ты не сдохла, а я да. Я себя не чувствую... я тебя чувствую.

Отпустил мое запястье и резко схватил меня за горло. Его взгляд менялся. Каждую секунду менялся. То полыхал ненавистью, то влажно блеснул.

- Если бы знал, как будет больно подышать от твоего предательства, я бы убил тебя еще там, на дороге... Хотя... я знал. Я, бл**ь, это чувствовал... но все равно верил тебе. Понимаешь, сука? Я тебе, бл**ь такая, верил!

Мне казалось, он говорит не со мной, а сам с собой. Себе. Не мне. Что-то страшное. Бессвязное. Он не просто пьян. Макс мертвецки пьян. В том состоянии, когда выпито так много, что оно уже не берет, или я не знаю, под чем он.

- Какого предательства, Максим? Я никогда не предавала тебя... Я же люблю тебя. Это я. Твоя малышка. Твоя. Посмотри на меня... В глаза. Как я могла предать тебя... я же за тебя... я...

- Заткнись! — оглушительно заорал мне в лицо, и я вздрогнула. - Заткнись, мать твою! Ни слова! Голос твой слышать не могу!

Даже когда Бакит бил меня, я не чувствовала этой дикой боли, как сейчас от его слов и такого страха. Он полз вдоль позвоночника к затылку, стягивал виски, парализовал. Сейчас я уже прекрасно понимала, почему его все так сильно боялись. В гневе Макс страшен и способен на все. Взгляд убийцы и безумие психопата. Жутко становится, когда он себя не контролирует, и мне стало страшно.

- Ты себя слышишь?! – слабые попытки достучаться...

- Не слышу. Я глухой и слепой. Всегда был. До тебя. Я на мир твоими глазами смотрел. Понимаешь? Твоими лживыми глазами, Дарина.

Нет, он не слышал меня, а я чувствовала, как меня душит изнутри та самая паутина. Режет меня наживую, и мне хочется закричать, а я не могу, я смотрю в глаза того, кого люблю, и понимаю, что это конец. Нас больше нет. Его нет здесь со мной. Это кто-то другой. Кто-то, кого я никогда не знала.

- Чего еще я не знаю о тебе? Чего я не знаю? На каком чудовище я женат?

И вдруг он резко привлек меня к себе, прижимаясь лбом к моему лбу.

- Скажи, что этого не было. Скажи, что все это какой-то кошмар. Скажи, что я, бл**ь, сплю, Дарина-а-а! Разбуди меня! Не то я с ума сойду... Ты понимаешь, что я убью тебя?

Гладит хаотично мои волосы, как сумасшедший, больно гладит, сильно. А потом вдруг рывком оторвал от себя и зарычал мне в лицо:

- Не молчи, сука! Скажи, что это фикция! Что это кем-то подстроено, что ты... не изменяла мне, что ты не убивала Ворона... что ты не предавала меня! НАС! А-а-а-а, дьявол тебя раздери!

Я быстро отрицательно мотала головой, обхватила его лицо ладонями, ища взгляд, поглаживая щеки большими пальцами.

- Я не знаю, о чем ты... не знаю. Это Бакит, да? Он сказал тебе все это, и ты поверил, Максим? Поверил ему, не мне? Ты с ума сошел. Я же люблю тебя... Я так люблю тебя...

- Заткнись! – хрипло и оглушительно, так что заболело в ушах и на глаза навернулись слезы. – Никогда мне не говори этого больше, мразь!

Когда он меня ударил, мне даже показалось, что это произошло слишком медленно. Вот поднялась его рука, а вот на опустилась на мое лицо. И в глазах запекло от слез... А он снова рывком к себе, прижимает сильно, так сильно, что у меня нечем дышать... целует щеку, пальцы больно давят затылок, а я, кажется? даже заплакать не могу. Понимаю, что никогда не забуду этого. Первого удара. Понимаю, что будет бить еще, будет... Слишком хорошо его знала. Не имеет значения, что я скажу. Ничего больше

не имеет значения. Он вынес мне приговор, и сам от него озверел, но... он уже не изменит своего решения.

- Не скажу...- тихо прошептала я...- не скажу больше! Это уже не имеет значения!

Оттолкнул от себя с такой силой, что я пошатнулась, отбегав в стену, ударяясь о нее головой, чувствуя во рту привкус крови.

- Не имеет. Ни одно твое слово! И как? – двинулся на меня. - Понравилось с ним? – захохотал, как ненормальный, взмахнул, запрокидывая голову, и мне снова показалось, что передо мной психопат, стало страшно. Впервые рядом с ним мне стало до дикости страшно. – Я даже не думал, что моя маленькая жена любит играть в такие грязные игры. Ты бы сказала... я бы поиграл с тобой. В любую игру! В любую! Или с ним кончаешь сильнее? Сколько раз, трахаясь со мной, ты думала о нем, шлюха?!

Схватил за лицо и резко повернул мою голову в сторону, какое-то время смотрел на мою шею, а потом ударил снова. Наотмашь с такой силой, что у меня перед глазами потемнело, а из носа потекла струйка крови, медленно повернулась, глядя ему в глаза:

- Когда-нибудь... когда ты узнаешь правду, ты вспомнишь именно вот эту секунду. Ты уже убил меня... Не сегодня и не сейчас. Ты убил меня, когда поверил. Не мне.

Ты сделал это с нами... убил меня и себя, Максим.

И он ударил еще раз, а я всхлипнула, прижимая руку к разбитым губам. Глотая кровь вместе со слюной. Во рту привкус ржавчины и непролитых слез. Повернул меня к себе за подбородок, а у самого в глазах слезы блестят, а меня разрывает на части от понимания, что бьет нас обоих, и назад дороги уже нет и никогда не будет. Бьет и плачет. Такой страшный и такой красивый в своем безумии.

- Красиво, - серьезно сказал он, словно вторя моим мыслям, медленно вытирая струйку крови у меня под носом, - очень красиво, Дарина. Я оценил. Но это уже не имеет значения. Ничего не имеет значения. Я все видел своими глазами. Не получится, маленькая... Я бы хотел, чтоб получилось. Я бы душу продал, чтоб забыть... как ты...

Пальцы водят по разбитым губам, он следит за ними и весь дрожит. Потом вдруг двумя руками разодрал на мне свитер. Взгляд бешеный и горящий похотью, от которой по венам током расходится отдача. Такая привычная реакция на его желание. Тело ведет себя, как и раньше, оно помнит совсем иное, оно помнит, как можно его желать и что он может дать взамен. Только разум орет от протеста, разум понимает, что это все не

настоящее, что это унижение и издевательство. Это не вождение – это его истерика и утверждение прав. Он хочет показать мне, что я принадлежу ему, и он сделает со мной все, что захочет, и сейчас он хочет меня. Только я не могу так. Не так! Не надо вот так! Это не про нас... нам нельзя. Мы другие.

- Раздевайся! Наголо!

- Нет! - закрывая грудь руками. - Нет! Макс, нет, пожалуйста!

- Нет?! А ему ДА! Ему на все «да»! Ему на каждую грязь – «да»! На колени!

- Нет!

- Я сказал – ДА!

За затылок - и толкнул на пол. Расстегивая ширинку одной рукой, а другой впиваясь в мои волосы.

- Так тебе нравится?! Вот так ты любишь?! Давай, возьми в рот.

Я стиснула губы, тяжело дыша и закрывая глаза.

- Не надо, пожалуйста, Максим... не делай этого с нами.

- С нами? Где ты видишь нас? Есть я и грязная шалава Бакида, которая сейчас будет меня ублажать так, как я этого хочу.

Каждый раз, когда он говорил про ублюдка, мне хотелось заорать, истерически громко орать от этой несправедливой лжи, от этого унижения, но я не могла, у меня словно голос отнялся... В тот момент, когда я поняла, что поверил не мне, я уже не могла кричать и оправдываться. Потому что бесполезно. Потому что Макс уже осудил меня и точно знает, какое наказание я понесу. Для него я безоговорочно виновата.

- Какое лицо! Великомученица Дарина! А с ним орала от наслаждения и кончала, как течная сука, дергала его за член и сосала. Давай. Соси. Может, мне понравится, и я не убью тебя сегодня.

Я просто стояла перед ним на коленях с закрытыми глазами. Я не могла смотреть на него. Не могла и не хотела. Лучше вот так... с закрытыми глазами. Чтобы не помнить его лицо таким. Чтобы может быть попытаться когда-нибудь забыть.

Сильно сжал мои волосы и надавил на щеки, заставляя открыть рот, рванул в него до самого горла, но я так и стояла, закрыв глаза, истекая слезами изнутри.

- Давай! Соси его, Дарина. Делай хоть что-то, мать твою.

Он толкался несколько минут. Яростно, фиксируя голову, чтоб не могла увернуться, без стонов. Только тяжело дыша. Снова почувствовала, как его рука гладит и перебирает волосы, невольно сжала его бедра, проводя языком по горячей плоти, и он глухо застонал, убирая мои волосы

с лица, ускоряя темп, а у меня тело и душа раздвоились. Меня разрывает от боли, и в тот же момент это дикое желание ощущать его вкус на губах... дать почувствовать, как я хочу и люблю его. Может быть, он не верит словам, не верит моим глазам, но поверит ласкам и прикосновениям. Я же так тосковала по нему, так скучала все эти дни. Мы так долго не виделись. Пусть почувствует, как я люблю его, как скучала. Боже! Я тоже сумасшедшая! Мы оба сошли с ума или горим в аду!

Сама приняла его член глубже, лаская руками горячий ствол, сжимая, чувствуя пульсацию вздувшихся вен, и Макс зарылся в мои волосы пальцами, уже не причиняя боль, а подаваясь навстречу.

- Да-а-а! Вот так... девочка.... вот так.

И вдруг резко поднял меня с колен. Склонился к моим губам, но не поцеловал. Взгляд дикий и обезумевший от похоти, развернул спиной к себе и швырнул животом на стол, вдавливая голову в столешницу. Меня трясло от ненависти к нам обоим и от того же возбуждения, которое сжирало его и передавалось мне. Это же мой Макс, мой голодный Зверь... Я же хочу его, как безумная, я не умею его не хотеть. Он приучил меня к себе, посадил на себя, как на наркотик, и я от ломки погибаю, я от его вкуса и запаха теряю разум.

Задрал юбку на талию, сдирая трусики вниз, провел пальцами по мокрой плоти и резко проник внутрь. Хрипло застонал вместе со мной, когда я сжала его пальцы дрожащей плотью.

- Возбудилась, когда я бил тебя? Или когда трахал в рот? Заводит грубость, да? Что еще заводит? Так заводит? Что ж я так хочу тебя, суку?! Брезговать должен, а я хочу тебя... Хочу... тебя... проклятую, – грубее и сильнее двигает пальцами, не давая повернуть голову, не давая даже вздохнуть, и тело оживает под его толчками, ласками, я сама не понимаю, как двигаю бедрами в примитивном желании почувствовать его сильнее. Через секунду он уже ворвался в меня членом. Больше не издал ни звука, только комнату осветило голубоватое мерцание телевизора. Я даже не услышала, как он его включил. Сделал первый толчок, не позволяя даже шелохнуться, тут же набирая бешеный темп. Я понимала, что он намерено так груб, хочет меня унижить, раздавить, причиняет боль, и все равно это дыхание со свистом, эти толчки яростные - и внутри меня зарождается сумасшествие, ответная животная похоть, неестественное дикое желание, чтобы не останавливался, и он пронзает сильнее, мощно, глубоко. Я слышу собственные стоны и ломаю ногти о столешницу от каждого толчка, пока меня не ослепило, не взорвало с такой силой, что перед глазами пошли круги.

Болезненный оргазм, адский и неправильный, но острый, как и всегда с ним. Сжимаюсь вокруг его раскаленного члена, слезы текут по щекам, а волосы закрывают обзор, он все еще вдавливая мое лицо в стол и бешено двигается сзади, пока вдруг рывком не поднял меня за волосы к себе, выгибая назад, сжимая грудь пятерней, склоняясь к моему уху.

- Смотри, сука! Смотри, как он тебя! Вспоминай это теперь каждый раз, когда я буду драть тебя!

Затуманенным взглядом смотрю на экран и чувствую, как сердце больно сжимается в камень. Дернулась, пытаюсь вырваться, от осознания ужаса происходящего, от дикости того, что он сейчас делает со мной под это видео.

Но Макс не дал пошевелиться, входил еще яростнее, жестче. Я услышала его хриплый стон, а на экране меня облизывал Бакит, лапал, хлестал по спине. А я, стиснув челюсти, ждала, когда же Макс увидит, как тот снял меня с веревок. Увидит, как мне было больно и страшно... но вместо этого на экране происходило то, чего не было на самом деле... И я с горечью понимала, что Макс уже давно все это посмотрел и, скорее всего, не один раз. А сейчас он рвет себя и меня, заставляя проживать это вместе с ним снова и снова.

Да, это была я. Там, на экране, я стояла на коленях и ублажала Бакита, там я орала и стонала как заведенная, лизала его сапоги, позволяла ему делать с собой такое, от чего меня начало тошнить.

- Смотри, - Макс толкается в мое тело, а я затуманенными глазами смотрю на экран, где кто-то, каким-то дьявольским образом уничтожал меня, как личность. Потому что это не могла быть я. И это и не была я... ЭТО НЕ Я! Я точно знаю, что это не я! Я пропала... мне никто теперь не поможет. По щекам градом потекли слезы.

- Нравится, как он тебя трахает? Нравится? - его голос срывается, и мне кажется, что он плачет... вместе со мной сейчас. Каждый толчок болезненный, сильный, отчаянный. А я остекленевшим взглядом впиалась в экран и понимаю, что меня все же убили и украли мою жизнь, и счастье. Я сама себе уже не верю... а Макс. Макс предпочел поверить тому что видит, не мне. Кто угодно поверил бы. Закрыла глаза, понимая, что это не просто конец, а это и есть смерть... Вот что убило его. И он уже не воскреснет.

Макс вдруг зарычал, впиваясь в мои бедра до синяков, дрожа всем телом и изливаясь в мое тело, пока на экране Бакит продолжал иметь ту, что так похожа на меня саму.

Мой муж замер ровно настолько, чтобы унять судороги больного наслаждения и прийти в себя. А потом, наконец, вышел из меня, скрипнула

змейка, а я так и осталась стоять с закрытыми глазами, опираясь на стол. Услышала, как он прошел по комнате, скорее угадала, что к бутылке, стоящей на подоконнике. Сделал глоток. Чиркнула зажигалка, и запахло сигаретным дымом. Я медленно выпрямилась и пошатнулась, схватилась за стол, чтобы не упасть.

- Я еще не решил, что сделаю с тобой. Ты останешься здесь. Пока.

Одернула юбку и как в тумане осмотрела комнату, поднимая с пола свитер, кутаясь в него в попытках прикрыть наготу. Макс снова смотрел в окно. Опираясь стиснутыми кулаками на подоконник. На проклятое черное небо без звезд.

- И когда решишь? – спросила тихо.

- Не знаю. Когда-нибудь решу.

- Дай мне уехать к Андрею, Максим. Отпусти меня.

Пользуясь секундами, пока он снова похож на себя, пока его голос нормальный и в воздухе не витает его безумие. Но мои слова взорвали его мгновенно. Через секунду он уже стоял возле меня, сжимая мои плечи и заглядывая в глаза.

- Отпустить? Ты еще ничего не поняла, Дарина? Я не отпущу тебя. Я скорее убью, но не отпущу. От меня не уходят. Разве что туда, - кивнул головой на потолок.

Смотрит на мои щеки с размазанными слезами, на разбитые губы, и опять взгляд становится мягче, руки, сжимающие мои плечи, дрожат.

- Я бы многое хотел простить тебе, маленькая. Так много, что самому мерзко от этого... Но я не могу... не могу. Зачем ты так с нами? Со мной, с братом, с Савой?

Может он и заслужил смерти... но вот так низко и подло. Беспомощного старика. Била бы меня, Графа. Как ты могла?

Я снова не понимала, о чем он, его дрожь и истерика передавались и мне. До боли хотелось прижаться к нему, вернуть обратно из мрака, в который он погружался, выдернуть его оттуда. Он жрал его, я чувствовала это сама. Мрак его поглощал и все же выпускал на короткие промежутки. Секундами просветлений.

- Смерти? – переспросила очень тихо.

- Зачем убила отца? Убивала бы нас... Выстрелила бы мне в голову. Я бы не сопротивлялся. Бл***ь, я бы сдох с удовольствием... а ты... Почему же ты мразь такая, а? – говорит сквозь зубы, а мне снова становится страшно, что он обезумел.

- Кого убила? – повторяю за ним, стараясь не сорвать его, не скovyрнуть что-то такое, что снова сделает его неменяемым.

- Отца моего, - хрипло, тихо, вкрадчиво.

- Савелия?

И он вдруг оттолкнул меня с такой силой, что я отлетела к стене и сползла по ней на пол.

- Хватит! Я не могу так больше! Хватит играть в эту невинность! Хватит, мать твою, не то я задушу тебя! Да! Ты, сука такая, убила нашего отца, потом поехала к своему любовнику и хотела удрать с ним, а он продал тебя! Продав мне! Не ожидала? Это было неожиданно, да? Пытаешься выжить? Пытаешься спасти свою шкуру? Кто ты? Кто.Ты.Такая? Я смотрю и не понимаю, что же ты за дрянь?

- Я никого не убивала, - сама говорю, а собственный голос, как чужой, ненастоящий. Я должна говорить что-то другое. Наверное. Только не знаю, что. Я тоже погружаюсь во тьму.

- Ты нас всех убила. Мы все теперь мертвецы. Мы кладбище, а не семья. Ты нас похоронила заживо. Настала твоя очередь умирать, Дарина. Медленно и мучительно умирать. Здесь. В этом доме. Если ты веришь в Бога – молись.

Он вдруг просто ушел. Вот так взял и вышел, а потом слышались шаги по лестнице, и через несколько минут отъехала его машина.

А я так и сидела на полу, глядя на экран, где после кадров грязного совокупления с Бакитом, появилось изображение больницы... И я, застыв на коленях, смотрела, как там... все та же женщина убивает старика. Она убивает его, а в агонии я сама. Я кричала. Громко кричала, срывая горло и сходя с ума от отчаяния.

Бакит выполнил свое обещание - теперь я понимала каждое его слово, но он ошибся в одном – я не в аду, ад поселился во мне, и я горю живьем, с меня кожа струпьям облезает. Кому мне молиться, когда любимый человек меня проклял... он и был моим Богом. Я молилась и верила только в него. Мне больше не во что верить.

ГЛАВА 14

От бессонницы меня шатало из стороны в сторону. Я сбилась со счета, сколько не спала. Кажется, я сижу здесь целую вечность, но на самом деле около недели. Все мысли только о том, что произошло, и как Бакит меня подставил.

Тысячи вопросов и ни одного ответа. Одно понимаю, если выберусь отсюда, то я лично раздеру Бакита на куски. За все, что он с нами сделал. С нами со всеми. Это не моя личная трагедия. Он нашу семью разорвал на

ошметки. И я даже не представляю, что там происходит за стенами этого дома. Как там мой брат? Что он думает обо всем этом? Как держится после смерти отца? Считает ли меня убийцей, как и мой муж? Хоть кто-то сомневается в этом? Кто-то верит мне? А потом понимала, что не могу требовать, чтоб верили. Они не знают меня. Никто из них. Всего три года прошло, как я появилась в семье. Они все приняли меня, но они имеют право сомневаться. Как мне доказать? Как? Где они взяли эту тварь, так похожую на меня? Сама смотрела на нее, и казалось, что с ума сошла. И моментами сомнения... в собственной вменяемости. Только я знала, что не могла сделать ничего из того, в чем меня обвиняют. И да, я все же видела, что это не я. Но как это объяснить и доказать другим?

Мне вообще казалось, что я живу какими-то обрывками. От слёз опухли глаза, я не смотрела на себя в зеркало, чтобы не видеть. Вот это отражение загнанного животного. Я почти не натыкалась на прислугу, либо им было приказано меня избегать, либо здесь ее и не было почти.

У меня появился своеобразный ритуал. С первыми лучами солнца обходить весь дом, каждую комнату и думать потом, как я бы их обставила, кто жил бы в них. Как выглядели бы мы с Максимом в этом доме вместе. Зачем он купил его и начал в нем ремонт? Когда купил? И почему я об этом ничего не знаю?

В той жизни, где он его покупал, он представлял нас вместе? Иногда то, что кажется таким простым, таким обыкновенным, таким будничным, вдруг начинает казаться нереальным счастьем, когда остается в прошлом. Мне всегда и на все отмерялось по крупичкам. Нет, я не жалела себя... я просто почти не могла вспомнить, когда в своей жизни я вообще была счастлива. Пожалуй, в глубоком детстве, еще с мамой, потом уже с Максом, и то недолго.

На какие-то минуты я забывала обо всем. А потом снова волной накатывало отчаяние, от которого хотелось умереть. Самое страшное, когда тебя обвиняют и не дают ни единого шанса оправдаться, ни единому слову не верят. Да, я понимала, почему... Теперь понимала. И я слишком хорошо знала Макса, чтобы осознавать, что он никогда не простит меня... не даст мне даже возможности заговорить. В такие секунды я падала на колени и выла, как раненое животное. «За что?»... Беспольный и такой отчаянный вопрос, скорее, кому-то там, наверху. Не себе и не Максиму. Почему так мало счастья мне выпало? Почему я наказана за то, чего не совершала? Когда он придет сюда? Придет ли ко мне хотя бы когда-нибудь? Андрей знает об этом? Но я была уверена, что нет. Брат не знал. Макс умел скрывать то, что хотел скрыть. Умел скрывать от всех, и сейчас он меня спрятал, чтобы

терзать и казнить за то, что причинила ему боль.

По вечерам приезжал Ефим иногда не один, а с людьми моего мужа. Бывало,

они приезжали с женщинами. Я слышала их голоса в другом конце дома. ЕГО с ними не было. Мне не нужно было для этого проверять – я четко знала, что Максима здесь нет. Раз в несколько дней заезжали грузовики и что-то отгружали на склад за домом. Я наблюдала за тем, как переносят ящики, как перекрикиваются грузчики и понимала, что сюда привозят что-то незаконное. Именно поэтому дом под такой тщательной охраной. Его нарядный фасад и видимость жилого помещения – лишь мишура. Никогда не слышала об этом месте. Постепенно я начала думать о том, что есть много чего, что я не знаю о своем муже. Этот дом не исключение. Он как книга с бесконечными страницами разного жанра. И никогда не знаешь, что тебя ожидает, едва перелистнешь следующую. Вполне возможно, что она либо пустая, либо черного цвета. Черный. Его цвет. Когда я думала о нем, я видела самые разные оттенки черного. Да, этот цвет имеет оттенки. У Макса нет даже белого. Ни одной полосы, пятна. Его окружает тьма, а я рядом на ощупь иду и пытаюсь изо всех сил не выпустить его руку, и не потому что мне страшно остаться одной, мне страшно оставить его одного, потому что он сольется со своим черным, и я его потеряю. Уже теряю. Кричу в темноту, ищу ладонями, как слепая, и не нахожу. Нет его нигде. Это и есть самый страшный кошмар.

На секунду кольнуло где-то внутри от мысли, что вдруг он привозил сюда других женщин. Ведь в доме есть две жилые спальни, полностью обустроенные и отремонтированные. В одной из них я и жила, а в другой явно уже давно никто не бывал. Но как я могу это знать, если здесь постоянно убирает призрак какой-то. Стоит мне покинуть комнату, как после моего возвращения в ней стерильная чистота. Начала вспоминать, как часто Макс уезжал из нашего дома, но не припомнила ни одного раза, кроме длительных поездок за границу.

Потом я начала понимать, что никто не знает, что я здесь. Те люди, что приезжают с Фимой, тоже. Я попробовала пройти в ТУ часть дома, но дверь в коридоре оказалось запертой. Макс действительно спрятал меня... и спрятал именно от Андрея и нашей семьи. Он меня приговорил... и это лишь вопрос времени, когда он приведет приговор в исполнение. Хотелось ли мне, чтоб меня нашли? Не знаю. Наверное, тогда еще нет. Я хотела быть спрятанной им и находиться рядом. Я все еще надеялась найти его во тьме. Наивное упрямство, которое каждый раз разбивается о гранит его цинизма и ненависти.

Иногда я закрывала глаза и лежала на полу, застеленном толстым пушистым ковром, глядя в темноту. Слушала тиканье часов или шелест снега за окном, и наши голоса из прошлого звучали у меня в голове.

« - Ты понимаешь, что теперь я не отпущу тебя никогда, маленькая.

- Никогда-никогда?

- Никогда-никогда.

- А если разлюбишь?

- Видишь там, на небе, звезды?

- Вижу... а ты оказывается романтик, Зверь.

- Когда все они погаснут ...

- Ты меня разлюбишь?

- Нет. Когда все они погаснут - это значит, что небо затянуто тучами. Ты не будешь их видеть день, два, неделю... Но это не говорит о том, что их там нет, верно? Они вечные, малыш. Понимаешь, о чем я?

- Нет... но сказал красиво.

- Все ты поняла. Довольная, да?

- Да-а-а-а-а.

- Мелкая ведьма.

- Чудовище.

- Или все же монстр?

- Сегодня чудовище.

- Сегодня?

- Как ты это делаешь? Ну вот так бровями.

- Как? Вот так?

- Да-а-а-а.

- У чудовищ есть особые достоинства.

- О-о-о, у чудовищ столько достоинств... и одно меня ужасно сводит с ума.

- Моя плохая пошлая девочка.

- Это о чем ты подумал? Фу, Макс, ты испортил всю романтику со звездами.

- Ну почему испортил? Если я положу тебя на спину. Вот так... то, ощущая мое достоинство, ты увидишь, как осыпаются звезды... из твоих глаз... пока я тебя этим достоинством...

- Макси-им.

- М-м-м?

- Ты... все те женщины, которые были раньше... ты еще видишься с кем-то из них?

- Зачем вокруг да около. Так и спроси – ты трахаешь еще кого-то,

кроме меня?

- Ты трахаешь еще кого-то, кроме меня?

Засмеялся, а я смутилась.

- Нет, малыш. Я не трахаю никого, кроме тебя. Потому что не хочу. Потому что я, бл***, о тебе думаю двадцать четыре часа в сутки. У меня встает от одного взмаха твоих ресниц, когда ты в смущении прикрываешь глаза и от ямочки на щеке, меня возбуждает каждая твоя веснушка. Я помешан на тебе, мелкая. Маньяк, понимаешь?

- Понимаю... Еще как понимаю. Пообещай мне, что если тебе станет меня мало... что если ты захочешь другую, ты скажешь мне об этом. Пообещай, что не скроешь от меня и не унизишь меня вот так.

- Что за тема, малыш?

- Пообещай!

- Это ты запомни, что если ты захочешь другого – я убью тебя, как только это пойму. А теперь скажи мне...

- Ты не пообещал!

- Обещаю. А теперь СКАЖИ!

- Я люблю тебя?

- Нет. Еще одна попытка. Потом накажу. Молчишь?

- Я думаю.

- О чем?

- Сказать или получить наказание.

- Говори. Я тебя все равно накажу.

- Обещаешь?

- О да-а. Клянусь.

- Я дышу тобой.

- Ещё.

- Я дышу тобой, мой Зверь.

- Жесть.

- Что такое?

- Ванильный Зверь-романтик. Это компромат, мелкая.

- Нет, мой ласковый и нежный...

Молчит и смотрит мне в глаза. Улыбка пропала и взгляд тяжёлый, давит, сжимает, как колючей проволокой.

- А ведь он убил ее, ты знаешь?

- Кто?

- Не важно. Иди ко мне».

Я повернула голову и посмотрела на небо – ни одной звезды. За окном метет снег.

«А ведь он убил её... убил её»

Казалось, что прошла целая вечность между этим диалогом и нашим последним. А на самом деле всего лишь немногим больше месяца. Только теперь это все походило на короткий сон. Нет, я не могла его ненавидеть. Я очень хотела. Я мечтала о ненависти, чтобы она пришла ко мне и помогла справиться с болью, от которой начинались приступы удушья. Я просто верила... где-то там, в глубине души, я все же верила, что мы снова увидим наши звезды. Они же есть. Их не может не быть. Они вечные.

Он так сказал. Он обещал мне. Но разве он не обещал, что никогда не сделает мне больно? Или никогда не отпустит... А разве я не пошла за ним, зная какой он?

Разве он не был собой? Я просто наивно поверила в свою уникальность, в свою особенность. Поверила, что если я вошла в клетку к зверю, глажу его, кормлю с руки, то он не перегрызет мне глотку, если вдруг ему что-то не понравится. И теперь хищник оставил меня в своем логове, чтобы наслаждаться агонией любимой жертвы, и я не могу его за это ненавидеть. Я знала, к кому иду, и знала, чем рискую.

Он меня предупреждал. Да и не нужны были предупреждения, я видела, что он такое своими глазами. Самое страшное, что меня раздирало на части за нас обоих, а он упивался только своей болью и не чувствовал мою. Я для него превратилась в отвратительное насекомое, которое рано или поздно он раздавит, а потом сдохнет и сам мутирует в то черное и ужасное чудовище, каким был когда-то... Каким его раньше и не знала.

Я по слогам разбирала наш последний диалог, каждое слово, каждый жест, и все тело сводило судорогой, невыносимо, до крика. И я кричала. Беззвучно. Глядя на небо без звезд.

Он приехал снова через неделю. Я скорее почувствовала, чем услышала или увидела. Задремала на ковре, погружаясь в подобие сна, и вдруг подняла голову, подорвалась с пола к окну, вглядываясь в подъезжающие машины, среди них и его джип. Сумасшедшая... внутри волной поднялась противоестественная радость. Тяжело дыша, прижалась пылающим лицом к стеклу, вглядываясь в силуэты мужчин, выходящих из машин, впиалась пальцами в прутья решеток, когда увидела с ними женщин. Они смеялись там, внизу, открывая шампанское прямо на улице, а я следила за тем, как Макс тоже вышел из машины, махнул рукой Фиме, и тот поднес ему бокал. Одна из женщин повисла у моего мужа на руке, и тот отдал ей шампанское, обнимая за талию, а я медленно закрыла глаза, а когда открыла, увидела, как он смотрит на мое окно. Ровно секунду, но мне хватило, чтобы согнуться пополам, словно выстрелил в меня в упор, и

внутренности обожгло как серной кислотой, а потом они скрылись в другом крыле дома, чтобы веселиться там, пока я сижу, запертая в этих бесконечных пустых комнатах.

Осознание всегда приходит постепенно, не быстро. Вначале есть неверие и надежда, что все вернется на круги своя, выровняется, исправится каким-то чудом, а потом понимаешь, что ты несешься под откос на аномально быстрой скорости, и отрезок от того момента, где ты потерял управление своей жизнью и до момента, когда она разлетится вдребезги равен неизвестности. Я не знаю, зачем пошла туда. Переоделась в красное вечернее платье, расчесалась, ярко накрасила губы кроваво-красной помадой и просто открыла дверь дрожащими руками. Пошла по коридорам к той части дома, где моя жизнь разваливалась на те самые осколки. Может быть, я хотела убедиться, что нет, все не так ужасно, все не так омерзительно, или наоборот понять, что это и есть конец. Услышать, увидеть, как он с другими, и понять...

А там голоса, смех, музыка и его голос тоже. Как ни в чем не бывало, как будто нет меня здесь, и не было никогда.

Каждое слово по нервам режет, по глазам, пощечинами по щекам и губам. Мне кажется, меня под воду грязную с головой окунает, и я глотаю болотную тину, захлебываясь.

- Макс, я не хочу шампанского, налей мне виски.
- От виски быстро пьянеют, детка. Что мне делать с тобой пьяной?
- Показать, что делать с пьяными девочками, Зверь?
- Фима, главное, чтоб ты никогда не узнал, что делают с болтливыми мальчиками.

Смех, гогот, а я руку ко рту прижала и глаза закрыла. Кричу мысленно, и кажется, вселенная вертится на бешеной скорости, отматывает круги в тот самый ад. Нет, он начался не тогда, когда он меня ударил... и даже не тогда, когда швырял обвинения в лицо, он начинался сейчас, когда мой муж лапал там какую-то шлюху, зная, что я совсем рядом, за стенкой. Грязно, как же мерзко и грязно.

- Девочки, станцуйте для наших гостей. Эй, Тахир, хорош с кальяном возиться, смотри, какие у нас девочки в столице. В твоём Узбекистане таких нет.

- Ну ты загнул, Зверь. Приедешь ко мне домой, я тебе таких девочек организую. Слюной изойдешься. Но да-а-а... Шикарные девочки у вас в столице. Шикарные. Угодил, дорогой.

- Макс, столы шатаются, девочки ноги переломают.
- Пусть на коленях танцуют.

- А что отмечаем? – женский голос снова.

- День истины отмечаем, детка. Вот разденешься, и проверим, настоящая ты блондинка или фальшивая

- Эй, сюда иди. На коленях у меня танцуй. Фима, вечер не начинают с минета.

- А какая разница, с чего его нача-а-ать... о-о-о... да, детка.

Сама не поняла, как повернула ручку, дверь оказалась незапертой, и я буквально ввалилась в просторный зал с бильярдным столом, бассейном с горячей водой, от которой валил пар, и застыла на пороге.

Все обернулись ко мне. Человек десять. Трое узбеков, а остальные все наши. Разморенные алкоголем, предвкушающие грязную вакханалию. Но я смотрела на Макса, у которого на коленях отплясывала полуголая блондинка. Искусно выписывала восьмерки ровно до той секунды, как я вошла в залу. Теперь она откинулась Максусу на грудь и с любопытством смотрела на меня, как и все остальные. Я стиснула руки в кулаки с такой силой, что ногти вспороли кожу на ладонях.

Муж смотрел на меня исподлобья осоловевшим взглядом, сжимая ее бока, а на дне его зрачков начинала полыхать ярость. Метнул взгляд на Фиму, который быстро застегивал ширинку и напряженно смотрел то на меня, то на Макса. Узбеки играли в бильярд, но тоже обернулись ко мне, прерывая игру. Один из них медленно разрезал длинным тонким ножом апельсины на блюде и облизывал пальцы, униженные кольцами и перепачканные соком.

- Макс, ты делаешь мне больно, - взвизгнула блондинка.

- О! Еще одна девочка. Красивый девочка. Прятал от нас, Зверь? Заходи, красавица. Шампанское будешь?

Максим стряхнул блондинку с колен.

- Это кто такая? – шепнула одна из девиц.

- Не знаю... мне кажется, жена его.

- Ого!

Макс поправил ремень на джинсах и затянулся сигарой, медленно выпустил дым, глядя на меня, а потом лениво сказал:

- Пошла вон отсюда, - кивнул мне на дверь, но я так и стояла, тяжело дыша и чувствуя, как внутри нарастает взрыв истерики, бешеное цунами ненависти. За то, что вот так. За то, что унижил. При них. При всех. При Фиме своем, при шлюхах этих.

- Я сказал, пошла отсюда к себе! Сейчас!

А я смотрела ему в глаза и чувствовала, что задыхаюсь. Больно дышать, так больно, что хочется драть пальцами грудную клетку и глаза его

гадские. Глаза, от которых с ума сходила, глаза, которыми на шлюху эту секунду назад похотливо смотрел.

- Зачем гонишь красавицу? Зачем пугаешь? Иди к нам, девочка.

Макс резко обернулся к узкоглазому мужчине, и тот перестал улыбаться. Потянул руку за бокалом, хлебнул виски и отвернулся к столу, сказал что-то на своем языке и, облапав брюнетку за ягодицы, взялся за кий.

- Фима, убери ее нахрен отсюда и дверь закрой, - Макс потянул к себе блондинку, усаживая обратно на колени, но в этот раз лицом к себе, - давай, продолжай.

У меня взгляд на его пальцах застыл. Вижу, как темнеют на ее светлой коже, и без кольца обручального. Пальцы, которыми ко мне прикасался. Держит ее за бедро, а сам на меня смотрит... и я физически чувствую, как его пьяный взгляд впитывает мою боль, наслаждается ею, пожирает её глотками.

- Идем, - Фима под локоть осторожно взял, но я сбросила его руку, вздернула подбородок и громко, отчетливо сказала:

- Не хочу уходить. Я хочу отметить день истины вместе с вами! И еще, я так давно не играла в бильярд.

Усмехнулась и прошла к бильярдному столу. Узкие глазки того, кто просил меня остаться, плотоядно сверкнули, когда он осмотрел меня с ног до головы.

- Угостите меня вашим виски? – и, не дожидаясь ответа, взяла бокал и осушила до дна. Узбеки расхохотались, а Фима, Макс и еще двое парней напряженно молчали.

Одна из девочек шепнула другой:

- Зухра, скажи им, что нельзя. Это жена Зверя, слышишь?

Но я опередила их и, игриво запрыгнув на стол, закинула ногу за ногу, поглаживая кий, который стоял рядом. Можно. Все можно! Ему же можно, и мне можно. Чего мне уже бояться, когда у него на коленях шлюха сидит... а меня опустил только что перед своими, как шваль последнюю.

- На что играете, мальчики?

Посмотрела в глаза узбеку и отставила пустой бокал на стол.

- Меня Тахир зовут, и поиграем мы... - опустил взгляд к моему декольте, потом перевел на мои пальцы, скользящие по кию, и, наконец, посмотрел на ноги, затянутые в черный капрон, - на раздевание. Не попадешь – снимешь свой красивый платье. Для начала.

- А если ты не попадешь, Тахир, что сделаешь?

Он расхохотался, что-то сказал своим, и те тоже рассмеялись.

- Наглый и дерзкий девочка. Если я не попаду – сниму с тебя твой трусики и поиграю в тебя на этом столе.

Он протянул руку к моей груди, и я не сразу поняла, что произошло, но через секунду Тахир лежал у моих ног, и хрипел под подошвой сапога Зверя. Двое других людей Тахира уже выкинули вперед руки со стволами. Резко повернула голову в сторону Макса, тот продолжал стоять одной ногой на горле узбека, в руках тоже пистолет, стиснул челюсти. Переводит ствол с одного на другого.

- Шалав уведи отсюда, Фима. Пусть их в город отвезут. Спокойно пушки положили на стол. Все будет, как обещал.

Девуцы засуетились, подбирая шмотки, ретируясь босиком к выходу в сопровождении одного из ребят моего мужа.

- Не будет никакого сделка, Зверь. Мы своим в городе скажем, что кидалово это. Перережем ваш брат на рынке, как баранов.

- Значит, не будет сделки? – сильнее нажал на горло узбека, и тот захрипел, извиваясь жирным телом на ковровом покрытии.

- Отпусти моего брата, извинись, сука твоя пусть отсосет Тахиру, потом всем нам, и будет тебе сделка.

Это было так быстро, что я не успела опомниться, раздался сильный хруст, жуткий хрип Тахира и сразу несколько выстрелов. Я глазами расширенными смотрю, как медленно узбеки оседают на пол с круглыми дырками между глаз. Даже не знаю, кто стрелял.

- Зверь, твою ж мать!!! Ты что творишь!

Голос Фимы взорвал тишину и зазвенел под потолком, сплетаясь с эхом выстрелов.

- Этих в лесу закопать. Тачки в реке утопите, лед хрупкий, ко дну пойдут мигом.

А сам на меня смотрит, тяжело дыша, глаза бешеные и ноздри раздуваются. И у меня адреналин со свистом по венам носится, гудит в мозгах и губы дрожат. Осознание набатом, что только что из-за меня убили троих людей, и пот струится вдоль позвоночника.

- Выполнять! – рывкнул так, что уши заложило. Боковым зрением вижу, как трупы тащат, как по полу кровавые следы тянутся. Макс продолжает на меня смотреть, а мне кажется, он меня не видит. У него взгляд, как тогда, в душе, и мне страшно его опустить, словно перестанет на меня смотреть и сорвется окончательно... он все еще стоит на горле у мертвого Тахира, а у меня в голове секундная стрелка отсчитывает.

- Что со шлюхами делать будем? Они выстрелы, наверняка, слышали.

- Ничего. Они умеют молчать. Тахир мелкая сошка. Его территорию

поделят и договоримся с другими узбеками.

- Ногу убери, Зверь.

- Фима?

- Да.

- До завтра схоронись в городе. Потом разрулим. Сюда не суйся. Я утром вернусь к себе.

- Охрану все равно оставляю.

Когда за ними закрылась дверь и послышался шум отъезжающих машин, я судорожно сглотнула слюну, зная, что вот теперь настала моя очередь.

- Там, в подсобке у кухни, ведра и тряпки. Пол здесь помоешь. Уберешь за собой.

Все еще сквозь меня смотрит и вдруг за волосы схватил и к себе рванул, зашипел сквозь зубы прямо в лицо:

- Из-за тебя, сука, я только что убил троих партнеров. Сорвал хорошую сделку. Из-за твари, от которой бы не отвалилось, если бы она отсосала у Тахира. Не стала бы грязнее.

- Так почему не дал... отсосать?- глядя в глаза и чувствуя, как всю трясет от ярости и обиды. – Твои шлюхи тебе, а я ему. Все счастливы, довольны и сделка состоялась бы!

Знала, что ударит. Уже не удивилась. Схватила за щеку, с ненавистью глядя на него и чувствуя дикое желание впиться ногтями ему в лицо.

- Потому что ты моя жена! Мою фамилию носишь! И будешь носить, пока жива! И сосать будешь у меня, и трахать тебя буду я!

- В перерывах между другими шлюхами? Лучше сейчас убей!

- И убью! - зарычал мне в лицо.

- Убей! Ты же мне не веришь! Ты же осудил меня без суда и следствия! Ни одного сомнения не закралось! Ты хотя бы видео то проверил? Посмотрел? Или ты вот так, сразу... Потому что так удобнее. Потому что можно тогда себя жалеть! Можно становиться психопатом и наслаждаться этим.

- Заткнись!

- И не подумаю! Я тебя не боюсь, Максим. Что ты можешь со мной сделать?! Убить? Убей!

Я со стола позади себя нож сгребла и сжала его пальцами. Он взгляд на мою руку опустил, смотрит как кровь по ладони стекает на пол, обвивая запястье, как красной нитью, а я даже боль не чувствую.

- На! Прирежь меня прямо сейчас. Вот здесь. И всем станет легче. Тебе, мне, Андрею. Только когда правду узнаешь, кого ты убивать станешь?

Себя? Хватит смелости?

Перехватил лезвие прямо возле моей ладони и прижал кончик ножа к моему горлу, по моим пальцам потекла и его кровь.

- Прирежу... не сомневайся. Прирежу, как последнюю суку.

А у меня от его близости колени подгибаются и заорать хочется громко, истерично.

- Прирежь... жизни без тебя нет. Без доверия твоего. Сдохнуть хочу, Макси-и-им!

Выдрал из моих пальцев нож и швырнул на пол, обхватил мое лицо пятерней, пачкая кровью. То ли моей, то ли его. И вдруг впился в мои губы бешеным поцелуем, кусая, сжимая мой затылок другой рукой, с гортанным стоном, и я с рыданием обхватила его за шею дрожащими руками, отвечая на поцелуй, сплетая язык с его языком. И тут же оттолкнула, вспоминая, как шлюху лапал у меня на глазах.

- К девкам своим иди, - выдохнула тяжело дыша, – не прикасайся ко мне!

- У меня не стоит на них, - и снова к себе за затылок, сминая мои губы губами, – не хочу никого... о тебе каждую секунду.

Как голодные звери. Не целуемся – грызем друг друга, и чем больнее, тем сильнее наслаждение. Все исчезло. Лихорадит от восторга и от идиотской растерянности, когда вдруг получаешь все и сразу. Залпом... словно умирающий от жажды захлебывается глотками воды, до боли в горле и в груди. Так и я пью его. Всего, без остатка. Его запах, его голос, слова...присутствие.

Вгрызается в мой рот с каким-то бешеным рычанием, и у меня подогнулись колени, удержал за спину, продолжая дико пожирать поцелуями. Они, как быстрый, голодный секс, болезненный и отчаянный. С большим удовольствием, которое имеет солоноватый вкус крови и слез.

В голове взорвался первый оргазм. Тот самый, который раздирает мозг и заставляет тело желать настоящего, адски желать, до лихорадки, когда от нетерпения дрожит подбородок и стучат зубы.

Глядя ему в глаза, сняла через голову платье и отшвырнула в сторону, оставаясь перед ним в одних трусиках. И этот взгляд. Мужской, тяжелый, горящий на мою грудь с твердыми, возбужденными сосками. Набросилась сама на его губы, впиваясь пальцами ему в волосы, другой рукой задирая рубашку, царапая его голую спину, сатанея от ощущения твердых мышц и гладкой кожи, обвивая бедро ногой и шепча ему в рот между яростными поцелуями:

- Руки, губы твои хочу... соскучилась, Макси-и-им.

В глаза смотрит и ладонью по груди скользит, оставляя кровавый след из пореза.

- Убил бы, тварь...

- Убей.

Сжимая его пальцы, пачкая своей кровью.

- Это будет больно.

- Мне и так больно... я не дышу... мне легкие разрывает без тебя.

Снова алчно в мои губы губами, жестко, сильно, ударяясь зубами, захлебываясь стонами, и дыхание оглушительно громкое. Сплетаемся вместе. Пью его глотками, выдыхая обратно. От страсти колотит крупной дрожью.

Рывком поднимает за талию. Заставляет обвить себя ногами и прижимает к стене. Возбуждение на грани фола. Все исчезло. К чертям реальность. В воздухе витает запах чужой крови и смерти, а мне кажется я наполняюсь жизнью, впервые за эти дни. Потому что у него изменился взгляд, потому что сквозь звериный мрак продирается мой Макс. Они сцепились в схватке там, на дне его взгляда, и я не даю ему думать, снова нахожу его губы, выдыхая в них тоскливую горечь.

Отодвинул полоску трусиков в сторону и одним движением заполнил до упора. Резко. На всю длину. Стонем в унисон... Надсадно, громко. И от его крика свело низ живота судорогой возбуждения. Двигается без пауз, набирая бешеные темп, долбясь на скорости. Так сильно, что из глаз брызгают слезы. Безжалостно и глубоко, раздирая на части, толкаясь в судорожно сжимающиеся стенки лона, цепляя матку. "О господи... мамочкии... пожалуйста" вслух или про себя, задыхаясь... а по венам струится наслаждение раблепное, противоречивое, и первый оргазм полосует тело, заставляя взвиваться в его руках, орать, изгибаясь к нему, сильными судорогами сжимая его член, и он врывается в меня сильнее, жестче, в одном ритме. Я чувствую его дикость кожей, когда ничего не осталось, кроме одержимого желания обладать. Жадный и голодный, ненавидящий нас обоих за свой голод, и меня током прошибает от его ненависти, сильнее чем от любви. Она острее, она одержимей. И возбуждение держится на уровне в двести двадцать вольт. На пределе.

Я кончаю и плачу от невыносимого наслаждения. Теряя счет времени... теряя счет дикому больному удовольствию, обезумев от криков. Завывая, хрипя, плача и умоляя... нет, не остановиться... умоляя рвать на части, чтобы чувствовать НАС. Хватая его за окровавленную руку и забирая пальцы в рот, до самого горла, засасывая их и кусая, закатывая глаза и заходясь в криках, истекая потом и слезами. Представляя, что это его член у

меня в горле.

Я не знаю, чувствует ли он это... сколько раз подряд меня сейчас разодрало от наслаждения грязно принадлежать ему. Принимать его в себе, с размазанной тушью, спутанными волосами, давящейся его пальцами и содрогающейся от очередных диких судорог. Выть его имя и снова сосать пальцы, принимая их глубже, расслабляясь и снова сжимаясь.

Я не помню, как он отнес меня в спальню, бросил поперек кровати и снова набросился в диком иступлении. Словно оголодавший настолько, что все отступило на второй план.

И он кричит со мной сегодня, стонет и кричит... Не стиснув зубы и сдавленным рычанием, как всегда, а криками и громкими стонами, давая ощутить свой голод и удовольствие, выплескиваясь внутри меня и закатывая глаза, запрокинув голову. Он кончает. А мне кажется, что я его наслаждение чувствую каждой порой, меня трясет вместе с ним от восхищения этой порочной красотой и безумной любви к нему.

***

После мы оба молчали, тяжело дыша, я боялась открыть глаза, а он не шевелился, так и лежал на мне. Когда приподнялся на локтях, я в панике вцепилась в его плечи.

- Я не спала почти неделю. Не уходи. Пожалуйста... не уходи, Максим.

И он не ушел. Лег на спину, позволяя лечь себе на грудь. Я забылась каким-то тяжелым сном, без единого сновидения. Провалилась в него, судорожно цепляясь за шею Максима и вдыхая его запах... Он так и не обнял меня.

Проснулась уже под утро от того, что поднялся с кровати и пошел в душ. Дальше просить о чем-то бесполезно. Снова отдаляется, выстраивает между нами стены, сомневается. Когда вернулся, принялся одеваться. Я смотрела на его заострившийся профиль, пока он натягивал брюки, застегивал ширинку, рубашку. Смотрела на эту глубокую небритость. На ввалившиеся скулы. На взъерошенные моими руками волосы, и внутри все зашлось от понимания, насколько же все было скоротечно. Уйдет, и как будто не произошло ничего.

Ни слова не сказал больше. Так же молча пошел к двери.

- Максим!

Не обернулся, только остановился, рука у самой ручки двери застыла.

- Я умоляю тебя. Ради нас. Отдай эту пленку кому-то. Пусть ее проверят. Дай нам шанс. Один единственный.

Он вдруг вернулся ко мне и склонился надо мной, глядя мне в глаза. То в один то в другой, а у меня все внутри сжалось, скрутило в узел – в его

глазах столько отчаянной тоски, что мне кажется, я физически чувствую ее, и грудь стягивает стальными обручами.

- Проверю. Проверю, несмотря на то, что видел своими глазами...

- Они тебя обманули, - голос сорвался, и я схватила его за руку, сплетая наши пальцы, касаясь раной его раны на ладони, – что ты чувствуешь внутри? Что у тебя там?

Положила другую руку ладонью ему на грудь и под ней его сердце колотится сильно, быстро.

- Там хаос, малыш. Там прошелся торнадо, и там полный хаос.

- Ты не веришь мне даже чуть-чуть? Хоть немножко? Ни одного сомнения?

- Я хочу верить... меня ломает, маленькая. Я глаза себе выдрать готов и поверить... и я ненавижу тебя за это.

- Я не предавала тебя. Это специально... я не могу так больше, Макс. Я просто так не могу. Проверь и вернись ко мне, если узнаешь, что я не виновата... Я все еще готова простить тебя... Я все еще люблю тебя... дышу тобой.

- Я вернусь в любом случае.

Прозвучало, как угроза или приговор. Высвободил руку, и когда за ним захлопнулась дверь, я закрыла глаза и почувствовала, как по щекам снова слезы катятся. Мне может помочь только чудо, и пусть оно случится. Пожалуйста. Одно единственное чудо.

ГЛАВА 15

*Успех острого слова зависит более от уха слушающего,
чем от языка говорящего.*

© Уильям Шекспир

Он это сделал специально. Бросил мне информацию и хлопнул дверью, чтобы я мучилась в неизвестности, чтобы ломала себя сама. И я ломала, пока терлась мочалкой и до боли намыливала оскверненные им волосы, дергая их и растирая с остервенением. А в ушах этот дьявольский голос про операцию Мити. И ни слова больше. Нарочно. Чтоб я извелась, чтобы представила себе самые страшные варианты исхода хирургического

вмешательства, чтобы думала о маме, которая там сходит с ума одна. Без моей поддержки, не зная, где я. Проклятый манипулятор нашел мое слабое место и теперь будет туда бить, колоть, резать именно туда и там, и мне придется уступать, мне придется делать все, что он захочет, лишь бы узнать о брате и о маме. А если сделать вид, что я покоряюсь, что я готова быть послушной? Он сам уступит? Даст мне поговорить с мамой? Я и этого не знала. Однажды я подчинилась, но он так и не дал мне сотовый. Передумал. Ублюдок, какой же он все-таки ублюдок.

Я все больше чувствовала себя куклой. Особенно сейчас, когда одна из горничных помогала мне одеться. Потом они будут меняться, наверное, чтоб я ни с кем не сговорила о побеге, или не знаю зачем. Этот человек был за гранью моего понимания. Я таких никогда не встречала и вряд ли бы встретила. У меня была спокойная жизнь. В ней не появился бы такой, как Огинский. Я смотрела на себя в зеркало, пока девушка в темно-бордовой униформе с белоснежным фартуком поправляла лямки моего платья (даже они как с обложки журналов), тянула сзади змейку, разглаживала узкий низ. Сегодня он одел меня в белое. Во все белое. Даже нижнее белье и чулки. Пытаться понять почему – бесполезно. Но мне вот это белое казалось грязнее черного, словно на меня накинули вонючую тряпку. Робу рабыни. Все что на мне надето пусть и было баснословно дорогими эксклюзивными вещами от знаменитых брендов, все равно казалось мне грязными робаи, а еще я почему-то думала, что в это одевали не только меня. Иначе, где он брал всю эту одежду? Чокнутый маньяк закупал вещи одинакового размера и заводил себе одинаковых кукол. О, как я ошибалась. Все было гораздо хуже – он заводил себе совершенно разных кукол и для каждой покупал одежду на свой вкус. Я даже потом представляла себе, как он ее выбирает в своем кресле в кабинете, выписывает, составляет табличку размеров. Это ненормально, и в то же время было в этом что-то будоражащее воображение. Его безупречный вкус, его понимание в женском белье, прическах, парфюмах. Хотя со мной у него особых пожеланий не возникло. Он всегда хотел видеть мои волосы распущенными. Я вспомнила, как отмывала их после него, и по телу прошла дрожь. Отвращение и что-то еще... едва уловимое, странное. Оно мне не понравилось. Было в этом ощущении что-то противоестественное. Словно части меня понравилось его безумие, его дикий голодный взгляд, его хаотичные прикосновения к моим волосам. Той части вдруг подумалось о том, что, наверное, он редко на кого так смотрит. И тут же ледяной волной – ты просто отличаешься от его других кукол. На тебе бирка из магазина, и твою обертку не вскрыл еще даже он. Просто

вертит в руках. Рассматривает, давит, крутит твоими руками и ногами, словно они на шарнирах, но все еще не пробовал ломать. Взламает. Это вопрос времени. И меня больше пугало не то, что он это сделает, а то, что он будет добиваться, чтобы я захотела, чтобы он это сделал.

Едва горничная вышла, я поискала взглядом косметику и парфюм – их не было. И черт с ними. Мне совершенно не «улыбалось» себя для него украшать... а внутренний голос подсказал, что он эти украшения и не любит. Захотелось что-то сделать назло, и я заплела волосы в косу, которая не подходила к платью из белой тончайшей шерсти, к ожерелью из янтаря и коричневым туфлям без каблука. Я злорадно усмехнулась – комплексует из-за невысокого роста и не хочет, чтоб я была выше. Тут же вспомнились туфли на шпильках, которые заставил обуть в наш с ним первый завтрак, и улыбка исчезла. Ни черта он не комплексует. Этот самодовольный ублюдок всецело обожает свою внешность, каждую родинку на себе и каждую волосинку. От него за версту прет самодовольством. И он нравится женщинам. Такое понимаешь сразу на уровне подсознания. Для этого не нужен опыт. Просто видно по этому взгляду, походке, улыбке, продуманной до мелочей небрежности, где каждая расстегнутая пуговица на рубашке часть его охоты на жертву. Но в таком случае зачем он покупает себе девочек по вызову. И что-то подсказывало – затем, что с ними он может делать все что угодно. Как и с тобой. В дверь тихонько постучали.

– Вас ожидают к ужину. Поторопитесь. Хозяин не любит ждать.

Хозяин? Что ж, вполне ему подходит. Перед глазами возникла фигура рабовладельца с плетью, и я внутренне сжалась. Он может ударить? Может. Даже избить. Я бы не удивилась, узнав, что он истязал своих несчастных кукол и раньше. Та, что порезала вены... что он сделал с ней? Почему она покончила с собой после него? А жена? От этих мыслей становилось дико. Хотелось забиться в угол, прятаться, как животное, ожидающее расправы. Но с другой стороны, я не хотела становиться животным и снова позволить охотиться на себя.

Я вышла из комнаты и, как и в прошлый раз, невольно рассматривала дом. Удивительно, но в нем тоже имелся свой характер, и сегодня стены не давили на меня со всех сторон. Они поблескивали тонкими золотыми разводами, которые я раньше не замечала, и казались менее мрачными. Я ступала по черному мрамору, держась за перила, и вспоминала, как сломя голову летела по этим ступеням вниз, чтобы выскользнуть из этого дома, и тогда он словно ошетинился изнутри, цепляя меня и удерживая насильно.

Внизу меня встретил все тот же истукан. Я запомнила его бесстрастное лицо и зажатые за спиной руки в белых перчатках.

– Я проведу. Идите за мной.

Ни по имени не обращается. Никак. Потому что я и есть никто. И слуги прекрасно об этом знают. Наверное, здесь побывало бессчётное количество таких вот «никто», которые ужинали с чокнутым деспотом.

Он привел меня к уже знакомой зале, едва увидев большие ручки по обе стороны дверей, я вздрогнула. Здесь мы встретились впервые. Интересно, если бы я передумала и сразу же бросилась к выходу – я смогла бы сбежать?

Двери распахнулись, и я вошла в помещение. Сегодня оно выглядело иначе. Тяжелые шторы были раздвинуты, и огромные окна на всю стену открывали великолепный вид в сад и на деревья у подножия утеса. И на закат. Тот самый багровый. За длинным столом восседал хозяин дома и лысоватый мужчина с хрупкой женщиной-шатенкой. Они тут же повернули ко мне головы.

И мне вдруг послышался голос Огинского в голове:

«Познакомьтесь – это моя кукла. Вы можете оторвать ей ногу или руку. Я разрешаю».

И тут же в унисон моим мыслям, и правда, раздался его голос, от которого по телу прошла волна дрожи. Я не представляла, как можно таким голосом спокойно разговаривать и им же заставлять делать отвратительные вещи.

– Марк, Нина, это моя гостя – Надежда. Она сегодня отужинает с нами.

Встал с места и отодвинул стул со своей стороны. Так галантно и грациозно. Повадки хищника, снова эта гибкая вкрадчивость. Обманчивая и слишком красивая. Я уже знала его грубую хватку. И снова не смогла удержаться, чтобы не восхититься его стилем и вкусом в одежде, не восхититься им самим. Его внешностью, которая притягивала и одновременно отталкивала именно своей притягательностью. Потому что в голове не укладывалось, как человек с таким красивым лицом (да, теперь оно казалось мне красивым, или я не рассмотрела его раньше) может быть настолько циничным и жестоким.

Он подождал, пока я подошла, и все это время не сводил с меня этого ужасного взгляда, от которого начинали дрожать кончики пальцев. Как бы не омерзителен он мне был – я еще не видела в мужских глазах такого явного восхищения и грубого вожделения. В какой-то мере это льстило и в то же время пугало. В тигриную бездонную яму прямо в его пасть падать не хотелось. Вряд ли там кто-то выжил.

Я села за стол, и Огинский пододвинул мой стул. Сел рядом. Я снова

уловила его особенный запах. Горячее, мужское, терпкое с ароматом виски и горьким привкусом сигаретного дыма. Как может так злить человек, и в тот же момент настолько будоражить его запах. Теперь я подняла взгляд на его гостей. Оба меня рассматривали с нескрываемым любопытством. Я даже почувствовала, как краска приливает к лицу. Интересно, что они подумали обо мне? То же, что и Огинский в нашу первую встречу? Многих он знакомил с ними?

– Вы очень красивая, – тихо сказала миниатюрная шатенка и отпила из бокала яблочный сок. Пакет от него стоял рядом с ней. Судя по всему, она принесла его с собой.

– Спасибо, – так же тихо ответила я и вздрогнула, когда официант, бесшумно подкравшись сзади, поставил передо мной тарелку с салатом и положил столовые приборы.

– Нина пьет сок без сахара. Во время беременности он у нее повысился. А она предпочитает только одну и ту же фирму и таскает его с собой в сумочке. Беременные весьма странные существа.

Марк дружелюбно мне улыбнулся, и мне подумалось, что он намного приятнее самого Огинского. Я улыбнулась в ответ.

– Беременность – это счастье для женщины. Я вас поздравляю.

Краем глаза увидела, как Огинский повернул в пальцах нож и блеснула его печатка.

– Наследник, – смущенно сказала женщина и снова отпила сок.

– Роман сразу сказал, что будет пацан, и он не ошибся. Он вообще редко ошибается. Вы прислушивайтесь к тому, что он говорит, иногда его слова, как пророчество.

Не дай бог мне его пророчества. С трудом верилось, что такой жизнерадостный человек, как Марк, мог быть другом Огинского. Мне казалось, что у таких, как он, вообще не бывает друзей.

Я смотрела на салат, и в животе урчало от голода. Хитрый сукин сын специально посадил меня за стол, чтобы я была вынуждена есть при его гостях. Потому что обычно я отказывалась от еды и могла ограничиться чашкой с бульоном. Мне ужасно захотелось есть, тем более я обожала салат «Цезарь», мама делала его по праздникам с сухарями и сыром. Смущали дурацкие приборы в каком-то совершенно странном количестве. Я взяла вилку и тут же опустила руку.

– Я никогда не знала, зачем все эти ножички и вилочки, и какие-то палочки. Моя еврейская мама говорила, что еду надо есть руками, ложкой, вилкой и ножом. Остальное извращение.

Нина наколола салат вилкой, набила полный рот и, повернувшись к

Марку, округлила глаза.

– Ничего. Кушай-кушай, маленькая.

Я засмеялась и тут же замерла, потому что Огинский смотрел на меня. Я чувствовала этот взгляд кожей, он словно полз лазерным лучом по моей шее, скулам, лицу, забирался мне в волосы. Подняла голову и, встретившись с ним взглядом, резко выдохнула. Мне не нравилось, как он на меня смотрит... и нравилось одновременно. Они горели, его глаза. По-настоящему. Это трудно передать словами. Нужно видеть. Чуть прищуренные тигриные глаза и слегка приподнятые уголки губ. Я начала потихоньку разбираться в выражении его лица. Кажется, сейчас он был доволен. И в то же мгновение меня сильно дернули за косу сзади. Так сильно, что я невольно ударила вилкой по тарелке.

Огинский склонился к моему уху и прошептал:

– Я попросил распустить волосы, но ты ослушалась. Теперь ты будешь улыбаться мне весь вечер. В наказание.

Захотелось воткнуть вилку в его руку со всей силы, но я даже не пошевелилась.

– Улыбайся. Мне нравится твоя улыбка.

Я повернулась к нему, растягивая губы в гримасе и мысленно желая ему сгореть в огне живьем.

Его пальцы на моих волосах не разжались, а бровь взмыла вверх, и он слегка склонил голову к плечу, выжидая. И я улыбнулась иначе, чувствуя, как ослабла хватка на волосах, а потом его рука передвинулась по спине вверх к затылку и помассировала натянутые только что корни. Приятно, по коже головы бегут мурашки, и в тот же миг становится не по себе от этой ласки. Причиняет боль и ласкает. Психопат.

– У Нади очень красивая улыбка, правда, Марк?

ГЛАВА 16

*Да, совершенства в этом мире нет,
во всем чистейшем есть нечистый след.*

© Уильям Шекспир

Сучка. Какая же она упрямая, маленькая сучка. Когда улыбнулась впервые, меня таким жаром окатило, что я невольно дернул пуговицу на воротнике. Мне вдруг показалось, что все это время я жил во тьме. И

никогда не видел солнечного света, потому что ее проклятая улыбка, подаренная не мне, оказалась самым ослепительным из всего, что я видел в своей жизни. Ее глаза засияли, и на правой щеке появилась ямочка. Ямочка, мать ее! Я заметил какую-то дрянную ямочку на женской щеке, и мне захотелось потрогать ее подушечкой пальца, а еще заглянуть в глаза и смотреть, смотреть, как они меняются, как спутались в их уголках длинные бархатные ресницы и в зрачках дрожит мое отражение. Без страха, без ненависти. И от одной мысли об этом дух захватило с такой силой, как когда-то на высоченной карусели в луна-парке. И я тут же свалится с неё на землю, да так, что все ребра пересчитало, подробило, потому что как на меня посмотрела – свет тут же выключили. Выдернули, словно из розетки, и я погрузился в привычный мне серый полумрак без цветов и оттенков. Где белым пятном была только она. Белым пятном с черной ненавистью в глазах. И меня окатило такой волной ярости, что даже в пот бросило. Захотелось наорать на Марка, на его беременную жену, на хер их выгнать за то, что она им улыбалась. ИМ! Какого хрена, спрашивается? И за эту потерю контроля аж перетряхнуло всего. Но я знал, что ни один из них не увидит этого на моем лице. Даже Марк, который изучил меня за годы нашей своеобразной дружбы. Где я использовал его по полной программе и швырял ему подачки и подарки, а он знал, что ему от меня никогда не уйти – только на тот свет. Вот такая дружба у нас сложилась. И он был одним из немногих, кто вхож в мой дом, знаком с моей матерью и садится за мой стол не только по великим поводам. И я впервые посадил за общий стол игрушку. Никогда раньше они не переступали порог моей спальни не в направлении выхода из дома и чаще всего черного. Мне от чего-то захотелось сидеть с ней рядом за столом за какой-то непринужденной беседой, но, так как между нами это вряд ли возможно, я позвал Марка. Какая-то долбаная иллюзия нормальности, где за моим столом сидит женщина и друг с женой. Все трое, мать их, насильно. Захотелось расхохотаться, а потом бить острыми зубьями вилки по столу так, чтоб осколки тарелок разлетались в стороны. Жалкий идиот настолько ничтожен, что покупает себе женщин и друзей либо за деньги, либо ценой страха.

«Думаешь, они с тобой дружат потому, что любят тебя, Роман? Нееееет, они жалкие таракашки, пришли пожрать вкусную еду и поиграть в твои игрушки. На хрен ты им не сдался. Потому что ты урод, Роман. Потому что ты богатенький урод.

– Любят! Они меня любят!

– Нет! И ты скоро узнаешь, что я прав! Никому из них ты не нужен.

Даже если ты сдохнешь, они придут на твои похороны, чтоб пожрать пирожки.

– Ты лжешь!»

И отец оказался прав, я заболел воспалением легких и даже лег в больницу, никто из этих, уже с детства продажных тварей, ко мне не пришел... никто, кроме Марка. Он принес мне форшмак в пластиковой банке и суп с клецками от бабы Мани. Наверное, это было самое вкусное из всего, что я ел в своей жизни... потому что у меня появился друг. Я так решил. Идиот. Оказывается, моя мать позвонила бабушке Марка и пообещала, что ускорит для нее оформление документов на эмиграцию в Германию. После этого Марик стал моим лучшим другом – его ко мне гнала вся семья. Марику не повезло, так как я решил, что мне это надо, и пришел его к себе ржавой проволокой насильно, и стоит ему лишь попробовать ее порвать или «перекусить», то я достану даже бабу Маню в доме престарелых в Нью-Йорке и дядю Беню в Ришон-ле-Ционе и пришлю ему их уши в пластиковой коробочке из-под форшмака – я ее сохранил. Да, я долбаный психопат, но это был самый ценный подарок в моей жизни до тех пор, пока я не понял, что это и не было подарком вовсе. Что, впрочем, не мешало мне делать насильно обрезание языка, а иногда и других частей тела, тем, кто обижал Марика или смел назвать его жидом, выбивать для него стипендию в универе (а фактически платить ее ему лично) и всячески опекать, при этом ни на секунду не забывая, с каким огромным удовольствием Марк сменил бы имя и фамилию и свалил бы от меня куда глаза глядят, не забыв при этом накопленные средства, о которых, как он думал, я не знаю.

Перевел взгляд на Надю, а она голову откинула, и коса ударила по спинке стула. Сам не понял, как сжал ее пальцами и сильно дернул. С наслаждением глядя, как она вцепилась в край стола и побледнела. Вот так лучше, сучка. Либо улыбайся мне, либо не улыбайся вообще.

И она улыбнулась, обещая мне взглядом все проклятия ада. О, моя маленькая золотоволосая девочка, ты даже не представляешь, сколько их высыпалось на мою голову за все эти годы. Когда я попаду в преисподнюю, для меня зарезервировано персональное жерло вулкана. Котел – это слишком скромно. Я даже там куплю себе бездну. И снова эти губы. Какие же они сочные, нежные, как же хочется накрыть их своими и узнать, что значит целовать женщину. Я ведь никогда не целовал.

Постепенно разговоры за столом опять стали непринужденными, и она даже поддерживала беседу, а я гладил ее волосы, и член разрывало на части только от касания пальцами к нежному затылку и ямочке посередине, я

трогал ее снова и снова, представляя, как погружу в нее язык, когда войду в нее сзади.

Понимаю, что смотрю на нее, как зверь голодный, и ни черта не могу с собой сделать. А она разговаривает, по столу пальчиками водит, что-то рассказывая Нине... и для меня все звуки померкли, только голос ее остался. Как музыка. Лучше музыки. Реквием по ней. Потому что я с каждой секундой понимаю – НЕ ОТПУЩУ. МОЯ. Она говорит, а ее шея напрягается, на ней венка у уха пульсирует. Вспомнил, как голову запрокинула мне на плечо и как стонала гортанно, кончая на мои пальцы.

– Ты помнишь, что после десяти вечера нам надо быть на приеме у Каверина?

Повернулся, нахмурившись глядя на Марка.

– Помню.

– Сукин сын ждет, что мы проинвестируем его новый проект. Он как раз его представит на вечеринке.

Инвестировать провальный проект Каверина я не собирался. Но мне нужны были связи его тестя Неверова Станислава совсем в другой сфере, и пропустить прием я не мог. Но да, я о нем забыл. Впервые о чем-то забыл.

– Скоро поедем.

– С дамами?

– Нет. Отвези Нину домой. Я как раз переоденусь.

И вдруг меня словно токомшибануло – я увидел, как растянулись в улыбке уголки губ моей игрушки. Она обрадовалась, что я уезжаю. Это напомнило мне, как дети сваливали с моего дня рождения с подарками и сытыми, довольными рожами, а я резал в своей комнате ножницами подаренные ими игрушки, которые купил мой отец и вручил перед тем, как машина привезла их в наш особняк. Да, я знал, что это сделал он, и резал, и представлял, как так же полосую их самих. Их лживые рожи.

Когда Марик с Ниной ушли, а мы остались в зале, я встал и отодвинул стул Нади. А потом долго смотрел ей в глаза, пока вдруг отчаянно не захотел вымазать грязью ее всю. Оттрахать. Запачкать кровью ее белое платье. Смел со стола тарелки, швырнул ее на стол спиной и разодрал на хрен корсаж. И в этот момент она вдруг перехватила мои руки.

– Подожди.

Стряхнул холодные пальцы и с рыком сжал полушария маленьких грудей, чувствуя, как заволакивает маревом разум. Но она вдруг схватила меня за шею, за воротник, потянула к себе, выдыхая мне в лицо.

– Пожалуйста... можно по-другому. Ромааа, по-другому.

А меня трясет от ее груди под ладонями и разведенных ног,

сжимающих коленями мои бедра. Трахнуть суку. Стереть с ее лица довольную улыбку. Избавиться от наваждения. Пусть рыдает, когда я уйду. На хер ее улыбки! Насильно ноги в разные стороны еще шире, разрывая резинку трусиков.

– Ромааа... Ромааа... не так!

И вдруг в мои губы ее горячие соленые губы ткнулись. Меня ошпарило кипятком, схватил за волосы, отдирая от себя, заставляя запрокинуть голову, и посмотрел в ее наполненные слезами глаза.

– Заставь захотеть... я хочу тебя хотеть. По-настоящему тебе улыбаться.

И сама губ моих своими коснулась. Так осторожно, так невыносимо больно. Как папиросной бумагой режет по открытой ране. Потому что меня сковало болезненной агонией, свело каждую мышцу то ли от удовольствия, то ли от пытки. Они такие мягкие ее губы. Хочется смять их своими, жадно языком лизать, втягивать в рот, кусать. Медленно отпустил ее волосы и вцепился руками в стол, позволяя ей трогать мой рот губами. Это даже не поцелуи, это слепые тыканья... но такие... меня от них начало трясти, и глаза закрылись, как под адским кайфом, погружение в кипящую нирвану. Похлеще погружения в чье-то тело. Член пульсирует, как при точке невозврата. И осознание – а ведь я захочу еще... я подсяду на эту дрянь. Пальцы на столе нащупали вилку и силой вонзили в стол. Тарелка от удара разлетелась на осколки. Надя отпрянула назад, ошарашенно глядя мне в глаза, а я оттолкнул ее от себя и пошел прочь из залы. Захлопнул с силой дверь и тронул свои губы – их жгло. Словно они до мяса облезли.

– Глаз с нее не спускать, пока я не вернусь. – не узнал свой хриплый голос.

От дикого возбуждения трясет всего. Мне нужно срочно кого-то оттрахать. Сегодня же. Сейчас же. Или же я кого-то убью.

ГЛАВА 17

Гнёт спину лесть.

"Король Лир"

© Уильям Шекспир

Я смотрел на Каверина, который с невероятным запалом рассказывал о своем проекте с покупкой акций обанкротившихся предприятий и его

стратегией по их поднятию на высокий уровень, и перепродажей с большой прибылью. Он доказывал перспективность самих компаний с неправильным финансированием, рекламной кампанией и неопытным руководством. Он говорил и смотрел только на меня, потому что лишь я мог дать этому идиоту денег, но я не собирался этого делать. Слушал краем уха его бред и крутил в пальцах бокал с золотым дном. Золото. И перед глазами ее коса в моих пальцах и задыхающийся рот. Когда швырнул на стол. Губы все еще жжет от ее прикосновений. Тронул их сам снова, и внутри появилось сосущее чувство. Вот оно. То, чего я так.. да, бл*дь, боялся. Я сейчас продал бы дьяволу что угодно, лишь бы она снова вот так касалась губами моих губ. Все те другие, которые тянули к моему рту свои надутые силиконовые вареники, вызывали лишь чувство гадливости. Я никого и никогда не подпускал трогать свой рот.

А она... она меня ласкала губами. Меня никто и никогда вот так не касался. Словно пробуя на вкус и отдавая свой. Так нежно, так невыносимо осторожно. И тут же яростно взрывается адреналин в висках. Ни хрена она не пробовала. Шкуру свою спасти хотела, не более. Как мои школьные дружки-лицемеры, которые, едва выходили из моего дома, ржали с богатенького уродца. Я перевел взгляд на жену Каверина – крашеную блондинку в шикарном ярко-алом платье и с такими же алыми губами. Я хотел трахаться. Я хотел вытрахать из головы эту суку. С кристальными глазами и мягкими розовыми губами. Я хотел хотя бы один вечер не думать о ней.

Скучная и примитивная охота, когда Каверина замечает мой взгляд и деланно стыдливо опускает наращенные ресницы размером с маленький веер. Ее язычок бегаёт по губам, и она пытается невпопад улыбаться своему придурку и без пяти минут рогоносцу. Каверин женился совсем недавно на дочери Неверова – одного из самых влиятельных владельцев игорного бизнеса в столице и пытался показать ему, что он не кусок дерьма и может убедить меня инвестировать его проект. Он таскал свою жену по всем мероприятиям с собой и восхвалял ангельский характер и чуть ли не особенную чистоту. А я смотрел на нее и прикидывал – за сколько минут оттрахаю в рот и в какую из своих дырок она мне даст сегодня.

Едва она встала и направилась вглубь коридора, я последовал за ней и уже через пару минут зажал ее в уборной, щёлкнув замком изнутри.

– Вы что? Нинне надо, зачем... мой муж и...

– Да ладно...

Потянул к себе за корсаж.

– Не хотела меня, м?

– Хотелааа... ужасно хотела. Как ты догадался? Трахни меняяяя.

– Степень влажности..., – пальцами потереть ее промежность через платье, – видно по глазам женщины.

Так же, как и ее желание насосать мужу на проект и показать отцу фак. Еще одна причина стать грязной шлюхой. Я смотрел на нее исподлобья и вытирал туалетной бумагой ее губы, пока она доставала мой член из штанов и не распахнула широко глаза, взяв его в руки. Я тут же развернул ее спиной к себе, нагнул над раковиной, задрал платье на поясицу, сдвинул трусы, развел в стороны ягодицы, впиваясь ей пятерней в затылок, прижимая голову к мрамору столика и вдаваясь в ее тело одним толчком, видя свое отражение в зеркале и ее округлый зад у моего паха.

Видимо, в эту секунду она и осознала до конца свою ошибку. Пытается дернуться, но я ее зажал мертвой хваткой и принялся толкаться на бешеной скорости. Дергается подо мной. Не нравится. А мне по хрен. Я не ради её оргазмов за ней пошел. Я хотел просто долбиться в ее блондинистую дырку и сбросить напряжение. И со мной больно, когда зверею. Это я тоже знаю. Шлюхи обычно терпят и даже что-то пытаются изобразить. А вот такие случайные чаще всего рыдают, если я сам не хочу криков и стонов наслаждения и не добьюсь, чтоб из них текла влага ручьями и пульсировал в предвкушении натертый моими пальцами или языком клитор. Иногда меня возбуждало именно это. А иногда мне хотелось, чтоб плакали и скулили от боли, когда я толкался членом так глубоко, что у них распахивались широко глаза и из них текли слезы. Смотрел в зеркало на свое лицо с пульсирующей веной на лбу. Стараясь не опустить взгляд. Потому что я уже чувствовал это покалывание ненависти к себе внутри под кожей. Но я посмотрел и дернулся сильнее, вдавив голову блондинки в мрамор и шлепая пятерней по упругой ягодице – из зеркала на меня смотрел урод с раздвоенной губой и оскалом с обнаженной десной под ней.

«Уродец... Заяаяяц, у тебя еда изо рта не вываливается? Фууу, какой он мерзкий.

Как тебя телки целовать будут? Я б сблеванула... фу, урооод. Урооод... урод. Чудище. Я б с таким даже за деньги никогда. Огинский, какое свидание. К тебе пацаны за бабло твоего отца в гости ходят... а им потом кошмары снятся. Как ты жрешь своим уродливым ртом».

Голос первой красавицы школы и ее нескончаемый хохот колоколом звенят в ушах, и пальцы сжимают волосы женщины, извивающейся подо мной, а там в моих воспоминаниях – букет с цветами и шипы от роз режут и впиваются в ладони. Спустя пару лет эта сука сосала у меня под столом

за столярник себе на дозу героина. Но тогда... тогда мне хотелось сдохнуть. Тогда это, бл*дь, было больно. И каждый раз, когда мне кто-то лгал – я видел эту рожу с заячьей губой. Настоящую рожу Романа Огинского, а не эту красивую маску, сшитую опытным хирургом, когда мне было тринадцать.

Из зеркала на меня смотрела окровавленная физиономия уроды, изрезанная осколком стекла. Не вышло у отца купить мне друзей, они все равно все меня ненавидели и ржали за спиной.

«– Операцию можно сделать лет в шестнадцать. Череп еще формируется и мышцы.. я не волшебник. И эти раны колотые. Здесь лицо по кускам собирать надо. Вам бы его к психиатру и... пока косметическую операцию, потом постепен...»

– Заткнись! Сейчас сделаешь. Станешь волшебником. Давай, чтоб мой сын отсюда вышел красавцем – и я озолочу, а если что-то не так пойдет, тебя самого ни одна пластика не спасет. Сделаешь так, чтоб через год телки перед ним на коленях с открытыми ртами выстраивались.»

Я тряхнул головой и выдернул член из изрядно помокревшей плоти Кавериной, опустил ее на колени и зажал жесткие волосы на затылке в кулак. Едва она открыла рот и приняла мой вздыбленный член, я застонал и запрокинул голову назад и тут же обратно, смотрю на нее, не позволяя фантазировать. Я кончу ото рта этой шлюхи, а не мысленно во рту Нади. На хер это наваждение. Толкнулся еще глубже, и Каверина начала алчно причмокивать, вылизывать мой ствол. Но мне надо было глубже и жестче, прихватил ее одной рукой за горло, второй за затылок и начал долбиться в ее рот до самого горла под всхлипывания, под слезы, текущие по щекам, под судорожное хватание воздуха скрученными пальцами и сглатывания, зажимающие головку и приближающие мой оргазм. Мечется, скулит, мычит, а я чувствую пальцами свой член, поршнем долбящийся в ее горло, стискивая сильнее волосы, чтоб не увернулась. Вижу, как она вертит задом, как запустила руки себе между ног и яростно растирает себя. Начал насаживать на свой член сильнее, заставляя давиться и задыхаться, отбивая желание мастурбировать. Я хотел ее боли. Хотел унижить сучку, которая раздвинула передо мной ноги ради проекта мужа. Каверин хоть и идиот, но такого не заслужил. Он ее любил, как лох последний. Я видел это в его глазах и... мне было его жаль. Но в то же время и совершенно плевать – в какой позе трахать его жену и куда.

Когда кончал, продолжал держать, пока она вынуждено глотала. Потом я перед зеркалом мыл руки, а она всхлипывала на полу на коленях, вытирала слезы. Когда я собирался выйти, схватила меня за штанину.

– Ты.. ты поможешь моему мужу?

Пожал плечами:

– Конечно, нет. Его проект провальный. А он... он бездарный бизнесмен.

– Как? Я же... я же с тобой...

– Не усложняй, я просто тебя трахнул, а ты не возражала. На провальный проект своего мужа ты не наработала.

Потом опустил перед ней на корточки.

– Я помогу ему, если ты устроишь мне встречу с твоим отцом. Непринужденную встречу у вас дома. Сосать было не обязательно, детка. Мы могли всего лишь обсудить условия сделки.

– Ублюдок!

– Еще какой.

Достал сотовый из кармана, и через секунду послышался её голос с просьбой трахнуть.

– Ты вряд ли хочешь, чтоб я это отправил папе и мужу... а еще лучше, например, папиным конкурентам. Мне нужна встреча. Устроишь в ближайшие дни.

Щелкнул ее по курносому носу.

– И в следующий раз я дам тебе кончить.

– Скотина!

Едва вышел в коридор, тут же набрал Антона.

– Что она делает? Пришли мне скрин с камер. Хочу увидеть её...

Да, меня ни хрена не пустило.

*****

Дверь за ним захлопнулась, а я прижала пальцы к губам и медленно закрыла глаза. Еще раз повезло? Так разве бывает? Разве не должен был монстр сейчас разодрать свою добычу? Когда смел тарелки со стола и опрокинул на спину, я мысленно приготовилась умирать. Нет, не физически, а морально. Я почему-то была уверена, что большего страдания женщине не перенести, чем после секса с нелюбимым ощутить внутри себя всю грязь. Но он остановился. Не знаю почему. Я вообще с ним ничего не знаю и чувствую себя ягненком в лапах льва, который то треплет свою добычу, то облизывает, но рано или поздно обязательно сожрет. И вот это ожидание моральной смерти и физического падения самое страшное, что я когда-либо испытывала в своей жизни.

Провела пальцами по нижней губе, а потом по верхней. Так странно... когда я его поцеловала, я совсем не ожидала, что это сработает. Я просто в отчаянии хотела заставить его понять, что я человек, женщина, не вещь.

Ведь могло бы быть все по-другому. А когда его рта коснулась, саму подбросило, как от удара плетью вдоль позвоночника. Он тянулся и тянулся этот удар, словно огненная змея ползет по косточкам, оставляя след, как от ожога. Пылающий, дымящийся след моего поражения. Его губы оказались мягкими, чуть горьковатыми на вкус и очень гладкими. Меня ошарашил его ступор, оцепенение, в которое он впал, когда я его поцеловала. Словно вдруг весь контроль неожиданно оказался у меня, а я растерялась и не знала, что с ним делать.

Но уже не могла остановиться. Сама не понимаю, что происходило в те секунды. Я тыкалась в его губы, вела по ним своими и чувствовала, как от каждого касания большое тело Огинского вздрагивает, и он судорожно выдыхает через нос. Зачарованный жертвой хищник замер то ли от ласки, то ли перед финальным броском, как змея перед смертоносным укусом. Я приоткрыла веки и смотрела на его закрытые глаза, на подрагивающие по-девчачьи длинные ресницы и на складку между бровей, словно на лице застыла гримаса боли, его напряжение передается мне, и я вижу маленькие бисеринки пота, которые хочется смести пальцами. Страх куда-то исчез. Ненадолго спрятался, оставляя какое-то мистическое очарование тишиной и тяжелым дыханием Огинского.

Я обхватила губами его нижнюю губу. Захотелось настоящего поцелуя. Неожиданно и очень сильно. И где-то очень тихо трепыхалась мысль – что было бы, если бы все случилось иначе, и он сам вот так целовал меня? Чтоб я почувствовала? Мне бы понравилось?

Оголенных сосков касались полы его рубашки, заставляя слегка подрагивать от повышенной чувствительности, и зажатые между моих ног сильные бедра, как отсроченная необратимость, не двигались, но я вдруг представила, как они двинутся вперед, и свело судорогой низ живота, и в тот же момент я слегка прикусила его губу, вместе со звуком бьющейся посуды разбилось вдребезги и очарование. Я всхлипнула и дернулась назад, а он отшвырнул вилку и, тяжело дыша, глядя на меня исподлобья, больно толкнул в плечи, а потом выскочил из комнаты как ошпаренный. Я так и не поняла почему. С ним не было понятно совершенно ничего. Непредсказуемый, дикий, то ледяной, то горячий, то жуткий, то вкрадчиво и опасно нежный.

Неужели он не смог, потому что я попросила? Или мои поцелуи были настолько отвратительны? Ведь со шлюхами не целуются. Я это где-то читала. Мысль об этом казалась странной и абсурдной. Но в любом случае я победила. Пусть ему станет противно настолько, что он меня отпустит. Выгонит, вытолкает и забудет, как я выгляжу.

Меня впервые никто не запер и никуда не увел насильно. Я сама пошла в свою комнату, сжимая порванные трусики в кулаке и придерживая края разодранного корсажа платья. Оглядываясь по сторонам и прислушиваясь к уже ненавистой тишине. Пока боролась с Огинским, туфли спали, и я не стала искать их под столом, так и шла босиком, оглядываясь по сторонам и впервые ни от кого не убегая. Дом притих в каком-то выжидании, как и я сама. Я прислушивалась к нему, а он ко мне. Конечно же я заблудилась, иначе и быть не могло. В иной ситуации можно было посмеяться над собой, но сейчас смешно совершенно не было. Я боялась этого дома почти так же, как и его хозяина. Наверное, свернула куда-то не туда. В этом коридоре-лабиринте нужны были стрелки или путеводитель. Но я, наоборот, была безумно рада, что за мной никто не гонится, никто никуда не ведет насильно, и я могу почти спокойно находиться в своей огромной живой клетке сама. Или таким образом меня к ней приучают? Я бы не удивилась очередному трюку Огинского, а точнее, раунду в его играх. Но когда он бросился прочь из залы, у меня не возникло чувства, что он играет. Анализировать его поступки можно до бесконечности, но истинного их смысла я никогда не узнаю. Да он мне и не нужен. Огинский больной на голову садист-психопат, а я его игрушка, и как бы он не поступил, это всегда будет неприятно и больно для меня. Мне так хотелось думать. Потому что еще страшнее было, когда с ним становилось приятно. Почему-то от этого намного больнее, чем если он причинял мне боль. Трогать его губы своими губами, когда он замирает от этих прикосновений, оказалось дьявольски приятно, и именно это больно отдавалось в виски. Стокгольмский синдром. Я читала о нем. Немного в ином ракурсе... но я бы не хотела стать безумицей, которая от безысходности позволит делать с собой что угодно и начнет испытывать от этого наслаждение. Стать добровольной игрушкой – хуже смерти.

В этом крыле дома было особенно тихо. Так тихо, что я слышала эхо своих шагов и, кажется, даже сердцебиения. Открыла одну из дверей и остановилась на пороге, с ужасом понимая, что случайно забрела в самое логово чудовища. Как в сказке... только в моем случае вряд ли у этой сказки будет хэппи-энд. Скорее всего, она превратится в хоррор с ужасным концом. В воздухе витал его запах, и в каждом углу кабинета затаилась его тень. Казалось, даже над пепельницей струйкой вьется дым от незатушенной сигары. Вначале захотелось броситься прочь что есть мочи, но любопытство взяло верх, и я переступила порог, осторожно прикрывая за собой дверь.

Но едва ступила вглубь помещения, включился приглушенный свет. Я тут же обернулась назад, всхлипнув от испуга, и с облегчением выдохнула – позади меня никто не стоял. Говорят, о человеке многое можно узнать из окружающих его вещей и атмосферы, которую он создает в том месте, где бывает чаще всего или проводит много времени. Но это оказалось неправдой. Огинский мог бы стать загадкой для любого психиатра. А я и вовсе не умею «читать» мысли и поступки людей. Умела бы – не оказалась бы в этом доме.

Кабинет напоминал логово отшельника и аскета. Минимум мебели, скорее, как в офисе, чем в доме. На столе ни пылинки, ни бумажки, ни журнала. В подставке всего лишь карандаш и рядом с ним футляр с золотистой надписью: «Паркер». Всего одна полка с книгами, кресло и толстый ковер на полу. Ноги приятно в нем утонули и тут же согрелись, хотя здесь было довольно прохладно. Я прошла вдоль стен и подошла к полке, на которой помимо книг стоял стеклянный шар и единственная фотография хозяина дома на вершине какой-то скалы с довольной улыбкой на губах.

В очередной раз поразила этому бешеному магнетизму, который излучал этот человек. Он вызывал одновременно ужас и заставлял испытывать дьявольское притяжение, как к огню, и в тот же момент понимание, что он и углей от меня не оставит. Взяла в руки шар, потрясла и заворожено смотрела, как крутится внутри снег. Что с тобой не так, Роман Огинский? Почему в твоём кабинете нет фотографий твоей семьи? Матери, отца или покойной жены? Только ты сам. Неужели ты в своей жизни никого кроме себя не любил? Это ведь так печально и в то же время отвратительно. И меня снова окатило волной презрения к хозяину этого роскошного дома-тюрьмы. Такое случалось со мной постоянно с самого первого момента нашего знакомства. Все мои эмоции к нему были полярными настолько, что у самой дух захватывало от той скорости и температуры, которая постоянно менялась внутри меня. Когда снег в шаре опал, я увидела, что внутри находится миниатюра этого самого дома. Точная мини-копия. Захотелось шваркнуть его о стену, но что-то удержало, я перевернула шар снова и увидела надпись.

«Дом – это единственное место, где тебе рады даже стены».

Подарок от любовницы или жены? Совсем не несущий радости или позитива, и тем не менее он его хранит. Стало вдруг интересно – какой женщиной могла быть жена такого ужасного человека. Огинского мысленно я могла сравнить лишь с Жилем Де Рецем.

По коже прошел холодок, когда я вспомнила беседу охранников о

смерти жены Огинского. Ни на секунду нельзя забывать – где я и что он опасен. Не относиться к нему, как к человеку. Люди так не поступают с другими людьми.

Я взяла шар с собой и вернулась к столу. Села в кресло. Очень удобно. Так удобно, что захотелось поджать ноги и заснуть. Но я потянула вначале руку к ящикам. Конечно же, в них не оказалось ничего интересного. Папки, бумаги. Все сложено очень аккуратно. И лишь в последнем лежал телефонный аппарат. Выключенный смартфон. Я схватила его в руки и, поддавшись порыву, резко включила. Стало страшно на мгновение, а потом вдруг подумалось, что это единственный номер, который может не прослушиваться. Дрожащими пальцами я набрала номер мамы. Пока шли длинные гудки, меня слегка потряхивало от волнения и предвкушения услышать ее голос. Но едва она тихо сказала «алло», предвкушение сменилось диким разочарованием от понимания, что мне нечего ей сказать. Кричать о помощи так глупо и нелепо – она ничем мне не поможет, только навредит себе, если начнет звонить в полицию.

– Алло! Кто это?.... Надя! Это ты?! Надяяяя, где ты? Боже, если это ты, скажи хоть слово, я с ума схожу, доченькаааа! Мы в Германии.. ты скажи мне... скажи, где ты, нам все оплатили... даже мой телефон. Наденькааа, это ты, я чувствую.

По щеке стекла слеза, и я смахнула ее тыльной стороной ладони. Где-то на фоне пикали датчики, а потом я услышала мычание Мити и зажмурилась. Живой мой братик. Значит, операция прошла хорошо. Отключила звонок и несколько минут смотрела на аппарат, а потом набрала Лариску. Едва она ответила, я прошипела ей в ухо.

– Как тебе спится, дрянь? Кошмары не мучают?

– Надяяяя. Надюша. Я так ра...

– Замолчи, лицемерка... какая же ты лицемерка. Если я выберусь отсюда, я...

И осеклась, понимая всю абсурдность своих угроз. А что я? Я никто и ничто. Такие, как Огинский, заткнут мне рот очень быстро и, скорее всего, навсегда. Я напрасно ей позвонила. Этой дряни не стыдно.

– Я вытащу тебя, слышишь? – от неожиданности чуть не выронила аппарат, – я думаю об этом каждый день. Вытащу. Ты только время потяни. Будь с ним ласкова. Надя, он, когда шлюх заказывает, требует от них ласки. Требуется признаний в любви. Если противятся, может боль причинить физическую. Ты сыграй... Сыграй для него. А я найду, как тебя вытащить.

– Не верю тебе. Лжешь ты. Продала меня... за сколько продала?

– Не лгу. В доме горничная работает от нашей компании. Я через нее

передам, что делать. Тяни время, Надя. Нравишься ты ему, слышишь? Он, как ты появилась, не звонит к нам больше. Гошу просил все о тебе узнать. Со мной разговаривал, выпрашивал каждую мелочь. Повернут он на тебе! Я точно знаю... и его знаю. Используй... будь умной. Ты же женщина!

Я не женщина, я наивная глупая идиотка, которая не имеет ни малейшего представления, как вести себя с чудовищем. Как остаться целой рядом с ним.

Я выключила звонок и откинулась на спинку кресла. Покрутила сотовый в руках. Затем удалила номер и положила обратно в ящик. На меня вдруг навалилась какая-то адская усталость. Словно по мне пошли трещины, и я начала рассыпаться на куски. Я снова встряхнула шар и положила голову на руки. Ненавистная усадьба скрылась за слоем снежинок, как в пепле, я вдруг подумала о том, что было бы прекрасно, если бы она сгорела.

Я уснула, отключилась прямо там. Наверное, сказала усталость, болезнь и бессонные ночи. Мне впервые за много лет приснился папа. Он о чем-то говорил со мной, улыбался, гладил по голове. А потом поднял на руки и отнес в постель. Пока нес, от него странно пахло, совсем не так, как обычно, но мне нравился его запах, и в его руках было очень уютно и так спокойно.

Он уложил меня в постель и укрыл одеялом, а мне стало так хорошо, так тепло и больно от того, что он не рядом со мной и никогда больше вот так не сядет возле моей постели. Я заплакала...

Пробуждение было резким с отчетливым цветочным запахом, забивающимся в ноздри. Я словно вынырнула из воды на поверхность и резко села... на диване. Мягкий плед соскочил с плеч, и я на автомате потянула его на себя обратно и тут же замерла – Огинский сидел в кресле за столом и внимательно на меня смотрел, отпивая из чашки с серебряным подстаканником чай.

– Доброе утро, Надя. Как спалось?

Я плотнее укуталась в плед, и на пол упала нежно-розовая слегка смятая орхидея. Судорожно сглотнув, перевела взгляд на диван и на свои колени. По мне были разбросаны ветки цветов, и именно они так сильно пахли.

– Нравится? Это же твои любимые цветы?

Нет. Мне не нравилось. Меня это пугало еще больше, чем его агрессия.

– Мне нравится, когда они живые и нетронутые. А эти... эти умрут через несколько часов в угоду покупателю.

Тигриные глаза тут же сузились, и он поставил чашку на стол.

– А тех, кто сует нос в чужие комнаты и берет чужие вещи, как обычно называют и наказывают? Не знаешь?

Краска тут же прилила к щекам. Что за намеки, я никогда в своей жизни не воровала.

– Я ничего у вас не брала и зашла сюда случайно. Я заблудилась.

Он вдруг рассмеялся и снова отпил свой чай. А потом взял в руки стеклянный шар и несколько раз его потрянул.

– Это подарок моей матери. Я вернулся из заграницы и нашел это в своем кабинете на полке. Он там простоял больше десяти лет.

Стало вдруг ужасно стыдно и не по себе.

– Я не хотела трогать то, что вам дорого... просто он красивый, и эти снежинки... – я не знала, что сказать, а вдруг его мать умерла, – простите. Я бы его не разбила. Я очень аккуратная.

Пока я говорила, он невыносимо пристально смотрел мне в глаза, от чего щеки пылали еще сильнее, и мне было до безумия стыдно.

– Я не хотела... я понимаю, что это неприятно. Когда умер мой отец, у меня остались его вещи и... я очень не люблю, когда их трогают.

Огинский встал из-за стола, а я забилась в угол дивана, невольно подбирая орхидеи, чтобы не раздавить. От него это не укрылось, и выражение его лица стало для меня совершенно нечитабельным, пробуждая новую волну страха.

– Моя мать жива и невредима, а этот подарок и не подарок вовсе, а ее упрек тому, что я не сделал, как она хотела, и уехал против ее воли.

Я застыла вместе с цветами и судорожно сжатыми пальцами у горла. Его откровенность и некая досада в голосе были для меня неожиданностью. Огинский сунул руку в карман и протянул мне свой сотовый.

– Позвони матери, если хочешь.

Сегодня его глаза были какими-то совершенно странными. Жуткий огонь в них сменился каким-то светлым и теплым медовым оттенком. Мне не нравилось и нравилось одновременно. Но я все же взяла смартфон из его рук.

– Без глупостей. Ты ведь умная девочка. Одно лишнее слово и...

– Я умная девочка.

Набрала номер мамы, но ее сотовый оказался выключенным. Пока набирала, Огинский присел на корточки и, приподняв плед, взял в руки мои ступни. Я втянула в себя воздух, набирая повторно номер и боясь сделать что-то не так, чтобы он не отобрал у меня телефон. А он потер мои пальцы

и сжал руками, словно согревая.

В сотовом снова сработал автоответчик, и по икрам вверх от его пальцев потянулись маленькие огненные искры. Потому что его руки ласкали, массировали, гладили, разгоняя кровь в замерзших ногах, пока он смотрел мне в глаза, и в расплавленной патоке точками поблескивал зарождающийся огонь. Отшвырнуть его руки не хотелось. Мне было приятно и тепло. И мозг прорезала догадка, что это он перенес меня на диван и укрыл пледом. А потом? Он что – сидел в своем кресле и смотрел на меня? От этой мысли стало очень неуютно.

– Мама не отвечает... я могу позвонить ее подруге?

Кивнул и сжал мои щиколотки, а потом тихо и хрипло сказал.

– Завтра во всех комнатах этого дома будут ковры, раз ты так не любишь обувь.

И я не знаю, что меня ошарашило больше – его слова или голос тети Аллы в трубке.

– Алло. Здравствуйте, тетя Алла. Это Надя. Я не могу дозвониться маме.

– Надяяя, о боже! Ты где пропала, моя хорошая? Мама извелась вся! Мы уже заявление в полицию подавать хотим.

Я перевела взгляд на Огинского.

– У меня все хорошо, я работаю. Здесь очень плохая связь и звонить получается редко. Вот сейчас я ей не дозвонилась. Как Митя?

– Митя хорошо! Операция прошла успешно, и у него прекрасные прогнозы. Наденька, ты представляешь – у Мити появился спонсор. Мы не знаем – кто это. Но этот святой человек оплатил все расходы и по проживанию, и по питанию. Абсолютно все. У Мити самые лучшие врачи и лучшее оборудование. Потом Митю отправят на реабилитацию. Твоя мама говорит, что, если бы не мысли о том, где ты и как ты, она бы с ума сошла от счастья. Они, видно, на процедуры пошли. Ты позвони ей потом, как сможешь. Она все расскажет.

Я смотрела на Огинского, а он на меня. Я не знаю, было ли ему слышно, что говорит тетя Алла, но это и не важно. Во мне проснулось совершенно странное чувство, и я пока не могла дать ему определения. Когда я отключила звонок, то лишь смогла тихо выдавить из себя:

– Спасибо. За Митю.

Он вдруг резко встал во весь рост и забрал у меня сотовый.

– “Спасибо” слишком дешево стоит, Надя. И не представляет из себя никакой ценности, как и любые слова. Переодевайся. Мы едем гулять в город.

И чувство благодарности тут же испарилось, а вместо него появилось понимание, что за все, что Огинский сделал для моего брата, мне придется платить, и он возьмет с меня двойную цену. Такие, как этот, никогда не продешевят. Хотела сказать это вслух, но прикусила язык. Вспоминая слова Ларисы. Ничего. Если она не врет, то я вырвусь отсюда... потом, когда Митя с мамой приедут домой. А пока надо играть. Пусть я не умею, но да, я умная девочка, я научусь.

ГЛАВА 18

*Не вечная ли это насмешка любви,
что женщина не может любить того, кто любит ее?*
© Уильям Шекспир

Он повез меня в город в этот раз без водителя. Сел за руль сам. Это было более странно, чем все, что происходило до сегодняшнего дня. Нет, я не могла сказать, что он изменился, и вряд ли кто-то и когда-то смог бы это сказать об Огинском. Изменилось его отношение. И это пугало сильнее, чем его грубая жестокость и вечный сарказм. Ведь за них так легко ненавидеть и держать оборону, а то, что происходило сейчас, обезоруживало. Мою комнату не запирали и за мной по пятам не ходил Истукан. Огинский молчал. Включил музыку и вдавил педаль газа, приподняв верх машины. На улице было тепло по сравнению со всеми другими днями, и солнце приятно щекотало лицо. Я бросала на него мимолетные взгляды и тут же отводила глаза, а потом смотрела снова и снова. Он был красив какой-то непривычной глазу красотой. Не общепризнанной и слащавой. А до невероятности мужественной, и в то же время все в нем было до идеальности шикарным. Начиная с запаха и заканчивая аккуратно подстриженными ногтями на красивых руках, лежащих на руле. Сила и аристократизм. Пальцы длинные, а по запястью змеятся выпуклые жгуты вен. И часы поблескивают платиновыми стрелками на солнце. И вдруг подумалось о том, что этими руками он ласкал меня. Так ласкал, что я кричала от наслаждения, проклиная и себя, и его. Щеки мгновенно вспыхнули, и я перевела взгляд на его профиль, на резко очерченные скулы с аккуратной очень короткой щетиной и на губы... его губы. Верхняя выпуклая и чуть полнее нижней. Они тоже красивые, его губы. Невольно провела языком по своим. Во что бы этот мужчина не оделся, он во всем выглядел стильно и вызывая сексуально, при этом

все равно отшвыривал меня от себя воспоминаниями о том, кто я для него, и о том, что он насильно держит меня в своем доме. Но мгновениями проскальзывали хищные движения головы, и мышцы под одеждой напрягались так, что я это видела даже под слоем одежды.

– Куда мы едем? – наконец-то отважилась спросить.

– В город. Выберем тебе платье на вечерний прием и погуляем. Ты ведь никогда не гуляла по городу?

Повернулся ко мне, и солнце отразило миллиарды демонов в его светло-медовых глазах. Я так и не определилась, какого они цвета. В уголках морщинки и губы изогнуты в улыбке. Иной. Не омерзительно циничной. А в омерзительно ослепительной. Уж лучше бы он скалился, как обычно. В голову вдруг пришла мысль, что он должен очень сильно нравиться женщинам. Этот дьявол. И он нравится. Они ведь не знают, какое он чудовище. Хотя этого пока не знала даже я. И именно сейчас его поведение заставляло начать верить, что, возможно, мои первые впечатления были неверными. И именно здесь и начиналась моя самая огромная ошибка. Позволять себе думать, что он лучше, чем есть на самом деле.

– Не гуляла. Лариса обещала повозить и... и не успела.

Бросил на меня быстрый взгляд и снова на дорогу, прибавляя скорость.

– Умеешь водить машину?

– Нет, конечно.

Даже усмехнулась. Машину. С ума сойти. У меня и велосипеда не было. Только трехколесный в детстве.

– А хотела бы?

– Наверное... да.

Вскрикнула, когда мы резко тормознули на обочине, и он вышел из автомобиля, обошел машину и открыл мою дверцу, протянув мне руку. Я судорожно сглотнула, глядя ему в лицо и на то, как ветер треплет его черные густые волосы, ломая аккуратность и идеальность.

– Садись за руль.

– Нееет, – резко мотнула головой.

– Почему? – искренне удивленно.

– Я же... я же не умею.

– Ну и что. Я научу.

Глаза горят очень ярко и обжигающе, заражая каким-то безумием. В нем оно искрилось и потрескивало статикой в воздухе. Казалось, я могу его потрогать руками. Сумасшедшее обаяние. Ему невозможно не поддаться, при этом все еще испытывая дикую неприязнь где-то вдалеке отголосками,

но ее заглушает музыка и вибрирующий рядом с ним воздух соблазном на риск.

– Ну же. Давай.

Решительно вложила руку в его ладонь, и он сжал мои пальцы. Прикосновение опалило кожу, хотелось вырвать руку и в то же время хотелось чувствовать этот кипяток. Контрастом по моим холодным пальцам. Я села за руль и выдохнула, кусая губы и распахивая широко глаза.

– Вау. Как это... как это странно.

– Управлять чем-то мощнее и опаснее тебя всегда странно.

Глаза в глаза. Невыносимые. Звериные. И страшно, и дух захватывает. И “вау” уже звучит где-то внутри. Положил мои руки на руль и наклонился вниз, поставил ногу на педаль.

– Левая нога отдыхает. Правая жмет на газ и тормоз.

Пальцы гладят лодыжку, а сам смотрит снизу вверх мне в глаза.

– Справа газ. Слева тормоз.

– Я не смогу, – вцепилась в руль.

– Сможешь. Тебе понравится управлять зверем под тобой. Я тебе обещаю. Ощущение власти не может не возбуждать.

Какой же у него невыносимый голос, особенно когда становится чуть ниже и с хриплыми нотками. Почему-то от сказанного сейчас щеки вспыхнули еще сильнее. Казалось, он говорил совсем не о машине. Дьявол. Самый настоящий.

Захлопнул дверцу с моей стороны и сел рядом. Провернул ключ в зажигании. Нагнулся, поставил мою ногу на педаль.

– Жми до упора.

Дернул ручку посередине.

– Ну что? Погнали?

– Нннннет. Мне страшно.

– Со мной? Со мной не может быть страшно. Ведь ты боишься именно меня, верно? Что может быть ужаснее чудовища рядом с тобой?

Ухмыльнулся. Но взгляд улыбка не тронула, они вдруг укололи, а не опалили. И мне захотелось показать ему, что не боюсь. Я нажала на педаль газа, видимо, слишком сильно, и машину бросило вперед. Огинский схватился за руль, выруливая на трассу.

– Тшшш. Все плавно. Никакой резкости. Сначала разогрей ее. Разгони. Нежно. Дааа.

Мы выехали на дорогу, и я тихо запищала, у меня дух захватило.

– Сильнее. Жми.

Надавила сильнее – машина плавно увеличила скорость. Дух захватило так, что я вскрикнула.

– Вауууу, я еду. Она едет!

Я усмехнулась, вцепившись в руль и дурея от ощущения... да, от ощущения власти над железным монстром, который послушно шел вперед. Огинский держал руль рядом с моей рукой. Мимолетный взгляд на сильное запястье – какие же красивые у него руки.

– Почувствуй. Если нажмешь сильнее, разобьешься насмерть. Чувствуй силу нажатия. Поиграй.

Его горячее дыхание щекочет шею. И мне нравится, как адреналин скалит в венах, как орет музыка и ревет подо мной машина.

– Ааааа, я лечу, – засмеялась и вдруг увидела, как напряглись его пальцы на руле.

– Твой смех – это самое охренительное, что я слышал за последние годы.

Мне никто никогда такого не говорил, сердце забилося сильнее. Куда-то исчезли мысли о том, как сильно я его ненавижу. Словно за пределами его жуткого дома все изменилось. Словно вообще все могло быть иначе с ним. И я вдруг поняла, что даже это зависит от него. Каждая моя эмоция. Он ими управляет.

– В тебе много всего, чего я никогда не видел в других. Нельзя быть такой, Надя. Ты меня с умаводишь. Смотри на дорогу. Нельзя отвлекаться от зверя – потеряла бдительность, и ты уже мертва. Ты можешь им управлять, и он послушно сделает все, как ты хочешь, но он может убить тебя в две секунды.

Мне стало не по себе от его слов. Было в них что-то зловещее, и в то же время каждое из них просачивалось под кожу и дразнило своей двусмысленностью. Его рука накрыла мою, выравнивая машину.

– Смотри на белую полосу, она поможет ехать ровно. Ну как? Нравится?

– Даааа, – восторженно закричала я и снова рассмеялась. – Это так здорово.

– Кажется это было твое первое «да». Мне.

Я засмеялась снова, вдавливая педаль сильнее и чувствуя, как ветер отшвырнул волосы назад.

– А нас не остановит полиция?

Теперь расхохотался он.

– Нет. Не остановит. Скорее, я остановлю их, чтоб подкачали мне колеса.

И в этот момент мне перестало быть смешно и весело. А ведь это по-настоящему страшно. Этот человек может сделать со мной что угодно. Резать меня на глазах у толпы, и ему ни черта за это не будет.

– Везете меня в город. Не боитесь, что я сбегу?

– Нет. Я найду и накажу тебя. А если не найду – перекрою финансирование германской клиники... И найдешь сама. Так что бояться должна ты. И не только за себя.

Ответил очень спокойно примерно тем же тоном, что говорил о том, как я свожу его с ума. Я сбросила руку Огинского со своей.

– Я не хочу больше вести. Мне надоело.

– Получать честные ответы на свои вопросы?

– Делать вид, что мы обычная пара и мне с вами весело.

– Нет, солнечная девочка, мы никогда не станем обычной парой. Со мной это просто невозможно. Смирись прямо сейчас, и жить станет легче.

– Смирение не моя добродетель.

Усмехнулся, накрывая мою руку своей опять.

– Жми на тормоз и плавно сворачивай на обочину. Да, вот так. Молодец, девочка.

Резко повернул меня к себе за лицо, когда мы полностью остановились.

– У тебя появится много добродетелей, но и много самых грязных пороков. И один из них у тебя уже есть...

– Какой? – с вызовом спросила я.

– Кончать, когда я ласкаю твоё тело. Так грязно и так сладко кончать.

В горле пересохло от его слов. И стало нечем дышать. Он слишком близко, и мы одни на пустой трассе. А ведь он может сделать со мной что угодно, и меня никто и никогда не найдет. Огинский вдруг расхохотался, запрокинув голову. Громко и оскорбительно.

– Конечно, я псих. Но я не собираюсь тебя убивать... я всего лишь испробую на тебе все мои фантазии. Тебе интересно какие?

– Нет! – выпалила. Отодвигаясь от него к окну. – Мне неинтересно, что придумает твой извращенный мозг!

Продолжая смеяться, навис надо мной.

– Ты заметила, что, когда мы говорим о сексе, ты переходишь на «ты». Так вот, я не собираюсь тебя убивать, малышка. Я собираюсь тебя трахать. Всеми способами, какие придумал мой... эмм... извращенный мозг. И, да, ты будешь умирать. От наслаждения.

– Ни за что! Ты мне омерзителен. Все, что ты делаешь со мной насильно, мерзко и до тошноты гадко. Слово меня пачкают грязью, и она

стекает внутри меня липкими потеками. Но если в этом твой кайф... наслаждайся. Я ведь не могу тебе помешать! А кроме насилия ты ничего не умеешь!

Звериные глаза полыхают так, что я обугливаюсь до костей. Теперь и в них плескается злость. Задела. Впервые увидела, как задела.

– Выходи из машины.

Всю остальную дорогу мы ехали в тишине. Он врубил музыку на всю громкость. А мне не верилось, что я могу его вот так разозлить. И вспоминались слова Ларисы «он повернут на тебе». Неужели это правда? Бросала взгляды на его профиль и сильно сжатые челюсти. Но ненависть не обжигала, как раньше. Может, потому что он перестал меня ломать. Я наивно в эту секунду решила, что перестал. Огинский привез меня в город и водил по магазинам дотошно и долго. Заставлял примерять самые разные наряды, и я моментами злилась до невозможности, а моментами сама любовалась шикарными нарядами и снова психовала, когда он отрицательно качал головой, явно показывая, что у меня ужасный вкус. А бывали моменты, когда его взгляд вспыхивал и ноздри начинали трепетать, меня обжигало резонансом и становилось жарко. Тут же хотелось все с себя содрать, замотаться в старье, испачкать лицо и стать уродливой.

Когда я вышла к нему в черном платье с золотыми вставками, он вдруг резко встал с кресла. И при всей моей ненависти к нему сердце вдруг сильно заколотилось в горле. Этот голодный взгляд заставил задохнуться от ответной волны какого-то странного триумфа... что вот это чудовище ТАК на меня смотрит. Обошел со всех сторон, заставляя выровнять спину. Продавщицы крутились вокруг, но он вдруг им приказал.

– Пошли вон. Пусть нас не беспокоят.

Я опасливо обернулась, а он остановился позади меня, и теперь я видела нас обоих в зеркале напротив.

Достал из кармана бархатный футляр, извлек из него ожерелье из золота с черными камнями. Повел им по моему плечу, заставляя вздрогнуть от касания металла к коже. Надел мне на шею и не торопясь застегнул. Из зеркала на меня смотрела совсем другая женщина. Не я. И от нее дух захватывало... она точно не могла быть мною, и бешеный взгляд Огинского смотрел на нее в жажде сожрать. Мне даже показалось, что он может оскалиться, как хищник, и впиться клыками мне в кожу.

– Если грязь облачить в золото, она уже не так отвратительна, верно, Надя? Тебе ведь нравится ощущение тяжести драгоценностей на своей шее? Я могу осыпать тебя ими с ног до головы за все твои «да».

– Сколько не облачай грязь в золото, она все равно останется грязью, –

ответила я ему, глядя в глаза через стекло.

Набросил мне на плечи кружевной черный шарф. Так, словно делал это с другими женщинами и довольно часто.

– Твоя красота завораживает, Надя. Ты ядовитая маленькая дрянь, которая сводит меня с ума и заставляет желать причинить тебе боль. Много боли. С тобой не выходит «не так». Ты сама заставляешь зверя срываться с цепи... и знаешь, что... – сдавил мою руку чуть выше локтя, – ему это нравится. Ведь это дает право рано или поздно порвать тебя на куски. Грязь, значит?

Резким движением развернул к себе и впечатал в зеркало, сдернул верх платья на талию, задохнулась от прикосновения холодного воздуха к голой коже.

– Не смей! – всхлипнула и с какой-то совершенно безумной надеждой подумала о продавщицах там за дверью.

– Один крик и там снаружи кто-то умрет. Ты хочешь взять на себя такой груз вины и настолько испачкать свою совесть....она не тело, ее не отмоешь в ванной?

Я смотрела на него исподлобья, чувствуя, как волны страха накатывают издалека.

– Чего ты хочешь от меня?

– Оставить на тебе пару пятен, малышка. Сними трусики и засунь их себе в рот.

Отрицательно затрясла головой.

– Снимай.

Внутри все похолодело.

– Я сказал – снимай, или сниму я.

Медленно стянула трусики, дрожа от ужаса и глядя ему в лицо. Все очарование испарилось и стало нечем дышать от паники. Он отобрал у меня скомканное черное кружево.

– Открывай.

Качнула головой, чувствуя, как начинают наворачиваться на глаза слезы.

– Мой член или твои трусики.

Открыла рот, проклиная его, содрогаясь от бессильной ненависти, ужаса и надвигающейся истерики. Как можно быть в одну секунду до сумасшествия обаятельным и уже в следующую превращаться в ублюдочного психопата. Огинский с выражением дичайшего наслаждения на лице засунул мне в рот кружево, поворачивая лицо к себе и глядя в глаза, повел пальцами по моим волосам.

– Золото и грязь...

И, сдернув с моей шеи шарф, сильно надавливая колючим кружевом, повел им по моей шее вниз к соскам, почти болезненно потирая самые кончики.

– Раздвинь ноги, Надя. Я хочу играть. В тебя. Сейчас.

ГЛАВА 19

*Мириться лучше со знакомым злом,
чем бегством к незнакомому стремиться.*

© Уильям Шекспир

Смотрит мне в глаза своими адскими глазами и не перестает водить проклятым кружевом по моим соскам, и мое дыхание учащается, становится прерывистым и тяжелым.

– Подними руки, малышка. – интонация меняется, и мне кажется, его голос так же, как и кружево, царапает кожу, оставляя легкие невидимые линии на моей коже. – Держись.

Вскинула руки и дрожащими пальцами впилась в тонкую железную перекладину над зеркалом. Подняла взгляд вверх на свои сжатые ладони, но он выдохнул мне прямо в губы.

– Только мне в глаза. Будь послушной, как я люблю.

Перекидывает кружевной шарф через мою шею и тянет вниз между грудей к животу.

– А ты дрожишь. Мне нравится эта дрожь, как и мурашки на твоей коже. Отзывчивая, Надя. Ты даже не представляешь, какая ты отзывчивая.

Петля на горле ослабевает, а он скользит кружевом еще ниже, и, когда касается им между моих ног, я сильно вздрагиваю, потому что, оказывается, там до боли все чувствительно. Проклятый искустель и манипулятор цепко держит мой взгляд, точно впился в него намертво и не дает даже моргнуть. Весь контроль у него, мне кажется, он контролирует даже мое дыхание. Есть в этом что-то до отвращения порочное и в то же время прекрасное настолько, что я не в силах отвести взгляд от тигриных глаз. Шумно втягиваю воздух носом, и он вдруг зажимает его двумя пальцами.

– Ты такая красивая с черным кружевом во рту, одетая лишь в золото. Если бы ты видела себя моими глазами... хочется сделать вдох, да? Очень

хочется. Так и мне. Надя, мне хочется сделать глоток тебя... а ты не даешь, и я выгрызаю каждый из них.

Разжал пальцы, я судорожно втянула воздух, а он повел языком по моей скуле, и вместо отвращения я вдруг почувствовала уже знакомую тяжесть внизу живота, потягивающие спазмы. Пока он не натянул кружево так, что оно впилось в мою плоть между складками там внизу, и я широко распахнула глаза, вздрогнув всем телом. Как же это грязно и порочно то, что он творит со мной, это так отвратительно и унижительно... унижительно, что мне это нравится. Огинский наклоняет голову к моей груди, я ощущаю его язык на соске и непроизвольно всхлипываю, запрокинув голову назад, и тут же мычу, когда он сильно тягивает сосок в рот и так же сильно тянет шарф назад уже между ягодиц, кружево трет нежные складки и пульсирующий клитор. А сосущие движения его рта заставляют изогнуться и закрыть глаза.

– Смотри на меня, Надя. Нравится?

Отрицательно качаю головой. А вспотевшие ладони скользят по перекладине. Он потянул шарф вперед, одновременно подув на мокрый после его рта сосок, и все мое тело дернулось от невероятно острых ощущений. Огинский тянет материю назад и вперед, заставляя меня переминаясь с ноги на ногу, выгибаться назад, выпячивая грудь и видя, как он пожирает голодным взглядом мои влажные и острые соски. Предательское тело дрожит от похоти. И я ненавижу эти мгновения почти так же сильно, как и не желаю, чтобы он оставил меня, бросил с этой зудящей болью между ног.

– Возбуждена до предела, Надяяя. Вот он – голод. Ты теперь понимаешь, что он причиняет боль? И в ответ хочется причинить ее тебе.

Ущипнул сосок и потянул его на себя. Выдыхаю резко через нос.

– Реакция тела никогда не лжет.

Одной рукой сжал мои скулы пятерней, а другую опустил вниз, и я почувствовала его пальцы вместе с кружевом. Безошибочно нашли пульсирующий узелок и потеряли сквозь материю. Каждое касание – как удар огненной плетью. Меня вскидывает за его рукой в животном инстинкте получить больше.

– Пульсируешь вот здесь.

Сжал клитор двумя пальцами через шарфик, и у меня колени подогнулись, а по всему телу прошла волна электрической боли от предвкушения того сильного и безумного ощущения разрыва плоти на куски от дикого удовольствия.

– Держись, малышка. Пачкаться бывает иногда настолько сладко. Ты

даже забыла сопротивляться...

Я чувствую его эрекцию бедром, и отголоски страха почему-то не отрезвляют, а заставляют ощущать каждое движение его пальцев намного сильнее.

– Я дико хочу тебя, Надя. Ты даже не представляешь, каааак, – его палец вместе с кружевом медленно входит в мое тело, и меня выгибает назад, и глаза закатываются от невыносимого удовольствия. Я чувствую его губы на своей шее, укусами сбоку, где ухо, – кааак адски я хочу тебя трахать. Но мне нравится этот контроль над нами обоими. Нравится боль. Надя. Ты даже понятия не имеешь, какой я больной на голову урод.

Говорит хаотично, как самому себе. Прерывисто, сумбурно и даже бессвязно. Палец тянет кружево и дразнит воспаленную кожу, и сама не понимаю, как начинаю метаться, как мычу, и он накрывает мой рот ладонью, чтоб было не так слышно снаружи.

– Грязная. Такая грязная, Надя. Сейчас кончит под моими пальцами, да, малышка? Громко и сильно кончит для меня... Сейчас!

И он резко тянет кружево вверх. Рывком по набухшему клитору. Срывая меня в какое-то вязкое и дикое безумие. Я отпускаю перекладину и впиваюсь в его плечи. Невольно тянусь за быстродвигающимися на моей плоти пальцами. Сама не поняла, когда он выдернул из моего рта кляп и запечатал мой рот своими губами, проталкивая внутрь язык, заставляя извиваться и выдыхать спазмы оргазма ему в горло, дергаясь в его руках. Впиваясь в его шею, волосы. Не отпускает, продолжает дразнить, истязать до последней судороги. И я сильно сжимаю его шею, пока волны наслаждения не становятся все слабее, а рот Огинского прижимается к моему рту. Он вылизывает мои губы изнутри, мой язык, небо. Я отпрянула назад, встретившись с его диким взглядом своим затуманенным наслаждением, невольно судорожно сглотнула.

– Ненавижу, – прозвучало жалко и как-то фальшиво даже для меня. И в ту же секунду он дернул шарф, а я невольно вскрикнула от болезненной чувствительности. Покрутил им перед моим лицом, поднес к своему и демонстративно втянул запах.

– Вкусная ненависть, Надя. У тебя она невероятно вкусная.

Засунул шарфик к себе в карман.

– Вот этот запах самый честный из всего, что здесь сегодня происходило. И мы заключим с тобой новый договор.

Сжал ладонью мое горло, поглаживая пульсирующую венку сбоку, словно про себя отсчитывая, сколько пульсаций она сделала.

– Ты будешь и дальше меня ненавидеть, как сегодня, а я превращу твоё

пребывание здесь в сказку. Но одно единственное «нет», и эта сказка станет кошмаром. Пока что я был сдержан с тобой... да, потому что попросила.

– А если я попрошу отпустить меня? Тыпустишь?

– Нет, Надя. Я тебя не отпущу.

– Никогда?

– Ну это слишком самоуверенное и идиотское слово. Не отпущу, пока мне хочется, чтобы ты была рядом.

Рядом. Прозвучало иначе, чем то, что он говорил раньше. Прозвучало не так жестоко, как «играть в тебя».

– Обычно это растягивается надолго?

– Не знаю. Раньше этого не случалось.

Иногда его честность обескураживала настолько, что я от нее впадала в ступор. Но какой-то части меня нравилось понимать, что он не лжет мне. Хотя разве я могла это знать наверняка.

– Я хочу одеть тебя.

Я не противилась, и это оказалось на удивление приятно, когда мужчина полностью надевает каждую вещь. Конечно, я понимала, что есть в этом что-то странное и противоестественное, но меня завораживало то, как он надел на меня новые трусики, чулки, застегнул платье, поправил волосы, разглаживая их пальцами. Я наблюдала за ним из-под опущенных ресниц, чувствуя, как захватывает дух от каждого движения длинных пальцев... пальцев, которые побывали во мне, захватывает дух от растрепанных моими руками волос и смятого воротника. Его губы влажно блестели, и я все еще чувствовала их на своих губах. Почему-то вдруг в памяти всплыли слова Ларисы «он повернут на тебе». Верить в это было так же противоестественно, как и верить в то, что зимой распускаются цветы. Но я отчего-то именно сегодня поверила.

– Рома...

Резко развернул к себе, глядя в глаза. Он очень эмоционально реагировал на свое имя. Ему нравилось, когда я его произносила вслух. Я это видела по блеску в глазах и спрятанной в уголках чувственных губ усмешке.

– Поцелуй меня, Рома.

И не дожидаясь его реакции, сама прижалась губами к его губам. Целоваться с ним оказалось намного интимней, чем принимать в себе его пальцы. Его рот был и жестким, и мягким одновременно. Было что-то странное в его поцелуях, они... они не были такими грязными, как прикосновения. Целовался он совсем иначе, чем трогал мое тело, и мне нравилась странная неискренность его рта. Я сама обхватила ладонями

его щеки, притягивая к себе. Он задышался и сминал мою спину, притягивая меня к себе все сильнее, пока не отпрянул назад и не перечеркнул все очарование одной лишь фразой, глядя чуть прищурившись мне в глаза.

– Пожалуй, ты стала моей самой любимой игрушкой, Надя. Мне не хочется тебя сломать... но если мне что-то не понравится – я раскрошу тебя, солнечная малышка. Одевайся. Тебя отвезут домой.

Казалось, он в этот момент потерял ко мне всякий интерес.

Вышел из примерочной к суетливым продавщицам.

– Заверните все, что она примеряла и выбрала.

В город мы не поехали. Он отправил меня домой с одним из своих охранников, они ехали за нами следом эскортом. Обманчивая иллюзия уединения. А я поверила, что он, как и обычные люди, ездит гулять в город. Он не обычный. А возможно, и вовсе не человек. Да, мне казалось, он дьявол. Казалось, что Огинский вышел из самой преисподней, чтобы изменить меня. Превратить в его покорную игрушку, в его вещь, в его добровольную рабыню. И мне страшно, что рано или поздно у него получится, потому что мое тело отзывается на его ласки... и в этот раз отзывалось намного сильнее, чем в прошлый. А еще он не сделал со мной ничего, что причинило бы мне боль... ничего кроме того, что я действительно чувствовала себя грязной после того, как поддавалась и стонала в его руках, извивалась и кончала под его пальцами.

Я решила, что с этого момента многое изменилось, и я поняла, как вести себя с Огинским... Я ошиблась. Нет никаких правил, как вести себя с самим дьяволом.

Все лишь иллюзия, которую он сам вам дает или не дает в зависимости от его личных желаний. И он дал мне эту иллюзию. Ненадолго. Все последующие дни, и правда, казались сказкой. Огинский присылал мне с утра цветы, днем вез меня в город, и мы гуляли пешком, а за нами следом ехал его эскорт. В такие минуты он не был похож на того жуткого зверя, который спустил на меня своих псов и гонял босиком по заповеднику, приказывал ползать по зале, развлекая его в первую встречу. И я начала понимать, почему женщины могли сходить по нему с ума.

За мной никто и никогда не ухаживал. Наверное, поэтому все, что происходило постепенно, заставляло забывать, что я пленница и по ночам запираю дверь своей спальни, и не могу уснуть, потому что мне страшно, что он ворвется ко мне. Я знала, что Огинский приходит под двери моей спальни. Я слышала его приближающиеся шаги. Так же, как и удаляющиеся. Но днем... днем мне начало нравиться проводить с ним

время. Тогда как ночью я с ужасом ждала, что он сорвется и предъявит свои права. Потому что с каждым мгновением этот момент становился все ближе и ближе.

Но я не думала, что он настанет настолько быстро и настолько страшно... Потому что Огинский... Рома... умел заставить расслабиться. И я расслабилась настолько, что не поняла, в какой момент рядом со мной снова оказался зверь. Но все это было потом. Пока что я пребывала в иллюзии и ожидании скорого побега. Со мной вышли на связь... одна из горничных оставила для меня записку, чтоб я позвонила Ларисе, она придумала, как вытащить меня из логова Огинского. А утром мама сказала мне, что им купили билет обратно домой. И я поняла, что, возможно, выберусь из этого кошмара целой и невредимой – я жестоко ошиблась. Я не просто не узнала Огинского за это время, я видела лишь то, что мне позволяли увидеть... и истинное чудовище мне еще ни разу не показалось.

ГЛАВА 20

*Она хитрей змеи, хотя скромней голубки,
Чиста как херувим, как сатана лукава,
Податлива как воск, но как железо ржавая,
Прозрачна как стекло, но чувства так же хрупки.
Бела как лилия, как лилия нежна,
Во всем пленительна и фальши вся полна.
© Уильям Шекспир*

Я не знал, что со мной происходит, но это происходило, и я чувствовал, как меняюсь изнутри. Она меня меняет. Было в ней что-то искреннее, чистое, неиспачканное жизнью. Её не трепало и не окунало в болото. Она верила в какие-то чудеса, и ее глаза искрились, как у умалишенной, как обычно светятся у детей. Я из того магазина приехал домой, а пальцы, как четки, перебирали ее кружевной шарфик, и перед глазами молочно-белое тело изогнутое, тонкие руки на перекладине, торчащие тугие соски и эти кружева между ног, впились в плоть и скользят по складкам, исторгая из девчонки гортанное мычание. У меня зудели губы от желания выдернуть к дьяволу этот кусок тряпки и лизать ее там, где она касалась растертых нижних губ. Жадно и долго вбиваться в нее языком, именно это я и представлял, когда потом, обмотав шарфик вокруг напряженного и раскаленного до боли члена, дергал ладонью вверх-вниз,

изгибаясь на простынях и закатывая глаза, представляя, как вылизав досуха ее узкую дырочку, с ревом насаживаю это тело, покрытое бисеринками пота, на свой член и трахаю.. трахаю... трахаю... брызгая в нее спермой и рыча ее имя. У меня выработался на него фетиш, я произносил его часто вслух, играя каждым слогом и наслаждаясь его звучанием. Оно было символично для меня... оно олицетворяло то же самое, что и значило.

Я хотел ее так, как ни одну женщину «до». Меня разъедало этой похотью. Я не мог успокоиться. Все мои мысли так или иначе сводились только к ней. Я не работал – Марк все делал за меня, я не листал досье конкурентов и не проверял работу своих рейдеров. Я ни черта не делал... точнее, нет, делал – я игрался со своей игрушкой в жизнь. В настоящее. Во что-то, во что сам никогда не верил и так жаждал заполучить от нее, что скулы сводило.

Как в долбанных сказках, я, словно чудовищная спящая красавица, проснулся от ее поцелуя. Смешно и розово до оскомины на зубах, но это правда. Я постоянно думал о них. О ее губах. О язычке, толкающемся в мой, заставляющем член ныть и дергаться в предоргазменных спазмах, о ее дыхании, о столах... о руках в моих волосах. Просто поцелуи... мои первые за всю жизнь. И я не целовал, я пожирал ее рот, я его насиловал. Я в нем трепетал. Мне казалось, это круче секса. Пил ее прерывистое дыхание, собирая пальцами сладкие конвульсии сокращающегося лона, и понимал, что не отпущу. Она моя. И мне насрать, что она думает по этому поводу. Солнечная девочка уйдет из этого дома только мертвой. И когда произнес про себя... понял, что не уйдет даже мертвой. Здесь и останется. Моя! Скалился своему сумасшествию в зеркало и поправлял галстук. Расправляя воротник рубашки заутюженный и острый, как бритва. Мне нравилось это ощущение непрерывного падения в бездну ее неба. Нет, я не расправлял крылья, я сжимал когтями свою добычу и несея куда-то в ее синеву.

И злорадно не боялся разбиться, как истинный эгоист, я прекрасно знал, что мы разобьемся с ней вместе. Маленькая бабочка запуталась в моей паутине, и я ревностно прослежу, чтоб ни одна тонкая нитка-провода не ослабила натяжение. Я каждый раз с любовью буду проверять натяжение и затягивать сильнее, чтоб до крови и до отметин.

Я не посылал ей цветы с посыльным. Ни хренааа. Мне нравилось выбирать их самому. Как и все, что делается впервые, это вызывало эйфорию. Я брал машину и перся в город с рассветом. Это был особый маниакальный кайф – подниматься раньше, чем солнце, и ехать по пустой трассе, представляя, как она восторженно вскрикнет, увидев новый стеклянный горшок с цветами. Днем, пока нас не было, в ее комнате

соорудили полки над потолком. Я хотел превратить ее комнату в оранжерею, засыпать ее цветами. Засыпать всем, что она любит. Я изучал досье и отмечал каждую мелочь в блокнот. Нет, это не было желание ей угодить. Это нечто большее, неподвластное моему собственному пониманию. Когда ей привезли цветы первый раз... она восторженно трогала лепестки пальцами, а потом с каким-то благоговением поливала из графина, став на носочки и прикусив кончик розового язычка.

Для меня привозили самые разные, экзотические, выращенные какими-то неслыханными способами, орхидеи. Их пересаживали в горшки. И я привозил цветы в особняк. Мне, как прыщавому подростку, было стыдно тащить цветы ей. Но я отпирал дверь в ее спальне своим ключом и ставил очередной цветок на полку. Запирается от меня. Дурочка. Я, если захочу, снесу в этом доме все двери, а захочу, она будет спать на коврике у моей кровати. Но мне не хотелось. Я выжидал. Не подходил к ней. Смотрел издали, как спит. Мне нравилось на нее смотреть. Я мог зависнуть надолго. Уходил и становился под струи ледяной воды, чтобы успокоиться. Шлюх не хотелось. Больше ни разу. Ее хотел. Так хотел, что был волком, в очередной раз самоудовлетворяясь и разрываясь на части от понимания, что она не говорит мне свое долбаное «да». И мне адски хочется его выдрать из нее насильно, чтоб кончала и орала мне «да», сломанная и раздавленная весом моего тела.

Но было нечто иное, завораживающее и не дающее сломать... я ее узнавал. Мне нравилось изучать. С каждым днем все больше и больше. Ни к кому я не подходил настолько близко, как к ней. Я показывал ей столицу. Надя восторженно внимала каждому моему слову, спрашивала, заглядывала в витрины магазинов с сувенирами и по-детски радовалась, когда я их покупал. Не золото, не бриллианты, не шмотки, а сувениры.

«Мама будет в восторге... а Митя... да, ему понравится этот шар с куполами... А можно им отправить?»

– Можно.

– Дааа? О, боже! Спасибоооо».

В один из таких «спасибо» она меня поцеловала. От восторга. Вот так просто сдавила мою шею своими тонкими руками и жадно прижалась губами к моим губам. Раскрасневшаяся с прохладными щеками и холодными пальцами. От нее пахло клубничным джемом, который она ела на завтрак, и молоком. От нее пахло несбыточным диким сексом и еще чем-то сумасшедшим. От фантазий, чтобы я сделал с этим джемом на ее теле, начинало потряхивать. У меня насчет нее их было столько, что, казалось, я ни о чем другом думать не могу.

Я на нее зверем голодным смотрел, а она кормила с ладошки бездомных собак, и я цепенел от ужаса, что те откусят ей руку, и ни хрена. Они терлись о ее пальцы, лизали ей ладони. Каждый раз плакала, когда я утягивал ее от них. А возле одной на колени стала и скормила свой сэндвич (да, бл*дь, я покупал ей хот-доги и кривился от отвращения, когда она их с аппетитом уплетала, пачкаясь кетчупом). Я на пса посмотрел – уши торчат, морда страшная, похож на смесь каких-то бойцовских пород. Он ей руки вылизывает, а потом встал и упал снова. Лапа перебита, что ли. Вся в крови, ободранная. Еле увел ее оттуда. Она гулять больше не захотела в тот день, а в машине плакала снова.

Чокнутая. С ней определенно было что-то не так. Я смотрел со стороны, засунув руки в карманы пальто, и не знал – смеяться или злиться. Антон и охрана тащились следом за нами тремя машинами. А эта сумасшедшая по парапету на носочках идет. Стараясь не свалиться. Совсем как ребенок. Потом вытрясла из меня всю мелочь каким-то бомжом у церкви. Я хмурился, но давал. Сам тенью следом за ней, и мне кажется, что я опять из темноты на свет вышел. Я теперь многое понимал о ней. Понимал, что любовь ее к брату не наигранная, искренняя. Слышал, как мать о ней переживает, как что-то ласковое говорит, и Надя улыбается. Мне почти не улыбалась, но я за каждую готов был миллион отвалить. Еще я хотел, чтоб она меня так же... пусть не так же, но хотя бы немножко. Какую-то десятую долю. Мне б хватило. Думал об этом и чувствовал себя жалким идиотом.

Марк ляпнул, что это любовь. Еще больший идиот, чем я. Мне это казалось чем-то черным и страшным, чем-то пока восторженно разрастающимся до чудовищных размеров, чтобы потом погрести меня под руинами вместе с ней. Я знал, что всему приходит конец, и особенно жестокий и кровавый конец у иллюзий, но я расслабился. Мне даже начало казаться, что ей со мной хорошо. Я каким-то образом видел это в ее глазах. Как-то уходил из кабинета, а она у двери за локоть удержала.

– Можно я здесь посижу? Книги почитаю или в твоём ноутбуке фильм посмотрю?

– Зачем в ноутбуке? Ты можешь его смотреть в домашнем кинотеатре.

– Мне так уютней. В твоём кабинете.

– Почему?

– Не знаю... мне там нравится.

И я не смог отказать, потому что она так на меня смотрела, как никогда раньше, и я привык доверять своим собственным ощущениям. Я забыл, что человек способен выдавать желаемое за действительное.

В тот вечер я повез ее на прием. Да, расслабился настолько, что мне захотелось вывести ее в свет. Забылся, что игрушки надо держать дома. Но в этот вечер меня на ней повернуло окончательно. Выключило контроль, когда она выбила на хрен весь мой цинизм только одним невинным вопросом.

– Ты скоро вернешься?

Спросила, когда спускался по лестнице, и я замер. Медленно повернулся к ней. Стоит на верхней ступеньке в одном из платьев, выбранном на ее вкус, от которого у меня кипели мозги, и в то же самое время именно это сводило с ума. Ее наивная безвкусица. Потому что даже в своем сарафане с немыслимыми карманами она выглядела до дикости соблазнительно, и я знал, что там под дешевеньким шелком на ней белые трусики без кружев. Надя заказала для себя ворох каких-то дурацких вещей через Интернет. При мне. Пока я работал, а она сидела в кресле с моим ноутбуком, в котором я открыл ей аккаунт с ограниченным доступом. За все это барахло я заплатил копейки. А солнечная малышка... вы бы видели эту радость, когда ее перетянутая скотчем коробка (как со свалки) прибыла с посылным. У слуг вытянулись лица, а она... она чмокнула меня в щеку и утащила свои сокровища к себе в комнату. Потом я лицезрел всю эту «красоту» и сдерживался, чтоб не расхохотаться при ней, потому что, когда она все это примеряла у себя в комнате и вертелась перед зеркалом и заодно перед камерами, я то смеялся, то сатанел от похоти. Меня возбуждали даже ее трусики без кружев с какой-то дурацкой кошкой посередине. И сейчас мне хотелось переступить по три ступеньки вверх и утащить ее в спальню. Содрать эти трусы и зарыться лицом между ее ног и целовать уже другие губы, жадно сосать ее клитор, да так, чтоб кончила мне на язык, а потом взять ее... наконец-то взять. И я сам не понял, как сказал это:

– Хочешь поехать со мной?

Какие-то мгновения на ее лице недоумение. Сомнение. А потом она быстро кивает, и я улыбаюсь. И в этот раз ее глаза широко распахиваются. Не знаю почему.

– Только наденешь то, что я скажу.

Кивает еще быстрее и тоже улыбается. Мать вашу! Мне кажется, я ослеп. А внутри меня что-то сильно вибрирует, болезненно и невыносимо сильно. Я еще никогда не чувствовал себя вот так. И я не знал этому названия.

Я буду знать позже... когда пойму, что она такая же, как все. Такая же лживая тварь, которой спустя столько лет удалось меня вывести на эмоции,

окрутить. Как пацана, как доверчивого лоха. Такая же, как все они, пробирающиеся в мой дом и уверяющие в своей преданности ради каких-то благ, мечтающие при первой же возможности вонзить нож в спину и удрать.

Разодрать мне сердце в клочья и свалить на хрен. Но это будет позже... сначала она даст мне еще немного верить в то, чего никогда не было и не будет. И я... оооо, я впервые за гребаную тучу лет с таким упоением верил.

ГЛАВА 21

Я лгу тебе, ты лжешь невольно мне,

И, кажется, довольны мы вполне!

© Уильям Шекспир

Я никогда не знал, что такое ревность. Это чувство было мне неведомо ровно до этой проклятой секунды. Я насмеялся над ним. Оно меня веселило, и я любил издеваться над своими бывшими любовницами, когда они ревновали одна к другой, а я ради смеха затягивал обеих в свою постель и с упоением позволял им соревноваться, кто лучше мне отсосет или с кем я кончу раньше. Но обе прекрасно понимали, что после того, как это случится, они будут выставлены за дверь. Обычно с этим никогда не было проблем... кроме одного раза, когда игрушка решила нарушить правила игры и возомнила, что является чем-то большим лишь потому, что задержалась в моей постели на пару ночей дольше, чем все остальные.

«— Я думала, мы с тобой... я думала! Я не могу так!

— А зачем думать со мной, а девочка? Я все давно продумал за тебя. Сегодня была твоя последняя ночь в этом доме. Ты и так задержалась здесь дольше всех.

— Я не стану тебя ублажать еще с кем-то и делить не стану!

Черные глаза Аниты блестели от слез и от отчаяния, и я представлял, как из них покатятся слезы, когда я возьму ее в очаровательную круглую попку одним сильным толчком, пока моя вторая игрушка подразнит ее язычком.

Картинка взбудоражила настолько, что я облизал губы и ущипнул ее за задницу.

— Станешь! Еще как станешь!

Все было, как я сказал, под ее слезы и оргазмы. А потом она порезала вены. После того, как уехала из моего дома, а блондиночка с пухлыми губами осталась со мной еще на несколько дней. Лариса позвонила сказать

мне о смерти игрушки. Я выразил искренние соболезнования и надавил на затылок ее подружки, проталкивая член поглубже. Тупая смерть, тупая девка, которая лишила себя жизни из-за члена, трахающего не только ее дырки. Бред!

Марк иногда ревновал свою жену, а мне было забавно смотреть, как покрывается пятнами его лицо и пальцы сжимаются в кулаки.

А теперь... теперь сжимались мои собственные до хруста, до треска всех суставов и боли в сжатой до крошева зубов челюсти. Мне захотелось убивать. Рвать голыми руками каждого, кто просто на **нее** смотрел, каждого, на кого смотрела она, а если еще улыбалась, меня вело так, что я дрожал от напряжения. На вечеринке, казалось, не было женщины красивее этой золотоволосой ведьмы в платье серебряного цвета с открытой спиной и разрезами по бокам. Оно обрисовало ее идеальное шикарное тело, как вторая металлическая кожа, и белый мех на плечах оттенял округлые плечи и ее волосы, завитые стилистом, который приехал на дом и возился с ней несколько часов.

Сейчас мне хотелось сдернуть скатерть со стола и накрыть ее с головой, чтоб ни один похотливый мудака не касался голых плеч, спины и стройных ног, мелькающих в разрезах, голодными взглядами. Я представлял, как выкалываю им глаза, и они стоят с пустыми глазницами вокруг нее и орут от боли, а она улыбается только мне. До ошизения красивая. Самая красивая из всех женщин, что когда-либо побывали в моей постели. Я видел, какими взглядами ее провожают мужчины, как исходят слюной на нее, и сатанел от той желчи, что наполняла меня изнутри. Представил, что кто-либо другой прикоснется к ней, и понимал, что убью. Лично. Голыми руками. Это наваждение, и от него надо избавляться... надо. Да. Позже.. Я придумаю как. Пока что я хотел этим наваждением наслаждаться. В моей жизни никогда не случалось ничего подобного, и это было сродни жесточайшему наркотическому кайфу.

Я не мог говорить с партнерами о бизнесе, не мог сосредоточиться, потому что следил за ней глазами, потому что меня трясло, когда она отдалялась слишком далеко, и я не видел, что она делает. Оставил с партнерами Марка и сам продирался к ней сквозь толпу с бокалом шампанского. Увидел рядом какого-то ушлепка примерно ее возраста, и всего передернуло от черного густого марева ярости, которое начало растекаться внутри. Замер, не в силах отвести от нее взгляд с кровавыми потеками ревности и похоти. Глядя, как танцует и как плавно двигается. Малышка где-то научилась неплохо танцевать.

Смотрю, как развеваются локоны золота вокруг голых плеч и облепило

ноги платье, как натягивается эластичная материя на ягодицах, когда она ими соблазнительно виляет в танце, и обнажается до бедра стройная нога в телесном чулке. От возбуждения и злости зашкалил адреналин с такой силой, что я шумно втянул воздух.

– Охренеть, какая красавица. Где взял?

Голос Шумилова раздался где-то возле уха.

– Где взял, уже не дают.

Прищурившись, процедил я, не сводя взгляда с танцующей Нади.

– Когда наиграешься, поделишься игрушкой?

Резко повернул голову и встретился с масляными глазками короля игорного бизнеса Леньки Шума.

– Когда наиграюсь, сломаю, чтоб никто играть не смог. Не люблю свое отдавать.

Брови Лени взлетели вверх.

– Даже так? Я б тоже запал... породистая, какое тело сочное, идеальное. Наверное, если увидеть его без одежды, ослепнуть можно от этой красоты.

– Можно. Бойся своих желаний, Леня.

Похотливая улыбка стёрлась с его губ, он вдруг понял, что я не шучу, и растворился в толпе, а я двинулся к ней. Надя тут же перестала танцевать, заведя меня. А молокосос, отплясывающий рядом, дал задний ход, едва я кивком показал ему свалить на хрен. Подошел ближе и протянул бокал.

– Я не пью спиртное.

– Сегодня пьешь. Я так хочу. Пей.

Но она вдруг отняла у меня оба бокала и поставила официанту на поднос. А сама взяла стакан с соком и выдернула соломинку из другого стакана. Я все еще дрожал от напряжения, не мог успокоиться. Укачивал внутреннего дьявола, обещая скормить ему кого-то другого и в другой раз.

Я пока не мог понять, меня злит ее поведение или... или мне до одури нравится ее смелость со мной. Дерзкая. Наглая. Но такая непредсказуемая, что мне интересно до огненных искр под кожей. Хочется сожрать и в то же время страшно тронуть, чтоб не испортить.

– Я хочу яблочный сок... пить с тобой вместе. Ты когда-нибудь пил с кем-то вместе из одного бокала? Кто первый допьет – исполнит желание.

Я нахмурился, а она протянула мне бокал и закусила соломинку маленькими белыми зубами, глядя мне в глаза своими синими обрывками весеннего неба. Оно меняло времена года в зависимости от ее настроения... и весенним оно сейчас было впервые. Я обхватил вторую соломинку, и Надя что есть силы потянула сок в себя. А я не смог

удержаться, потянул вместе с ней. Потом она хохотала, когда сок кончился. И, я как растерянный болван, смотрел на ямочку на ее щеке, не мог поверить – она смеется со мной. Для меня.

– Я выиграла. Я загадываю желание.

– И как же ты выиграла, если мы пили из одного бокала?

– Я тебя обманула. Я просто хотела загадать желание.

Облизала губы, а я смотрю на ее рот, и меня ведет от влажного блеска на нижней губе, хочется ее прикусить и провести по ней языком.

– Загадывай, – хрипло, зарываясь пятерней в ее волосы на затылке и придвигая ее к себе, и по хер, что там щелкают скрытые камеры у папарацци, затерявшихся в толпе.

– Поцелуй меня.

И тут же сама прижалась губами к моим губам, а потом отпрянула.

– У тебя теперь яблочные губы, Рома...

– Какие? – рассеянно спросил я.

– Яблочные.

Привлек ее к себе за талию рывком, и улыбка мгновенно пропала с ее лица.

– Ты меня специально дразнишь? Ты ведь понимаешь, малышка, что это флирт, или ты настолько глупая, что суешь руку в пасть зверю?

– Нет.

– Что нет? Не глупая или не понимаешь?

– Я не флиртую. Мне просто было хорошо сейчас.

Сама не поняла, как ударила. Я даже почувствовал, как дыхание перехватило. Идиот. Бл*дь. Какой же я идиот!

– Потанцуй со мной, Рома.

Она повторяла мое имя теперь так часто, что мне то хотелось запретить ей, то заставить говорить снова и снова. Играла какая-то медленная музыка, и я невольно притянул ее к себе, зная, что на нас уже давно смотрят все эти дебилы, которые вдруг увидели что-то охрененно личное. Я так и представлял себе, как они пялятся на нас, открыв рты, и мне было насрать на них. Потому что хорошо было мне! Мать вашу... мне было так хорошо. Я впервые ощутил, как колотится мое сердце. Сильно. Гулко, как сумасшедшее. И не от того, что хочу ее трахать (а я хочу так, что все тело разламывает на части), а от того, что ее глаза так близко, и я падаю вниз камнем. Мне дух захватывает с такой силой, что я сжимаю ее пальцы своими и вдруг... впервые испугался разбиться один. Даже если от нее останется кровавое месиво, гореть в дьявольском пекле буду только я.

– Шрам у тебя на виске... это авария?

Нахмурился снова, не понимая, что именно она спрашивает, я словно вынырнул из ослепительного аквамаринового космоса. Тронула пальцами шрам, и я невольно дернул головой и тут же выматерился про себя, потому что она одернула руку. А мне... а страшному зверю, оказывается-таки, хотелось, чтоб его погладили.

– Драка.

– Ты дрался в детстве?

Усмехнулась и все же потрогала шрам снова, погладила, а я сильнее сжал ее тонкую талию.

– Приходилось иногда.

– И ты всегда побеждал.

– Почему ты так решила?

– Не знаю, мне кажется, ты очень сильный.

Сдавила мои плечи и широко распахнула глаза.

– Под твоей кожей словно гранит.

А я кончиками пальцев прошелся по ее позвоночнику, заставив выпрямить спину, и невольно опустил взгляд на вырез платья, повел вдоль меха тыльной стороной ладони, глядя, как под материей напряглись ее соски.

– А твоя – шелк, – севшим голосом и втянул носом запах ее волос. О даа, мне хорошо. Мне так хорошо, что у меня вспотела спина и пульсирует каждая вена на теле. – Ты везде очень шелковая, а где-то очень горячая. Ты сейчас горячая, Надя? Когда я вот так трогаю тебя, – вверх и вниз по косточкам позвоночника, не спуская взгляда с ее груди. До боли захотелось наклониться и прикусить сосок через материю.

Ее щеки вспыхнули, а меня прострелило в паху и заныли яйца от нахлынувшего возбуждения. Настолько едкого, что невольно стиснул ее талию сильнее.

– Я могу позвонить маме? Я несколько дней не звонила.

Кивнул, продолжая вдыхать запах ее волос.

– Я выйду на веранду и сейчас вернусь.

Хотел сказать, что пойду с ней, но тут подошел Марк вместе с Шумиловым и Неверовым. Вот это охренеть сюрприз. Значит, его неумеха дочка таки замолвила словечко ради своего неудачника мужа... Отлично. Проводил Надю взглядом и пожал руку Неверову. Я видел ее через стеклянные двери, она тоже оборачивалась в зал и... и смотрела на меня, потирая голые плечи руками.

Это был тот самый момент, когда я понял, что меня реально ни черта не волнует сейчас кроме нее. Потому что на этой долбаной веранде

холодно. Оставил недоумевающего Неверова, Шумилова и Марка, который так и не договорил свою заранее заготовленную речь насчет сотрудничества и слияния двух дочерних предприятий в Европе и продажи земель, принадлежавших Неверову. Я шел к веранде, и у меня появлялось какое-то странное чувство, словно все здесь сейчас не настоящее, а пластмассовое, и только эта девушка с длинными локонами и покрасневшими щеками из плоти и крови. Я быстро подошел к ней, снимая на ходу пиджак, и закутал в него ее обнаженные плечи, обнимая сзади, и в этот момент она отключила звонок.

– Ну как там мама?

Развернул ее к себе, всматриваясь в кристально чистую голубизну, настолько пронзительную, что у меня от восхищения сводит скулы.

– Все хорошо.

– Хорошо?

– Да. Их завтра выписывают.

Она говорит, а я смотрю на ее лицо, и мне кажется, что оно покрывается трещинами, кожа откалывается кусками, отпадает, и под ней восковое лицо куклы. Ее улыбка осыпается шелухой, а там... там нет никакой улыбки, там презрительно скривленные губы. Она мне солгала. Ее брата не могли выписать, ему вчера стало хуже, и их должны были перевести обратно в интенсивную терапию. Я медленно взял у нее сотовый и положил в карман.

– Иди в дом, Надя.

И небо ее глаз стало по осеннему темно-серым, бесцветным. Ушла, оглядываясь на меня. А я открыл сотовый. Последний звонок, и правда, сделан на телефон ее матери, но разговор не продлился и минуты. Она говорила не с матерью, а с кем-то другим. Я набрал Антона.

– Ты проверил мой второй аппарат? Кто из домашних с него звонил и куда? Прослушку восстановил?

– Да. Проверил. Хотел дождаться вашего возвращения.

– И кто с него звонил?

Я снова холодел изнутри. Как когда-то, когда понимал, что ни одна тварь за моим праздничным столом не пришла сюда потому, что искренне этого хотела.

– Ваша гостья.

– Кому?

Оказывается, становиться самим собой не так уж плохо, а привычно и приятно чувствовать, как по венам течет яд и отравляет внутри жаждой причинять боль.

– Ларисе. Она обещала помочь вашей гостье сбежать из дома на машине, которая возит прислугу.

– Когда?

– Сегодня после пересменки. Весьма занятный план, я бы сказал. Скорее всего, у них бы все получилось. Если бы вы не заметили, что ваш второй смартфон использовали.

– Кто замешан из наших?

– Горничная и охранник на воротах, который проверяет машину и документы.

– Все записи разговоров пришли мне сейчас на электронную почту. Включая запись последних звонков с этого номера тоже.

Посмотрел на нее через стекло и бросил сотовый на пол, наступил на него каблуком туфли и с наслаждением раздавил, продолжая смотреть на эту лживую суку, которой удалось из меня сделать жалкого лоха, решившего, что у него все может быть, как и у других... с ней может быть. Не может. Она такая же пластмассовая, как и все, кто меня окружают. Только ее будет намного вкуснее ломать, чем всех остальных. Безжалостно, с наслаждением разрывать ее тело и превращать в грязь. А точнее, обнажать ту грязь, которую она прятала под своим фальшивым белым цветом чистоты, под тонким слоем фарфора. Я увижу ее настоящую. Вышел с веранды и направился к ней, чтобы взять под локоть и тихо сказать на ухо:

– Бал окончен, карета вот-вот превратится в тыкву.

– Что?

– Мы уезжаем.

– Домой?

Ее глаза заблестели надеждой.

– Конечно, домой. Я буду тебя трахать на моей огромной постели всю ночь напролет. Отметим выписку твоего брата из больницы твоим первым взносом по договору.

И испытать почти оргазм, когда ее глаза округлились и вся краска отхлынула от лица. Вот теперь оно настоящее, это лицо, без ее гребаной, лживой улыбки.

ГЛАВА 22

Когда клянёшься мне, что вся ты сплошь

Служить достойна правды образцом,

Я верю, хоть и вижу, как ты лжёшь,

Вообразив меня слепым юнцом.

© Уильям Шекспир

Я тащил ее по лестнице за шиворот и волосы на затылке. Её роскошные сводящие меня с ума волосы, от блеска которых у меня пальцы сводило в желании их ласкать, но драть их мне тоже нравилось. К ней вообще прикасаться по-разному нравилось, и у нее был выбор – КАК. Она его сделала сама. Не обращая внимание на то, что она бьется и ломает каблуки о ступени и ногти о перила, я волок ее за собой вверх к спальням. Она для меня в этот момент обесчеловечилась. Я не чувствовал в ней ту девочку, которая приводила меня в восторг все эти дни, умиляла и заставляла с ума сходиться от неизвестных мне щемящих душу эмоций, заставила почувствовать, что у меня есть душа. И вот эта самая душа никуда не делась, она жаждала получить себе все, она жаждала впитать в себя каждый ее рваный вздох и крик агонии. Потому что Надя заставила меня верить, опять, черт ее раздери, верить в то, чего нет. Сыграла для меня настолько талантливо, что я размяк и готов был сам опуститься перед ней на колени. Я думал, что боль это уже давно не про чудовище, которое родилось из разочарований и чужой жестокости. Но девочка с солнечными волосами доказала, что ни хрена я не чудовище, я червь, которого легко раздавить, едва он сбросит скорлупу, которая так похожа на шкуру зверя. Это говорил мой отец.

Склизкотелым бесхребетным быть не хотелось, им я уже был. А вот монстра больше ни черта не сдерживало, он подрал доверчивого лошка и оскалился, обнажив сверкающие и блестящие от голодной слюны клыки. Как в свое время сожрал и того, кто назвал его червем. Она что-то кричала, а мне было насрать, я ее не слышал, не хотел слышать. Я хотел получить свое, то, что ждал и желал так долго. Втянул в одну из комнат, плевать в какую, удерживая на вытянутой руке все так же за волосы, закрыл на ключ и зашвырнул его к дьяволу куда-то под шкафы, и впечатал ее в дверь, коленом раздвинув ноги, резко вошел в нее пальцем, разрывая толчком кружево трусов, и зашипел, как же там, в ней, сухо и узко, намного уже чем, когда я ее возбуждал и ласкал, и довольно заурчал, когда в ее глазах заблестели слезы.

– Ты говорила, что могло быть не так? И было... было пиз**ц, как не так, но ты сама все испортила! Крошечная, маленькая и такая лживая

сучка... вы такими рождаетесь? Или вас такими кто-то делает?

Протолкнул палец глубже, и она всхлипнула, закрывая глаза. Вот теперь не нравится. Да? Вот теперь больно. Я по-разному умею. Могу заставить умирать от оргазмов. А могу и вот так. Чтоб дергалась и кривилась.

– Открой глаза! На меня смотри, забыла?

Упрямо зажмурилась и процедила сквозь зубы.

– Не будет, как ты хочешь, больше!

Оооо, как это злило и возбуждало одновременно, ее вызов наглый и совершенно глупый. Вызов, за который хотелось ее раздавить. Больше не будет спектаклей, где она шепчет мне «не так», больше не будет никаких спектаклей.

– Будеет! Будет только так, как хочу я! Я тебя сломаю!

Меня трясло от возбуждения до такой степени, что я слышал, как лопаются мои нервы и тот самый контроль. Я хотел ее до такой степени, что у меня от этого желания закладывало уши. Я хотел водраться в нее, чтоб она стиснула своими мышцами уже мой дергающийся от болезненной эрекции, горящий, как в огне, член. Войти и двигаться в ней, чувствуя дымящейся кожей шелковистость ее узкого лона. Сучкаааа, только ей удастся меня вот так срывать в бездну, толкать к собственному зверю и разрывать сдерживающие его веревки. Если бы она знала, какая стихия клоочет во мне и хочет вырваться наружу. После останется лишь выжженная земля, и этот апокалипсис пробудила она своими играми.

– Не будет, – шепотом, скривившись в ненависти и презрении. Да, девочка, вот это уже честно, я бы сдох за твою ложь, но гораздо сильнее мне хочется сдохнуть, когда я понял, что ты и есть вся эта ложь, и ты никогда мне по-настоящему не улыбнешься, – я никогда тебя не захочу. Ненавижуууу.

Сам не понял, как ударил. Наотмашь. Так сильно, что в уголке ее рта выступила тонкая струйка крови. Дряянь! Целовала меня сама. Лгнула ко мне, давала надежду... давала, мать ее, манила, влекла, заставила хотеть большего, чем просто трахать. Вот и ненавидь. Будет за что.

И все. Меня сорвало окончательно, я вгрызся в ее окровавленные губы своим пересохшим от голода ртом. Вгрызся и понял, что никто этому не учит. Поцелуи бывают разными. Я ее не целовал – я ее жрал, я насиловал ее рот, я душил ее языком, вбивая его так глубоко, как мог. И рычал, ревел от вкуса ее слюны, дыхания, от того, как пытается вырваться и кусает меня до крови за губы и за язык. Мне нравилось все, что она делает, нравилось дергаться от боли и продолжать терзать, слизывать нашу кровь, сосать ее

язык насильно. Держал ее одной рукой и тащил за шею, продолжая насильно целовать, к постели. Швырнул поперек, облизывая окровавленные губы и снимая с себя пиджак, разрывая пуговицы на рубашке, скидывая ее смятой тряпкой в сторону и глядя налитыми похотью глазами, как она отползает назад и униженно вытирает рот. Словно брезгует мною, дрянь такая. И мне кажется, что перед ней не я – Роман Огинский, а подросток с зашитой и вздернутой губой, обезумевший от одержимости ею. Отверженный, нежеланный, ненужный только потому, что не такой, как другие. Только в отличие от него, я могу взять все, что я хочу!

Я выдернул ремень из штанов и, схватив ее за лодыжки, притянул рывком к себе, опрокидывая спиной на постель. Впилась мне в лицо ногтями, зарычал и заломил тонкие руки наверх к спинке кровати, примотал ремнем к резному узору в виде железных цветов. Затянул с такой силой, что она вскинулась подо мной. Мягкая, горячая. До адской боли желанная. Какая же она ведьма красивая и желанная. Каждый изгиб тела, каждая завитушка ее золотых волос, округлость грудей под платьем, согнутые в коленях ноги со сбившимися чулками манят раздвинуть их и ошалеть от возбуждения.

Со мной не происходило никогда ничего подобного. Я никогда так не ломал женщину. Заставить хотеть – дааа. И еще раз – да. Но не трахать против воли. А сейчас... я проиграл всем своим страхам, всей своей прошлой ненависти и разочарованиям, я выпустил всю сдержанность, как шлею, и уже не мог и не хотел ее поймать. Я до дикости вожделем эту девочку. Если не добровольно, то как угодно. Плевать. Все в ней будет моим. Каждая ее сладкая дырочка будет опробована мной и помечена рано или поздно.

Набросился на ее губы и мелко дрожал от удовольствия вкушать их снова и снова. Облизывать, жадно втягивать в рот каждую из них, покусывать, тянуть и снова кусать. Я разорвал на ней платье, стащил через ноги вниз, сдернул лифчик, трусики, чулки и на миг замер, лицезря самое желанное тело в моей жизни. Голая она оказалась еще красивее, чем в моих самых грязных фантазиях. Тяжело дышит, и плоский живот то напрягается, то опадает, над ребрами торчат острые груди с тугими красными сосками, я вижу ее гладкий лобок, и меня начинает не просто трясти – меня всего скручивает от потребности взять. Мучительно застонал и закрыл глаза. Прерывисто дыша и стараясь справиться с этим безумием. Накинулся поцелуями на ее шею, изогнутую, с напряжёнными натянутыми жилами от усилий вырваться, а я языком по ней, к подбородку, к щекам, к ямочке на

одной из них. Засосами к груди, жадно вбирая в себя соски с такой силой, что ее дергает подо мной, а я больше не человек – я животное, сдыхающее от похоти и дорвавшееся до своей самой вожаделенной добычи. Покрыть. Заклеймить. Сожрать. Только это пульсирует в висках, и я облизываю ее соски, тяну в себя, немея от запределного кайфа и от предвкушения. А она пытается вырваться. Сбросить меня. Извивается и брыкается. И черт подери, меня это не останавливает, а злит и заводит еще больше, еще сильнее. Как одичалого людоеда. Мне хочется ее. Всю. Каждую клетку ее тела. Быстро. Залпом, чтоб от удовольствия насыщения зайти в эйфории. Но она не поддается. Не перестает сопротивляться и... и не течет для меня, как раньше. Сухая, эластично-твердая, не пульсирует и не жаждет. В истерике и панике не реагирует ни на одно мое прикосновение.

Я сжимаю ее лицо ладонями. Не давая метаться. Заставляя смотреть себе в глаза.

– Успокойся. Слышишь? Я все равно возьму. Не дергайся, будет больнее. Просто расслабься ипусти.

– Неет! Не надоо. Я умоляюуюю... я же возненавижу тебя... не надо. Не надо насильнооо... прошу, молю тебя, Ромаааа.

– Ты и так ненавидишь. Хватит играть! Хватит, мать твою!

– Я бы могла тебя...

– Заткнись! – зарычал ей в лицо и накрыл рот ладонью, смочил пальцы другой руки и вошел ими в нее снова, закрыл глаза, когда ее плоть сдавила их снова. Бл****дь, она вообще понимает, что делает со мной? Какую черную бездну волнует и колышет своим неприятием? Она моя! И точка! Мояаяя! Если не примет – от нас с ней ничего не останется.

Вытащил пальцы из ее тела, застывшим взглядом глядя на слезы, текущие из-под зажмуренных глаз. Мне только слезы. Ни стопа, ни звука, ни улыбки. Дернул змейку, вытащил каменный член, сжимая у основания, чтоб не кончить еще до того, как вошел, и сильно дернувшись между ее ног, насильно отодвигая одну в сторону, придавливая колено к постели, раскрывая ее для себя пальцами и втискиваясь в эту запределную узкость короткими толчками. Продолжая ошалело смотреть на ее лицо, пока не сделал один бешеный толчок, чувствуя, как разрываю нежную, тугую плоть, и ее глаза не распахнулись с мучительным мычанием под моей рукой. Застыли, впиваясь в мой взгляд рябью разбитого хрусталя и сочащимися из них упреками и болью. А меня ведет даже от ее боли, и она отдает во мне яростью за то, что мне вот так... мне вот так с ненавистью и слезами. А ведь я мог... Нет. Не мог. Потому что и она не смогла.

Я сделал еще один толчок, и она даже не дернулась подо мной, только

слезы текли и текли. Держит меня этим взглядом, и я в диком возбуждении с каким-то надрывом накрыл рукой ее глаза и принялся двигаться быстрее и быстрее. Насилов и воя от бешеного экстаза, опалившего все мое дрожащее тело, взмокшее от пота. Агония горечи и наслаждения. Дьявольский микс удовольствия и самого жестокого разочарования. Наркотик, поражающий все органы с первого раза с пониманием, что вот это моя смерть... и ее тоже. Прежним я уже никогда не стану. Эта золотоволосая до безумия красивая дрянь вытащила наружу того уродливого придурка, которому больно от каждого презрительного взгляда и слова, и он... он никуда не девается, как бы я его не грыз и не рвал на части.

И я толкаюсь в ней все сильнее и сильнее с остервенением и уже не могу остановиться. Надя не стонет, кусает губы в кровь, из-под моей руки просачиваются слезы, и я, не сдерживаясь, слизываю их, терзаю ее губы, она не отвечает. Мертвая подо мной, холодная, поломанная.

И нет, меня это не отвращает, я сорванный на нее зверь, которому плевать – как. Только брать, утолять голод, и я утоляю с мучительными стонами удовольствия. И в то же время тот самый... тот, почти сдохший во мне урод, он корчится от боли, там в углу моего сознания, он бьется головой о невидимые стены и ненавидит меня, а я его. Плевать... мне хорошо, мне так охеренно, что кажется, я сейчас кончу и сдохну от этого дичайшего удовольствия. Никогда раньше мне не было, как с ней сейчас, как в ее теле, как губами в ее губы.

– Какая тыыыы, – хрипя в бьющуюся вену на ее шее, толкаясь и содрокаясь в экстазе от каждого движения, – как же с тобой... маленькая.

Пьяный от невероятных эмоций, от того, что, и правда, первый, от раздирающего ощущения полной нирваны. Наклонился, обхватил ее сосок искусанными уже ею губами, и меня разодрало на части, вдоль позвоночника вспыхнул огонь, отдавая искрами в пах, сотрясая все тело судорогами мощнейшего оргазма, от которого у меня закатились глаза, и я, запрокинув голову, выгнулся назад, убирая руку с ее лица, изливаясь в замершее тело бесконечно долго, со стоном на каждом всплеске семени внутри, толкаясь последними толчками, удерживая вес тела на дрожащих руках, упал на нее, зарывшись лицом в ее растрепанные, слипшиеся от слез волосы, непрерывно целуя шею под мочкой уха, благодарно и нежно целуя.., и чувствуя, как сходят волны удовольствия, смешиваясь с ядом понимания – что только что я насиловал единственную женщину, пробудившую во мне самые острые эмоции. Насиловал и испытал от этого самый острый оргазм, который пах ее слезами, а я втягивал этот запах и

понимал, что никуда моя одержимость ею не делась, она просто стала намного более опасней и разрушительней. И ей придется с этим смириться. Поднял голову, стараясь поймать взгляд Нади, но она смотрела сквозь меня. Холодная, равнодушная, ненавидящая так люто, что я волны ее ненависти ощущал всей кожей.

Поднялся с постели, а она тут же скрестила колени, подтягивая их к груди, и я увидел на простыни пятно крови. И опять смесь удовольствия со злостью, с яростью. Плачет тихо и сдавленно, отвернув лицо к руке – они все еще связаны моим ремнем. Я подошел к Наде и увидел, как напряглось все ее тело. Боится, что трону. И горечь становится еще омерзительней, она остаётся во рту привкусом ржавчины и болотной тины. Освободил ее руки, хотел растереть запястья, но она тут же одернула их, свернулась в позу эмбриона, подтянув под себя ноги. Горечь усилилась, обожгла горло. То ли ненавистью, то ли растерянностью. То ли сам не знаю, чем. Удовлетворение испарилось, лопнуло, как разноцветный мыльный пузырь. Я знал, что причинил ей боль, но не знал, что это причинит боль и мне. Резонансом. Что вот эти ее слезы будут выжигать во мне метки и оставлять шрамы. А я думал, что это невозможно, что на мне уже никогда не появиться невидимым рубцам тоскливого обреченного понимания, что ни черта она не моя. Что я только что проиграл. Не купил я ни ее душу, ни даже ее тело. Как когда-то мой отец не смог купить для меня дружбу... Но это не значило, что я собирался ее отпустить. Ни хрена! Потому что я все еще ее хотел.

Думал трахну ее, и станет она для меня, как все. Но нет... не стала. Потому что не было у меня до нее таких девочек. Шлюхи, тысячу раз перетраханые, были. А вот такой никогда не было. Чтоб встал, и не почувствовал себя грязным... а она после меня – да... она от этой грязи и рыдает.

С этими мыслями вышел сам из душа, обмотавшись полотенцем. А она все в той же позе лежит, только теперь живот обхватила и дрожит вся. И снова внутри все свернулось. Скомкалось в пульсирующий узел необратимой нежности. Какой-то неестественно кровоточащей, глядя на ее тонкую спину с выпирающими косточками позвоночника и со следами моих пальцев на белоснежных бедрах. И стиснул челюсти в понимании, что я хочу ее даже сейчас... опять неистово и ужасно хочу. Перевернуть ее на спину, слизывать с ее щек слезы, гладить все ее тело, отнести в ванну и потом ласкать растертую мной промежность очень осторожно и медленно так, чтоб унять боль. Я бы все еще мог...

Присел на краешек постели. Протянул руку и провел кончиками

пальцев по ее плечу:

– Больно, маленькая?

А она вдруг подорвалась от прикосновения и забилась в угол кровати, даже не глядя на меня. Шарахнулась, как от прокаженного. Я стиснул руки в кулаки и резко встал с постели, натянул штаны, нервно дергая ширинку, поднял смятую рубашку и снова посмотрел на нее, обхватившую себя дрожащими руками с багровыми синяками на запястьях.

– Ну как? Понравилось играть, малышка? Далеко убежала? Все могло быть не так, если бы не выбрала игры долбаные. Или все еще хочешь полы драить? А может, в свой Мухосранск хочешь? С голодудохнуть?

– Лучше мыть полы... чем твоей шлюхой, лучше от голода сдохнуть, чем с тобой... чем руки твои, о боже, как же мерзко! Ненавижу тебя. Ты не человек!

– Ты и так шлюха, и будешь шлюхой! Моей! И молиться уже поздно. Не живет здесь твой бог. Только дьявол. И этот дьявол – я, девочка. Смирись!

И я расхохотался, глотая ком той самой горечи. Значит, вот чего она хочет? Сука. Не хочет быть моей женщиной, и хер с ней. Хочет драить унитазы – пусть так и будет. Но я прекрасно понимал, что с этой минуты я погрузился в свой персональный ад, и я понятия не имею, как из него выбраться. Я живьем сгораю от безумной страсти к женщине, которая не просто меня ненавидит, а которой противно даже мое присутствие. Какого дьявола я вообще ее здесь оставил? Какого дьявола не вышвырнул, едва заподозрив, что с ней все не так... что у меня с ней действительно все не так? Плевать. Оставил, значит, оставил. Моя она, и брать я ее буду, когда захочу и как захочу. Только больше никаких игр. Пусть знает свое место.

***

Вышел из спальни, набирая по внутренней связи Антона.

– Пришли к ней Кристину. Пусть поселит ее в крыле для прислуги. Выдаст одежду и объяснит ее обязанности. Следить за ней! За каждым ее шагом. Чтоб всю работу выполняла. Никуда не выпускать. Хочет быть швалью, она ею будет. И приведи ко мне Алену с Тимофеем. Кажется, они решили уволиться с работы без выходного пособия с выплатой компенсации работодателю. Буду с них взимать мзду. Альберту скажи, с Ларисой пообщаться. Мне сувениры после общения лично принести.

Захлопнул за собой дверь и поморщился, когда услышал ее рыдания. Пусть рыдает. Это теперь будет ее привычным состоянием, раз не захотела мне улыбаться. Зато все по-честному.

ГЛАВА 23

Когда о худшем слушать не хотите,

Оно на вас обрушится неслышно.

© Уильям Шекспир

Я не хотела, чтоб меня трогали, не хотела вообще никого видеть, мне нужно было вот так лежать, свернувшись в клубок, и смотреть в одну точку, слегка раскачиваясь на кровати. Не хотела я, чтоб какая-то чужая женщина смотрела, как я встаю с постели, и даже не пыталась отвести взгляд, когда я прикрывалась простыней, с любопытством поглядывая на пятно крови и на следы на моем теле. И ее любопытство было злорадным, но для меня так лучше. Никакого сочувствия я бы сейчас не хотела. Мне не нужно, чтоб меня жалели. Мне вообще ничего не нужно. Разве что голову в петлю или лезвием по венам. Если бы могла. А я не смогу. Я знаю. И мама с Митей... я все еще надеялась, что когда-нибудь их увижу. Не знаю, зачем прислали ко мне эту женщину, и какие функции она выполняет в этом доме. Наверное, определяет степень вреда, нанесенного ее хозяином очередной игрушке.

– Мне не нужны няньки, – сказала тихо и зашла в ванну после того, как она сказала, что я не могу оставаться в этой комнате, и ей приказано отвести меня в крыло для прислуги. Я прикрыла за собой дверь и до упора повернула кран в ванной. Все тело болело, как будто меня избили, и мышцы ног сводило судорогой, напоминая о том, что теперь я уже не девушка. Взялась за раковину и медленно подняла голову, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Мне казалось, я там увижу лицо, перепачканное грязью или совершенно до неузнаваемости изменившееся, но на меня смотрели опухшие от слез глаза – там, в зеркале, я была настолько жалкая, что по щекам опять потекли слезы. Нет, не от жалости к себе, а от отвращения к этой женщине, которая сама обрекла себя на такую участь своей глупостью. Я не знала, что я сделала не так... не знала, что вдруг произошло и что превратило его в бешеное животное. Для меня это стало шоком. Меня просто парализовало, когда Огинский схватил за волосы и потащил меня в дом на глазах у своих слуг, как вещь, как провинившуюся шавку, и именно в этот момент понимание, что я себе придумала то, чего нет, полоснуло по нервам с такой силой, что внутри

заполыхал адский протест, настолько болезненный, что даже надругательство над моим телом не было так унижительно, как понимание, какая я дура, жалкая и тупая игрушка, его вещь, его шлюха, как он сказал.

Обманула сама себя жестоко и безжалостно. Поверила... За эти дни, что мы проводили вместе, я все больше и больше ощущала свою тягу к этому невероятному и совершенно особенному мужчине, то внушающему ужас своей властью, то обрушивающего на меня всю свою бешеную харизму. Он проводил со мной все свободное время и не так, как раньше, а без давления, без нажима и унижительных слов. С ним было интересно, я сама не заметила, в какой момент перестала бояться находиться с ним рядом. Наверное, когда он ошалело смотрел, как я кормлю сосисками уличного пса, и вытащил мне все деньги, что у него были, чтобы я бросила их в дырявые шапки нищих у церкви. В нем сочетались и уживались вместе совершенно несочетаемые вещи. Цинизм и сострадание, жестокость и какая-то отчаянная безумная доброта. Когда я ревела в машине из-за раненого песика, он позвонил Антону, и собаку ловила вся его охрана, растопырив руки и рискуя быть покусанными. Лаврушу мы отвезли в приют, и я лично видела, как Огинский выписал рыжеволосой директрисе чек, от которого у той округлились глаза, и тут же добавил.

– Я проверю отчет за каждую копейку, потраченную вами, и не приведи господь мне покажется, что она потрачена неправильно.

В машине он взял мое лицо за подбородок и спросил:

– Ты довольна? – вот они, те мелочи, которые заставили меня поверить, что ему не все равно, что он считается с моим мнением.

Да, я была довольна, как и каждой нашей прогулкой, и тем, что он присылал мне по утрам горшки с орхидеями. Это стало своеобразным ритуалом, едва я открывала глаза – мне приносили цветок. И ведь он запомнил, что я не люблю букеты, что я люблю живые цветы, а не «мертвецов в целлофане». Лариса продолжала связываться со мной через Алену, одну из горничных, и с каждым днем, который приближал мой побег, мне все меньше хотелось бежать. Я начала привыкать сидеть часами в его кабинете с книжкой и читать, пока он работает, или заходить в Интернет через его компьютер, а потом искренне злиться, когда он хохотал над выбранными мной нарядами, и мне вдруг начало казаться, что у него красивая и чувственная улыбка и морщинки у глаз, когда он смеется, хочется потрогать губами, а его волосы мягкие и рассыпчатые после душа, и их хочется взъерошить и испортить его идеальность. Он работал, а я украдкой смотрела, как длинные пальцы стучат по клавиатуре, и вспоминала как они касались моего тела, как он пропускал между ними

черное кружево, и оно контрастировало с его золотистой кожей, как его ладони отливают бронзой на моей груди. И он вдруг резко поднимал голову и смотрел на меня этим сумасшедшим взглядом, от которого поджигались кончики пальцев и мурашки рассыпались по всему телу брызгами соленого океана почти так же, как и тогда, когда на нем выступали капельки пота под его ласками. Роман больше меня не трогал насильно, не привлекал к себе, не нарушал мое пространство и все же постоянно врывался в него своим низким голосом или вот этими взглядами. И мне нравилось целовать его рот, нравилось касаться его своими губами, вести по ним и видеть, как он начинает дрожать от напряжения. Меня этот взгляд завораживал, гипнотизировал, я погружалась в золотистую магму дичайшего соблазна и не могла уже оттуда выплыть. Какой-то голос, который мне даже не казался моим, шептал и стонал внутри, что я идиотка, что этот человек запер меня в своем доме насильно и гонял по снегу босиком собаками... Но ведь этот же человек отправил на операцию моего брата, этот же человек пожертвовал деньги приюту, этот человек... был какой-то огненной загадкой, полыхал костром, и мне хотелось потрогать его огонь, и я трогала. Я с каким-то затаенным восторгом трогала его волосы или руки, целовала его губы, впивалась в его плечи. И забывала, что нахожусь в клетке с диким опасным зверем, который в любую минуту может оставить от меня ошметки мяса. Я самоуверенно предположила, что мне это больше не грозит. Идиотка. Все еще наивная идиотка. То были последние дни моей наивности.

Последние дни, в которые мне самой уже не нравилось оставаться без него. Не знаю, почему пошла за ним. Наверное, где-то свыше было предначертано сбросить розовые очки и понять, какое он жуткое чудовище, какое он исчадие зла, и в нем нет ни черта святого, ни черта теплого по отношению ко мне. Мной всего лишь игрались, всего лишь вертели меня как-то иначе, чем раньше, чтобы потом в один момент раскрошить в песок и насладиться каждой секундой моей агонии.

Но я решила, что он ко мне относится иначе, не знаю почему, наверное, женщины слишком самоуверенные, и едва мужчина хотя бы немного меняет свое отношение к ним, они уже искренне верят, что это любовь. Боже, я действительно хотела в это верить. У меня не было опыта с мужчинами, у меня не было отношений, у меня не было примеров – как должно быть. Был Огинский, который вдруг стал невероятно обаятельным и сводящим с ума своим вниманием. Был единственный мужчина, с которым меня трясло от возбуждения, и который сводил меня с ума, то заставляя дрожать от страха, то вибрировать в его опытных руках от

вожделения.

Я... должна была бежать в этот день. Должна была остаться дома и, пока его нет, в пересменку уйти вместо Алены, которую выпустил бы позже охранник. Все было продумано и даже отрепетировано, когда я оставалась одна в кабинете под предлогом, что мне там уютно, Алена приходила там убирать или приносила мне чай. Мне не надо было выходить на лестницу... не надо было идти следом за ним. Мне надо было сбежать, как я и планировала, но судьбы решаются в мгновения, как и рушатся все иллюзии, как и разбиваются мечты. Все за доли секунд. Смотрела, как он спускается вниз в своем стальном костюме с блестящими волосами и этой неповторимой походкой спортсмена. Я вдруг неожиданно для себя спросила:

– Ты скоро вернешься?

И я впервые увидела у него этот взгляд с сомнением, с каким-то ликованием и сомнением, словно он сам не понял – ослышался ли. И в эту секунду я решила, что останусь... на собственную казнь.

Ведь я позвонила Ларисе, чтобы сказать, что передумала, в тот момент, как зверь решил разорвать меня и не дал сказать ни слова. Когда я поняла, что сделает со мной, меня окатило льдом, градом из ледяных комьев. Сказка обернулась дичайшим кошмаром, и все декорации облезли, оставив после себя обугленные стены. А ведь все могло быть иначе, все могло быть по-другому... нет, не могло. Он хотел меня разорвать и разорвал на части. От меня ничего не зависело. Его игра и его правила. Я плакала не только от боли, я плакала от понимания, что я никто и ничто, я бесправная и безвольная кукла, и он лишь дал мне иллюзию, а потом сам же ее и разломал больно и очень жестоко. И я так и не поняла – за что. Смотрела на его лицо сквозь туман боли и слез и не понимала, почему со мной так. Я ведь так никуда и не сбежала. Он ведь знает, что я отказалась... знает и так безжалостно меня раздирает своей ненавистью, порождая во мне ответную и лютую.

Он двигался, а во мне что-то обрывалось от каждого болезненного толчка, словно я становилась пустой, во мне умирала вера в хорошее, вера в то, что у меня все будет хорошо. Не будет. Он не даст. Он будет топтать мое хорошее, когда ему захочется. А мне хотелось умереть, просто закрыть глаза и больше никогда не открывать, а еще никогда не видеть его! Но я не умерла, и мои мучения еще не закончились. Вряд ли он наигрался. Теперь меня починят, чтоб он мог поломать снова, и вот эта ведьма с черными волосами и взглядом змеи будет присматривать, чтоб все прошло как надо.

– Поживее там! В комнате надо убраться. Слугам не положено мыться

в хозяйских комнатах.

Я не мылась, я все еще смотрела на себя в зеркало, на свои опухшие губы, на засосы на груди, на следы его пальцев на плечах. Нет, они не болели, болело внутри. Болело там, где разбилась та самая иллюзия. Я горько ошиблась. Со мной рядом не было невероятного и особенного человека, со мной был зверь в человеческом обличье, и он будет рвать меня снова. Мне было интересно, как меня накажут, если я послушаюсь – выгонят? Я ошибалась, Огинский наказывал иначе, у него имелся сценарий, и я даже не подозревала, что скоро увижу, как обычно происходит наказание.

– Поживее, я сказала.

Постучала в дверь.

– Мне еще объяснять твои обязанности по дому. Мне есть, чем заняться.

Я стала под струи воды и закрыла глаза, смывая с себя каждое его прикосновение, каждый поцелуй, который я могла бы отдать сама и который никогда не прощу ему за то, что насильно. Ведьма еще долго стучала в дверь, а я ее не слышала, я все терла и терла себя мочалкой, а когда вышла, разъяренная фурия швырнула мне вещи в лицо.

– Переоденься и иди за мной. Завтра утром приезжает госпожа Огинская, и каждая должна знать свои обязанности, а ты ни черта не умеешь. Лучше б тебя выгнали.

– Лучше, – тихо ответила я, – скажи своему хозяину, пусть выгонит, или ты сама можешь увольнять прислугу?

– Думаешь, если тебя здесь оттрахали, ты самая умная? Обычно после секса переезжают в хозяйские хоромы, а не ссылаются мыть туалеты. Так что, думаю, умничать ты вообще не будешь.

Наверное, у нее даже не укладывалось в голове, что я счастлива переселиться в крыло прислуги и никогда не видеть Огинского. Конечно же, это были лишь мечты, и я уже понимала, что никто меня в покое не оставит. Он уже не остановится, я слышала этот приговор в его голосе и видела в глазах, когда он рычал, овладевая мной, и затыкал мне рот ладонью. Казнь для меня теперь выглядела именно так – когда мужчина насилует женщину, которая могла бы отдаться ему по собственной воле, но он решил причинить боль и оказался самым безжалостным палачом в своей слепой ярости.

ГЛАВА 24

Я смотрела, как переливается темно-бордовая жидкость в бокале. Красивый цвет. Насыщенный. Глубокий. Напоминает цвет крови. Покрутила ножку бокала и взгляд скользнул на кольцо. Каждый день я любовалась им, и мне не верилось, что оно действительно существует. Вот это кольцо. На моем пальце. Обручальное. Такое простое, тоненькое. Без единого украшения и камней. Максим хотел, чтобы мы сменили кольца на более яркие, дорогие, когда вернемся домой, но я не захотела.

Я даже ни разу его не сняла. Мне казалось, что ничего красивее и быть не может, чем именно этот символ моей законной принадлежности Максусу. Он покупал его не в каком-то дорогом магазине, не выбирал неделями, он купил его лишь потому, что решил – я стану его женой здесь и сейчас. Что может быть дороже этого? Любовь не должна быть обдуманной, выбранной, пафосно-красивой, чтобы окружающие любовались ею – она простая, и этим сложная, она необдуманная и спонтанная, она далеко не всегда красивая, и именно этим она прекрасна. Вот именно такое кольцо и олицетворяло для меня нашу любовь.

Подняла взгляд на небо – солнце садится, и оно теряет насыщенно синий цвет, становится сиреневым. Внутри опять разливается тоска. Позади меня орет музыка, раздаются голоса гостей. Веселье в самом разгаре, точнее, оно только началось, а я бросаю взгляды на сотовый и... снова верчу в пальцах бокал. Мне не весело, хотя все эти гости собрались здесь ради меня. Мне исполнилось двадцать, и это первый день рождения, который я согласилась отпраздновать с таким размахом. Никогда не любила толпу. Она меня напрягала... особенно после охоты на даче Ахмеда. И сейчас, когда Макса здесь не было, празднование превратилось в пытку. Он уехал три недели назад по делам в Бельгию и, к сожалению, не мог вырваться даже на мой День рождения. Но это и не было столь важно. Я все понимала. Понимала, за кого вышла замуж, понимала, что он не будет рядом со мной каждую секунду. Мне хватало того, что теперь он мой. Что теперь я гордо называюсь его женой. Я о таком даже не мечтала.

Эти несколько месяцев после нашей свадьбы были самыми сумасшедшими в моей жизни. Счастье ослепляло и сводило с ума. Мне казалось, я парю в невесомости. Я никогда не знала Макса таким, каким он был для меня все это время. Он создавал для меня иллюзию, что рядом с ним я могу получить буквально все. Не было ничего, что он считал бы невозможным. Я заикнулась о том, что никогда не ездила на море, и мы в ту же минуту уже мчали в аэропорт, а потом провели два сумасшедших дня на Санторини. Я рассказала, что в детстве мечтала научиться ездить верхом - и мне подарили моего собственного жеребца. Каждая прихоть, намек,

желание. Щелчок – и у меня это есть... но самое ценное, что у меня было – это его любовь. Я ее чувствовала кожей, видела в его глазах, в каждом прикосновении и тембре голоса. Он умел дать мне ее почувствовать так, чтобы у меня мурашки шли по телу, а от восторга дух захватывало. И при этом он ни разу не сказал мне, что любит. Да и зачем? Слова так бессмысленны и пусты, особенно если зимой тебе звонят и напоминают, чтобы оделась потеплее, если пойду на улицу, что приедут и проверят, или вдруг звонил, спрашивал, где я, и уже через какое-то время он там. Просто потому что соскучился или хочет меня... притом не важно, где я могла в этот момент находиться. Он возьмет без ожидания. В туалете кафе, на лестнице офиса, в машине, отвезет в отель. И это сводило с ума больше всего. Знать, что настолько ему необходима. Вот этому зверю. Такому безумно красивому, жестокому, циничному, который мог шептать мне на ухо грязные пошлости и тут же нежности. Контраст на контрасте. И я понимала, что моя одержимость им выходит на иной уровень, и что теперь я действительно не смогу прожить без него ни дня.

Я могла наблюдать за ним часами, любоваться, затаив дыхание, как он спит, как быстро ест по утрам, собираясь уехать из дома, как говорит по телефону или ведет машину, как стреляет в тире, а потом учит стрелять меня и шепчет на ухо, что это другой ствол и держать его надо иначе... тот ствол я подержу чуть позже и не в руках. Я краснею... не попадаю в цель, а он смеется, и у него глаза такие светлые... Вот как это небо. Мой муж. Мой мужчина. Мой. Мой. Мой. Это можно повторять про себя бесконечно, захлебываясь восторгом.

Мой мир изменился до неузнаваемости. Макс вознес меня в то самое небо. Свое небо. Очень высоко. Пронзительно высоко. Где я ни о чем не думала. Рядом с ним думать вообще невозможно. Он заполнил собой всю ту пустоту, которая звенела во мне до встречи с ним. Заполнил мои сны, мои пробуждения, мое дыхание и мысли. Я погружалась в него, растворялась в нем, впадая в еще большую зависимость от его взглядов, голоса, запаха, прикосновений. И я понимала, что это не та любовь, о которой знала из книг или фильмов. Это ураган и стихийное бедствие. Мои чувства к нему невыносимо острые, сумасшедшие. Любви слишком мало. Всего, что можно озвучить, невероятно мало. Я понимала, что во мне почти не остается места для моего собственного «я». Потому что меня без него и не существовало раньше. Я и есть он. Продолжение, частичка, да что угодно. Я просто ЕГО. настолько, что меня здесь почти не осталось. И это самое прекрасное, что может случиться с женщиной – принадлежать целиком и полностью своему мужчине, сходя с ума от восторга.

Макс поработал своей властью и харизмой, стирал между нами все границы дозволенного, приемлемого, мыслимого. Он давал мне так много... но и брал взамен все, что я могла предложить. Отбирал, отрывал с мясом. И у меня кружилась голова только от мыслей о нем. Разве так бывает? Разве мужчина умеет давать женщине настолько много? Да! Мой мужчина может. Мне казалось – он может всё. Если захочет. И самое дикое, ненормальное, безумное – он хотел. Меня. Для меня. Со мной. С ним рядом я превращалась в женщину. Женщину во всех пониманиях этого слова. Для него. Он выдернул наружу каждый из пороков и превратил их в мое собственное оружие против него. Он показал, какой я могу быть с ним – распутной, пошлой, его самой грязной шлюхой, и в тот же момент мог относиться ко мне, как к богине. И я использовала всё, чему он меня учил, я отработывала на нем каждую грань соблазна, чтобы видеть, как он сжимает челюсти и обещает мне взглядом адские пытки за провокацию. Секрет красоты прячется в мужском вождении. Если женщина желанна, она всегда красива. И ее красота должна отражаться в горящем мужском взгляде, а не в зеркале. Зеркало может лгать, а мужской голод – никогда.

А еще он давал мне то, на что, казалось бы, не способен – нежность. Все оттенки нежности, какие только можно себе представить – от невесомой до грубой и изощренной, сладкой и до дикости развратной. От пыток до поклонения. И, да, он умел быть очень нежным... настолько, что у меня выступали слезы на глазах... Ведь так произнести «малыш» мог только он... Мой Зверь.

И сейчас, без него, мне казалось, что все дни превратились в одну серую сплошную массу. В череду бессмысленности. Я скучала. Я тосковала так сильно, что первые дни не могла уснуть в нашей постели. Меня шатало от усталости, и даже аппетит пропал, а сна нет. Макс узнал об этом, и звонил мне каждую ночь... вот так просто, говорил что-то, рассказывал, а я клала сотовый на подушку и засыпала под звук его голоса.

- Даш, ты чего тут стоишь? Тебя гости ждут. Еще и раздетая почти. Холодно же!

Обернулась к Фаине и улыбнулась.

- Не люблю толпу. Захотелось на воздух.

- Это первый праздник в твоём доме. В вашем с Максимом. Часть твоей семейной жизни, часть той жизни, которая должна быть такой, как положено по статусу его жены.

- Да, я понимаю. Скоро вернусь. Вот солнце сядет и вернусь. Я так устала от шума.

- Скучаешь по нему, да?

- Очень.

- Не скучай. Идем. Он скоро приедет. Я точно знаю, - она подмигнула мне и ушла обратно в зал.

А я снова посмотрела на небо, на то, как закат окрасил его на горизонте в ядовито-розовый с золотистым. Самый ужасный День Рождения в моей жизни. Самый яркий и праздничный, но без него это ведь не имеет никакого смысла. Однако Фаина права. Я должна вернуться к гостям. Потому что они в моем доме, пришли ко мне.

НАШ дом. Максим купил его после того, как увидел, что я рассматриваю в интернете загородные домики. Я тогда сказала, что это непередаваемо - жить в собственном доме. Без соседей, на природе. Как свой остров посреди хаоса повседневности. Он тогда спросил, какой из них мне понравился и чем, и я показала на небольшой уединенный особняк, утопающий в зелени. Я бы не назвала его роскошным, но мне нравились огромные окна, плоская крыша, увитые цветами стены.

А он взял и купил его. Вот так просто принес ключи и положил мне в ладонь.

«- У моей женщины должно быть все, что сделает её счастливой.

- У меня есть ты! Этого достаточно!

- Мне недостаточно. Я хочу, чтобы ты стала в нем хозяйкой. Почувствовала, что это такое – твой дом.

- Наш.

- Наш. Верно, наш. Я жду благодарности. Иди ко мне, малыш».

Сотовый в руках завибрировал смской и я посмотрела на дисплей – сердце тут же радостно заколотилось.

- *Что делает моя девочка? Веселится с гостями?*

- *Нет. Вышла. Устала от толпы.*

- *Ты не дома?*

- *Не дома.*

- *А где ты?*

Усмехнулась, представляя, как он сейчас думает - набрать ли Фиму, чтобы тот пробил геолокацию, или пока не стоит.

- *Как я могу быть дома, если тебя тут нет? Без тебя это не дом, а просто здание. И да. Я в этом здании.*

- *Провоцируешь? Хочешь, чтоб я тебя наказал? Оттрахал прямо здесь и сейчас?*

- *Ты слишком далеко, чтобы наказать меня и... оттрахать.*

Улыбнулась и послала ему смайл с языком. Быть наглой на расстоянии

не так-то и сложно. Впрочем, эта наглость мне всегда сходила с рук.

- Ты сейчас где? С гостями?

- Нет, вышла на балкон. Дышу свежим воздухом... О тебе думаю.

- Что на тебе надето? Помимо красного платья. В чем ты под ним?

В горле моментально пересохло и задрожали пальцы. Участился пульс. Медленно выдохнула, предвкушая игру.

- Красные трусики с кружевами, красный лифчик и чулки телесного цвета.

- Иди в библиотеку. Сейчас.

- Зачем?

- Иди. Я так хочу.

Смайл с рожками. Он всегда его присылает, когда хочет показать, что настроен решительно или наигранно злится. Смеюсь и все же послушно иду в библиотеку.

- Закрой дверь на ключ и сними свои влажные красные трусики с кружевами. Они ведь уже влажные, малыш?

Перехватило дыхание и сердце заколотилось в горле. Повернула ключ в двери и сняла трусики, придерживая сотовый между щекой и плечом. Бросила их на ковер, ожидая, что будет дальше. Точнее... предвкушая.

- Очень влажные. Мокрые насквозь.

- Сними лифчик, но оставайся в платье. Иди к креслу. Я пишу – ты выполняешь. Отвечаешь только тогда, когда я скажу.

Я послушно выполнила все, что он просил. Подошла к креслу, продолжая растерянно улыбаться. Даже не представляя себе, что он собирается со мной делать.

- Обнажи грудь.

Негнуцимися дрожащими пальцами я потянула за корсаж платья, прохлада тут же коснулась воспаленной кожи, соски мгновенно затвердели, моля о ласке и прикосновениях. Его прикосновениях.

- Твои соски уже затвердели? Я уверен, что да. Прикоснись к ним кончиками пальцев. Не так. А нежно. Очень нежно, задевая ногтями.

У меня над губой выступили капельки пота, а сердце колотилось с такой силой, что казалось я его слышу в этой тишине, наполненной моим прерывистым дыханием. От возбуждения начало лихорадить. Кажется, я начала понимать, что он задумал, и от этого между ног стало горячо и очень мокро.

- Сожми их. Сильно. Не жалей. Я бы их не жалел... ты же знаешь. Чувствуешь, как я сжимаю их... или кусаю? Чувствуешь меня?

О да, я знаю. Я чувствую. О Боже! В ответ на эти мысли заныло внизу

живота. Требовательно, сильно. Он доведет до сумасшествия, и я просто умру от неудовлетворенного желания. Меня начало колотить мелкой дрожью.

- *Поставь ногу на кресло, подними подол платья и облизни пальцы, маленькая. Я хочу, чтобы они были мокрыми, скользкими. Вот так. А теперь прикоснись к себе. Представь, что это мои пальцы, а не твои. Чувствуешь, какая ты там мокрая и горячая? Не отвечай. Просто кивни... Я же знаю, что именно ты чувствуешь.*

Я запрокинула голову и тихо застонала, трогая себя и изнывая от безумного желания, чтобы это и в самом деле были его руки или его язык. Боже! Пока я дождусь, когда он приедет, я сойду с ума.

- *Не торопись. Медленно. Как это делаю я, когда хочу, чтобы ты плакала от нетерпения. А теперь проникни в себя двумя пальцами. Вот так. Глубже. Еще глубже.*

Я громко застонала, запрокидывая голову, кусая губы.

- *Сюда смотри, малыш. Оставайся со мной. Возьми их снова в рот. Соси их сильно. Чувствуешь, какая ты вкусная, когда течешь для меня? Ласкай себя снова.*

О Господи! Что же он делает со мной? Это невозможно... Вот так сходить с ума. Я покорно облизала блестящие от собственной влаги пальцы, представляя, что он погружает свои мне в рот, когда отдает мне мой собственный вкус. Я даже не думала, что могу настолько озвереть от похоти и желать исполнить все, что он скажет. Вот так. Когда он не рядом и в тот же момент настолько близко, что я реально чувствую его присутствие. Пальцы дотронулись до клитора, и тело свела мучительная боль наслаждения. Острая и пронзительная.

- *Смотри сюда, -* вибрация телефона заставляет опустить затуманенный взгляд на дисплей. - *Двигай пальцами быстрее, маленькая. Жестче. Сильнее. А теперь остановись. Дыши глубже. Я хочу слышать, как ты дышишь.*

Но я не могла остановиться, пальцы двигались сами по твердому, пульсирующему клитору, растирая все сильнее, заставляя стонать громче, не моргая глядя на сотовый, перечитывая все что он написал до этого. Чувствуя, как приближаются спазмы оргазма. Я уже готова взорваться... Одно его слово, и я разлечусь на осколки.

- *Не можешь остановиться? Нравится? Продолжай! Да! Вот так. Сильнее и быстрее. Трахай себя. Не жалей. Глубже. И снова ласкай.*

Ты близко, маленькая? Стонешь и закатываешь глаза? А сейчас остановись! **ОСТАНОВИСЬ, ДАРИНА!**

Я чуть не зарыдала вслух от разочарования. Все тело дрожит, как в лихорадке, оно болит в жажде разрядки, оно почти дошло до точки невозврата. И это физически больно... вот так... Терпеть. Ждать.

- Макс, пожалуйста-а-а-а-а! – дрожащими пальцами, не попадая по буквам.

В дверь постучали. А я не могла пошевелиться, меня трясло. Да и как я открою вот такая, полуголая, с обнаженной грудью, торчащими сосками и безумным взглядом? Нужно, как минимум, прийти в себя и привести одежду в порядок. Отдышаться. Снова завибрировал сотовый, и я задыхнулась, когда увидела:

- ОТКРЫВАЙ! ДАЛЬШЕ Я САМ!

Бросилась к двери, повернула ключ дрожащими пальцами. Через секунду Макс уже задирает мое платье, жадно целуя в губы, приподнимая за ягодицы, рывком наполняя собой, срывая в тот самый оргазм, на лезвии которого я балансировала так мучительно и болезненно. От первого же грубого толчка полетела прямо в раскаленную бездну, с протяжным криком, выгибаясь, впиваясь в его волосы, судорожно сокращаясь вокруг его члена, чувствуя, как он сам дрожит от возбуждения, как срывается на стоны.

***

А потом мы несколько минут стояли не шевелясь, тяжело дыша и глядя друг другу в глаза, прислонившись лбами, все еще вздрагивающие после всплеска животного безумия. Мои пальцы в его волосах, а он все еще держит меня за голые бедра. Пока Макс не улыбнулся, проводя по моим губам большим пальцем.

- Здравствуй, малыш. С Днем рождения!

Я обняла его, закрывая глаза от наслаждения чувствовать его запах. Сильно сжала, зарываясь лицом в шею. Туда, где так концентрировано пахнет им. Моим мужчиной. Приехал! Ко мне! Все бросил и приехал! Не выдержал! Сумасшедший! Просто сумасшедший!

- Я так соскучилась, - бормочу, пока целует мои волосы, скользит ладонями по спине, хаотично целую в ответ, – я так тосковала по тебе. Мне все не в радость.

- Я знаю, маленькая.

- Ничего ты не знаешь, - жалобно всхлипнула и сжала его еще сильнее.

- Да. Не знаю. Я чувствую.

Позже он поправлял на мне одежду, зашнуровывал сзади платье, расправлял складки и поправлял волосы, при этом жадно пожирая взглядом. Наклонился и подхватил комочек кружева с пола.

- Следы преступления надо всегда прятать.

Хитро усмехаясь и приподняв одну бровь, сунул мои трусики в карман.

- Заберу их с собой.

- Фетишист.

- О, да-а-а! Маньяк, психопат и жуткий извращенец.

Прижал к себе, обнимая сзади.

- М-м-м-м-м, как же ты пахнешь. Проклятые гости. Мы не закончили. Это так – прелюдия. Слишком голодный был.

Щеки вспыхнули от обещания, и я снова шумно вдохнула его запах, уже в который раз.

- Мой Зверь.

- Твой. Закрой глаза. Я привез моей девочке подарок.

Послушно закрыла, улыбаясь и кусая губы. Почувствовала, как отбросил мои волосы с затылка, и кожи коснулась прохлада. Пальцы гладили изгиб у плеча. Заставляя слегка подрагивать. Никогда не привыкну к его прикосновениям. Никогда они не станут для меня чем-то самим собой разумеющимся.

- Не открывай.

Подтолкнул меня, видимо к зеркалу, целуя шею, за ухом, вызывая дрожь от щекотки.

- Вот теперь открой.

Я распахнула глаза, но сначала увидела его отражение. Жадно пожирая взглядом каждую черту, глядя в глаза, все еще продолжая кусать губы, а потом посмотрела на ожерелье. Очень хрупкое и тонкое, в виде сплетенных бутонов роз, а по краю лепестков, как роса или слёзы, блестят маленькие бриллианты, и в середине надпись на стебле одного из цветков: «Дыши мной». Снова перевела взгляд на его лицо, переставая улыбаться, заводя руку назад, обнимая и чувствуя, как дерет в горле от переизбытка эмоций.

- Я всегда дышу тобой... мыслями о тебе, твоим присутствием в моей жизни, твоим голосом, запахом. Всем, что имеет отношение к тебе. Если тебя не будет рядом – я умру.

- Меня не будет рядом, только если меня закопали на три метра под землю, и то, если живым – выберусь и вернусь обратно.

Зарылся лицом в мои волосы.

- Это я сдохну, если тебя не будет рядом... Или убью тебя сам, если уйдешь или предашь меня.

Я улыбнулась, а он в этот момент сильно сжал меня под ребрами, настолько сильно, что у меня перехватило дыхание.

- Больше всего я боюсь, что смогу причинить тебе боль, малыш...— продолжает держать все так же сильно, целуя затылок, и я стараюсь не дышать, потому что больно и потому что чувствую, как он в этот момент напряжен, как говорит что-то, чего раньше никогда бы не сказал вслух. - Больше всего я боюсь, что ты можешь заставить меня причинить её тебе.

Я зарылась пальцами ему в волосы, все еще чувствуя, как он вдыхает сзади мой запах и скользит щекой по моим волосам, в каком-то хаотичном исступлении, погруженный в свои мысли, слова.

- Ты не можешь причинить мне боль... Только не мне. Я в это не верю.

Он ничего не ответил, разжал пальцы. Скользнул вверх к груди, обхватил ладонями.

- Пошли к гостям, малыш. Нас уже заждались. Я чертовски соскучился по брату и племяннице. Давно не видел его лощенную физиономию и костюмчик от Армани.

Одной рукой все еще сжимая грудь, второй провел по горлу, ключицам и по ожерелью. Поцеловал меня в губы и тихо попросил:

- Не снимай... когда забудешь, как дышать, у тебя есть напоминание. А теперь пошли, не то я отправлю всех к чертовой матери и буду утолять свой адский голод до утра.

***

Я смотрела, как Максим рывком обнял Андрея, как тот похлопал его по спине, так же крепко сжимая в сильных объятиях.

А потом пристально посмотрел на прическу Макса и усмехнулся, иронично приподняв одну бровь:

- Ты забыл причесаться. По правилам этикета вначале принято здороваться с гостями...

- Ну куда мне до графского этикета.

- Учись, брат. Ты женат на графской сестре, должен соответствовать. Ну черт с тобой если она счастливо улыбается, можешь вообще со мной не здороваться, недостойный холоп.

- Счастье твоей сестры превыше всего. А за холопа...

- Челюсть не болит, не?

Макс демонстративно подвигал пальцами челюсть, сосредоточенно хмурясь.

- Ноет в плохую погоду, напоминая, что надо вернуть сдачу.

Они рассмеялись, а я непроизвольно трогала свое ожерелье и, поймав довольный взгляд Фаины, глубоко вздохнула, счастливо закатывая глаза. Она кивнула на Макса и снова мне подмигнула. Они знали, что он приедет. Вот негодяи, и никто мне не сказал. Я снова посмотрела на мужа, а он

привлек меня к себе за талию. Так непринужденно, по-хозяйски, а у меня сердце заколотилось от мысли, что этот красивый, опасный хищник, на которого буквально все женщины в этом зале смотрят, пуская слюни, принадлежит мне и не скрывает этого ни на секунду.

- Ну как, приехал твой старый знакомый из Штатов? Борис Давыдов, кажется?

- Ага. Он самый. Приехал, возле баб ошивается. В цветнике, аки нарцисс недоделанный. О, как чувствует, что о нем говорят. Сюда идет. Хитрая шельма. Пока не сказал, что ему надо. Наши пробили, вроде ничего такого не нашли. Есть у него пара интересных занятий. Может быть полезным.

- Посмотрим, насколько, и чего это он вдруг решил наведаться на Родину. Помнится, когда он приезжал в последний раз, я оставил ему на память маленькую горбинку на переносице. Чтоб много не разговаривал.

- Да ты вообще, как только мог, так и отличился в свое время. Как тебя до сих пор не подстрелили - ума не приложу.

- Ну и ты отжал пару пуль себе. Жмот, он и в Африке жмот.

- Так а что все тебе да тебе. Делиться надо, Макс. По-братски.

Я обожала их перепалки. Мне ужасно хотелось обнять обоих и сдавить до хруста. Если и есть на этом свете мужчина, которого я люблю так же сильно, как и Макса, то это мой брат. В этот момент муж наклонился к моему уху:

- Расслабилась? Я жду, когда они разъедутся нахрен. Твои трусики в моем кармане все еще мокрые... и это, бл**ь, с ума сводит.

Настолько просто сказал, невозмутимо. Низкий тембр обжег фантазию дикими картинками, и я вспыхнула. Бросила взгляд на Андрея, но тот уже пошел навстречу высокому мужчине в элегантном темно-сером костюме и черной рубашке. Светловолосый, подтянутый. Одет шикарно. Чуть старше Андрея.

- Черные Вороны в полном составе, – он протянул руку Максиму и бросил взгляд на меня. Янтарные глаза слегка вспыхнули. - Давно не виделись, Зверь.

Смотрю, женился. Не ожидал, не ожидал. Хотя выбор изумителен.

Макс усмехнулся и сильнее прижал меня к себе, а взгляд Бориса липко скользнул по моему лицу, телу, по руке Макса на моей талии.

- Я всегда выбираю самое лучшее, Боря.

- Я в этом даже не сомневался. Разрешишь потанцевать с твоей женой? Ты не против?

- Против, Боря. Против. Давай пойдем, пообщаемся. Думаю, ты не танцевать сюда приехал, верно?

Давыдов снова посмотрел на меня и усмехнулся уголком губ.

- А он ревнивец, даже не думал. Хотя, будь вы моей, я бы и сам ревновал, как черт.

- Тебе такие не светят, Давыдов! – сказал Андрей. - Пойдем, выпьем, пообщаемся. Обсудим пару тем.

Я проводила их взглядом и, взяв с подноса у официанта бокал вина, сделала несколько глотков. Давыдов мне не понравился. Есть такие люди, которые мгновенно вызывают неприязнь. Он мне напоминал шакала, который пробрался ко львам и пытается держать лицо при плохой игре, хотя сам и боится, но норовит укунить, чтобы не портить о себе впечатление.

Максим уехал утром, пока я спала. Он настолько вымотал меня, что я просто не услышала, как он ушел, а когда вскочила с постели машина уже отъехала от дома. В сотовом пикинула смска:

«Когда проснешься, не забудь, кем надо дышать. Не тоскуй, я скоро вернусь»

И еще одна ровно через минуту:

«Я передумал – тоскуй».

Улыбнулась и нырнула снова в постель, довольно потягиваясь, как сытая кошка. Впервые после его отъезда я проспала почти весь день.

ГЛАВА 25

За несколько дней до описанных в 1 главе событий

- Здравствуйте, Андрей. Давненько вы к нам не заезжали. Очень рады видеть...

Продавец цветочного магазина расплылась в улыбке и шагнула к корзине с белыми лилиями. Она знала, что я возьму именно их, знала даже точное количество. Я всегда покупал цветы только здесь на протяжении нескольких лет.

- Здравствуйте-здоровствуйте. Я тоже так решил, поэтому и заехал. Нельзя нарушать традиции.

Она опять улыбнулась в ответ, отбирая 15 веток и, перевязав их белой лентой, протянула мне.

- Вам ведь, как всегда? Еще одна традиция?

- Совершенно верно. Спасибо, Наташа. Цветы великолепны, как, впрочем, и всегда.

- Спасибо, Андрей. Иногда мне даже кажется, что они ждут именно вас. Хорошего дня вам...

- И вам всего доброго...

Я вышел из помещения и знал, что они сейчас будут шушукаться со своей помощницей.

“Есть же бабы шустрые. Где бы нам такой “экземпляр” отхватить? Мало того, что денег валом, да еще и на братка не похож, хотя видно, что «из этих».

Людям всегда кажется, что они видят нас насквозь. Они моментально придумывают нам биографию, наделяют качествами, которые им хотелось бы, чтоб у нас были, и свято верят, что все именно так.

Всего несколько вещей способны ввести их в заблуждение: наша одежда, манера разговаривать и тембр голоса. Нужное сочетание всегда дает необходимый эффект.

Вот и сейчас я чувствовал, как они смотрят мне вслед, с нотами зависти и злорадства думая о том, кому «так повезло» и почему на ее месте не одна из них.

Смотрел на букет, который лежал рядом на сиденье, источая резкий аромат, и словно услышал знакомый до боли голос. Как она, смущаясь, опускала ресницы, даже покрывалась легким румянцем и говорила «Спасибо, мой любимый». Никогда не могла к этому привыкнуть, каждый раз принимая их с какой-то особенной благодарностью, а я улыбался, как мальчишка, и мне хотелось купить ей миллион таких букетов. Чтобы слышать вот это «любимый» и чувствовать ее восторг.

Она любила именно лилии. Не розы, как это обычно бывает. Говорила, что эти цветы кажутся ей самыми красивыми. Чистыми, и вместе с тем их запах был настолько сильным, что голова шла кругом. Как и у меня тогда... в эти несколько месяцев вырванного у судьбы счастья.

Первое время после смерти Лены я не мог заставить себя даже ступить на территорию кладбища. Не хотел видеть могилу, памятник с этими зловещими цифрами, выгравированными на мраморе... Так, словно прийти сюда – значит принять, что ее больше нет. Как будто смириться с тем, что я лично, собственными руками, убил ее. Убил, потому что виноват был... Перед ней и Кариной. За то, что уберечь не смог, что жив остался, что дышу, хожу по этой земле, а она – глубоко под ней.

Потом я приезжал сюда каждую неделю. Как маньяк, который приходит на место преступления, чтобы еще раз испытать эмоции, связанные с последними секундами жизни своей жертвы. Нескончаемое количество раз прокручивая в голове мгновения, когда она была жива.

Каждое ее движение, слово, вздох, взгляд, как умирая, говорила, что любит, что благодарна... И чувствовать себя последней тварью... Потому что ей не за что было меня благодарить. Хотелось казнить самого себя здесь, смотря на улыбающееся лицо на фото – «запомни меня такой, любимый». И ненависть в глазах Карины, которой она сама, казалось, начинает задыхаться, была тогда мне необходимой. Давала возможность чувствовать хоть что-то. Да, мне была нужна ее ненависть, молчаливые упреки и отчаяние... чтоб не забывал. Никогда.

В последние полгода я бывал на ее могиле все реже. Не оправдывая себя делами и суетой. Просто никогда в этом не лукавил. Я привык к своей боли, она перестала терзать, потому что вросла в мою кожу так, будто я и не жил без нее никогда. Мы с ней стали заодно. Она получила свое сполна, а теперь был ее черед отдавать. И она не осталась в долгу. Дала силы жить... Открыть глаза и увидеть главное – в моих руках теперь жизнь Карины. Как второй шанс - спастись, не закопав самого себя на дне своей пропасти.

Уже не так невыносимо больно ехать по этой дороге, которая ведет на кладбище. Уже не разрывают сердце на части острые крюки отчаяния. Уже не сдавливают горло цепкие пальцы тоски по ней. Все это постепенно отходило на второй план, уступая место размытым воспоминаниям. Моментам, которые были нам отмерены.

Я остановил машину и, взяв в руки цветы, направлялся в сторону массивных кованых ворот.

Тихо... как же здесь тихо. Не слышно даже пения птиц. Это раньше эта тишина была для меня зловещей, когда хотелось орать во все горло, чтобы разбить ее, словно тарелку о стену, ко всем чертям. А сейчас она воспринималась как умиротворение. Потому что только те, кто оказались здесь, знают, что такое покой. А все, кто остались, продолжают жить, поджариваются на костре своей скорби, мечутся от ненависти и сожаления, рвут на себе волосы от горя и учатся жить заново...

Шаг за шагом преодолевал расстояние до могилы и по мере приближения заметил два силуэта... Почувствовал, что в груди нет привычного стука – сердце замерло... Потому что они были до боли знакомыми. После нескольких секунд оцепенения меня захлестнула волна злости... Какого черта они здесь делают? Кто разрешил? Кто пустил? Он не имеет права здесь находиться... Само его присутствие здесь, возле нее, смотрелось как осквернение. Руки сами сжались в кулаки, а скулы напряглись от того, насколько сильно я сцепил зубы, чтобы заставить себя идти молча. Зачем приехал? Убедиться, что добился своего? Что Ворон,

бл***, всегда получает то, что хочет? Что все равно все будет так, как решил он? Как же я его сейчас ненавижу. Вышвырну к дьяволу отсюда. Плевать, что болен, что отец мне. Ему здесь не место! Избавить ее от него, даже после смерти – хоть это сейчас в моих силах!

Я ускорил шаг... вижу, как подходит к отцу Афган и помогает привстать с инвалидной коляски... Кто узнал бы в этом немощном старике того самого Ворона, который вселял когда-то ужас, отнимал жизни или решал, кому их подарить? Время никого не жалуется. Кажется, я даже вижу, как дрожит его рука, как тяжело ему стоять на ногах, каким жалким он себя сейчас чувствует. Потому и заперся дома, на люди не выходит, чтобы не видел никто, во что превратился. Чтобы не разбить ту иллюзию могущества, которую он всегда излучал.

В следующий момент я просто оторопел. Все внутри клокотало от ярости, я хотел подойти к нему и трясти, схватив за горло, чтобы никогда больше не смел сюда приезжать, но ноги меня не слушались. Как будто парализованный стоял, с места не мог сдвинуться. Потому что он прислонился к холодному мрамору лбом и, черт меня раздери, но я видел, как задрожали его плечи от непрошенных слез.

Мне казалось, что я в каком-то долбаном сне ... Что я, бл***, хочу проснуться, потому что этого не может быть! Не может! Не так! Не сейчас! И почему сейчас? Что происходит?

Афган отвернулся, опуская голову.. Понимал, что не должен здесь находиться, что это тот момент, когда человек наизнанку выворачивает себя, душу свою обнажая... но отец не мог уже без поддержки. Физически не мог. Слишком слабый. Подкосило его... болезнь прогрессирует.

А я стоял, как вкопанный, и мне казалось, что меня по горлу кинжалом полоснули. Больно... чертовски... Больно от того, что крик изнутри разрывает, рвется наружу и превращается в камень... Когда воздух ртом хватаешь, а его нет... нет воздуха. Одна ярость ядовитая. Легкие разъедает, превращая их в месиво. Нечем дышать...

Отец вцепился в край креста, еле удерживаясь на ногах. Афган подбежал к нему и схватил за руки, ломая сопротивление – тот освободиться хотел, дальше стоять, но пришлось усесться в коляску, отталкивая от себя помощника. Не может смириться. Внутри все тот же, а тело не слушает уже...

Вдруг ощутил на своем плече прикосновение и резко дернулся, схватив незнакомца за локоть, второй рукой вытаскивая оружие. Движения до автоматизма отточены. Но когда увидел, что это сторож, отпустил:

- Никогда не подкрадывайтесь к человеку со спины.... В следующий раз может не повезти... - процедил сквозь зубы, пряча пистолет обратно.

- Прости, сынок... Прости... - со вздохом ответил сторож. – Давно наблюдаю за вами, и тяжело мне...

Я посмотрел на него с недоумением, выравнивая дыхание, даже слов толком не расслышал, но они словно вывели из оцепенения.

- За кем, за вами?

- За тобой да отцом твоим... Я столько горя человеческого повидал, что думал, не проймешь меня ничем, а тут...

- За отцом? Он что, здесь часто бывал? – по телу растекался яд презрения... Кто дал ему право приходить сюда? Еще и вот так - втихую, исподтишка. Как преступник, как вор, который прокрадывается в чужое жилище, чтобы отобрать у его хозяев самое ценное. И сейчас он делал то же самое - позарился на единственно святое, что осталось. Чтобы вцепиться в него своими костлявыми пальцами и оставить там грязные отпечатки.

- Бывал... бывал. Ты же знаешь, мое дело маленькое – за порядком следить, да не лезть, куда не просят. Но растрогал меня старик этот... Не знаю, может себя в нем увидел. Один я остался... вот только и могу, что так же на могилки ходить...

Я понемногу начинал понимать, о чем он. Нет, все мое нутро протестовало против этой мысли. Я не хотел верить! Так проще – не верить. Потому что поверить в то, что он раскаялся – слишком больно. Я вцепился в свою ненависть к нему с такой силой, словно это единственное, что помогало мне жить. И сейчас он хочет отнять у меня даже ее? Черта с два! Ничего это не значит... Поздно грехи замаливать... Поздно! Раньше надо было думать! Я проговаривал внутри себя эти фразы, а предательское чувство облегчения все больше обволакивало, дурманило... заставляло корчиться от боли, потому что я, бл****, ждал этого. Все эти чертовы годы я ждал. Что он пожалеет. Что признает вину. Так, словно это последняя дань памяти Лены. И сейчас, наконец дождавшись, я не хотел отпускать свою ненависть. Наказать хотел. Еще больше. Хотя видел, что уже сам себя наказал он, но мне было мало. Мало...

Из мыслей, в которых я сейчас варился, как в котле с кипящей смолой, опять выдернул хриловатый голос старика.

– Сынок... вы ведь похожи.. Ты и сам не подозреваешь, как сильно. Не веришь ему - поверь себе... Потом может быть поздно... не вернешь... а

сожаление сожрет... как его сейчас... В тень превратился.

Я не отвечал ему, только смотрел, не моргая. Не понимая, что чувствую. Словно в прострации какой-то. Ненавидеть отца хотел и пожалеть одновременно. Упиваться злобой и тяжесть с души сбросить. Выплюнуть в лицо упреки все, что скопились, и прижать к себе, сжимая в объятиях, которых мы никогда не знали.

Я молча приблизился к могиле, отец встрепенулся, увидев меня. Мы молчали... Смотрели друг на друга и молчали. Долго... Казалось, вокруг нас вакуум какой-то образовался. Когда ни вздохнуть, ни пошевелиться не можешь. Как будто любое движение к апокалипсису приведет. К взрыву такой силы, что разнесет мир ко всем чертям. Только взгляды... В них воронка адская из эмоций, которые сжирают заживо, выплевывая из прожорливой пасти ошметки плоти. А дальше - штиль... тихий такой, что мертвым кажется. Когда смотришь на того, кто рядом, и кроме него не видишь больше никого. Впервые в жизни. Словно в душу заглянул, в которой только гниль ожидал увидеть, а оказалось - на ее дне одно сожаление осталось.

Не нужны были сейчас слова. Ни одно правильным не будет. И я, набрав в легкие воздуха, который казался мне сейчас чистым до головокружения, приближался к отцу. Вынул из пакета бутылку водки, поставил ее на деревянную скамейку и достал из коробки две хрустальные рюмки.

***

Савелий

— Ну все, Афган, теперь и помирать можно... - закрыв глаза и откинув голову назад, сказал своему помощнику Савелий Воронов.

— Да ты еще всех нас переживаешь, Ворон. Живучий, прям зависть берет, - отшутился мужчина.

— Да куда уж... уже на том свете прогулы мне ставят... Пора, Афган, пора... Все, что должен был, сделал уже... Теперь уже точно все...

Он смотрел, как отъезжает от ворот кладбища автомобиль, в котором сидел его сын, и в мыслях благодарил, тяжело вздыхая. Его вздох был легким и тяжелым одновременно. Облегчение от того, что приняли его раскаяние, только ничего не вернешь уже. И от этого паршиво на душе было. Что закончилось все так. Он же как лучше хотел... Другую жизнь сыну. Чтоб не возвращался в болото это, чтоб человеком стал, чтоб не связывало его ничего... Да херня все это! Ударил себя руками по коленям, потому что повторял слова эти, как мантру, словно они помогут закрыть пасть тому чувству вины, которое, словно раковая опухоль, сжирало его с

каждым днем все больше. Не для сына! Не для него он все делал! Для себя в первую очередь... и не надо сейчас благими намерениями себя оправдывать. Решил он так! Хотел! Его решения не обсуждаются. Как смертный приговор - умри, но сделай. А тут девка эта, провинциалка чертова, карты ему спутала, сыну голову задурила. Да что они понимают... что знают в этой жизни? Ничего! У него еще таких, как она миллион будет. И не вспомнит через месяц. Какая разница, кто по ночам греть будет. Вот что думал. Уверен был, что все как по маслу пойдет. А ее прикормить можно, денег побольше - все они продажные, главное - не продешевить. И проглотили наживки.. Оба...

Только чертово время нихрена не решило. Увиделись - и все... Опять все по новой. Сына родного не узнал. Словно подменили его. Холодный, как лед. Не прошибешь. Плевать хотел на слова отца. Вот что беспокоило Савелия Воронова... Он не привык никому ни в чем уступать. Никогда. Любой ценой добивался желаемого. Сам не заметил, как через грань переступил. Как адский калейдоскоп событий окрасился в кровавый цвет. Как мир их кровью залился... Убивали раньше пачками - и не было дела... а тут одна смерть всех их изменила. Все пути отрезала. Никогда, как раньше не будет. Такое нельзя простить. Только слишком поздно понял. Отнекивался от мысли этой, хорохорился, повторяя, что так и знал... Что ему виднее всегда было.. Что поплатились чертовы упрямы за непослушание...

А потом проснулся как-то среди ночи в холодном поту и испугался впервые. Что сердце не выдержит сейчас, выпрыгнет к дьяволу из груди, билось как ненормальное. Саве казалось, что он не проснулся, что до сих пор видит перед глазами эту жуткую картинку... Как сын его Андрей в церковь заходит с женщиной в свадебном платье, вуаль плотная ее лицо прикрывает, но жених ее не приподнимает, как будто не хочет, чтобы увидел хоть кто-то жену его будущую... А Савелий подходит к ним, руки к ней тянет, чтобы посмотреть, кто там... только Андрей отталкивает его, за рубашку схватил и трясет как куклу тряпичную, приговаривая... "В этот раз ты мне не помешаешь"... Вуаль поднимает, смотрит на девушку счастливым взглядом и не видит, что кожа ее синевой отдаст. Что глазницы ее пустые... Что тело покрыто пятнами и несет от него трупной вонью... Повернула голову к Саве и засмеялась так раскатисто, громко, надрывно, что мороз по коже пробежал...

Он вскочил с кровати и подбежал к окну, чтобы впустить в комнату свежий воздух. Ему даже казалось, что Лена за спиной его стоит, а ее смех жуткий до сих пор в ушах эхом звучит... Страшно стало. Не за себя... За

сына. По-настоящему. Словно она отнять его может, за собой утащить... Никогда смерти не боялся... а тут испугался. Каким-то мистическим страхом...

Ночью все вещи приобретают свой особый смысл. Все кажется зловещим и необратимым. Ночь - время истины. Тогда и разговоры более откровенны, и чувства обостряются до предела, достигая своего пика...

А потом приходит утро и все становится по-другому. На смену страху пришло чувство вины. Паршивое такое. Которое заставляет посмотреть на себя, чтобы увидеть собственную уродливую изнанку. Без прикрас. Признать, что жизнь сыну сломал, чтобы доказать что-то.

На похороны даже не пришел, потому что боялся - увидят все, что прогнулся Ворон. Вся жизнь так и прошла: главное, чтобы другие боялись. Уважали. Потом липким покрывались, услышав его имя. И что в итоге? Сидит в своей возведенной крепости, чувствуя, как подкашивает болезнь, и время от времени пререкается с помощником своим да Фаей, которая вечно стремится его подлечить.

И детей вроде наклепал, а поговорить не с кем. И правильно... кому такой отец нужен? Наверное впервые открыто себе в этом признался. Не выдержал - коньяка плеснул, выпил залпом, и так несколько раз. Не отпускает. В душе - тоска, и сон этот жуткий покоя не дает. Виноват ты, Сава, виноват, бл***. Подонок ты, через сына переступил. Все с самого первого дня вспомнил. Как Лену увидел, как смотрел на нее, словно она пустое место. Как злился... как исчезнуть заставил и сына в Америку отправил. Как запугал, смертью ребенка угрожая и расправой... Все вспомнил, и самому от себя противно стало. И опять этот смех ее и Андрей, который не видит, что мертвая она, и смотрит, улыбаясь...

Тогда и решил, что не хочет с собой в могилу все это забрать. Что обязан почтить память, что сыну его еще жить и он должен успеть. Успеть избавить его от этой ноши... от ненависти этой, которая рано или поздно его по куску обглодает...

Это единственное, что он может еще сделать. Тогда и поехал впервые на кладбище. Лилии засохшие увидел - их никогда не убирали, пока свежий букет Андрей не привозил... и лишним себя почувствовал. Сторожу строго-настрого запретил рассказывать сыну, что он приезжает. Не хотел сцен этих дурацких, словно напоказ он это делает. Просто чувствовал, что тянет его сюда. Как будто долг должен отдать. Что умереть даже не сможет, пока камень этот не сбросит. Пока сам перед собой не почувствует, что раскаялся по-настоящему. Он часто сюда приезжал, сидел часами, погруженный в свои мысли. Вначале вспоминал все, даже десяти минут не

выдерживая, боролся сам с собой, матерясь и обзывая себя долбаным слабаком, который скатился в старческий маразм. Потом смог усидеть дольше, пытаюсь осмыслить все, что происходило с сыном. Хреново становилось, пуговицы рубашки поспешно расстегивал, казалось, что задыхается, но заставлял себя сидеть и разбирать свою жизнь на атомы. Пока не понял, что задолжал детям своим. Сильно задолжал. Что то, что слабостью своей считает, на самом деле - источник его силы. Радовался, что Андрей и Максим вцепились друг в друга, что соединила их необъяснимая в своей одержимости связь - так, словно нет больше никого у них в этом мире. А разве есть? Разве хоть кто-то из них приезжал к отцу просто так, не тогда, когда очередной приступ болезни к кровати приковывает? Потому что заслужил. Он бы тоже к такому отцу не спешил.

Не хотелось подышать, как собака безродная, понял он сейчас, что хочет, чтоб и на его могилу цветы свежие приносили... Потому и решил, что должен успеть всем долги вернуть. Пока не сделает - не умрет.

ГЛАВА 26

Я сидела в этом чертовом кабинете и ждала. Чего – сама не знаю. Мне никто ничего не говорил, просто усадили на стул и дверь на замок закрыли. Чувствовала себя каким-то зверьком, которого загнали в клетку. Другие, сволочи, убежали, когда полиция подъезжала. Тоже мне, друзья называются. А я, как дура, сидела в ванной и барабанила кулаками по двери – как в идиотской комедии, в самый неподходящий момент заклинило дверь. А они, спасая свои задницы, сбежали, едва услышав вой сирены, и оставили меня в квартире.

Господи! До чего же сейчас унылые люди пошли. Ну подумаешь, врубили музыку на всю громкость, кто-то там пивком побаловался, травку покурил на кухне – кипишевать-то зачем? Бабушка-маразматичка этажом ниже ментам позвонила, орала как потерпевшая, что мы тут притон устроили, что жить ей мешаем, что всех за решетку сажать пора.

Уф-ф-ф-ф... ненавижу просто сидеть и ждать. Интересно, папочке уже позвонили или пока еще думают? Да что тут думать, позвонили, конечно. Сейчас примчится, если дел поважнее не будет, и устроит мне головомойку. Черт... как же меня все это достало. Каждый жизни учит. Некому только их поучить. Дождаться бы окончания школы – больше они меня не увидят. Ну максимум – раз в год, на Рождество, и то, может, и открыткой обойдусь. Я так мечтала убраться отсюда, не знаю куда, да и не важно. Папа денег даст – в любой универ устроит, хоть в Лондоне, хоть в Париже.

Наконец-то дверь отворилась и я, вздернув подбородок и прищутив глаза, подготовилась к нападению. Как там говорят, это лучший метод защиты? Вот и проверим... Только тут я в своих предположениях немного промахнулась. Так как увидела не отца, а какую-то женщину. Красивая, эффектная, и не дура – на лбу, конечно, не написано, но чувствуется. Не ментовка типичная, не истеричка, взгляд пронизательный, наблюдает за мной, и вот что меня напрягло – моя фамилия не произвела на нее нужного впечатления.

Я же привыкла уже, что Воронов любая собака в этом городе знает, что в курсе, какие детки являются «неприкосновенными» и с какими лучше не связываться, а тут... Странно это, и мне не понравилось.

- Здравствуй, Карина. Ну как тебе тут – не скучно?

Я, скрещивая руки на груди и всем своим видом показывая, что не собираюсь неизвестно с кем вести беседы, ответила:

- Начнем с того, что вы мне скажете, с кем, как говорится, честь имею. А то я не знаю, с кем разговариваю и какого хрена должна что-то рассказывать...

Женщина слегка усмехнулась, не занервничала, не смутилась, как я планировала, а смерила меня таким взглядом, что это я почувствовала себя неловко. Так смотрят на капризных детей, которые думают, что их визг кто-то и правда может воспринять всерьез. Это выбивало из колеи, но с другой стороны – пусть лучше оставит меня в покое. Тоже мне – полиция нравов. Она села за стол и, раскрывая какую-то папку с файлами, сдвинула на край носа очки в тонкой оправе и начала свой «отчет».

- Итак, Карина Андреевна Воронова. Мне, в принципе, безразлично, чего ты хочешь и с кем собираешься или не собираешься общаться. В квартире, где вы «скромно отдыхали», обнаружены наркотики и оружие...

- Ой, как страшно. Боюсь-боюсь... А вообще, я имею право на телефонный звонок.

- Папе звонить собралась?

О, попалась. Конечно же она знает, кто я такая, чья дочь и какие ей светят проблемы. И, довольно хмыкнув и иронично ухмыляясь, ответила:

- А что – теперь страшно вам? Не знаю, как вас там по имени...

- Анастасия Сергеевна.

Ну вот - как про папочку услышала, так хвост поджала. Эх-х-х, что за разочарование, я-то думала, она дольше продержится.

- Так что, Анастасия Алексеевна, ой, простите, Сергеевна. Память девичья просто, - издала легкий смешок, - папе звонить будем? Обещаю, я скажу, что меня никто тут не обижал.

- Андрею я позвонила сама, и думаю, он будет даже доволен, если тебя тут немного повоспитывают...

- Да ты что себе позволяешь? – я так разозлилась, что мне хотелось вцепиться в ей волосы. Выскачка... Андрею она позвонила. И вдруг от догадки, что их может что-то связывать, стало так больно, что я взбесилась еще больше. – Ты...

- Сядь и успокойся! – она оборвала меня на полуслове, и от такой наглости я просто потеряла дар речи. – Что за истерики? Конечно, твой папа за тобой приедет. Разве могло быть иначе? Только это не значит, что надо вести себя, как хамка.

Я вскочила и уперлась ладонями о стол, наклоняясь к ее лицу.

- А ты с ним близко знакома, я так поняла.

Она оставалась такой же спокойной и невозмутимой, голос звучал ровно, даже тембр не изменился. Ни на секунду не отводя взгляда с моего лица, ответила:

- А если и знакома – то что это меняет?

Я поняла все, этот вопрос был красноречивее любого ответа. Конечно, они знали друг друга, при том близко, именно поэтому она разговаривала со мной вот так. Я поникла, замкнулась, выстраивая вокруг себя привычные стены безразличия. Отступила от ее стола и, опять присев на стул, смотрела в одну точку.

- Да мне все равно. С кем он там знаком...

- Сомневаюсь, что все равно, но тем не менее...

- А какая разница, все равно мне или нет? Ему-то до меня дела и так нет... Бабы интереснее, зачем дочь-то – обуза лишняя...

Впилась ногтями в кожу ладони, чтоб эта сучка не видела, как мне больно, как слезы эти дурацкие на глаза наворачиваются. Ненавижу... его и ее ненавижу. За то, что сижу сейчас тут и должна слушать ее нотации и терпеть заносчивый вид. Думает, прыгнула в кровать к этому... и все можно? Хрен вам...

Женщина молчала. Ждала. И в этой тишине мы провели несколько минут. Она наблюдала за мной, я хоть и не смотрела в ее сторону, чувствовала на себе ее взгляд. Черт! Сколько это будет продолжаться. Пусть уведут меня отсюда. Хоть в камеру, хоть куда... Это невыносимо, сидеть вот так... как под микроскопом каким-то и давиться собственными эмоциями, чтобы они не выплеснулись наружу. Наконец, не выдержав, она нарушила молчание:

- Знаешь, чем ты занимаешься, Карина? Тебе никто этого не говорил. Я

уверена. А вот я скажу... - пауза. - Ты себя просто жалеешь...

Вот здесь уже не выдержала я! Да кто она вообще такая! Как смеет мне говорить все это. Я вообще ее первый раз вижу, чего она мне в душу лезет! Пошла к черту вместе со своим “Андреем”. Повернула к ней голову и прошипела:

- Да что ты обо мне знаешь?

Мне казалось, ее голос немного изменился. Смягчился, что ли. Понимала наверное, что я на взводе.

- Я все о тебе знаю. Все! Даже больше, чем ты сама. И знаю, что ты чувствуешь. Только затянула ты со страданиями, девочка...

Я почувствовала, как защипало в носу – черт, сейчас разревусь. Только не это! Не перед этой, которая разумничалась тут. На меня никто так не смотрел до этого. Никто. Она меня не жалела. Не было там сочувствия. И я не знаю, разозлило это меня или восхитило. Потому что мне и правда надоела их жалость. Как будто я инвалид какой-то. Слезы все же побежали по щекам, и я поспешно начала размазывать их руками.

Она поднялась со своего стула и, пока обходила стол, обратилась ко мне снова:

- Я не хочу делать тебе больно, Карина... Это не жестокость, это та правда, на которую тебе пора открыть глаза.

Я затихла, успокаиваясь. Раздражение уступило место... заинтересованности. Я не знаю, почему, но я наконец-то почувствовала, что со мной говорят... Именно как с равной.

- Я хочу тебе кое-что показать. Подойди сюда, пожалуйста.

Я поднялась и, преодолевая сомнения, подошла к столу, становясь рядом.

Она вытащила из шкафа несколько папок, наполненных различными материалами. Открыла первую из них. Из фото на меня смотрела девочка лет четырнадцати. Светло-русые волосы, серые глаза, типичный подросток, как любая моя одноклассница.

- Алена Леонтьева, школьница. Мать – алкоголичка, личность отца неизвестна. Впервые была изнасилована отчимом в тринадцать лет в присутствии матери. Она не просто не заступилась за дочь, она позволяла ему регулярно делать это, пока та не забеременела и не скончалась в больнице от потери крови. Когда мать узнала, что ее дочь ждет ребенка, избивала ее, чем спровоцировала выкидыш. Врачи уже не могли ничего поделать, кроме как констатировать смерть.

Я чувствовала, как мое тело покрывается холодом, от затылка и до кончиков пальцев пробежал противный озноб. Но я стояла, не двигаясь,

тело словно парализовало, и я не могла пошевелиться. Всмотривалась в фото, слышала сухие факты, за которыми - чья-то искалеченная жизнь. Как и моя, просто мне, наверное, повезло больше.

Настя не останавливалась, не дала мне времени на реакцию и спешно открыла вторую папку:

- Ольга Прокофьева, пятнадцать лет. Групповое изнасилование. Ни один из виновных не понес наказания. Парни живут с ней в одном доме и спокойно гуляют на свободе. Дело закрыли из-за недостатка улик. Ольга осталась инвалидом, уже два года не выходит из дома, чтобы не столкнуться во дворе с их насмешливыми взглядами.

Мне казалось, что сейчас меня вырвет. Да, насмешливыми бывают не только взгляды, но и слова, тон голоса, противный смех, от которого у тебя в венах стынет кровь от ужаса, потому что не знаешь, что они хотят с тобой сделать. Точнее, понимаешь, но отказываешься верить, до последнего надеешься, что кто-то сможет помочь.

Настя открыла третью папку и таким же ровным и спокойным голосом продолжала читать строку за строкой:

- Ирина Пантелеева, тринадцать лет. Изнасилована двумя одноклассниками, которые позвали ее на вечеринку и, подсыпав в алкоголь клофелин, совершили действия насильственного характера в присутствии других школьников. Повесилась в спальне родителей спустя несколько недель. Фото с той вечеринки распечатали и развесили на стенах школьных коридоров. Открыто дело по доведению человека до суицида.

Она отодвинула папки в стороны и сказала:

- Ты теперь видишь? Ты видишь это, - швыряя папки на стол. - Таких, как ты, тысячи, десятки тысяч. Да, это неправильно. Да, это больно. Только знаешь, в чем разница? У них нет того, что есть у тебя... Нет тех, кому они нужны... Вот и думай теперь, сколько еще времени ты готова потратить на жалость к самой себе.

Внутри я словно сжалась в комок, хотелось принять позу эмбриона, забраться под одеяло, удрать на необитаемый остров – только бы остаться сейчас одной. Мне казалось, что у меня получилось отгородить себя от других надежной стеной, и вот сейчас она покрылась глубокими трещинами. Я слушала эту женщину и понимала, что она права. Что есть в ее словах доля истины. Я и сама хотела справиться со всем этим, но у меня не получалось. Я не знала, почему. Ни таблетки, ни психологи, которые пытались копаться в моей голове – ничего не помогало. И тогда я злилась, чувствуя себя ненормальной, слабой, беззащитной. Вымещая свою злость на тех, кто рядом. Только в школе можно было схлопотать репутацию

истерички, поэтому пришлось научиться держать себя в руках и делать это постоянно. А дома... дома я была в полной “безнаказанности”.

Я упивалась своей властью, когда нащупала самый верный рычаг, с помощью которого можно было влиять на отца. Это чувство вины.

Я видела его страдания и чувствовала себя садистом, который получает от них удовольствие. Уколоть побольнее. Не ответить на приветствие. Забыть поздравить с днем рождения. Сделать открытку на День Матери, подписав ее словами “Если бы ты была жива, мама, я бы поздравила тебя лично”, и бросить на стол в его кабинете...

Это больно. Конечно, больно. А мне было хорошо, но только на мгновение. Потому что потом, закрываясь в своей комнате, я чувствовала себя отвратительно. Вместо желаемого облегчения от мести – горькое послевкусие собственной неполноценности. Отталкивала его все больше, а самой становилось все страшнее. Что углубляюсь в свои страхи, что хочу кричать о помощи, а некому.

Настя заметила перепад моего настроения. Мне казалось, она даже хотела меня обнять, но опасалась, что слишком спешит, что я могу сторониться чужих прикосновений.

- Карина, тебе просто нужно помочь. Но ты должна позволить. Открыться. Принять любовь. Поверь мне, это то, что тебе поможет. Ты абсолютно нормальный человек и сможешь научиться опять радоваться жизни.

- Как? Как мне это сделать? – я разрыдалась, в этот раз не сдерживаясь. Потому что это было глупо – корчить из себя героя перед тем, кто видит тебя насквозь.

Сейчас приедет твой отец... У него, когда он услышал, что у тебя неприятности, даже голос изменился. Дрогнул... У такого сильного и грозного. Поверь мне, я знаю что говорю. Я знаю, как помочь. Вам обоим.

- А ты, случаем, не в мачехи мне нацелилась? – хотелось переключиться. Мне стало стыдно за это проявление слабости, и ничего более остроумного придумать не удалось.

- Замуж за Андрея? Не волнуйся, солнышко, я уже в этой кабале побывала. Больше ни за какие деньги... Так что можешь спать спокойно. Я на свободу твоего отца не претендую.

***

Андрей

Когда раздался телефонный звонок и Афган сказал, что есть уже первые результаты по делу Карины, я, не медля ни минуты, сразу же направился к чудо-хакеру, которого мне посоветовал генерал-чекист. Не

обманул, паренек и правда асс в своем деле. Я назначил ему встречу в одном из наших ресторанов и, отдав управляющему распоряжение закрыть заведение на несколько часов, направился туда. Не хотелось, чтобы нам мешали. Подъехав к ресторану, увидел, что он уже на месте. Стоит возле входа, переступая с ноги на ногу, видимо, чувствовал себя не совсем комфортно. Я подошел к нему и протянул руку:

– Андрей. Долго пришлось ждать?

Он ответил на рукопожатие, уверенно глядя в глаза:

– Глеб. Очень приятно. Нет, я и сам недавно подъехал.

– Отлично. Тогда давай пройдем внутрь - там нас никто не побеспокоит.

Мы сели за столик, и я, сказав официанту принести нам выпивку, обратился к пареньку.

– Ну давай, показывай, что удалось восстановить...

Он вытащил из спортивной сумки флешку и ноутбук, и пока возился со всем этим, я внимательно его рассмотрел. На вид - года двадцать три. Волосы коротко острижены, темно-русые, глаза серые, внешность ничем не примечательна, но располагающая. Не внушает подозрения, я бы даже сказал, умеет казаться незаметным. Вряд ли это случайно, специфика его работы учит особой осторожности.

Я уверен, он чувствовал на себе мой взгляд, но при этом ни разу не повернулся, продолжая делать свое дело. Хорошо владеет собой, ведет себя уверенно и спокойно. Дождавшись, когда загрузятся нужные изображения, начал объяснять.

– Смотрите, это протоколы по делу об изнасиловании. Данные медицинской экспертизы и так далее. Дальше... Закрывая одни файлы, переходил к другим. Вот снимки убитых охранников, которых положили тогда возле дома вашей... - он запнулся, видимо, задумавшись, как назвать Лену. Жена? Бывшая жена? Любая формулировка сейчас была неподходящей. Поэтому он просто продолжил. - Там, видимо, снайпер работал. До того, как они проникли в дом, убрали всю вашу охрану. Потом один из них отогнал машину и уехал на ней в лес, вместе с трупами внутри. Там ее сожгли... Впрочем, вы все это и так знаете.

Я слушал его и понимал, что теперь мой черед держать себя в руках и не дать ни одной своей эмоции отобразиться на лице. А это ,бл****, было трудно. Дьявольски трудно. Потому что перед глазами опять весь этот день пролетел. Как с Максом в машине ехали, шутили, как волновался, как к подъезду подъехал и почувствовал неладное. А сейчас весь этот ужас мы просто раскладывали, словно пазлы, устанавливая очередность чужих

действий. Как гребаные ублюдки просто пришли и за несколько минут развалили жизнь нашей семьи, взорвали ее на мелкие осколки, превратили в пыль, которая толстым слоем горечи осела в душе. Не отмыть ее уже... никогда.

Даже скулящая и погребенная заживо Малена не дала мне и мгновения покоя. Эта сука горит в аду, когда-нибудь мы с ней там встретимся, и я клянусь, буду закапывать ее вновь и вровь каждый день. Слушать, как умоляет пощадить, как впивается в деревянные доски ногтями, срывая их до мяса, как бьется головой о крышку, задыхаясь от паники и нехватки воздуха... и молчать. Наслаждаясь ее предсмертными криками, страхом и мучениями. И знать, что завтра все это повторится опять.

– Да, знаю. Дальше... - ответил и как будто не узнал собственный голос. Захотелось прокашляться.

– Вот запись с камер видеонаблюдения, машину зафиксировали на нескольких перекрестках.

– Да, я помню. Пробивали тогда автомобиль, только никаких серьезных зацепок найти не удалось.

– Да, потому что не то пробивали. У вас в доблестной милиции, полагаю, не только помощники, но и враги имеются.

– Что значит, не то пробивали? - я напрягся, чувствуя, что мы подбираемся к чему-то, что вскоре перевернет нашу жизнь в очередном кувырке.

– Потому что это не та машина. Цвет тот, номера те, только везли девочку не на ней. Не знаю, у кого там какие завязки были, но этот факт появился в деле уже после того, как его закрыли. Может, для шантажа берегли... Скорее всего. И, думаю, вся эта эпопея с пожаром в архиве и взломом системы была организована для того, чтобы избавиться от улики...

Его слова походили на мощный удар по затылку. Перед глазами потемнело, по телу прошла леденящая дрожь, виски сжало словно тисками. Малена - такая же пешка... Ужасные догадки, одна за другой, как удары под дых - каждый сильнее предыдущего. Я убрал исполнителей... шестерок... мы подвинули итальянцев, перерезав их как свиней, а за всем этим стоит кто-то совершенно другой. Гуляет на свободе, скорее всего, рядом с нами, заматаывая следы и скалясь в злорадной ухмылке. Кто это? Кто это, бл****? Это только начало. Это, бл***, прямая заявка на войну. Потому что тронули святое. То, за что уроешь любого и сам сдохнешь, не раздумывая.

– Мне нужна информация....

– Это не так просто. Я не могу вам обещать...

– Я дам тебе все, что нужно. Любые деньги, ресурсы, людей, гарантию безопасности.

– Я понял все, Андрей. Только я тоже не всемогущ. Мне нужно еще немного времени. Сделаю все, что смогу....

– Поедешь с моими людьми. Водитель ждет тебя на улице.

Я понимал, что теперь этого паренька нужно крепко держать при себе. Не только потому что он нам нужен, но и для того, чтобы ему раньше времени рот не закрыли пулей в висок и не уплыла важная информация. Мне нужно, чтобы он постоянно был на виду и под нашим контролем. И в этом деле я не собирался терять ни минуты. Он замялся от моего напора и тона, который не терпел возражения.

– Это лишнее, Андрей.

– Не спорь, мне виднее. Просто поверь и езжай.

Он не ответил, ведь понимал, с кем связался. Но отступать поздно, да и не дал бы ему никто. Отсюда не уходят, как любил всегда говорить мой отец.

Я дождался, пока они уедут и вернулся в ресторан - забыл на столике телефон, а без него никак. Вовремя вернулся, так как заметил уведомление о нескольких пропущенных.

Итак, врач... В груди неприятно кольнуло. Несколько дней назад отцу опять стало плохо, приступы случались все чаще, и в этот раз ему пришлось остаться в больнице. Он конечно устроил там скандал, посылая ко всем чертям врачей и обещая отыметь всех молоденьких медсестер, чтобы мы убедились, что он здоров как бык, но пришлось подчиниться. Как минимум пару недель нужно было оставаться под присмотром, и мне каждый день звонили оттуда, чтобы сообщить о состоянии здоровья отца.

Набрал его и, услышав, что все под контролем, выдохнул. Хоть об этом пока что можно не волноваться.

Кто у нас дальше? Листая журнал вызовов, увидел, что не успел ответить Насте. Здесь, конечно, несколько вариантов. Надеюсь, она просто соскучилась. Новости, которые входят в ее компетенцию, редко бывают хорошими.

– Алло, Настя, ты звонила?

– Привет, Андрей. Да. У меня для тебя две новости... Прямо классика жанра.

– Ясно, начни с плохой.

– Карина попала в милицию...

Твою мать. Как в милицию? Я чертыхнулся и, схватив ключи, побежал

к машине, на ходу отключая сигнализацию.

– Что она натворила?

– Да не переживай, там ничего серьезного... В этот раз.

Я знал, что моя дочь - это чертенок, я установил над ней жесткий контроль. Похоже, мне нужно устроить показательную казнь службе безопасности. И сменить всех нахрен.

– Я лечу уже. Буду в течение полчаса. А хорошая какая?

– Она у меня. И... в общем, это не по телефону.

– Настя, не испытывай мое терпение, вот сейчас явно не время. Договаривай.

– Она согласилась встретиться с врачом. Есть у меня один. Я тебе гарантирую, что это поможет...

– Настя-я-я, ты знаешь, скольких врачей мы обошли? Хватит. Нам это не нужно. Одним шарлатаном больше - одним меньше.

– Нет, Андрей. Этот не шарлатан. Только есть один момент... И это будет непросто....

– Какой момент?

– Он введет ее в состояние гипноза, и ей придется пережить все заново.

– Об этом не может быть и речи! Даже обсуждать не буду.

– Андрей... я ведь никогда тебе не советовала ничего, если не была уверена. Ты знаешь, сколько я таких искалеченных видела? Пачками через нас проходили. И я знаю, о чем говорю.

– Настя, я сказал НЕТ! Не думал никогда, что мне придется повторять дважды. Никакого гипноза. Она только начала в себя приходить.

– Андрей. Ну до чего же ты упрямый... Я же хочу как лучше.

– Настя, тема закрыта. Я заберу дочь, и мы к этому разговору больше не возвращаемся. Еду... - и нажал на кнопку отбоя.

ГЛАВА 27

- Дашка-а-а-а, как же я соскучила-а-а-ась! - бросилась ей в объятия, крепко прижимаясь. Я правда чертовски по ней тосковала. Дома стало совсем пусто, да и видется, после того как Дарина с Максом поженились, удавалось не так уж и часто.

- Ой, Каринка, я тоже... Ты где пропадаешь?

- Да не спрашивай! - смотрела на ее счастливое лицо, блестящие глаза и прям завидовала по-доброму, как она сияет. - С моим папашей особо не увильнешь!

- Карина, Андрей просто волнуется. Постарайся понять, он боится за тебя...

- Ага, боится он. Ладно, давай лучше о хорошем. Ты-то как тут? Вижу, супружеская жизнь пошла тебе на пользу...

Дарина покрылась румянцем, а я засмеялась. Ну вот кто из нас тут взрослее? Мне так понравилось ее смущение, что хотелось вогнать ее в краску еще больше.

- Ладно-ладно, можно без подробностей. Я свою юную и неокрепшую психику берегу, с молодости, как говорят. А то мне еще жить и жить, а тут такое.

- Кари-и-и-на, какая же ты вредина. Обожаю тебя. Пойдем, расскажешь мне, как ты. Мне же интересно.

Мы обняли друг дружку за талию и пошли в сторону дома. Дарина начала суетиться, приготовила нам коктейли и нарезала фрукты. Все это могла сделать и прислуга, но ей хотелось таким образом меня побаловать, да и поболтать можно без лишних ушей.

- Ну как вы там поживаете, Карин? С папой-то у тебя как?

Я ожидала этого вопроса, понимала, почему его задает. С одной стороны - переживает за нас, а с другой - когда рядом кому-то хуже, чем тебе самому, это вызывает чувство вины. Тебе ведь лучше, поэтому радоваться своему счастью как будто неприлично. Я понимала ее. Даже слов не нужно было - обо всем говорило счастье, которое она излучала. Взглядом, загадочной улыбкой, легкой задумчивостью. Мы разговаривали, общались, только я видела - мыслями она далеко, не здесь, а с ним. Наверное это здорово - любить кого-то вот так. Когда больше ничто не имеет значения, когда мир кажется лучше, когда хочется дарить всем свою радость, и не замечаешь ничего плохого. Именно поэтому не хотелось сейчас сложных разговоров и тяжелых бесед о душевных терзаниях.

- Да нормально все, Дашка. Я, конечно, ему расслабляться не даю, недавно вот из милиции меня забирали... Прикинь, какое у него было лицо, когда он услышал эту новость... Думала, приедет и убьет на месте - я закатила глаза и скривилась.

- Как из милиции? Что случилось? Не пугай меня так.

- Ничего такого, просто случайность. Вечеринка была у одноклассника, а соседям это не понравилось - вот и приехали менты, чтоб разогнать.

- Карина, ты же знаешь, я не зануда и не сноб, но просто тебе пора задуматься о том, к какой семье ты принадлежишь. Я тебе не мораль читать хочу, просто пойми - для своего отца ты - единственное слабое место. Ты

знаешь, сколько вокруг нас подонков, которые за такой козырь глотку друг другу перегрызут? Ты думаешь, Андрей тебя стережет от того, что ему заняться нечем? Нет... Абсолютно. Я тебя пугать не хочу, но просто мы в постоянной опасности. Каждый день и в любую минуту...

- Ну так что мне теперь, сидеть дома и носа не высовывать? Ну зачем так жить, Даш? У меня вот подруги живут, кайфуют, жизни радуются по полной программе, а я? Все смеются уже, что Карина папенькина доченька... Ты знаешь, как они меня обзывают? Золушкой! Уф-ф-ф, убила бы!

- Хорошая моя... Я понимаю все. Но ты должна быть на чеку... всегда. Обещай мне...

- Ну вот только ради тебя, Дашка. Еще не хватало, чтоб и ты наседкой для меня стала...

- Так что там подружки? Как кайфует молодежь нынче? - Дарина засмеялась своей же реплике. У нас разница-то несколько лет, а она заговорила, как бабка на скамейке возле подъезда.

- Сейчас новая струя пошла. На родительские деньги гулять не модно уже.

- Неужели? А на чьи теперь гуляют?

- Ну как на чьи? Богатый ухажёр - вот новый тренд... У меня вот Лика и Светка подсуетелись уже, не теряются... Прикинь - через две недели летят в Барселону...

- Что значит, летят? Им же еще восемнадцать нет. Кто их из страны выпустит? Что-то твои Лика и Светка явно выдумывают...

- Дашка, да там такие связи. Они им любые документы сделать могут. Хоть восемнадцать, хоть тридцать нарисуют.

Я увидела, как Дарина побледнела и стакан, в который она должна была налить следующую порцию коктейля, медленно опустила обратно на столешницу. Она повернулась ко мне и, схватив меня за плечи, резко встряхнула.

- Карина! Сейчас ты выслушаешь меня очень внимательно. Поклянись, что ты никогда и близко не подойдешь к этим людям. Ты должна сейчас поклясться мне, слышишь?

Да что происходит-то? Она что, такая же, как все стала? Черт! Ну что за идиотский день? Зачем я вообще ей это рассказала?

- Дашка, да ты что, совсем рехнулась? Ты чего дергаешься? Ни с кем я не общаюсь... просто о подругах рассказала....

- Ты можешь их остановить? Отговорить? Они не должны ехать... Пойми ты... Неужели вы, дуручки, не соображаете ничего?

- Да что мы должны понимать? Ты можешь нормально объяснить сейчас?

- Карина-а-а! Ты даже не представляешь, куда они могут вляпаться. Это же фальшивые документы! Фальшивые! Покинули территорию страны - и все... нет их! Нет! Черт! Никто уже не найдет!

- Блин, да что за бред! Ты что, боевиков пересмотрела? Дашка, э-э-эй, мы не в Голливуде!

- Именно! Никакого Голливуда, когда привезут вот таких вот дур малолетних вместо Барселоны в Стамбул, закроют в квартире и заставят принимать по десятку мужиков в сутки... Глаза раскрой, пока не поздно!

-Так, все, проехали эту тему. Никаких ухажеров, пока восемнадцати не будет. Заметано?

- Андрей дома? Никуда не уехал? Если его нет - останешься здесь. Я тебя не отпускаю....

- Ну во-о-от. Нарвалась. Правда я рада... Мне твоя компания больше нравится, чем торчать там в пустом доме.

- Вот и отлично. Останешься здесь. Завтра прошвырнемся по магазинам, а потом к Савелию заедем. Совсем плохо ему, в больнице оставили. А сейчас - давай еще по коктейльчику и фильм посмотрим.

- Ладно, и пиццу закажи. Я с салями хочу...

***

Ахмед

Какого хрена они заехали на этот склад? Вроде, брат его домой вез после встречи с партнерами. Вечно что-то придумает. Непокойный, блин. Самый дерганый из четверых братьев. Никогда на месте не сидится. Еще в детстве устраивал немало проблем. Да таких, что отец нахрен отослал подальше от себя, чтоб семью не позорил.

- Мы здесь ненадолго. Посмотрим кое-что, и дальше поедem, - сказал Ахмед. Вылез из машины и, осматриваясь по сторонам, поправил воротник рубашки, смахнув невидимую пылинку. Неизменно в белом. Редко носит другие цвета. Говорит, на белом грязь хорошо видна, а он не любит, когда грязно.

- Что посмотрим? – Бакит вышел следом, бросил взгляд на часы и тоже осмотрелся по сторонам – пустырь и несколько складов. Раньше они сюда возили ворованные автозапчасти. Давно. Когда этот бизнес их еще устраивал.

- Товар... если можно так выразиться.

Через несколько минут к складу подъехал заляпанный, пыльный фургон. Бакит смотрел, как из него по одной вытаскивают женщины и

брезгливо кривил губы. Это и есть тот самый товар? Плохой товар. Низкопробный. Не того уровня, как он хотел. Половина наркоманки, пара малолеток и две престарелые. Фигурами не блещет ни одна. Нет породы. Таких на трассе, как собак в подворотне. Голодные, уродливые и потасканные. Девушки выстроились в ряд, с опаской поглядывая на Ахмеда и Бакита. Явно угадывая в них главных. Одежда не первой свежести. Вульгарщина. Все напоказ. Полуголые, можно сказать. У одной грудь вообще поверх корсета лежит и сверкает покрашенными сосками.

- Что это за шавки, Ахмед? Где ты их понабирал? На какой помойке? – Бакит снова осмотрел женщин и повернулся к брату, тот усмехнулся и подойдя к одной из девушек, схватил ее за подбородок, рассматривая лицо.

- Ты же хотел «свежее мясо»? Помыть, причесать, приодеть - и в самый раз. Ты что думал, я тебе фотомоделей привезу за пару дней?

- Но не этот шлак. У двоих уже ломка. Они хотя бы медосмотр проходили? Мне забракует товар и придется их по дешевым борделям распикивать. А у меня заказ на птичек иного уровня. Зачем ты мне куриц привез?

Ахмед продолжал смотреть на хрупкую молоденькую блондинку с большими голубыми глазами. Слегка перепуганную, но прекрасно осознающую, зачем и для чего она здесь. Явно с опытом работы. Бакит же рассматривал другую – с темными волосами, и его глаза лихорадочно сверкнули.

- А я бы эту отодрал. Очень даже ничего, – раздался голос брата.

- Да ты у нас вообще не особо разборчив, Ахмед. У меня клиенты другие. Вот этих двух наркоманок вообще сразу убери нахрен. Блондинку возьму и ту, черненькую. Остальных возвращай обратно. У меня элитные заведения. Ты мне обещал шикарных девочек!

Ахмед его словно не слышал, он сунул в рот блондинки два пальца и орудовал ими так, чтобы они упирались в щеку. Наклонял голову в разные стороны, рассматривая ее лицо.

- Ты меня слышишь?

- Слышу.

Он надавил на плечи блондинки, опуская ее на колени и расстегивая ширинку.

- Открой рот и скажи «а-а-а-а».

- Бл**ь! Ахмед! Ну не сейчас! Что же ты за урод!

Тот его уже не слышал, он толкнулся членом в рот девушки, крепко схватив ее за волосы, и, запрокидывая голову, удовлетворенно застонал.

- Причмокивай, сука. Громче.

Бакит вышел на улицу и кивнул одному из парней.

- Рустам, эту я возьму, когда он с ней закончит, и черненькую. Остальных нахрен.

Из здания слышались женские крики, и Бакит, поморщившись, сплюнул на землю. Выругался на своем языке и снова посмотрел на девушек. Их даже если приодеть - видно, что за товар. Потасканные, перетраханые во все щели дешевые соски. А у него в этот раз заказ от крутых клиентов, и цена предложена хорошая. А таких, как эти, в Стамбул пачками таскают. Бакит работает на ином уровне уже не первый год, и Ахмед об этом знает. У него клиенты заказывают девочек на «постоянку». Описывают типаж и запросы. Бакит привозит только самых лучших. Самых. И риск оправдан, и клиент доволен. Не понравилась – отдает в самые элитные заведения. Привозит малым количеством, но каждая - экстра-класс.

Через какое-то время вышел брат, вытирая руки платком.

- Рустам, убери там.

Подошел к Бакиту, доставая сигарету из пачки и закуривая.

- Думал, эти шлюхи для тебя? – он расхохотался. - Это уличные шалавы. Бари, сука, не заплатил налог, и я слегка проредил его обслуживающий персонал. Совсем от рук отбились. Дань не платят. Телки все отстойные. Менты на меня наседають, долю свою хотят. А эта мразь говорит мне, что дохода нет. Вот теперь его и правда не будет. Какое-то время. Сука. Ахмеда решил нае***ь. Тварь!

Бакит краем глаза увидел, как из здания вынесли голую блондинку с широко распахнутыми глазами, запекшейся кровью на губах и кровоподтёками на теле. Горло обмотано галстуком Ахмеда. Явно мертвая.

- Ты реально больной извращенец.

- Кто бы говорил, братец. Я же молчу, когда ты непонятно зачем к себе брюнеток таскаешь пачками, а сладить с ними не можешь. И как их потом от тебя выносят по запчастям, в мешках, я тоже знаю.

Бакит заскрежетал зубами, сжимая руки в кулаки.

- Остынь. Все мы извращенцы. Каждый. Просто кто-то это проворачивает в своих фантазиях и лжет сам себе и всему миру, а мы просто честны, и с собой, и с другими. Не парься. На одну шлюху меньше - и мир станет лучше и добрее. Глянь!

Он что-то рассматривал в своем сотовом и смеялся.

- Лекса фотки прислала... - умиляется. Словно только что не задушил одну из проституток галстуком, предварительно жестоко оттрахав. - Она тебе пирог испекла. Давай, поехали, я тебе кое-кого покажу в машине. Ты

будешь доволен. Нас Лекса к обеду ждет. Рустам, избавься от этих отбросов. Бари скажи, не заплатит до завтра - я всех его шлюх отловлю и переработаю на жрачку для червей. Это только начало. Ставь его на счетчик.

- А та? Черненькая. Может её...- Бакит обернулся на девушку невысокого роста, ее как раз заталкивали обратно в фургон, - не надо. Я б забрал.

- Оставь. Знаю, что ты по брюнеткам. Поехали. У меня есть кое-что получше.

***

- Ну как? Нравятся?

- Охренеть!

- Я же обещал. – Ахмед хлопнул брата по плечу. - Мне их для тебя вербовали полгода. Кого-то прикармливали, а ради кого-то и конкурсы устраивали. Парочку акселераторок малолетних типа в Барселону вывозим. Отдыхать по фальшивым паспортам. Вот дуры, мать их. Но красавицы. Любителям помладше – самое-то. Каждая отобрана настолько тщательно, что ты можешь за них брать двойную цену.

Бакит все еще листал фото девушек в планшете Ахмеда.

- И где они все?

- Некоторые ожидают в одном месте. Проходят спецподготовку. Группа «принуждения». Я работаю только с опытными людьми. Когда твое «мясо» погрузят в фургон, все они уже пройдут свою школу, будут покорными и согласными на любой каприз клиента. Некоторые, правда, будут необъезженными. Сам потом с ними разберешься.

Бакит довольно прищелкнул языком.

- А ты, я смотрю, полностью разобрался в этом бизнесе.

- Я хочу, чтоб все гладко было, Бакит, чтоб тебе яйца не поотрывали, чтоб шлюхи твои по ментам не побежали. Чтоб не получилось, как тогда. Помнишь тех двух сук, которые чуть нам всю линию не обвалили, и сколько бабла нам стоило, чтоб их вернули обратно? Один звонок в «157»^{*1} - и мы на мушке у Интерпола.

Бакит поморщился, вспоминая, как его начали проверять спецслужбы.

- Вот именно. Думаешь, после этого я не начал контролировать процесс? Думаешь, элитные сучки тебе на голову сыплются как манна небесная?

- А это кто такая?

Бакит повернул планшет к брату.

- О-о-о-о! А это, брат, та самая, бриллиантовая. Что такое? Глазки загорелись?

- Красивая сучка!

- Красивая и очень дорогая. Если неправильно партию разыграем - нам с тобой кожу живьем снимут за неё, а если правильно, то мы с тобой, брат, скоро-таки получим свою линию по перевозкам и много чего вдобавок. Пусть Вороны друг другу глаза повыклёвывают, а мы свои дела провернем за это время.

- Себе её возьму.

Бакит нервно облизал губы, а Ахмед ухмыльнулся.

- Так для тебя и берем, брат. Другим и не по зубам, и не по карману. Слюни подбери и челюсть. Нам еще заполучить ее надо.

- И? Когда?

- Буквально на днях. Её плотно ведут. Все не так просто, родной. Я несколько лет продумывал. Поэтому - терпение.

- Хитрый ты. Шельма. Зачем мне этих шавок показал?

- Для сравнения, Бакит. Чтоб знал, какой товар тебе достается и как непросто достается. Что там Сами? Сделал свой заказ?

Бакит все еще не закрывал снимок девушки, его ноздри хищно трепетали и подрагивала верхняя губа.

- Сделал конечно.

- Передашь ему конверт от Али. И напомни о моей просьбе. Я жду его согласия.

- Со стволами вопрос почти на мази, брат.

У Ахмеда зазвонил сотовый, и тот быстро достал его из кармана.

- Да! – посмотрел на Бакита. – Завтра? Охренеть! Молодцы! Оперативно, чтоб вас! С меня - как всегда.

Отключил звонок и посмотрел на Бакита.

- Ну вот и все, уже завтра твой груз отплывет по назначению.

- А птичка?

- С птичкой, брат. Она уже почти наша. Завтра клетка захлопнется и попалась. Чик-чирик, чик-чирик.

Ахмед помахал руками и заржал, а Бакит снова уставился в планшет.

*1 – «157» - служба помощи женщинам, находящимся в сексуальном рабстве в Турции.

ГЛАВА 28

Я смотрел на двух бельгийцев, изучающих документы, на их юриста, который указывал им толстым пальцем на некоторые пункты, и понимал, что на секунды выпадаю из этого просторного кабинета, из сделки на миллионы прибыли, потому что прислушиваюсь к своему сотовому, который молчит уже несколько часов. Меня начинало ломать. В голове секундная стрелка отсчитывала грани моей ломки. По самой изысканной голубоглазой дозе, с каштановыми волосами и нежной кожей. По ее голосу и по ее сообщениям, в которых она неизменно пишет, как сильно тоскует по мне. Меня никто и никогда не ждал. Нигде. И вот это ощущение, что за тысячи километров по тебе изнывают в тоске и пишут каждые несколько минут, грело, черт возьми, так, что я, словно идиот, смотрел на дисплей и улыбался. Пожалуй, я за эти полгода отулыбался за всю мою жизнь. У меня впервые не было ощущения, что все это ненастоящее, что все может закончиться. Я хотел завтрашний день еще сильнее, чем вчерашний, потому что в нем есть ОНА. Есть и в послезавтра, и через неделю. Ждет меня. Не спит по ночам. Странные чувства, сумасшедшие. Я с ума схожу по ней. Как самый фанатичный родитель и невменяемый любовник. Меня прет от дикой нежности и абсолютной, одержимой похоти. Я просто не мог поверить в свое счастье. Точнее, счастье носило ее имя, пахло ею, и я жаждал это счастье контролировать, таскать везде с собой и каждый раз, когда захочу – трогать, целовать, сжимать в объятиях и убеждаться, что оно моё, целиком и полностью. И сейчас мне катастрофически не хватало возможности убедиться в очередной раз.

- Максим, вы сказали, что наш процент от прибыли останется неизменным в течение трех лет, а вот в этом пункте...

Голос бельгийца вернул меня обратно в стерильно-чистый кабинет с ослепительным светом и Т-образным столом посередине. С бутылками минералки возле каждого из собравшихся на этой встрече. Я потянулся за бумагами, в очередной раз проклиная и бельгийцев, и их гребаных юристов с нотариусами. Непривычно решать дела в таком русле – это скорее стиль Графа, чем мой. Я привык договариваться иначе и другим языком, но брат настоял. Сказал – справлюсь. Пора на другой уровень выходить, а не лохов кулаками запугивать. Кажется, до сих пор у меня получалось довольно хреново. Так как контракт мы переписали несколько раз, и их постоянно что-то не устраивало.

- Верно, но если поставки возрастут в два или три раза, ваш процент уменьшится, но ведь вы все равно не будете в проигрыше засчет оборота. Мы с вами это уже обсуждали.

Я начинал нервничать. К нам подошла длинноногая секретарша с

подносом и, улыбаясь, предложила кофе. Ее звали весьма красноречиво – Наташа. Да и видно наших соотечественниц всегда и за версту, в самом лучшем смысле этого слова. Наши – самые красивые.

Я взял чашку с подноса, перевел взгляд на глубокое декольте блузки. В обязанности этой куколки точно входит не только кофе разносить, иначе эта официантка носила бы лифчик. Видать, подкладывают под несговорчивых клиентов или добывают интересную информацию. А может, личная игрушка господина Якобса.

- А здесь только кофе разносят? – спросил я по-русски и посмотрел ей в глаза, вздёрнув бровь.

- А что угодно господину?

Она поправила светлые волосы и облизала губы. Нет, дорогая, вот это мне совсем не угодно.

- Господину угодно коньяк в чашку с кофе и господину хочется курить, но господин согласился бы просто на сигарету и парочку минут побыть в тишине без свидетелей.

Она, мило улыбаясь, бросила взгляд на свое начальство и снова перевела на меня.

- В здании нельзя курить и распивать спиртное.

- Неужели в здании, - я снова красноречиво заглянул в ее декольте, - нет ни одного места, где можно уединиться на какое-то время?

- Есть... – ее взгляд приобрел ту самую маслянистость предвкушения. То ли денег, то ли просто «родного» захотелось. А я думал только о том, что мелкая мне не звонила часа три, что смска последняя пришла слишком сухая, официальная, что ли. Я хотел остаться наедине со своим смартфоном и просто оборвать нахрен автоответчик своей жены. В эту секунду я хотел отыметь только телефонную линию и сотового оператора Дарины. Все остальное меня не возбуждало совершенно.

- Вот и чудненько. Подожди меня снаружи.

Я повернулся к господину Якобсу и спросил:

- Ну что? Каково ваше решение?

- Нам нужно обдумать ваше предложение, мистер Воронов.

В этот момент мне чертовски захотелось затянуть покрепче стальной галстук на его жирной шее, да так, чтоб глаза из орбит вылезли. Мать вашу, вы, бл***ь, уже почти месяц думаете.

- Вы знаете, на таких условиях я могу найти и других поставщиков. Да, мы хотели заключить сделку именно с вашей биржей, но что мне мешает вылететь завтра в Южную Африку и повернуть её на гораздо более выгодных для нас условиях, напрямую с «Де Бирс», например? Или в

Зимбабве? Или в Израиле?

Якобс посмотрел на меня из-под аккуратных очков в тонкой оправе и перевел взгляд на юриста. Кажется, мой тон ему не понравился, а мне плевать. Мое время тоже не резиновое и тоже стоит денег.

- Вы тут пока подумайте. Я сейчас вернусь. Если ваш ответ не будет положительным, то, я думаю, на этом наши переговоры окончены. Не буду вам мешать принимать решение, господа.

Я вышел из кабинета и тут же увидел блондинистую Наташу, которая явно меня ждала. Увидев, улыбнулась, и кивком пригласила следовать за ней. Повела по длинному коридору, а я нервно сжимал руками сотовый, и когда она отворила дверь одного из пустующих кабинетов, в котором шел ремонт, я тут же достал его из кармана, на ходу набирая номер.

Девушка плотно закрыла за нами дверь, собираясь повернуть ключ в замке, а мне в этот момент в ухо пропел автоответчик, что телефон абонента временно недоступен. Я повернулся к Наташе и, увидев, как она начала расстегивать блузку, протянул несколько купюр.

- Секс мне не нужен. Ты позаботься, чтобы мне здесь не мешали пару минут.

Ее глаза не выражали ровным счетом ничего, она взяла из моих рук купюры, сунула за пазуху и без вопросов вышла за дверь. Умная девочка. Очень умная. Несколько лет назад я бы воспользовался всем, что она могла мне предложить, но не сейчас... когда я думал двадцать четыре часа в сутки только об одной единственной женщине и мечтал поскорее оказаться дома, чтобы весь свой голод выплеснуть только на нее. Голод и ярость за то, что треплет нервы этим молчанием.

Тут же набрал ее номер еще раз – автоответчик. Опять! Взгляд на часы – четыре часа где-то шлаться? Без зарядки?

- Мелкая! Не зли меня! Нахрена тебе этот навороченный телефон, если ты не отвечаешь на звонки? И что это за смски – я перезвоню тебе, когда освобожусь? От чего освободишься? Я терпеть не могу чего-то не знать... Особенно не знать, где ты находишься!

Отключился и набрал Андрея – тоже автоответчик. Да они что, сговорились?! У Афгана никто не отвечает, и отец тоже еще с вечера трубку не брал. Всемирный апокалипсис настал? Я нервничал. Не мог понять, почему. Это клокотало где-то внутри, где-то там под ребрами, где сердце почему-то постоянно проваливалось в глухую бездну. Снова перечитал сообщение Дарины. Самое обычное... а мне оно, черт возьми, не нравилось. Оно не такое, бл**ь, как должно было быть после почти трехнедельной разлуки и после ее утреннего: «Я больше не могу, Максим,

не могу без тебя. Приезжай поскорее. Я уже задыхаюсь!»

И таким контрастом вот это обезличенное, пустое:

«У меня кончается зарядка, милый, я перезвоню, когда освобожусь».

Вот это «милый». С каких пор я стал милым? Автонабор, что ли? У нас с ней были наши слова. Те самые, которые понимают только двое. Те самые, в которых может быть совершенно иной смысл, непонятный посторонним. Мне иногда казалось, что нас связывает какая-то колючая проволока с шипами, и если я дернусь, или она, эти шипы вскроют нам вены. У меня сейчас было примерно такое ощущение – меня вскрывают изнутри. Мое терпение. Оно трещит по швам, и с каждой секундой этот треск все отчетливей. Перезвонил Андрею:

- Граф! Вы там что, вымерли все? Никто трубку не берет. Еще пару часов молчания и я пошлю нахрен эту гребаную сделку и вылечу первым же рейсом! Перезвони мне, как только услышишь сообщение. Бельгийцы трахают мозги! И скажи Даше, чтоб набрала меня.

Я затушил сигарету о подоконник и бросил окурочок в форточку. Снова набрал её. Как маньяк какой-то. Словно от количества набора что-то могло измениться. Или я вдруг дозвонюсь на выключенный телефон.

- Маленькая! Ты злишься на меня? Я скоро приеду. Обещаю. Если эти идиоты сегодня не подпишут бумаги, я все равно вылечу домой. Перезвони мне. Слышишь? Перезвони мне немедленно!

Вернулся в кабинет к бельгийцам с твердым намерением прервать переговоры. Я уже мысленно мчал в аэропорт. Но меня ошарашили согласием. Закон подлости - превосходно работающая штука. Без перебоев. Четко отлаженная система бесконечности. Вы получаете что-то именно тогда, когда вам это уже не нужно или когда вам это становится безразличным, а еще чаще, когда вам это не в тему. Я выматерился про себя, так как это задерживало меня еще на несколько часов для подписания всех бумаг. Несколько часов тишины и натянутых до предела нервов. Видимо, Якобс, как опытный бизнесмен, уловил перемену в моем настроении. Уловил потерю заинтересованности и сделал выводы, что мне предложили сделку поинтереснее. Конкуренция - самая сильная в мире вещь. Хочешь что-то продать - создай соперничество, и твоя цена взлетит до небес. Людей всегда интересуется то, что хотят другие. Значит, оно лучшее. И это касается буквально всего в жизни. Только Якобс вряд ли предполагал, что тут конкуренция совершенно бессмысленна. Его сверкающие стекляшки не дороже придорожного гравия в сравнении с моей девочкой, которая сейчас занимала все мои мысли.

Пару раз позвонили из гостиницы, и во второй я чуть не взвыл от

разочарования. Захотелось вышвырнуть сотовый в окно.

Прилечу домой и душу из нее вытрясу, разобью, нахрен, ее айфон, а потом жестоко отымею всеми мыслимыми и немыслимыми за то, что не отвечала, и сама не звонила. Знает же, что меня ломать начинает через час, а через два я уже волком вою без ее голоса и ее протяжного «Макси-и-им».

Документы подписали не через два часа, а через три, и мне уже было плевать, насколько я вежлив с бельгийцами. Я сухо попрощался и, вызвав такси, рванул в аэропорт.

***

Андрей

Мы ехали в машине, и я до сих пор не верил в то, что согласился. Прошлый разговор с Настей закончился на не очень хорошей ноте, идея с гипнозом казалась мне неприемлемой. Во-первых, я не доверял таким вещам, во-вторых, снова подвергать Карину всему этому ужасу... И ради чего? Ради возможного результата? А кто может гарантировать, что не станет еще хуже. Когда дело касается моей дочери, о рисках не может быть и речи. Хватит! Натерпелась... Не виновата ни в чем, а хлебнуть пришлось похлеще многих взрослых. Но когда сегодня ночью она ворвалась в мою комнату, сотрясаясь в рыданиях, испуганная, взволнованная и бросилась ко мне в объятия... Впервые за эти годы... Я оторопел. Заглушая в себе бешеную радость и мысленно отдавая приказы своему сердцу не биться настолько сильно. В горле моментально пересохло, казалось, даже руки задрожали. Ее присутствие здесь, так близко, что я чувствую ее дыхание, объятия, слезы - все это было настолько искренним, что у меня в голове зашумело от накативших эмоций. Я понимал все. Знал, что сейчас ей больно и страшно, что только поэтому и прибежала... Но это уже не важно. Я просто мысленно благодарил, что этот момент наступил. Обнял ее, сильно прижимая к себе...

- Карина, что произошло... Доченька, посмотри на меня...

- Па-па-а-а, - она всхлипывала и не могла успокоиться, - я больше не могу так! Я погибаю! Не могу-у-у.

- Тише, тише, успокойся... Я с тобой... Тебе нечего бояться... Ты не одна... - прижимал к себе ее хрупкое, содрогающееся тело. Как хотелось бы забрать все это себе - ее боль, страх, страдания. Пусть в сто раз сильнее, но только чтобы все это прекратилось. Я видел, насколько она вымотана, как боится наступления ночи, потому что все может повториться опять.

- Папа... я не хочу так больше жить... Так не может дальше продолжаться... - она потихоньку успокаивалась, голос уже не так дрожал,

дыхание тоже становилось ровнее. Посмотрела на меня, прямо в глаза, и продолжила, - давай поедem к тому врачу. Пусть этот доктор выковыряет это из меня...

- Карина, давай дождемся утра... и тогда все решим...

- Нет, папа... Я уже решила. Я хочу поехать. Пожалуйста, обещай мне, что отвезешь. Не отказывай мне сейчас...

Все внутри протестовало против этой идеи. Мне хотелось просто запретить, чтобы она даже мысли об этом отбросила. Настя, черт бы ее побрал, задурила ребенку голову. Зачем? Зачем ей все это? Мы пережили бы все как-нибудь. Обошлись бы без всей этой новомодной чепухи. Я не хотел, чтобы кто-то ковырялся в голове моей дочери, заставляя ее переживать все заново. Только посмотрел сейчас на Карину, в глаза ее, полные мольбы, как она ждет от меня ответа, и понял, что не смогу отказать. Как можно отказать ей, тем более сейчас? Когда она пришла ко мне с криком о помощи, когда сама дала мне в руки то, чего я так долго ждал и добивался - первые ростки доверия.

- Конечно отвезу, Карина. Никаких отказов...

***

Настя встретила нас у двери маленького, неприметного здания в тихом районе центра. Смерил ее тяжелым взглядом, я все еще был зол на нее, хотя и понимал намерения и попытку помочь. Просто это слишком серьезно. Я, черт возьми, волновался. Слишком. Мне не нравились эти чрезмерно мощные по своей амплитуде эмоции. Они заставляли чувствовать себя уязвимым. Уязвимым не в плане безопасности - это давно перестало пугать, а в том, что здесь ничего от меня не зависит. Как пройдет? Чем закончится? Поможет или станет еще хуже? Я слишком много потерял. Она - единственное, что у меня осталось, и сейчас я добровольно привез ее сюда, зная, через какой ад ей придется пройти. Я не знал, какими людьми мы выйдем отсюда. Как игра ва-банк. Все или ничего. Через несколько часов я или обрету дочь, или потеряю ее навсегда.

Настя приобняла Карину за плечо и повела к кабинету. Моя дочь робко прошла вперед по толстому ковру, в котором утопали звуки ее шагов. Бледная, напряженная, она глядела перед собой расширенными, невидящими глазами.

Вижу, как волнуется, и думаю, что еще не поздно все это остановить. Взять в охапку и забрать отсюда, уберечь от той боли, которая ждет... Но она идет вперед, не останавливаясь, не оборачиваясь. Это чувствовалась. Ее решительность и упрямое желание завершить начатое. И сейчас меня

переполняла гордость. Да, я гордился, что у меня такая дочь. Сильная, настоящий боец! И мы пройдем через это вместе. Выберемся. Чего бы мне это не стоило.

Невысокий мужчина в свободном сером костюме жестом подозвал Карину к кожаному креслу, которое стояло возле окна. Он тихим и дружелюбным голосом что-то ей объяснял, а Карина в ответ несмело улыбалась и утвердительно кивала.

Мы с Настей сели на диване у дальней стены, и она, бросив на меня предостерегающий взгляд, включила диктофон. Знала, как я отношусь ко всему происходящему, знала, что будь моя воля - ноги бы нашей здесь не было. Это для нее подобное всего лишь часть практики, а для меня - пыточная камера, а не кабинет терапевта.

***

- Карина. Прими удобную позу. Расположи спокойно руки и ноги. Откинь голову назад, расслабь шею и подбородок... Твои веки тяжелеют... Глаза закрываются... Я буду медленно считать. И на счёт три ты вернешься в тот день, когда тебя похитили. Твои воспоминания начнутся с того момента, как неизвестные люди проникли в вашу квартиру...

- Карина, где ты сейчас находишься и что видишь рядом?

- Звонок в дверь, я открываю замок и меня сбивает с ног распахивающаяся дверь. Врываются какие-то люди. Меня сильно скрутили и затолкали в рот тряпку. Куда-то тащат. У самого подъезда впихивают в машину. Я на заднем сиденье, - она остановилась, сглотнула и продолжила монотонным голосом. - Меня зажали между двумя мужчинами. Впереди я вижу еще двоих. Они держат меня за руки, один из них зажимает мой рот рукой... - Карина притронулась пальцами к своим губам, а я, едва услышав, как она начала рассказ, чуть не вскочил с дивана, чтобы все это прекратить. Я не могу все это слушать. В подробностях. Как калечат мою дочь. Как ломают ей жизнь. Это все равно, что потерять их обеих опять. Знал, что в этот момент происходило в квартире. В ту самую секунду, когда мы с Максом ехали в машине и шутили по поводу окончания холостяцкой жизни, Лена там истекала кровью, а моя дочь находилась в лапах четырех подонков. Настя сильно сжала мне плечо, молчаливо умоляя набраться терпения.

- Карина... Они что-то говорят? Ты слышишь их голоса?

Она молчала, делая глубокие вдохи, как будто пытается сосредоточиться.

- Мне холодно и страшно, я очень напугана. Больно вывернуто предплечье, я почти не могу пошевелиться, а тряпка во рту и на лице душит и мешает видеть... Слышу, как они разговаривают... - ее голос стал практически не слышен, Карина замолчала, как будто прислушиваясь и пытаюсь разобрать чужую речь.

- Что именно ты слышишь?

- Они переговариваются, говорят про то, что снайпер чисто сработал. Я не понимаю их... Они то на русском говорят, то на своем каком-то... Про охрану говорят какую-то... Нашу, наверное. Меня скручивают на сиденье лицом вниз и придавливают сверху. Сильно и больно. Держат так какое-то время. Про хвост говорят, что следить надо, чтобы погони не было. Машину крутит на поворотах, я головой ударились о что-то жесткое, наверное подлокотник двери. Не знаю, сколько времени все это длится. С моего лица сорвали тряпку, и я вижу, что мы уже выехали за город, несемся по трассе. Чувствую запах алкоголя... Сильный... Меня тошнит от него... Они теперь смеются... громко... говорят, что уже скоро начнется веселье. А я не понимаю, почему они схватили меня. Может, они ошиблись. Я же не сделала ничего плохого. Не ругалась ни с кем. Почему они ворвались к нам? Я хотела приподняться, в окно посмотреть, наверное, папа уже едет следом. Сейчас он заберет меня. Нужно потерпеть... - Карина то сжимала руки в кулаки, впиваясь ногтями в кожу ладоней, то разжимала их.

- Один из них, смуглый самый, волосы у него как смоль, схватил меня за коленки и раздвинул их. Я пытаюсь сопротивляться, но мне не хватает сил. Он сжимает мои бедра пальцами, до синяков, мне больно, я боюсь, мне хочется плакать, но держусь. Даже слово сказать боюсь, чтоб не разозлить. Он разрывает ткань платья до талии, а тот, что зажимает мой рот, второй рукой больно хватает за грудь. Я начинаю дергаться... А они смеются еще сильнее. Говорят, что им нравится такая кобылка дикая. Тем интереснее. Что не буду как бревно лежать и эмоции изображать, как шлюхи, к которым они привыкли. Чувствую, как в кожу впивается ткань трусиков, один из них рванул их, материал трещит. Он швыряет их тому, что сидит на переднем сиденье. Они выкрикивают какие-то непонятные слова...

- Карина, попытайся вспомнить их разговоры точнее, опиши все, до последней детали.

- Смуглый говорит с тем, кто спереди... Я слышу, как они говорят о деньгах. О заказе каком-то. Что подфартило им - и потрахаются, и бабла срубят. Потом про указание что-то... что приказали проучить. В живых оставить, но хорошенько потрепать. Урод этот снова оборачивается, пальцы в меня пихает... - голос дрогнул, но Карина зажмурилась сильнее и

заговорила быстрее и чуть громче:

- Я напрягаю все силы и мне удастся выдернуть ногу из захвата его пальцев. С всей дури бью коленом в челюсть тому, кто ближе. Вырываюсь, выгибаюсь, мотаю головой и начинаю кричать. Меня трясет, я чувствую дикий ужас и отчаяние. Мне кажется, что если я не смогу вырваться сейчас - то непременно погибну. Кричу, уже не думая о том, будут ли они злиться, надеюсь, что это поможет, что кто-то услышит, спасет... Не могу поверить, что все это происходит со мной... что это не ночной кошмар, - Карина заерзала на кресле, вжимаясь затылком в подголовник. Все! Довольно! Пора прекращать все это! Я привстал, но жесткий взгляд врача заставил меня замереть и я услышал его монотонный ровный голос.

- Продолжай, Карина.

Карина сделала несколько рваных вдохов, и, почти не шевеля губами, продолжила:

- Меня обхватывают за шею, сильно сжимают и выгибают голову назад. Я больше не могу кричать, из горла вырывается только хрип. Мне начинает не хватать воздуха, сил сопротивляться становится все меньше. Мои ноги сильно сжали, и тот, сидел на переднем сиденье, тоже хватает за лодыжку. Он кричит кому-то из двоих, чтоб не придушили, что нельзя, что подохнуть сейчас я не должна.

Тот, кто справа, орет и ругается, говорит, что игры закончились и что я нарвалась. Вскрикиваю от резкой боли, я чувствую ее между ног. Он резко ворвался в меня пальцами и двигает ими очень резко и быстро. Я не могу терпеть, скулю, плачу, чувствую, как горячие слезы скатываются по лицу и шее. Между ног жжет, словно огнем. Боже, как же больно. Не могу... не могу... - Карина замотала головой и крепко сжала ноги в коленях.

- Что происходит дальше?

- Он убирает руку, и я могу выдохнуть. Чувствую, как сердце бьется, кажется, сейчас выпрыгнет из груди, и мне хочется плакать. Убежать далеко, чтобы никто не видел, и плакать. Постоянно... Навзрыд... Мне больно. Мне плохо... Я боюсь... боюсь, что это только начало. Он говорит довольным голосом, что все, порвал меня, теперь можно и по-нормальному трахать. Вижу на его пальцах кровь, он подносит их к моему лицу, растирает ее по щеке и опускает руку к груди, - Карина сделала паузу и облизнула бледные пересохшие губы. - Он продолжает говорить, как будто специально, чтобы я слышала и понимала, что они еще не закончили. Что все это - цветочки. Что благодаря мне они получают дохрена денег, что наверное Аллах их наградил за какие-то хорошие дела.

Какой, к дьяволу, Аллах? Итальянцы всю жизнь были католиками.

Какой, бл***, Аллах? Я не знаю, какие мысли сейчас сводили меня с ума больше - о том, что я услышал из уст своей малолетней дочери, или о том, что убил я не тех. Не тех, бл***. Что мстили мы не тем. Что мразь, которая все это организовала, еще не подохла, захлебываясь своей кровью. Я взорвусь сейчас нахрен в этом кабинете и разнесу его в щепки. Я не могу больше сидеть и спокойно слушать, как моя дочь задыхается в отчаянии, как плачет. Настя шепнула мне на ухо, что я должен взять себя в руки, иначе только испорчу все. И потом, рано или поздно, придется все начинать сначала. Умоляла меня просто перетерпеть, ведь Карине сейчас не легче. Голос моей дочери, которая, собрав все свои силы, выплескивала сейчас всю свою боль, заставил меня, сжав челюсти и сорвав верхние пуговицы рубашки, слушать дальше.

- Они опять смеются... черт, ну почему они постоянно смеются? Мне хочется заткнуть им рты.. Пусть умолкнут... Этот их смех пугает меня еще больше. До ужаса. Не надо, пожауйста... ну хватит... Ну что им от меня нужно?

Тот, кто держит сзади, сильно стискивает мне грудь, выкручивая сосок, сжимая его так, что у меня на глаза наворачиваются новые слезы. Мне кажется, я задохнусь от них сейчас. Мне трудно дышать... Потому что понимаю уже, что выхода нет. Не спасет меня никто. Не приедет папа... вряд ли он вообще знает, что я здесь... и что со мной делают...

Смуглый перекидывает мою ногу через себя и наваливается сверху. Возится со своими штанами, и я снова кричу. Пытаюсь его укусить, долблюсь затылком в того, кто держит сзади. В этот раз меня хватают за волосы, выдирая их с корнем, а тот, кто сидит спереди, удерживает мое колено, раскрывая меня тому... смуглому. Он упирается в меня.. Он крепко держит за бедро и тычет в меня свой член. Его рожа нависла над моим лицом. Я даже вижу капли пота, которые выступили на его лбу... Они катятся по его щекам и мне противно... Что он прикасается ко мне... потный, мокрый, с вонючим дыханием... От него несет перегаром... Мне тяжело, он навалился на меня всем своим весом, пыхтит, закатывает глаза, и я вижу, как его лицо то приближается, то отдаляется в такт его движениям... Я хочу умереть... да... прямо сейчас... Я не хочу жить... Я хочу, чтобы они оставили меня в покое... Пусть все это закончится... Боже-е-е, за что? Забери меня, если ты есть... Забери... помоги... - Карина содрогнулась и голос ее сорвался, прерываясь тихими всхлипами.

Доктор опять посмотрел в мою сторону и, вытянув руку вперед, дал понять, что вмешиваться нельзя. Не сейчас. Когда львиная доля пути

пройдена. Не навредить... вот что сейчас нужно. Терпи, Андрей. Терпи. Это справедливая плата за то, что не смог тогда защитить и быть рядом. Так будь сейчас, хотя бы так, но раздели все это с ней. Ее горе, боль, страх и отчаяние, которые теперь станут общими. По-настоящему.

Врач сделал небольшую паузу, но уже через несколько секунд продолжил.

- Карина, ты в безопасности, говори дальше.

- Он слезает с меня и вытирается обрывком моего платья. Тот, кто сидит впереди приказывает сворачивать в лес. Мы останавливаемся. Они опять смеются. Выкрикивают что-то и матерятся. Через минуту он занимает место первого, только теперь тот, кто сзади, разворачивает меня к себе лицом и тоже расстегивает штаны. Мои руки стягивают ремнем безопасности, и я уже ничего не соображаю. Ничего не вижу и не понимаю. Все их лица смазались, я закрыла глаза и просто молчу. Не буду кричать, не издам ни звука больше. Мне не поможет это. Не спасет. Скорее, их подзадорит. Но я больше не дам им этого удовольствия. Я лежу словно кукла. Не двигаюсь. Не издаю ни звука. Терплю боль, кусаю себя за щеку, только чтобы продержаться. Еще один толкается в меня, а второй фотографирует и пьет что-то из бутылки. Они опять на своем говорят. Да я и не пытаюсь слушать. Какая разница уже... Слышу, как звонит телефон и смуглый отвечает. Он доволен, по голосу слышу, что разговор эмоциональный. Но не понимаю ни слова... кроме имени Ахмед...

И в этот момент умереть захотелось мне... Словно я стою на каменной горе и она начинает осыпаться, разваливаться, а я лечу головой вниз.. Только это уже не имеет значения... Я лечу и понимаю, что теперь единственное, что меня ждет - это пропасть... мрак... тьма... и я так и не достигну их дна. Никогда. Задыхаясь и корчась от боли. Пока не сгною его и всю его семью. Камня на камне не оставлю от его дома. Сотру с лица земли любое упоминание. И пока хоть кто-то из его близких будет жить - я тоже не подохну, потому что месть - вот что теперь будет заставлять меня жить...

***

Врач уловил мое состояние и понял наверное, что на этот раз сдержать меня не получится, что с сеансом лучше заканчивать. Он вывел Карину из гипноза, а я вскочил со стула, чтобы в тот момент, когда она открыла глаза - я был уже рядом. Хотя бы сейчас... Она открыла глаза и несколько секунд пыталась сфокусировать взгляд. А потом, придя в себя, разрыдалась и опять бросилась мне в объятия. Дьявол, мне казалось, что я сейчас и сам не смогу удержаться. Девочка моя... Маленькая... Что же тебе пришлось

пережить. Перетерпеть. Не сломаться... Она уткнулась лицом мне в грудь, и я сжал ее столь крепко, словно последний раз в жизни. Хотелось спрятать от всего мира. Чтоб не видел никто. Чтоб не посмел обидеть больше. Не дам. Не позволю. Она продолжала плакать, а я не размыкал объятия, боясь пошевелиться, готов был сидеть тут на корточках целую вечность, лишь бы ей стало хоть немного легче. Врач с Настей тихонечко вышла из кабинета, оставляя нас наедине. Я не знаю, сколько времени прошло. Сейчас его для меня не существовало... Мы просто молчали, она рыдала, а я молчал, терпеливо ждал, пока она произнесет хотя бы слово. Боялся сказать что-то не то. Испортить окончательно. Просто молчаливая поддержка, как безмолвное обещание, что я всегда буду рядом. Чувствовал, что ее плечи перестали вздрагивать, плач становился все тише, ее тело обмякло, и я подхватил ее на руки. Она склонила голову на мое плечо и обвила руками шею.

- Папа, ты же больше не уйдешь?

- Никогда... Никогда не уйду... Клянусь....

Я нес ее на руках и, проходя мимо врача и Насти, уловил ее жест - она приложила руку к уху, давая понять, что перезвонит и расскажет, что делать дальше. Сейчас говорить о врачебных рекомендациях совсем не время. Я отнес Карину к машине, она захотела лечь на заднем сиденье, ссылаясь на усталость. Свернулась там калачиком и смотрела в одну точку, а я, выжимая педаль газа, тронулся с места. Не зная, что нас ждет дальше.

Посмотрел на беззвучный сотовый и увидел, как мигает индикатор пропущенных вызовов. Этот чертов аппарат надоел мне до тошноты. Хотелось вышвырнуть его через окно, ни с кем не разговаривать, потому что я давно забыл уже, что такое хорошие новости. Постоянные проблемы, дела, форс-мажоры, чужие просьбы и вынужденные одолжения. Я хотел побыть с дочерью. Отвезти ее куда-то далеко, в маленький домик в горах, где тишина может свести с ума кого угодно, но не нас. Сейчас она была нам нужна. В ней - настоящая истина. В ней наша возможность услышать самих себя и понять, что важно... Только один взгляд на дисплей - и отключу. Решил уже. Только увиденное заставило напрячься - это был звонок из больницы.

- Я слушаю...

- Андрей Савельевич, Вы должны приехать в больницу. Немедленно.

- Что произошло?

- Ваш отец мертв. Его убили. Прямо в палате....

ГЛАВА 29

Мне казалось, что все, что происходит сейчас вокруг, не может быть реальностью. Не может. Так, будто ты находишься в каком-то гребаном зеркальном лабиринте, липкой паутине, мечешься, бежишь куда-то, суетишься, но все это – чья-то изощренная и тщательно продуманная игра. Игра человеческими жизнями. А мы, как пешки, снуем по этим коридорам, комнатам без окон и с сотней выходов, не зная, куда свернуть и что нас ждет в следующую секунду. Я не мог отделаться от ощущения нереальности происходящего. Потому что ни я, ни Карина не успели еще отойти от того, что происходило в кабинете врача, и тут этот звонок... “Приезжайте немедленно, Андрей Савельевич, Ваш отец мертв... Его убили...”

Убили, бл***!!! Под носом у десятков людей, охраны, среди белого дня... Что за ересь? Только они повторили это несколько раз. Он мертв. Еще утром все было иначе. Иначе, вашу мать. А сейчас все походило на чертовы руины, гребаный конец света, а ты среди всего этого хаоса пытаешься куда-то убежать, найти какое-то решения, делаешь вид, что ты бл***кий супермен, который спасет этот рассыпающийся в пепел мир.

Когда положил трубку, Карина сразу подскочила, поняла, что что-то произошло. Хотя я произнес всего несколько слов. Она просто знала это. Я сказал, что ничего серьезного, всего лишь очередные неполадки в делах, но она не поверила. Чувствовала... Промолчала, несмело кивнув... только мы оба понимали - скрывать это вранье долго не получится. Когда приехали домой, вошли внутрь, практически не разговаривая. Чувство опустошающего отчаяния после сеанса гипноза отнимало и силы, и желание думать о том, как быть дальше. Придет время, и оно ослабнет, отпустит из своих тисков, а сейчас нам осталось довольствоваться только надеждой. Хрупкой, слабой, неокрепшей. Но самое главное, что она у нас появилась... Лишь она позволяла сейчас держаться. Я крепко обнял дочь, так, словно больше всего на свете боюсь отпустить ее хоть на мгновение. Мы стояли посреди комнаты, все так же боясь нарушить тишину, пока мой сотовый опять не позвонил. Словно напоминая, что время вышло. Нет его больше. Я поцеловал Карину в макушку, а она пообещала, что выпьет снотворное и поспит, сам же пулей вылетел в сторону больницы.

Ехал и повторял сам про себя, что это какая-то ошибка, недоразумение, этого просто не может быть. Сколько людей говорят себе эти глупые слова, в которых скрыта последняя надежда, хотя каждый знает, что это самообман. Оттянуть еще немного время, оставить для себе эти несколько минут... чтоб подышать, потому что потом все рухнет. В один

момент...

Я наконец-то взял в руки телефон. Ненавидел сейчас этот чертов аппарат, я, бл***, готов был разбить его вдребезги, словно от этого может что-то измениться. Я, черт возьми, не хотел больше никаких новостей. Более двадцати неотвеченных от Макса. Что за... Вспомнил потом, что во время сеанса выключил звук в телефоне. Представляю, в каком котле из мыслей и догадок варился брат эти пару часов. Набрал и уже знал, что на меня сейчас выльется поток брани... Кричи, Макс, кричи. Мне это нужно сейчас. Потому что потом орать будет трудно, каждый звук застрянет в глотке липкой глиной.

- Да, Макс....

- Граф, бл****. Я не знаю, что я с тобой сделаю, когда увижу, ты какого хера не на связи?

- Потом... все потом. Сейчас в больницу. Срочно.

- Да, вот точно в больницу. Она нам сейчас, я чувствую, понадобится. Я места себе не нахожу. Что у вас там, бл***, происходит?

- Ты прилетел уже?

- Да, и ни с кем из вас не могу связаться.

- Езжай в больницу. Прямо сейчас. Не телефонный разговор...

***

Меня отправили на нижний этаж и, проходя по темным коридором, я чувствовал, как тело сковывает холод. Не от того, что здесь сыро и температура воздуха ниже, чем наверху, а потому что дыхание смерти всегда окутывает нас морозной белой дымкой. Парализуя тело, выбивая из головы мысли, выковыривая из сердца все чувства, кроме одиночества. Его вдруг ощущаешь настолько остро, что мертвым становится весь мир. Потому что именно сейчас никто и ничто не имеет значения. Есть только ты, твое горе и тот, кто забрал с собой часть тебя самого. Это понимаешь только когда теряешь... Я потерял... в очередной раз...

- Смерть наступила час назад. Его отключили от аппаратов жизнеобеспечения. Все зафиксировала камера... - голос врача звучал как-будто из подземелья.

- Возле его палаты круглосуточно стояла охрана. - Я чувствовал, что наконец-то пустота внутри уступает место ярости. Схватил врача за халат и, резко дернув на себя, прошипел. - Как это могло произойти?

Он испугался, глаза забежали, и он, судорожно сглатывая слюну, попытался мне ответить.

- Господин Воронов, посмотрите видео... там... там все видно... Я не виноват... отпустите... умоляю.

Я отшвырнул его от себя и быстрым шагом направился к выходу. Мы зашли в лифт, и я с отвращением смотрел на дрожащую руку доктора, который нажимал на кнопку с цифрой три. Боится, мразь. Понимает, что есть от чего. Мы вошли в небольшую комнату, где все было готово для того, чтоб пересмотреть запись с камеры наблюдения.

– Секунды бежали, но ничего не происходило. Отец лежал неподвижно, глаза закрыты, исхудал до неузнаваемости. Так прошло несколько минут, пока дверь не открылась и в палату не зашла Дарина... Она подошла к отцу, наклонилась к его лицу, словно шептала что-то... а потом схватила его за волосы и плюнула прямо в лицо, после чего отошла, утирая губы тыльной стороной ладони и смазывая помаду. Что это, бл***, за дрянь? Кровь хлынула к голове, вызывая резкую боль в висках, и я резко вскочил, не понимая, что происходит. Швырнул стул и, резко оборачиваясь, пошел в сторону охранника, который нажал на пульте кнопку, чтобы остановить запись.

– Что за херню вы мне тут показываете? Это что за дешевка? Жить, бл***, надоело. К Ворону захотели? Вырвал пульт из его рук и, приподнимая за воротник, прижал к стене. – Кто приказал склепать это дерьмо? Кто? Отвечай, пока у тебя есть язык... потому что потом я его своими руками вырву!

– Ан-ан-андрей... - задыхаясь и заикаясь, он покрылся потом и покраснел в один миг, словно его кожу ошпарило кипятком... - вы можете проверить... это не подделка... смотрите дальше....

– Проверять? Ты, дрянь, что мне подсунуть собрался? - ударил кулаком в живот, а когда тот согнулся, обхватив себя руками, добавил локтем между лопаток. – Молись, потом некогда будет... Ты не жилец больше.

Я включил плеер и оторопело смотрел, как Дарина, отключив все аппараты, смела с прикроватной тумбочки все вазы с цветами и рамку с семейным фото, с которой Сава в последнее время не расставался. Она подбежала к ней и начала с остервенением топтать, разбивая помутневшее стекло каблуком и разламывая оклад на щепки. Дальше сорвала с отца простынь и глумливым вычурным жестом бросила ее на пол. Она вытерла о ткань подошвы сапог. С утра лил дождь, и простынь на полу покрылась мокрыми грязными следами. После этого она совершенно спокойно, не спеша, вышла из палаты, аккуратно прикрыв за собой дверь...

Я сжимал пальцами переносицу и, в сотый раз пройдя из одного конца комнаты в другой, опять и опять пересматривал эту запись. Я связался с охраной, которая вела ее с самого утра. От дома и по всему пути. Они

отчитались за каждую минуту... Все факты свидетельствовали против нее. Только сейчас я был готов опровергнуть все что угодно, даже то, что видел собственными глазами, признать себя сумасшедшим, сознаться в зрительных галлюцинациях, временном помешательстве - но только не поверить в очевидное. Нет! Это невозможно! Никогда в жизни она не поступила бы так. Только не Дарина. Мы не могли так ошибиться... Это же моя сестра... В этом нет никакого смысла. Нет причин. Нет мотива. Тем более делать это настолько демонстративно, открыто, не скрываясь. Нет... мы проверим эту запись. Это гребаная фальшивка. Фикция. Она сама все объяснит... Да... нужно найти Дарину, организовать похороны отца, а потом найти ту мразь, которая устроила этот бл***ий фарс.

– Артур, поднимайся сюда... Заберешь сейчас одну запись, проверишь ее на монтаж и узнаешь, откуда она могла взяться. Макс подъехал? Хорошо..

***

Макс

Я просто смотрел на экраны мониторов и не мог выдохнуть. Я окаменел. Весь. От кончиков пальцев до кончиков волос. И рядом брат, такой же каменный. Мы смотрим на застывшую картинку с разбитой фотографией и оба не можем сказать ни слова. Я стук наших сердец слышу в этой тишине. Она, сука, живая, как подлая, уродливая тварь, ползает по узкой комнате и опутывает нас двоих паутиной. Я ее кожей чувствую, как тянется вдоль тела, наматывая адские круги. А там время остановилось на наших лицах под разбитым стеклом, и на нем капли грязной воды. Мы эти кадры раз сто пересмотрели. Я, как невменяемый, просил еще и еще, по телу пот холодный ручьями, сердце бьется то быстро, то медленно, а мне хочется, чтоб оно заткнулось. Просто заткнулось хотя бы на пару минут, чтобы я думать мог, чтоб мозги начали работать, а они каменные, как и все тело.

Один удар - и ты, может быть, еще стоишь на ногах, сплевываешь кровь, шатаешься, но стоишь, а вот два одновременно поставят на колени кого угодно, и я чувствовал, что упал. Скрутило меня, и разогнуться не могу. Еще нет осознания, нет восприятия происходящего, только кадры перед глазами и это проклятое окаменение. Знаю, что надо что-то делать, орать хочется и голоса нет. Потому что я впервые не могу понять «ЧТО ДЕЛАТЬ?» Я не могу выпутаться из этой гребаной паутины. Мертвый отец в палате, укрытый с головой простыней, бледный как смерть брат рядом, а на кадрах то самое мое счастье жизнь нашу крошит каблуком сапога. Цинично так. Размеренно. И потеки грязи на стекле остаются. Грязные

слезы сожалений.

Это фальшивка. Не могла она. Кто угодно, бл**ь, мог, но не она. Я же знаю её. Я же её знаю. Лучше, чем себя. Мою девочку. Чувствую её. Уловить настроение могу по взмаху ресниц. Слезы вижу, когда она сама еще о них не знает. Что снится знаю, по дыханию чувствую, когда спит у меня на груди.

Это какая-то мразь подделала, и когда я эту мразь найду, я от нее мясо по кусочкам отгрызать буду. Зубами. Пока до костей не обглодаю. На живую. За вот эти минуты, когда мы оба с Графом подышаем стоя, когда рыдаем молча и орем немymi ртами, зашитыми тем самым окаменением. Ни звука не слышно, а у меня от нашего крика барабанные перепонки лопаются, и голова разламывается на части.

– Простите.

Мы оба вздрогнули, но не обернулись.

– Тело в морг пока заберем? Или вы еще хотите зайти к нему?

Я медленно повернулся к врачу, не пойму, о чем он. Вроде слышу хорошо, а понять не могу.

– Куда забрать?

– Тело вашего отца в морг.

А мне кажется, он что-то странное говорит. Не про Ворона. Не про нас вообще. Андрей глухо сказал, чтобы увозили пока и чтоб никаких ментов. Чтоб ничего не просочилось за стены больницы. Ничего о насильственной смерти.

Смерти. Я словно впервые услышал это слово. Оно вдруг стало каким-то объемным, похожим на кусок льда, и меня от него морозить начинает. Словно в руках его держу, а выбросить не могу, оно к пальцам примерзло.

Врач перепугано и быстро кивал, а я на них обоих словно сквозь рваные куски тумана смотрю и все еще ничего понять не могу. Он вышел, а Андрей подошел к мониторам и вырубил изображение. И как насмешка они погасли не одновременно, а по очереди каждый.

– Пойдем на воздух выйдем, брат. Хреново мне тут. Дышать не могу.

Вышли во двор больницы, вроде солнце светит, а мне темно. Хочется руки протянуть и в темноте выключатель найти, чтоб снова свет появился. Это бред какой-то. Кошмар затяжной или фарс.

Закурил, на автомате Андрею предложил. Брат тоже сигарету взял. У обоих руки ходуном ходят так, что зажигалка не срабатывает.

- Следы тут обрываются... – голос Андрея, как чужой, хриплый, севший, - она словно не вышла из больницы. Уже все вверх дном перевернули. Но нет её. Переоделась, видно, и либо с черного хода, либо

наши вообще не узнали. Сотовый по-прежнему вне зоны. Город прочесывают. Пока глухо.

- Это не она, - сам не знаю, сказал вслух или это у меня в висках пульсирует.

- Не она, Макс. Запись отдали профессионалам. Скоро разберемся с этим.

- Не могла она так, - я смотрю в никуда, а перед глазами все тот же каблук сапога в фото впечатывается. С остервенением топчет... топчет... топчет... – не могла она. Не могла, слышишь?! НЕ МОГЛА ОНА!

Заорал, и в тот же момент Андрей мне в плечи вцепился. Лицо близко, в миллиметрах. Белый до синевы, и только глаза лихорадочно блестят, как у сумасшедшего. Мне кажется, в них мои такие же дикие отражаются.

- Не могла, – кивает и сильнее плечи мне сжимает. - Не она это. Не она, брат.

Сам повторяет и в глаза мне смотрит, а я ему. И трясет нас обоих, как в лихорадке. Взрослых мужиков, смертей перевидавших в своей жизни больше, чем кто-либо другой. Но к нам сейчас не только смерть пришла. Воздух, как ядом пропитан предательством, и легкие нам обжигает. Нас оглушило обоих, и мы пока что с братом хреново справляемся с ударами. С колен встать не можем.

Мой сотовый запищал. Я все еще в глаза Андрею смотрю и тянусь за аппаратом. Уведомление с электронной почты. От нее. Сердце рвануло вниз, заколотилось так, что ребра заболели.

Руки трясутся и телефон из пальцев выскальзывает. Открыл, а буквы перед глазами пляшут. Я читаю, а они в ровную черную полосу выстраиваются. Вроде вижу всё, что написано, а мне кажется, я читать разучился. Там не может быть написано то, что я прочел. Там должно быть что-то совершенно другое. Что угодно, но не этот бред.

- Прочти. Не могу понять ни слова. – голос сорвался. Сотовый брату протянул.

Понял, что он сначала про себя прочел и сильно, до хруста челюсти сжал.

- Вслух, Андрей, - а у самого перед глазами точки прыгают.

- Я ухожу от тебя. Все имело свой смысл. Не ищи. Все равно не найдешь. - Андрей откашлялся, затянулся сигаретой. - Все ненастоящее. И я не настоящая. Это с тобой я задышалась. Мерзко дышать фальшивкой и играть бесконечно. Я рада, что всё это наконец прекратилось.

Я отобрал у него телефон и сам еще раз перечитал. Не больно. Нет. Боль, она иная. Когда больно - чувствуешь себя живым. А я себя не

чувствовал. Омертвел. Все еще камень ледяной.

- Почту могли взломать, - голос брата сквозь вату и шум в висках.

- Могли.

«Это с тобой я задыхалась. Мерзко дышать фальшивкой и играть бесконечно».

Горящую сигарету в пальцах сжал и боль не заметил. Ладонь прожигает и мясом паленым воняет, а я эти слова её голосом услышать не могу. Все, что раньше писала слышал всегда. Даже интонацию знал. А тут не слышу. Вижу, чувствую, как они осколками в мозги впиваются, но не слышу.

- Ноутбук сейчас отвезут к Глебу, он проверит и почту, и ай пи, Макс. Ты слышишь меня?

- Да, я его слышал, посмотрел в глаза, а там - та же бездна из отчаяния, но мы за надежду цепляемся вдвоем, намертво держимся.

- Искать будем. Каждый шаг по минутам отследим. Каждую секунду и мгновение. Найдем её, а дальше разберемся с теми, кто эту херню затеял и раздерем на части, брат.

Я кивнул и сотовый в карман сунул.

«Это с тобой я задыхалась. Мерзко дышать фальшивкой и играть бесконечно».

- Поехали. Насчет похорон надо распорядиться, – голос не мой. Я его впервые слышу, голос этот.

- Её подставляют, Макс. Нас всех втягивают в какое-то дерьмо. Я чувствую вонь... только откуда, и кто?! Мать их! Какая тварь рискнула?! – и словно сам себе, плечо моё сжимает, курит уже черт знает какую сигарету и хрипло говорит мне, нам, - Мы узнаем, кто. Нам только немного в себя прийти. Сейчас наши камеры по городу прверяют, шерстят каждый сантиметр. Ответы будут, и очень скоро. Найдем падлу, которая это устроила и похороним нахрен!

Держимся изо всех сил, а я вижу, как он сам надломлен, только виду не подает. Отец ближе ему был, чем мне. Воспитал всё-таки. Любил, как умел. И нет его теперь. Нет у нас больше отца. Только мы вдвоем и остались. Вот так цепляться друг за друга, стоя мысленно на коленях, раздавленные и размазанные. Осознание, что его больше нет... придет позже. Но с колен вставать надо. Обоим. И искать.

– Поехали, - я сам сжал его руку у себя на плече.

***

- Переписку нашли. Вела её несколько месяцев постоянно, с двумя.

Удалила письма, но Глеб восстановил. Её ай пи и те два других. Писала прямо из дома. У вас статический адрес из-за сигнализации и камер наблюдения.

Я водку из горла глотнул и сильно затянулся сигаретой, глядя на Фиму, сидящего напротив Андрея, который сцепил пальцы и сжал так, что мы все слышали хруст костей.

- Восстановим текст с сервера и перешлем вам. Пока что работаем в этом направлении.

- А что с другими ай пи? Вычислили кого-то?

- Да. Есть адрес. С минуты на минуту получим точные координаты, и можно выезжать.

Фаина увезла Карину к себе еще до того, как мы приехали к Андрею. Ей пока не нужно знать про дедушку, потрясений и так хватило. А мы с братом уже несколько часов шаг за шагом восстанавливали передвижения Дарины. Афган несколько раз зашел к нам, но как на Андрея взглянет, так и слезы по обветренным щекам катятся. Похож на отца потому что. То ли смотреть больно. Потом в морг уехал. Сказал, будет до последней секунды присматривать, пока гроб в могилу не опустят. Он слово дал. У него работа такая.

- И опять тишина, а в ней часы тикают, и водка не берет ни меня, ни Графа. Горло обжигает, а мозги как были каменными, так и остались. Зазвонил сотовый, и уже никто не вздрогнул. Андрей автоматически ответил, включил громкую связь.

- Да, Глеб.

- Пробыли первый ай пи. Есть адрес. Это гостиница «Интерконтиненталь». Список постояльцев за последние три дня выслал вам на мейл, Андрей Савельевич. По второму работаем. Сервер находится в Уганде. Зашифровался, паскуда. Но я вычислю. Просто времени больше потребуется.

- Ищи.

- Андрей посмотрел на меня, а я глотнул еще алкоголя и рот ладонью вытер. Морозит. Все никак не согреюсь. Лед теперь внутри, а не снаружи.

- Там постояльцев тысячи, бл*. А ай пи гостиничный. Что нам это даст?

- Я просмотрю поименно. Мало ли.

- Смотри.

Сполз по стене на пол. Бутылку рядом поставил.

«Это с тобой я задыхалась. Мерзко дышать фальшивкой и играть бесконечно».

Одно слово там... слишком личное. Наше слово. Предложение в голове вспыхивает болью. Бывают минуты, когда я о нем не думаю, а оно вспышкой ослепляет неожиданно и у меня внутри все как через мясорубку, а потом опять отпускает.

- Твою ж, сука, гребаную мать! Давыдов! Среди постояльцев. Борис Давыдов, Макс!

Я скинул голову и сжал сильно горлышко бутылки.

- Думаешь, это как-то связано?

- Не знаю. Сейчас кое-что проверю.

Андрей набрал кого-то, а я к окну подошел – снег срывается с неба и морозный узор по краям стекла витиевато застыл. Еще глоток водки сделал и пальцами по стеклу провел, а они такие холодные, что даже следов не оставили.

- Макс, поехали. Эта мразь прилетела не несколько недель назад, а уже пару месяцев тут торчит. Давай. Мне кажется, он что-то знает. Не верю я в совпадения!

ГЛАВА 30

Давыдова мы поймали не в гостинице. Он к тому моменту уже съехал, сука. Катался по городу. Вычислили по сигналу сотового, догнали мразь по дороге в аэропорт.

То, что замешан, сразу поняли. Сам спалился, нервничать сразу начал. Он как машины наши заметил, скорости прибавил. Уйти пытался, ублюдок. Только мы слишком озверели, чтобы дать ему слинять. Мы жаждали крови и ответов. Много крови и исчерпывающих ответов на каждый из наших вопросов. Я бы за ним и в ад отправился. Да и Граф, я думаю, тоже. Пожалуй, это единственное, что не давало нам обоим сломаться, не давало думать о том, что похороним отца, о том, что та тварь, что его убила, втянула нас в самый жуткий фарс, какой только можно придумать.

Догнали, перекрыли дорогу, отрезая пути к отступлению, прямо на трассе. Долго вели, загоняли на окружную, чтоб некуда деться было, чтоб на виду оставался, не нырнул в какую-то глухомань. Могли, конечно, расстрелять, но нельзя, он - единственная зацепка.

Сука трусливая, даже из машины не вышел, вжался там в сиденье со стволом в обнимку, орал, что всех порешит. Наши окружили тачку, но подойти не могли, да и эта падла был нужен нам живым и людьми своими мы с Графом рисковать не хотели. Предчувствие бойни в скором будущем. Каждый человек на счету.

- Я его сейчас заставлю выйти, или спрессую к такой-то матери вместе с его железкой.

Подошел к джипу и сел за руль, чувствуя, как адреналин вяло заструился по венам и тут же замерз. Полный коматоз мыслей и эмоций. Я балансировал где-то на грани здравого смысла и полного срыва в бездну. И меня сорвет рано или поздно. Я знал об этом. Держался дикими усилиями воли. Не слететь с катушек. Не сейчас. Нельзя. Иначе все в кровавое месиво превращу. А нам ответы нужны. Андрей бросал на меня иногда обеспокоенные взгляды: «Ты как?»

«Херово, но держусь».

Вдавил педаль газа и поехал на Давыдова, глядя прямо в глаза. Раздавлю падлу, как трусливое насекомое, или выкурю из тачки. Третьего не дано.

«Это с тобой я задыхалась. Мерзко дышать фальшивкой и играть бесконечно».

Он стрелял по стеклам, но джип бронированный, да и мне было пофиг, я пер на него как танк. Пока эта мразь не выскочила из машины и не упала на землю, закрывая голову руками. Вот так, сука. Вот так. А теперь поговорим.

Его подняли за волосы и поставили на колени, окружили плотным кольцом. Андрей сдернул с его шеи галстук и пнул в спину. Я нагнул его, удерживая за волосы, и брат затянул ему запястья галстуком. Давыдов лихорадочно озирался, всматриваясь в наши лица.

- Вы чего? Граф! Вы чего?! Я только немного приврал с процентом. Всего пять накинул себе. Так я все верну! Клянусь!

Ему никто не отвечал, только ногами отпинали под ребра под вопли и хруст костей, чтоб почувствовал, что никто не шутит. Когда отдышался, снова за волосы – и на колени поставили, и тогда уже я спросил у него, наклоняясь к ублюдку и поигрывая ножом у его лица:

- Где она?

- Кто?

Удар в челюсть, и он сплевывает кровь на землю вместе с парой зубов, дрожа всем телом.

- Где она?

- О ком ты, Зверь?!

Я присел перед ним на корточки и поднес к его глазам нож, он судорожно сглотнул. Андрей схватил его за волосы сзади и прорычал ему в ухо.

- Я нанижу твои глаза на это лезвие, а потом ты будешь их жрать, а я

буду слушать, как они хрустят у тебя на зубах.

- Где. Моя. Жена? – и лезвие у самого зрачка, а Граф держит крепко за веко, чтоб сука даже моргнуть не мог.

- Я думал, вы из-за процентов... я думал....

Удар по яйцам с носака, а он не может и скорчиться, так как острие ножа у самого зрачка, только завыл, заскулил, как псина паршивая.

- Заканчивай думать, Боря. Думать уже поздно. На вопросы отвечай и, может быть, сегодня ты не умрешь. Только правду говори – какая мразь увезла мою жену, в какую гребаную игру вы все здесь играете и какого хрена она писала тебе, пока ты сидел, как гнида, у себя в гостинице? Отвечай!

Еще один удар, и у него из глаз от напряжения слезы покатились.

- Тебе не понравится правда, Зверь. Не понравится, и ты убьешь меня, - взвыл он, тяжело дыша и облизывая пересохшие губы.

- Ложь мне не нравится намного больше, и у меня кончается терпение. Без одного глаза ты станешь разговорчивей?

- Ты хочешь, чтоб я говорил при всех? Ты реально этого хочешь, Зверь?

Я резко посмотрел на Графа. Друг другу в глаза, едва заметный отрицательный кивок и брат отпустил голову Давыдова, а я убрал нож от его глаза. Наверное, именно в эту секунду внутри оборвалось что-то. Мы оба знали, что он может сказать. И да, пока что ни я, ни брат не хотели, чтобы наши что-то поняли... **НО МЫ ОБА ЗНАЛИ!**

- В машину его. Поговорим в другом месте.

***

Давыдов только с вида казался таким трусливым, либо он кого-то боялся больше, чем нас с Графом. Так как говорить он не торопился. Висел вниз головой в гараже, синий от побоев, и нес, сука, какую-то ахинею, совершенно неинтересную ни мне, ни Графу, который, как и я, методично бил эту тварь, как боксерскую грушу. А потом я понял, что он тянул время. Или думал, что спасет его кто, или для кого-то выигрывал отсрочку.

Он сломался, когда я сунул лезвие ему под ребро, после того как расписал и его грудь, и спину кровавыми узорами.

- Мне надоело. Если ты ничерта не знаешь, то почему бы мне просто не наделать в тебе дырок по периметру твоей туши. Лезвие, оно как член, Боря. Им можно делать непрерывные толчки в одну и ту же дырку, то медленно... вот так, - я высунул лезвие и снова погрузил его обратно, под протяжный и мучительный стон боли, - или долбиться им вот так, - резко

по самую рукоять и тот заорал, дергаясь всем телом.

- Когда я вытащу его, ты истечешь кровью. Она будет бить фонтаном, заливая здесь все вокруг.

Склонился к его лицу.

- Затем я выколю тебе глаза. Не быстро. Сначала один, потом другой. А Граф отрубит тебе пальцы. Один за другим. Под конец я отрежу тебе член. Тебя найдут по частям, Боря. Тебя даже не опознают. А есть и другой вариант...

Резко вынул нож и зажал рану на его боку пальцами.

- Я привезу сюда врача, тебя заштопают, и будешь ты как новенький, Боря. Только шрам останется на память.

И он сломался, заливаясь слезами и дрожа всем телом.

- Она у Бакинта. Должна отплыть в Турцию с партией девок... - он закашлялся, а я резко сунул пальцы в рану, и он зашелся в крике.

- Когда должна отплыть? И откуда?

- В четыре часа. Зве-е-е-рь... я все скажу. Все скажу. Шлюха она. Не стоит так... за нее.

Я вонзил пальцы глубже, прокручивая, и он обоссался от боли. Но мне сейчас было похрен на все. Я уже не мог остановиться.

- Моя жена не шлюха! Я вырву тебе язык! Вы её заставили, мразь! Отвечай! Заставили?

- Ма-а-а-акс, пожалуйста... я все... скажу! Не надо!

- Говори! – но пальцы не вытащил, только прокручивать перестал. Головой повертел до хруста в позвонках.

- Она сама, понимаешь? Они с ним давно уже. Подобрал ее где-то на улице и прикормил. Это его сучка. Одна из тех, кого подкладывал под нужных людей. Он мне рассказывал. Засланный казачок она, Зверь. Нае**ли тебя, понимаешь? Развели, как лоха. Она на связь со мной вышла. Доки я ей делал. Ей и еще нескольким шлюхам. Она уже готовилась свалить от тебя к нему. Когда у вас был, я паспорт ей привез как раз. Сука она, Зверь...Сука-а-а-а! Бл**ь Бакитовская. А тебя как лоха...Только не... убивай...Ма-а-акс!

Я его изрешетил. Сам не знаю, как. Просто бил и бил ножом, пока он не затих и дергаться не перестал, а я остановиться не мог. Рука сама двигалась. Четко. Сильно, но куда попало.

Меня Граф от куска мяса оттащил и нож из руки выбил. Толкнул к стене. А я задыхаюсь, глаза закрыл и мычу, как немое животное.

- Врет сука! Врет падла! Вре-е-ет! Сука-а-а-а!

Я орал. Просто орал и не мог остановиться. Потому что знал – не врет. Под такими пытками мало кто врать будет, да и точно не Давыдов, который трясся за свою шкуру. И я чувствовал, как крыша едет, как трещат мои мозги. Они горят и дымятся. И от боли перед глазами темнеет.

Граф сильно сжал меня за плечи и потрянул, впечатывая в стену.

- Я сейчас пробью, кого и когда Бакит вывез в Турцию. В себя приди, Макс, и давай, езжай в ее город. В детдом. Выясни там, что и как. Может, и правда врал. На, хлебни!

Сунул мне в руки бутылку с коньяком. Мы смотрели друг другу в глаза, и меня снова трясло, по щеке кровь Давыдова каплями катилась.

- Давай! Рано еще ярлыки вешать. Разобраться надо!

- Слышал, что сказал? – я согнулся пополам, тяжело дыша и глядя, как красная лужа растекается по гаражу. Меня тошнило. Волнами накатывало. И в этот момент я снова орал. Сам не понимал, как это вырывалось из меня.

- Бл***дь! Ты это слышал, Граф? Ты слышал? – глотаю коньяк, и он по горлу течет, не обжигая, там уже все обуглилось.

- Слышал.

- Давно он с ней. Как давно, мать вашу? Она же со мной! Каждый день! Каждый! Гребаный! День! Со мной! И с тобой!

-И со мной! Поэтому проверить надо. Все, пошли отсюда. Здесь приберут.

Сделал еще несколько глотков. Шумно выдохнул, стараясь отдышаться и разогнуться. А мне кажется, что между лопатками нож торчит. В стену кулаками, до крови, пока кости не затрещали. Отдышался, наконец. Боль немного отрезвила.

- Да. Все. Поехали. Нет времени.

Я не хотел сейчас думать. Потому что, если позволю себе - с ума сойду нахрен.

Впервые за много лет понимал, что не контролирую себя, что я на грани. Сорвет меня - и все. Даже машину вести не могу, трясет всего, и Граф молчит, за руль вместо меня сел. Его изнутри раздирает, я вижу, как челюсти сжимает до крошева зубов.

***

Дома под душем стоял холодным, и во рту появился привкус мертвечины. Словно гнили нажрался. И дышать нечем. Я вздыхаю, а легкие огнем жжет, и выдохнуть не могу.

Когда вышел из ванной, понял, что не справляюсь. Мне анестезия нужна. Немедленно. Набрал кое-кого. Остались связи с прошлых времен, когда еще Ворона подсиживал и дела проворачивал втихаря с барыгами.

- Димыч? Живой еще?
- Ты ли это, Зверь?
- Я. Собственной персоной. Мне кое-что надо.
- Так это не ко мне теперь. Я пас.
- Не заливай. Мне надо. Самому.
- Нету, говорю. Не моя тема больше.
- Так узнай, бл**ь, чья и привези. Иначе я сам к тебе приеду. И если хоть что-то найду - линчую на месте.

Он несколько секунд думал.

- Сколько?
- Десять.
- У меня нет столько.
- Сколько есть?
- Сейчас три.
- Вези три. Только быстро, братан.
- Думал, ты не в теме давно.
- Я тоже так думал.

Привез через двадцать минут. К подъезду на моте подкатил, трусливо озираясь по сторонам. Я денег ему дал и сунул пакеты в карман. На разговоры времени не было.

- Херово выглядишь, Зверь.
- Ну ты ж лекарство привез. Теперь все зашибись будет.

Я пакет прямо в коридоре разодрал, на комод сыпанул, и сразу несколько полосок втянул. В голове тут же ослепительно взорвались все мысли. Ядерным. С резонансом дрожи по всему телу. Искусственный кайф, притупляющий боль.

Стоял у зеркала, опираясь руками на комод, и смотрел на свое отражение. Взмокший, бледный, и в глазах начало проясняться. И адреналин закипал с шипением, словно пошла разморозка. Я буквально слышал, как он бурлит внутри.

Оживаю и подыхаю одновременно. Зверь оживает, а я в агонии, только уже не так больно. Уже под наркозом. Вот так лучше. Так думать можно.

Зажал переносицу пальцами. Теперь можно куда-то ехать. За руль сесть.

Сунул пакет дряни в карман рубашки, продолжая смотреть на свое отражение. Потом оттолкнулся руками и, подхватив сотовый, вышел из квартиры.

***

- Я впервые слышу такую фамилию, да и девочку эту вижу первый раз. Не было у нас такой.

Я смотрел в маленькие глазки директора детского дома и прикидывал: если сейчас схватить его за затылок и приложить о столешницу, он ее узнает или нет?

- Не было такой? Или после громкого скандала в вашем детдоме полгода назад вы решили забыть нескольких воспитанниц, чтобы избежать проблем?

На его лице не дрогнул ни один мускул, он только поправил очки толстым указательным пальцем.

- После скандала многие были уволены, в том числе и бывшая заведующая. Мне не о чем волноваться. Я работаю здесь больше пятнадцати лет и всех наших воспитанников помню в лицо – такой у нас не было. Вы можете просмотреть архивы.

Я откинулся на спинку стула, продолжая сверлить его взглядом. Не похоже, чтоб нервничал, но я уже сам не знаю, что на что похоже. Я запутался до такой степени, что мне хочется убивать каждого, кто говорит мне то, чего я не хочу услышать. И сейчас мне хотелось свернуть шею этому толстяку с лоснящейся лысиной и свинячьими глазками.

- А бывшая заведующая? Где она сейчас? Может, она вспомнит?

- Лариса Алексеевна умерла два месяца назад. Угорела в своей квартире. Газ забыла выключить.

Я усмехнулся. Или ее там угорели. После того, как воспитанниц за бабки подкладывала. Чтоб много не разговаривала.

- Где ваши архивы?

- Вы можете их посмотреть в понедельник. Сегодня пятница и ...

Я ударил кулаком по столу, и у него с физиономии свалились очки, когда он подпрыгнул от неожиданности.

- Анатолий Иванович... не злите меня. Никаких понедельников. Вы откроете мне помещение лично и прямо сейчас, еще и покажите, где смотреть. Вы меня хорошо слышите?

Он быстро закивал, отодвигая ящик стола, а я поднялся со стула и почувствовал, как снова становится нечем дышать.

Мы просмотрели папку за папкой, каждое дело, фотографии, документы о принятии и выпуске. Выписки из лазарета и больниц. И ничего, мать вашу! Ни слова о ней! Не было ее! Ни на фотографиях, не в списках. Нигде! Когда я это понял, то во рту снова появился привкус гнили. Как падали нажрался. Скулы сводит и блевать хочется.

Я вышел из здания детского дома, не сказав директору ни слова.

Только пару купюр бросил за моральный ущерб. Задержался со мной почти до полуночи.

Не могла она врать! Не могла так играть, бл***! Или я нихрена не понимаю в людях.

Эта бессонница, этот страх. Я же его чувствовал кожей. Такое не сыграешь. У страха свой специфический запах. Я прижимал ее к себе дрожащую, в слезах, и видел, как она боится. Как можно ТАК сыграть?

Но если не в детдоме, то где она была? Все эти годы. Откуда к отцу своему сбегала? Бл***! Я сейчас с ума сойду!

Сидел в машине и смотрел на свои руки, лежащие на руле, сжатые до белизны, так что костяшки выпирают под натянутой кожей. Действие кокса стихает, выветривается, а у меня в голове голос Давыдова на повторе.

«Его сучка она, Зверь. Бл**ь бакитовская! Как лоха тебя...!»

И я высыпаю остатки порошка на запястье, вдыхая яд всей грудью, чтобы перестало трясти, чтобы прояснилось в голове, чтоб голос его затих, сука. Только он еще ярче становится, отчетливей, громче. И картинка вырисовывается четкая... логичная картинка, а с меня кожа живьем слезает. Потому что увидел под другим углом. Увидел то, чего не позволял себе видеть. Её настоящую. Ничего не бывает в этом мире просто так. За все платить надо. И я думал, что меня уже нельзя развести, что я видел достаточно лжи и фальши, чтобы повестись на такое кидалово. Но маленькая умела удивлять всегда. И меня удивила. Проклятая, лживая сука! Влезла в душу змеей, в сердце подралась.

Вот теперь все похоже на правду. От начала и до конца похоже. Начиная с её побега из дома и заканчивая тем, что у Ахмеда на даче появилась. Логично. Шлюху брата позвали в гости. И спектакль для меня разыграли. Я расхохотался.

«Она его сука»... Вот этого я пока не принял. Точнее, понимал, что скорее всего так и есть, но принять еще не мог – потому что слишком жестоко. Слишком цинично для девочки с голубыми глазами и черной дырой внутри.

Сотовый завибрировал на соседнем сиденье, и я ответил, увидев номер брата на дисплее.

- Пленка не поддельная, Макс. Все проверено... – пауза в мгновения, а у меня все внутри горит, разлагается, корчится. Я начинаю истекать кровью и сам чувствую, как внутри все разворочено до костей.

- У тебя что?

- Не было такой здесь, - голос свой не узнаю, охрип, - не существовало, бл**ь!

Да. Кажется, не существовало и в самом деле. Я придумал ее себе. Нарисовал сам. Красочно, ярко. Именно такую, какую хотел видеть. Идеальную для меня. Нарисовал сверху по грязи и сам не заметил. А Зверь внутри оскалился и цепь оборвал, он готов, и я больше не хочу его сдерживать. Отпустил и внутри все догорело. Один пепел остался. Смертью завоняло снова.

Я чувствовал, как во мне ветер гуляет и вихрем кружатся обрывки тупого и наивного, бл**ь, доверия, обрывки проклятого полиэтиленового счастья, которое сгорело самым первым, как капрон. Только там, где сердце, продолжает тлеть, обгорает и заново тлеет. Там все еще живое. Как рана раскрытая. Ни огнем не берет, ни ядом, ни холодом. Я б его вырезал оттуда и раздавил под ногами, в месиве грязного снега и крови. Ничего, и там все стлеет. Спустя время. Через месяцы, годы или пока я сам не сдохну. Когда-нибудь стлеет. У всего есть срок годности, и даже эта сука-любовь начнет разлагаться и кишеть червями, когда я найду тебя, маленькая тварь, буду убивать вместе с ней.

Я же найду. А когда найду - не пощажу. Чувствуешь, как я твой след брать начинаю? Смертью и болью не воняет? Поверил! Как идиот! Знал ведь, что слишком все хорошо... Знал, что не по мне все. Не для меня... И верил. Потому что хотел верить. За все годы лжи, грязи, крови увидел что-то чистое и настоящее, а настоящая ложь - вот она. У меня в спине торчит. Вздохнуть не дает.

Это теперь только между нами. Между мной и тобой. И не говори, что ты этого не знала. Я накажу тебя сам, и ты будешь мечтать о смерти, ты будешь о ней молиться. Ты моя. Какая бы тварь лживая не скрывалась под маской, она принадлежит мне. И я сам решу, как и когда ты сдохнешь. Я буду убивать нас обоих. Медленно и жестоко.

Ненависть проснулась какая-то страшная. Голову подняла. Глухая, черная, вонючая. Все тело наполняет, через поры в кровь впитывается. Я сам её боюсь, потому что впервые почувствовал, что значит сдохнуть, но остаться живым. Зомби гребаный. Эмоции отключились от еще двух полосок кокса. Анестезия пробежала током по телу, омертвляя окончательно.

Повернул ключ в замке зажигания и вдавил педаль газа. Музыку на полную мощь и глоток водки из бутылки. Вот теперь я себя узнавал. Зверь больше не сидел на цепи, он взял след своей жертвы и предвкушал расправу.

ГЛАВА 31

Теперь пришел его черед... Рассыпаться на части от гребаного ощущения, что все летит в пропасть, жизнь идет под откос. Нанося удар за ударом, выворачивает наизнанку и заставляет корчиться от боли и ядовитой надежды. Надежды, которая становилась сейчас нашим общим проклятием. Потому что нам, насквозь пропитанным цинизмом и жестокостью мужикам, хотелось верить... Верить, бл***, что так не бывает. Только не с нами. Мы не могли так ошибиться. Только не в случае с ней... И я злился сам на себя за то чувство... за то стремление к слепому самообману, когда хочется закрыть глаза на любой аргумент, только чтобы оправдать. Это же Дашка... сестра моя... она ту же женщину, что и я, матерью называла и руками за шею обнимала... Да херня все это... Каждый подставить может. Каждый. Вопрос в мотивах. Верить – не верить... детский сад, черт возьми. Думать нужно. Доказать. Проверить. В руки себя взять, потому что расклеимся, нахрен, оба. Действовать...

Пленка оказалась оригиналом. Никакого монтажа. Никаких врезов или склеек. Все чисто. Я несколько раз переспросил, опять проклиная себя за эту подбирающуюся к сердцу надежду... Только вердикт от этого не изменился. Все чисто. Ни одной вероятности фальшивки.

Я со всей силы заехал кулаком в стену... Черт... Не понимаю! Почему сейчас? Если все, что сказал Давыдов – правда, почему они ждали так долго? А Дарина... эти глаза, полные эйфории... улыбка, которую она иногда пыталась даже спрятать, словно смущаясь из-за того, что так бесстыдно счастлива... Неужели все – мишура? Неужели я ничего не понимаю в этой пропитавшейся ложью жизни... Все равно внутри что-то не давало покоя... Странное ощущение подлога. Когда одну реальность меняют на другую, точно такую же на вид, где каждая деталь воссоздана с точностью до миллиметра... Но не можешь избавиться от скрипящего на зубах чувства фальши... Когда кричишь в тишину – а в ответ не прилетают отзвуки эха. Когда бьешься головой о стену, и не чувствуешь ни грамма боли, потому что даже кирпичи здесь на ощупь как обивка мебели. Только с виду все такое же, как мы привыкли, а внутри – подделка.

Я в который раз просматривал эту пленку, устроил допрос всей охраны, которая вела ее от самого дома. Дьявол, она же сама звонила мне тогда и сказала, что собирается в больницу, чтоб отца проведать. Все сходилось один к одному... У нее даже голос тогда не дрогнул, говорила с сожалением, как переживает за него, что почаше к нему нужно, пусть

чувствует поддержку нашу... Бл****! Но как? Как после этого можно прийти и равнодушно убить. Я не знаю, сколько бутылок уже опустошил, сигарет одну за другой выкурил, просматривая видео, ставя его на бесконечный повтор, пытаюсь приблизить и рассмотреть хоть что-то, хоть одну деталь, которая разбила бы вдребезги эту чудовищную реальность. Охранники рассказали, что даже на видеорегистраторе зафиксирован каждый шаг, каждый километр, который проехали... Я просмотрел их все... все эти гребаные записи... и на каждой из них она - моя сестра... Сестра! Никаких сомнений... Вот из дома выходит, улыбается, вежливо здоровается... Вроде и живет в роскоши уже не первый год, а не зазналась. С каждым из персонала как с ровней разговаривала. Как дела всегда спрашивала... Как настроение... Знала, как зовут каждого, у кого какое горе, и всегда просила у Макса, чтоб помог. Он злился на это, конечно, больше для вида, что нянкой не нанимался, только никогда не мог отказать.

Дьявол! Зачем сейчас именно эти воспоминания в голове возникают. Хотя понимал я все – хорошее хотел видеть, чтобы мысль, которая словно мелодия шарманки, звучала в голове, окрепла еще больше: Дарина не смогла бы этого сделать!

Только и цену подлости мы знали слишком хорошо. Знали ее приторную оболочку, под которой скрываются самые жуткие твари, терпеливо ожидающие своего часа, чтобы потом за секунду тебя сломать. Наслаждаясь тем, как ты орешь от боли, потому что предательство всегда вонзается в нашу спину острым лезвием, выворачивает суставы, дробит кости, вскрывает вены, и делает все это одновременно, чтобы упиться твоими страданиями и болью.

Смотрю дальше... на то, как волосы поправляет, как глаза щурит, потому что солнце глаза слепит, как очки надела и за руль села. Тут она тоже смогла каким-то непостижимым образом выпросить у Макса разрешение на то, чтобы водить самой. Говорит, всю жизнь мечтала научиться, что всегда думала, что не светит ей, что невозможно. А когда сбылась эта обыденная для любого из нас мечта, она прыгала от восторга, как девчонка, которой куклу подарили. Ребенком таким же оставалась. Чистым... Радовалась любой мелочи, особенно шоколаду молочному с орехами.

Черт! Как же больно и невыносимо от этих мыслей. Я сейчас сидел и вспоминал все это так, словно просто соскучился. Уехала она просто куда-то, и мы ждем. Вот вернется скоро, в дверь зайдет, в объятия бросится, и я окружу ее... Она всегда говорила, что это еще одна мечта, которая сбылась

– всегда хотела у старшего брата вот так вот на шее повиснуть, заливаясь смехом... Да, я вспоминал, на жесты смотрю, и в каждом – частица жизни. Потому что не хотел думать о том, что дальше случилось. Да... оправдать хочу. Да! Это нормально... Мы семья.. Это святое... пусть не так давно обрели друг друга, но не могла она оказаться такой дрянью. Все внутри протестовало, орало диким голосом: «Андрей, ищи! Не останавливайся! Мы чего-то не видим...»

Я не знаю, что рассказали Макс в детдоме... Что якобы не было там такой. По фото не узнали... Знаю я, как у людей способности забывать и вспоминать стимулировать. Не нужно было его одного туда отпускать. Он не в себе, у него земля из-под ног уходит, внутренности разрывает. Молчит, только тут и слов не нужно, чтобы видеть – мир рушится, крах всего. После такого не восстанавливаются. Не жилец он больше, если вся эта дрянь правдой окажется. Потому что он дал себе один шанс. Себе и ей. И после этого никто из них не выживет. После такого не живут больше... влачат существование, захлебываясь в собственной ненависти и заливая кровью свой мир.

Мы и поговорить толком не успели... Ему, видимо, и слышать больше ничего и не нужно было. Он внутри уже им обоим приговор вынес. Меня и самого холодом сковало от этой мысли, но я понимал сейчас – вдвоем нужно было. Не клеилось тут что-то. Слишком много громких событий для провинциального детского дома. Заведующая с торговлей несовершеннолетними, ее кончина скоропостижная, директор с внезапной утерей памяти... Хрень собачья. Не бывает такой картинкой идеальной самой по себе. Когда как по одному движению волшебной палочки все свидетели вдругдохнут, как мухи. Уж мы то знали, как эти дела делаются. Только вряд ли Макс сейчас мозги свои кипящие охладить сможет, дел наворотит. Я сам себя казнил, что я сейчас здесь, вдали. Только слишком большая воронка нас засасывала, не могли мы везде вдвоем успеть, не справлялись... Похороны отца нужно было организовать. При том по всем канонам нашего мира. Широко, статусно, всех паханов пригласить – дань традициям, бл***. Никому нет дела до того, что внутри у нас творится... Что отца в последний путь отправить хотелось бы по-тихому, попрощаться по-человечески, чтоб только те, кто правда тосковать будут. Что не до проводов этих абсурдных сейчас. Что валится все, как карточный дом. Только позволить кому-то усомниться в том, что все под контролем – значит позиции свои ослабить, дать понять, что не все гладко у Воронов, пошатнулось положение... И тогда все – это начало новой войны. За власть, деньги, влияние и статус. Не дождется. Никто. Даже если виноватой

окажется, Дарина придет на эту бл***кую церемонию, будет лить слезы и изображать скорбь. Заставим. Потому что все это должно остаться внутри. Ни одна тварь не узнает, что наша семья сейчас напоминает руины...

Зазвонил телефон, на дисплее высветилось имя Фаины. Я дал указание отвезти их с Кариной в загородный дом с полным отсутствием связи, под усиленной охраной. Никакого Интернета и телевидения – там уже вовсю трубят о смерти Савелия Воронова. Дочери сейчас нельзя этого слышать. Я понимал, что единственный выход для нас – закрыть ее, подобно заключенной, в этой клетке, чтобы спасти. И физически, и морально.

- Да, Фая... Все в порядке у вас там?

- Андрей, в порядке, хотя ты понимаешь, что такое подросток, которого оставили без связи с внешним миром...

- Понимаю, но я уверен, ты справишься. Сама понимаешь все...

- Андрей... - я слышал, что она замялась, словно боясь продолжить, - тут... в общем...

- Фаина, - я чувствовал, как начинаю злиться, потому что я сейчас не готов, бл***, услышать хоть одну плохую новость. А, судя по ее тону, именно ее она и собиралась мне сказать...

- Что? Говори! Не тяни!

- Андрей, мне уехать нужно.

- Никто никуда не уедет. Даже слушать дальше не хочу....

- Послушай... у Афгана инфаркт, его в мою клинику везут. Я не могу сидеть здесь, - слышал, что ее голос дрожит, она разговаривала очень тихо. Наверное, боялась, что Карина услышит.

- Ты понимаешь, что я не могу сидеть здесь и ждать, пока...

Она не договорила, только я и так все понял.

- Не стоит недооценивать старика Афгана. Он еще всех нас переживет, - говорил эту идиотскую заезженную фразу, понимая, как нелепо она звучит сейчас. – Я через несколько дней приеду к вам, тогда и уедешь. А к Афгану я сам поеду. Я не позволю Карине там одной остаться...

- Андрей... я знаю... Но тут приехала Настя. Она присмотрит за ней.....

Я подорвался, направляясь по ступенькам вниз. Внутри все бурлило от злости.

- Она хочет поговорить с тобой....

Она передала трубку Насте, и я, не здороваясь и еле сдерживая свою ярость, рывкнул:

- Какого черта ты там делаешь?

Она на несколько секунд замолчала, видимо, опешив от такого

приветствия.

- Андрей... я....

- Я вопрос тебе задал - кто просил туда ехать?

Я понимал, что просто начинаю сходить с ума, видя в каждом врага. Того, кто, нацепив на себя маску, пытается окунуть нас в весь этот кошмар еще глубже.

- Андрей, ты что несешь? Это же я. Ты что, не доверяешь мне?

Это звучало как долбаная насмешка. Она говорит мне сейчас о доверии. Она, сама того не понимая, зажгла ту искру, от которой, казалось, все взорвется сейчас. Потому что я, бл***, не мог больше даже слышать этого слова. Доверие... Это иллюзия... Для идиотов, которые хотят верить, что этот мир еще не полностью погряз в дерьме. И от этого оказываются в нем по уши.

- Оставайся там. Пока я не приеду. Имей в виду – за тобой глаз да глаз. И уехать оттуда ты уже не сможешь...

- Что творится с тобой? Андрей, остынь..

Я не стал отвечать. Понимал где-то в голове, что становлюсь похож на шизоидного параноика, только не мог ничего с собой поделаться. Ждал подлости. От всех и каждого. Запереть всех хотел в одном месте, и пытаться, пока не расколется. Как в примитивных детективах а-ля – все действия разворачиваются в одной комнате.

Я позвонил своим людям и дал необходимые распоряжения. Камеры в каждом углу, плевать, даже в туалете и ванной. От Фаины не отходить. Пусть говорит что хочет – если кто ослушается – сердце вырву, нахрен. Я не мог сейчас позволить себе хоть одну ошибку. Не мог. Плевать на чьи-то чувства, если любят искренне – поймут и простят. Потом. А сейчас пусть ненавидят, проклиная тираническую натуру и возмущаясь ограничению их свободы. Не важно уже... Если среди нас затесалась еще хоть одна тварь – я уничтожу ее и всех ее подельников.

Услышал про Афгана – и зубы сжал до боли, схватился за грудь – там больно. Слишком. Не протянет он долго. Вслед за отцом уйдет. Тот ушел, и для Афгана смысл жизни словно в Лету канул. Не держит ничего больше. Ни семьи, ни детей, возле старика всю жизнь провел, как сиамский близнец. Разорвали эту связь – и сдался он. Чувствовал, что похороны отца будут не единственными.

Пришел Русый и доложил, что там уже Глеб подъехал. Я ждал этого парня, на которого возлагал большие надежды. Да. Нам нужно было все раскопать. Только не в этом суть... я ожидал, что он поможет мне найти

зацепку. Хоть малейшую. Наши люди работали по всем направлениям. Сто раз прочесали маршрут, по которому она ехала, изъездили в больнице все записи с камер. Врачам рот закрыли, нам не нужны были сейчас еще и ищейки ментовские. Заключение о смерти нарисовали как нужно – никакого убийства, умер, потому что сердце не выдержало. Старый уже Сава, хватит землю эту топтать, ушел на покой. Версия правдоподобная. И всех вполне устраивала. Я эту грязь не дам за порог вынести. Мы все внутри решим. Сейчас главное – Дарину найти. А уж тогда решать и приговор выносить...

Когда эмоции немного удавалось утихомиривать, я начинал думать о том, что все возможно. Да... это могла быть она. К ней могли подходить. Когда Давыдов нес всю эту ахинею - и сам мог быть не в курсе. Простая пешка. Шестерка, чтобы все расклады знать. Поэтому и не раскололся, когда подышал. Как признаешься в том, чего не знаешь, когда тебе иную правду в мозг вбили? В этом адском ребусе слишком много неизвестного... Хотелось узнать все, и в то же время становилось страшно... Потому что правда редко предстает перед нами в виде сладкой нимфетки, скорее – существом без пола и возраста, но с одним обязательным атрибутом – орудием наших пыток.

В дверь постучали, и я пригласил Глеба войти. Я заметил, как он бросил быстрый взгляд на обстановку, словно оценивая. Это заняло всего долю секунды, но я уловил. Внимательный. В голове уже цепочка выводов пошла. Не зря такие чудеса с информацией творит – там аналитический склад ума. Такие быстро соображают, собрав все мелочи в одну кучу и тут же расставив по нужным местам. Ценный парнишка. Знает, как быть нужным, и что самое главное – ждать умеет. Указаний, вопросов и вознаграждения.

- Приветствую, Глеб. Проходи... Рассказывай

- Добрый день, Андрей Савельевич, - он присел на стул и, как и в прошлый раз, достал свой ноутбук из серой неприметной сумки.

Правильно делает все. Знает, что внимание привлекать нельзя. И не важно, что ты со своими - это стало одним из его принципов. Я это по жестам его читал, по манере разговаривать, по тембру голоса, даже одежде неброской и простой.

Я ждал, пока он загрузит необходимые программы. Он каждый раз делал все по одному и тому же алгоритму, не начиная рассказ раньше времени, чтобы каждое свое слово подтвердить фактом. И мне это imponировало. Я даже начинал его понемногу уважать. За то, что толковый. Это другое поколение уже. Они по-другому будут жить,

зарабатывать, богатеть и будут исповедовать другие ценности.

- К сожалению, пока не могу вас ничем порадовать. Потому что на ноутбуке вашей сестры я не обнаружил следов взлома. Входов с других ай-пи адресов также...

- То есть, ты хочешь сказать, что переписку вела она...

- Я хочу сказать, что переписка велась с ее ноутбука. Она или не она – знать мы не можем...

- Поставлю вопрос по-другому. Если переписка велась с ее ноутбука, при этом доступ к нему не имел никто, кроме нее...

- Он был запаролен. Пароль достаточно сложный, это я вам как айтишник говорю. Только нет ничего невозможного. Скажем так, если ноутбуком она пользовалась только дома, то любой человек, который имел хотя бы малейшую возможность добраться до него, мог вести переписку...

- Это исключено. У Макса камеры везде. Там уже все перелопатили... целый штат людей работает... Разве что саму запись можно было подменить...

- Да, Андрей, в этом вы правы... Запись можно подменить, можно выставить на определенное время даже необходимую заставку – словно в комнате пусто и ничего не происходит...

Я сжал ладонями голову, у оперся локтями о стол. Долбаный замкнутый круг! Движемся по нему, как проклятые, и вместо того, чтобы что-то прояснить, запутываемся еще больше. Потому что теперь под подозрением вообще любой, кто хоть раз переступал порог дома Максима. А учитывая многочисленные встречи, празднования и прочее - круг подозреваемых как-то резко увеличился. Меня это злило. Чертовски. До дрожи. Раздражения. Желания разнести здесь все в щепки. Чтобы не давило так внутри. Чтобы ответ получить и Максу набрать, хоть что-то хорошее сказать ему. Чтобы сил придать, напомнить, что держаться нужно, всю хрень из головы выбить и держаться. До последнего. Цепляться за все. Выгрызть зубами это право по-прежнему называться семьей.

Я тер пальцами виски, думая, предполагая, бросая взгляд на Глеба, который оставался все таким же спокойным в ожидании моего очередного вопроса.

- Глеб, возможен ли вариант, что ее ноутбуком кто-то мог пользоваться на расстоянии?

- Все возможно. Я не знаю, в данном случае это вас обрадует или огорчит...

Понимал парнишка все. Что это та самая соломинка, за которую утопающий хочет схватиться. Что переписка эта – не доказательство. Такой

же фальшивкой оказаться может. Только как умудрились? Когда недоглядели мы? Все люди проверенные работали. Всех до седьмого колена проверяли.

И опять эта мысль, словно занозой в сердце: а если она... Если Дарина – что тогда? Долго мы еще будем в романтиков сопливых играть?

Неизвестность способна свести с ума. Взорвать наш мозг. Иногда она даже приводит человека на край моста, с которого тот потом сиганет вниз. Потому что она выпивает наши силы. Она наматывает на кулак наши нервы. Она заставляет нас напиваться до беспамятства, совершать необдуманные поступки, подавляя волю, постепенно, шаг за шагом, пока ты не превратишься в жалкое подобие себя.

И мы тонули в ней. Эта неизвестность попадала в легкие, обжигая их, заставляя задыхаться и не находить себе места.

Мне позвонили и наконец-то доложили все детали по отправке живого товара в Турцию. Бакит и Ахмед. Я уже видел их синие и изуродованные трупы. Им недолго осталось. Только это потом... И если тварь Давыдов имел хоть какую-то достоверную информацию, то мы выйдем на след Дарины. Эти два ублюдка не просто объявили нам войну, они уже ступили на тропу своей смерти. Длинной. Мучительной. Жестокой. Которая будет скрашена звуками их криков, ломающихся костей, разорванной в клочья кожей, унижением и мольбами прикончить их поскорее...

Решил набрать Макса. Голос его хотел услышать. Убедиться, что держится как-то.

- Здравствуй, брат. Насчет Бакита узнал. Гнать надо – времени в обрез. Их на закрытом чартере через полчаса отправят.

- Я близко... успею... новости есть еще? – он говорил коротко, не так, как обычно, словно мыслями далеко, словно боль притупилась. Мне почему-то не нравилось это. Это не тот Макс, которого я знаю. Может, ситуация влияет... но не мог он быть таким... Я одернул сам себя, не время сейчас думать об этом. Увидимся – тогда и посмотрю. Нервы на пределе – что угодно почудиться может.

- По переписке есть. Только все белыми нитками шито... Вариантов подстав много – я бы не стал даже внимания обращать. Век цифровых технологий, мать их так.

Сам не верил в то, что говорю. Понимал, что звучит глупо и жалко. Словно корчащемуся от боли на смертном одре человеку рассказать, как здорово ему предстоит провести отпуск в горах. Только Максу нужно было сейчас это услышать. Как глоток воздуха получить, чистого, среди всего этого смрада из подлости и ненависти. Он, как и я, хватался за эту

возможность верить, вгрызался зубами, затыкая пасть разочарованию, которое истекало слюной в предчувствии скорой трапезы. Пусть это станет отсрочкой. Пусть поживет еще... мы поживем...

ГЛАВА 32

Меня разбудило размеренное покачивание и ощущение движения. В голове сильно шумело. Так сильно, что подташнивало и сводило желудок. Вскочила настолько резко, что от боли потемнело перед глазами. В ужасе оглядываясь по сторонам, дернулась и поняла, что руки связаны. Затянуты так, что веревка впивается до костей. Паника обрушилась мгновенно, мешая дышать. Глаза лихорадочно осматривали помещение. Из всех сил старалась понять, где я. Но так и не смогла, потому что вокруг тьма непроглядная, глаза должны к ней привыкнуть сначала, а их режет от боли в висках. Еще раз дернула руками и застонала от бессилия... а потом с ужасом услышала, как застонал еще кто-то. Надрывно, со всхлипом, и дышать стало нечем. По спине покатился пот градом.

Тихо... тихо. Надо дышать. Считать и дышать. Это когда-то помогало. Иначе паника сведет с ума. Я больше всего боялась именно этих удушливых приступов безысходности.

Просто дышать и думать, вспоминать. Последнее, что я помню, это как зашла в примерочную. Вот здесь надо сосредоточиться. Именно здесь что-то произошло.

Каждое свое движение вспоминать по секундам. Все, что может помочь понять. Я тогда сняла верхнюю одежду и повесила на вешалку, потом сняла сапоги, начала расстегивать кофту. Смотрела в зеркало... Боже! Как болит голова. Теперь я слышала стоны отовсюду. Я здесь не одна. Нас как минимум человек пять. Женщин.

Зеркало... В примерочной. Прямоугольное, во весь рост. Кто-то отодвинул шторку, и я увидела лицо. Расплывчато очень, а потом меня схватили за шею и что-то прижали ко рту. Что-то с резким запахом. Перед глазами вспыхнула яркая вспышка, и от боли в висках я согнулась пополам.

Значит, меня выкрали и куда-то везут. Не только меня, судя по звукам.

Я снова дернула руками – точно веревка, не цепь. Но очень короткая, и руки связаны сзади. Глаза постепенно привыкли ко мраку, и теперь я выхватывала взглядом какие-то трубы, мешки, картонные коробки. Похоже на склад. Но если я чувствую колебания... то мы движемся. Шума колес нет, сигналов машин тоже. Не самолет однозначно. Мы плывем. Да. Вот

оно, это покачивание. Монотонное. Паника снова начала подбираться к затылку. Меня похитили и куда-то везут, вместе с такими же, как я. Где, черт бы всех побрал?

- Эй! Где мы?! – крикнула в темноту и прислушалась.

Мне не отвечали, кто-то копошился и плакал неподалеку, а я снова дернула руками, понимая, что они привязаны к чему-то. Скорее всего, к одной из труб.

Я опять закричала, и вдруг кто-то мне крикнул в ответ:

- Заткнись. Хватит орать. И так голова болит. Нахватают шавок для количества.

- Где мы? Куда и кто нас везет? – не унималась я. Звук голосов немного успокаивал. Так всегда бывает, когда понимаешь, что в дерьмо вляпался не один.

- А то ты не знаешь, где мы? На корабле. В трюме сидим. Границу пересекаем. Потом нас развяжут и наверх поднимут.

- Каком корабле?! Что за бред. Куда наверх?

Я понимала, что спрашиваю что-то не то и не так. Я, наверное, должна рыдать и орать, требовать, чтоб меня выпустили, а я не могла. Я пока не осознавала, что именно происходит.

- Свет, она из нежданчиков. Которых, скорее всего, для количества отлавливают перед самым отплытием.

- Да мне пофиг, кто она. Пусть не орет. А то, когда эти придут, и ей, и нам достанется.

Я снова всматривалась в темноту и теперь уже различала силуэты людей. Женщин. Теперь я видела, что нас человек двадцать.

- Кто отлавливает? – спросила я. Ответа не последовало.

- Кто, мать вашу, отлавливает? Я сейчас такой ор подниму, что у вас уши позакладывает!

- Кто-кто... Наши хозяйева. В Стамбул везут. Торги прям здесь проведут. Вот выйдем в нейтральные воды, и нас наверх поднимут. Продадут, как скот, разным извращенцам, и будет нам счастье работать за границей, бл***ь. Ты разве не за этим сюда попала? Только работать дырками будешь.

Она истерически засмеялась, а меня передернуло.

- Какие торги, к черту? Что за... - паника не отступала, и я начала задыхаться, - какие торги? Я не какая-то там шалава. Я сестра и жена довольно влиятельных людей. Что за бред?

Кто-то из пленниц опять расхохотался, а та, что велела мне заткнуться, продолжила:

– Успокойся, им всем наплевать, кто ты такая. Если ты попала к Мехмету, с этого момента ты – рабыня, никто, пустое место. С тобой можно поступать, как угодно хозяину или работоторговцу. Они могут тебя насиловать, бить, продать или даже убить. Ты теперь собственность Мехмета. И поверь, если ты здесь, то искать тебя уже никто не будет, а если и будут, то никогда не найдут. Сегодня тебя купит один из этих... наверху, и ты станешь собственностью, вещью без имени, без прав. Если тебе очень повезет, то ты понравишься своему хозяину и получишь привилегии, а если нет – то гнить тебе в дешевых борделях, пропуская через себя человек по тридцать в сутки.

Я начала дышать шумно, со свистом, чувствуя, как пот затекает в глаза и уши, глядя в темноту расширенными от ужаса глазами. Мне начало казаться, что это какой-то кошмар. Я просто сплю и скоро проснусь. Или чья-то шутка, розыгрыш, изощренное издевательство. Они просто не знают, кто я, и когда поймут, меня отпустят. Вернут обратно... Я закричала, начала дергать веревки, пытаюсь оборвать их.

- Меня будут искать! Я не какая-то там шлюха! Меня найдут. Слышите! Меня уже ищут!

- Мы-то тебя хорошо слышим. А толку? Да и им насрать. Нет тут случайностей, крикливая ты наша, все продумано до мелочей. И все знают, и кто ты, и откуда. Поэтому заткнись и не ори. Вот придут за нами - им поорешь. Почки отобьют, в рот оттрахают - и заткнешься сама. Такие долго не живут, поняла?

Ничего я не поняла, согнулась пополам, упираясь лбом в грязный пол, воняющий рыбой и тухлятиной.

- Силы береги. Не дергайся. Никто не знает, как на торгах пойдет. Иногда они трахают прямо там. Ломают дальше. Пускают по кругу. А потом забьют как животное. Покорные только выигрывают. Потом подумаешь, что дальше делать, а сейчас умнее будь. Им не нужны проблемы. Тебя сольют сразу же. Таких не покупают, и тогда тебя ждёт ад.

Голос женщины доносился словно сквозь вату... а я, кажется, начала понимать, что происходит. Это сделано специально. Это как-то связано с Максимом и Андреем. Это их враги. И да, все не случайно. За мной ведь следили, иначе как бы меня увезли прямо из торгового центра.

- Эй. Ты терпи. Скоро откроют. Накормят и напоят. Не паникуй, главное.

- Меня выкрали... И я не пойму, почему и зачем. Какого черта это я?

– Я тоже в первый день думала только об этом: «почему я?». А потом

начала думать о том, что нужно выжить. Мной расплатились с Мехметом за долги. Вот так просто. Мой сожитель завез на пустырь и отдал, как вещь. А я его любила, падлу.

Ты как сюда попала? Видела, что ты долго была без сознания. Обычно все девушки попадают в эту машину смерти по своей воле или по воле тех, кто их продал перекупщику.

– Не знаю. Я была в магазине одежды. Зашла в примерочную, и кто-то зашел следом. Больше ничего не помню.

– Значит, тебя вели. Особый заказ был. Именно на тебя. Такими делами Бакит с Ахмедом занимаются обычно. Девочки VIP.

– Ахмед?

Меня бросило в дрожь от этого имени, снова стало трудно дышать. Если это он все устроил... то тогда здесь продумана каждая мелочь. Каждая деталь. Эта мразь действительно готовилась нанести удар. Он понимал, что это не сойдет ему с рук, значит, есть подвох. Ему что-то нужно от Макса или Андрея. Как быстро меня начнут искать? Скорее, к вечеру, когда хватятся... а может, и сразу. Но сразу не начали, а значит, их сбили со следа. Мной овладело отчаяние, когда представила себе, что сейчас происходит с ними, в какой панике пребывают они. Макс... Он же с ума сходит.

– Откуда ты все это знаешь? Кто ты?

– Я? Да я все знаю про это дерьмо. Так жизнь сложилась. Из провинции приехала звезды с неба хватать, а схватила сутенера и панель. Теперь отсюда надо выбираться, но не воплями. Умней надо быть. Нас пока в фургоне в порт везли, троих убили. Изнасиловали, а потом пулю в лоб и там же у дороги закопали. Это чтоб ты понимала, что орать и дергаться не вариант. Не нужны им такие. Они потом выбраться пытаются, в полицию достучаться. Их просто сразу сливают нафиг.

Наверху слышались шаги и лязг замков.

- Все. Запомни – молчать. Не дергайся - и выживешь.

Но я уже и так знала, что выживу. Если в это замешан Ахмед, то я им нужна. Я их козырь в какой-то игре. Нам в лица посветили фонариками.

- Ну что, суки, жрать хотите? Не обоссались тут без сортира? Сейчас всех отведут облегчиться, потом накормят.

Они отвязывали по одной и пинками толкали к двери, успевая облапать, ударить по лицу, отпустить грязные шуточки. Напряжение вибрировало у меня в каждом нерве. Я ждала, когда они подойдут ко мне и старалась унять панику. Думать о том, что говорила та женщина.

Одна из пленниц вдруг закричала, начала отбиваться, вцепилась в одного из мужиков. В ответ ее ударили ногой в живот, а потом он достал

дубинку и начал ее избивать. По голове, по рукам и ногам. Она истошно кричала, а все молчали, обходили их и шли к выходу. Не смотрели. Как будто ничего не происходит, и мне стало по-настоящему страшно именно в этот момент.

- Сука драная! Получай, тварь!

Другой перевозчик пытался оттянуть напарника, но ему это не удавалось, тот как с цепи сорвался.

- Она меня укусила, мразь. Кто знает, какой дрянью она больна.

- Прекрати! Прекрати! Мы и так троих в дороге потеряли. Не бей! Мехмет будет злиться! Не бей, говорю. Накажем ее по-другому! Эй! Трахнем эту суку во все щели! Следов не останется, и другим неповадно будет!

Я с ужасом смотрела, как женщину швырнули на пол, несколько мужчин обступили ее кругом, на ней разодрали одежду. Я слышала, как она кричит, рыдает, как они подначивают друг друга грязными словечками. Нас больше не выводили из трюма, нас оставили любоваться зрелищем, чтоб неповадно было. Никто не смотрел, все закрывали уши руками, прятали лица, но ее крики все равно до нас доносились. Мне казалось, это никогда не закончится. Я слышала все, что они делали, потому что ублюдки озвучивали каждое движение, всю грязь, приказывали, матерились. Она не сопротивлялась и уже не кричала, только постанывала и плакала. Все время плакала. Я этот плач никогда не забуду. Это было впервые. Я никогда раньше не встречала такой жестокости по отношению к женщине. Как можно выжить после этого? Как можно после этого спать по ночам? Они ее ломали. Теперь я понимала значение этого слова. Ломали по-настоящему. Так, как только можно сломать живое существо.

- Хватит! Не то сдохнет. Оставьте ее тут - пусть в себя приходит. Мехмет заберет в бордель потом, если оклемается.

Меня тошнило, и голова кружилась, трясло от отчаяния и ужаса. Когда отвязали и повели к выходу мимо несчастной, которую рвало на пол, пока она, окровавленная, ползла к стене, я сама почувствовала спазмы в желудке. Она подняла на меня лицо, залитое слезами, кровью и спермой, и я отшатнулась, тяжело дыша. Твари! Ублюдки! Конченные, отмороженные ублюдки! Господи! В какой ад я попала?! Это хуже, чем на проклятой даче Ахмеда! Это самое страшное, что я когда-либо видела.

- Пошла, сука, или на ее место хочешь?

Пнули в спину, и я сделала шаг к двери, все еще глядя на женщину. Я никогда этого не забуду, и до меня с ужасом начали доходить слова: «Мы никто, мы их вещи, их рабы, они могут нас насиловать, бить, терзать».

– Все, твари?! Теперь все успокоились! Пошли за мной!

Нас и правда накормили, согнав в одно помещение, похожее на столовую, потом отправили мыться. Как скот. В душевую под надзором нескольких мужчин. Меня трясло от страха и отвращения. С нас сдирали одежду, швыряли нам мыло, а сами смотрели, как мы моемся, иногда подзывали к себе то одну, то другую, лапали, заставляли заниматься с ними оральным сексом. Меня пока не трогали, а я, в затаенной истерике, ждала своей очереди и понимала, что все были к этому готовы. Все, кроме меня, от одной мысли, что кто-то из этих уродов прикоснется ко мне, я впадала в состоянии хаоса, в такую панику, что мне казалось, я не смогу молчать, и меня убьют. И пусть убьют. Лучше сдохнуть, чем стоять перед ними на коленях и брать в рот их вонючие члены.

Из душа нас снова погнали в тот же круглый зал – столовую. Вокруг тошнотворная роскошь и золотая роспись по стенам. И меня снова затошнило, как тогда на проклятой даче Ахмеда. Слишком похоже. Отдает тем же цинизмом и болотом. Адом под декорациями Рая.

Все пленницы, кроме меня, голые, стояли в шеренгу по кругу, а Мехмет, высокий рыжеволосый тип, с густой щетиной и зелеными сальными глазками, рассматривал нас, как лошадей на ярмарке, и щелкал коротким хлыстом, иногда охаживая им кого-то из девушек. Не сильно, но достаточно для того, чтобы они вскрикнули или заплакали, а он улыбался и похотливо поправлял член под джинсовыми брюками.

Некоторых увели сразу, я даже не знаю, куда, и знать не хочу! Я вообще старалась абстрагироваться, насколько это вообще возможно в этом кошмаре. Я успокаивала себя тем, что я им нужна не для этого. Скорее всего, не для этого... но если я ошибаюсь?

Нас осталось всего десять. Он прошел возле каждой, трогая за лицо, за грудь и за ягодицы. Некоторым приказывал встать на четвереньки задом к нему, наклонялся, засовывал в них пальцы и комментировал насколько там узко или нет. Остальные ржали, наблюдая за этими проверками. Когда он подошел ко мне, я подумала о том, что выжить не хочу. Пусть лучше убьют до смерти, но я не встану даже на четвереньки. Мехмет потрогал мои волосы, ущипнул за сосок через кофту.

- Она? – спросил у одного из своих.

- Она самая. Бакит себе хочет. Велел обращаться иначе.

- Себе или для кого-то по заказу?

- Сказал, себе лично. Приедет аукцион смотреть, цену обещал

приличную.

Глаза торговца ощупывали меня так тщательно и мерзко, что я чувствовала, как он копошится у меня под кожей.

- Даже так? Жаль. Я б ему подогнал парочку других, а эту забрал в одно шикарное место, где как раз не хватает таких красоток свеженьких, не сидящих на дури.

- Личные указания, Мехмет. Бакит именно её хотел.

- Пофиг. Раздётся, сучка! Давай, снимай шмотки. Покажи, что ты там спрятала настолько золотое, что сам Бакит глаз положил? Ты меня слышишь, ты, недосука? Снимай шмотки и покажи мне свое тело. Симпатичная физиономия еще не залог успеха на торгах. Если Бакит не возьмет, а у него бывают заскоки, я знать хочу, что мне делать с тобой?

Я и не думала ему покориться, потому что лучше вскрыть себе вены, чем позволить с собой, как с ними всеми. Я после этого выживать не собираюсь. Потому что Я не выживу. Один из пособников Мехмета что-то шепнул ему на ухо.

– Ну и что?! Для меня она - ноль, шлюха, пустое место! Какая разница? Ее все равно трахать будут, как последнюю шалаву. Бакит сам побалуется, потом брату скинет, и будут видео снимать с ней в главной роли, а может, на ошметки и по пакетам в лес после очередной вакханалии. Я что, не знаю забавы этих двух ублюдков-извращенцев? Снять тряпки, я сказал!

– Да пошел ты! – процедила я сквозь зубы и плюнула ему в лицо. – Когда за мной придут, то тебе отрежут яйца и заставят сожрать.

- Сука! – Лицо Мехмеда заострилось, глаза вспыхнули, он сжал хлыст крепче и замахнулся. Я даже не моргнула глазом, не дернулась и не отшатнулась. Рука с хлыстом медленно опустилась. И вдруг за волосы схватил так, что из глаз брызнули слезы.

– Если бы я не был уверен, что ты принесешь мне немеренные бабки, я бы убил тебя прямо сейчас. Оттрахал во все дырки, даже в уши, а потом забил до смерти, глядя, как блюешь кишками. Но на тебя уже есть покупатель. Твое счастье, что ты так дорого стоишь.

С этими словами он повернулся к своим.

– Подержите ее, я осмотрю зубы и на ощупь проверю, что под этими дорогими шмотками скрывает наша VIP-шалава для Бакита.

Меня тут же схватили сзади, руки завели за спину, а голову оттянули за волосы назад и придавили шею так, что я не могла даже пошевелиться.

– Не дергайся, не то я за себя не ручаюсь. Стой смирно.

Мехмет приподнял мою верхнюю губу, осматривая зубы.

– Даже не курит. Бл**ь, у меня такой заказ есть. Бакит все карты вечно спутает. Лучших, падла, себе забирает и за долг списывает. Но за нее я возьму свое, либо не получит её.

Его руки скользнули у меня по груди и ощупали, сильно сдавили, потрогали соски, затем талию, бедра, ягодицы. Я содрогнулась от брезгливости, поморщилась, силясь вырваться, но рука перевозчика сдавила мне горло еще сильнее.

- Молись, чтоб он за тебя заплатил. Иначе ты достанешься мне. И ты даже не представляешь, ЧТО я с тобой, сука, сделаю. Хотя... кто знает, что ОН делает с тобой, наш извращенец.

Они заржали, а я вся внутренне сжалась, но с облегчением поняла, что сейчас меня пронесло. Пока. Временная отсрочка.

***

Торги проходили здесь же, в этом самом зале, только сейчас ее освещали неоновые лампочки и прожекторы, теперь помещение напоминало ночной клуб или стрип-бар. Самое поразительно то, что покупателей никто не видел. Лишь огромные прожекторы, подиум и камеры. Так же охрана и верные псы Мехмета. Я представляла себе все совсем иначе. Мне казалось, что будет много народа, и все будут выкрикивать свою цену, как на аукционе, но вместо этого играла музыка, она сопровождала каждую женщину, выходящую на помост. Многие из них были рады своей участи и с удовольствием демонстрировали свои прелести камерам. Потом в микрофоне послышался голос ведущего, он оглашал цену и говорил, кому продана очередная пленница.

Я смотрела в узкое окошко из маленькой гримерки, где нас причесывали и натирали тело разными маслами, где молчаливые «парикмахеры-визажисты» драли волосы расческами, украшали, вызывая красноту на лице и надевали на нас одежду, как в дешевых порнофильмах. Я не узнала себя в зеркале – размалеванная кукла с толстыми черными стрелками на веках, красными губами, блестками по всему телу. Даже на соски намазали красные румяна.

- Эту одеть, как любит Бакит. В его вкусе... – приказал Мехмет, заглядывая в гримерку.

Когда я поняла, что значит “в его вкусе”, снова началась паника. Состояние, близкое к истерике. Меня раздели в латекс, корсет, чулки и

застегнули на горле ошейник.

Мехмет остался доволен, он удовлетворенно осмотрел меня и вкрадчиво сказал:

– Испортишь аукцион – убью. Замучаю пытками, будешь мечтать о смерти. Никаких выходов, поняла? Будешь хорошей девочкой – больше меня не увидишь. Но я мог бы быть лучшим вариантом, чем Бакит, который с тебя кожу плетьюм сдирать будет под треск камеры.

Он подтолкнул меня к длинной портюре.

– Иди и делай все, что тебе скажет ведущий. У тебя в ухе наушник. Он включится, как только заработают камеры.

Я старалась не думать о том, что будет после. Время идет, и меня ищут. И найдут. Обязательно найдут. Макс убьет каждого, кто к этому причастен. Я в этом уверена.

Только бы вернуться домой не сломанной ими ТАК. Не измазанной чужими руками, телами и губами. Выдержать и не истерить. Думать. Главное, просто думать о Максе.

Я ступила на шелковую дорожку, и прожекторы тут же были направлены на меня. В ухе что-то щелкнуло, и я услышала голос ведущего. Он был похож на шепот, но четкий и настолько угрожающий, что по моему телу пробежал мороз.

– Пройдись до конца дорожки. Потом снимешь корсет. Останешься в одних шортах.

Я подчинялась этому голосу, странное спокойствие и дикое желание выбраться из лап Мехмета давало мне силы выполнять приказы. Во всем есть смысл. А в том, что сейчас происходит со мной, тем более. Тварям что-то нужно, и они нашли способ это получить, а я должна вытерпеть и дожидаться финала. Меня не могут просто так убить.

Музыка играла все громче, и я понимала, что мне, наверняка, что-то подсыпали в питье, чтобы я не боялась. Какую-то дрянь типа экстази. Меня заставили полностью раздеться, я слышала сопение ведущего, понимала, что тот видит мое тело в мельчайших подробностях. И ему нравится то, что он видит, очень нравится. Я ползала по помосту следом за мужчиной в черном, который водил меня за ошейник и щелкал плетью.

- Оближи губы, сука. Смотри в камеры и облизывай.

Мне казалось, что просмотр затянулся, что других участниц смотрели гораздо быстрее, что их не заставляли тысячи раз поворачиваться, изгибаться, поднимать волосы, улыбаться, танцевать, тереться о шест.

«Меня найдут, Макс меня спасет, он придет за мной! Обязательно придет за мной! И с каждой минутой я ближе к этому! Они все пожалеют об этом, когда он придет! Все до одного!».— успокаивала себя чувствуя, что мои нервы на пределе. Это закончилось внезапно, видимо, кто-то назвал такую цену, что перебил все предыдущие ставки. Либо Бакит назвал ту сумму, которую хотел услышать Мехмет. Когда её огласили, я застыла, не веря своим ушам, понимая, почему Мехмет меня не ударил тогда. Это стоило того, чтобы держать себя в руках.

– ПРОДАНА!

Мерзкое слово эхом разнеслось по пустому помещению и запульсировало у меня в голове.

Я с ужасом увидела, как двери распахнулись. Зашли несколько мужчин в черных костюмах и плащах. Они казались совершенно одинаковыми, как близнецы. На меня набросили просторный халат и увлекли к выходу. Последнее, что я увидела, прежде чем мне завязали глаза – это улыбающегося, довольного Мехмета. Он помахал мне рукой и послал воздушный поцелуй.

«А с тебя Макс сдерет кожу живьем и выпотрошит, как свинью. Это я тебе обещаю».

***

Меня вели по коридорам с завязанными глазами, подталкивая в спину, но молча. Ни звука не издали, проклятые.

Я поняла, что мы спускаемся по ступенькам, потом меня пересадили куда-то... Кажется, на моторку. Судя по звуку и холодному ветру, треплющему волосы и освежающему горящее лицо. Тишина давила на мозги. Опять начиналась паника, а я старалась дышать глубже. Очень глубоко и медленно.

«Когда тебе будет нечем дышать, малыш, дыши мной. Думай обо мне и дыши».

И я думала о нем, я наивно надеялась, что мне это поможет. Надеялась, даже тогда, когда меня снова поднимали по ступеням и когда сняли повязку с глаз. Я поняла, что мы уже на другом судне и все еще продолжала медленно дышать, справляться со страхом и паникой.

- Пошли, - мужчина в черном кивнул в сторону коридора и грубо взял под руку, - тебя ждут.

Когда я увидела того, кто купил меня, я вдруг поняла, что меня еще не ломали. Что ломать меня будут именно здесь и именно этот человек с густой бородой и колючими, страшными черными глазами так похожими

на глаза Ахмеда.

- Здравствуй, Дарина, - сказал он низким голосом, - знаешь, зачем ты здесь?

- Я знаю, что будет с вами, когда меня найдут.

Он усмехнулся уголком рта.

- Мы тоже знаем, поверь. Но мы подготовились.

Его глаза лихорадочно блеснули, когда он опустил взгляд к моей груди и облизал мясистые губы.

- Мы снимем тебя в нашем блокбастере с рейтингом двадцать один плюс, птичка. Основанном на реальных событиях. А ты для нас сыграешь самую лучшую роль в своей жизни – СЕБЯ!

ГЛАВА 33

*Мои глаза в тебя не влюблены,
они твои пороки видят ясно,
но сердце ни одной твоей вины
не видит, и с глазами не согласно.*

© Уильям Шекспир

Страшнее всего накрывает именно дома. Не на кладбище, где еще могила настолько свежая, что земля кажется лоснится от влаги и табличка еще даже покрыта первым слоем пыли, но все равно её вытираешь каждый день и раскладываешь цветы у изголовья, словно это имеет для кого-то значение теперь, когда Митя не улыбнется этим цветам и не почувствует их запах. Нет, там как раз душу так не скручивает и не рвет на части, а вот дома, где осталась пустая комната, застеленная постель, запах, вещи, там накрывает со страшной силой.

Первые дни мы с мамой не выходили из ее спальни, где она спала вместе с моим братом. Говорили о Мите и с ним так, словно он жив. Даже готовили ему по утрам чай и приносили еду. Никто даже подумать не мог, что в этом есть что-то противоестественное и ненормальное. Мы пока что были не готовы расстаться с этими привычными ритуалами, как и с его вещами. Я не задавала маме вопросы о его смерти. Я ждала, когда она сможет рассказать сама. А она не рассказывала.

– Как мне жить без него дальше? Ради чего все теперь?

Больно это слышать, и понимаешь, что она в отчаянии, обижаться бессмысленно, и я обхватывала руками ее лицо, заглядывала ей в глаза полные дикой, животной тоски.

– Ради меня, мамочка, ради себя и ради Мити. Он бы хотел видеть тебя

живой и счастливой. Он мучился, мама. Ты же знаешь, как он мучился. Теперь ему хорошо и у него ничего не болит. Он в раю. Митя наш святой и его душа чиста, как у младенца. Ему сейчас так хорошо, мамочка.

– А мне... мне без него так плохо.

Утыкается лицом мне в плечо и рыдает.

– Нам обеим без него плохо... но ведь мы не эгоистки, правда? Мы ведь не желаем еще больше боли?

– Нееет... но я так хочу его обнять хотя бы еще раз. Один единственный. Не холодного, а теплого.

– Ты обнимала Митю каждый день, он знал, как сильно ты его любишь.

И так круглосуточно. Адская боль на двоих, и моя собственная неразделимая ни с кем. Потом настали дни, когда мы не смогли туда больше заходить и прикрыли там дверь. Мама начала спать у меня. Потому что находиться там стало невыносимо, и даже проходя мимо комнаты, она останавливалась и, облокотившись о косяк двери лбом, была раненым зверем, а я сжимала ее плечи и молча рыдала вместе с ней. Не хотела вслух, не хотела перетягивать на себя ее горе, заставляя переключаться на меня и сдерживать свою тоску. Я давала ей оплакать Митю и в то же время просто находилась рядом, когда она казнила себя в очередной раз, что мало ему говорила о любви, что иногда уставала и вслух ругалась, что нет у нее больше сил мыть его, носить на руках. Боялась, что он это слышал и поэтому покинул ее, что это она виновата.

У меня не было выбора, я не могла позволить себе погрузиться в пучину отчаяния, я должна была тянуть оттуда маму, иначе, мне кажется, она умерла бы сама от тоски.

А по ночам... по ночам от тоски умирала я сама. Легко создавать видимость жизни днем, когда занят повседневными делами или пытаешься изо всех сил удержать кого-то на краю пропасти, забывая о себе. Мама засыпала на своей кровати, а меня накрывало так, что я стискивала челюсти до боли и скрежетала зубами, чтобы не зарыдать вслух. Я чувствовала себя отчаянно бесполезной. Какой-то выпотрошенной оболочкой, костюмом, из которого вытрясли душу за просто так.

Ведь все было напрасно. Все, что я пережила за это время, не имело никакого смысла. И именно от этого хотелось орать и биться головой о стены. Все последние месяцы моей жизни и страдания вдруг перестали быть значимыми. Никого я не спасла, никому не помогла. Может быть, даже ускорила смерть Мити этой заграничной операцией, и себя потеряла

рядом с дьяволом. Продала ему свою душу за бесценок, тело и свое сердце. Теперь я знала, почему он вытолкнул меня – стало нечем удерживать, нечем шантажировать. Не хватило смелости сказать мне об этом... Неделью он знал о смерти моего брата и ничего не сказал. В самые горячие моменты нашей близости Митя умирал в реанимации, а мама рядом с ним корчилась от боли, и никто ее не поддерживал. Огинский лишил меня права быть с моей семьей в такой страшный момент, чтобы потом просто выкинуть за борт за ненужностью, как отработанный материал. Больше всего было представлять себе, что его жизнь с моим уходом совершенно не изменилась, что появилась новая игрушка, возможно, интереснее и красивее меня. Я маниакально каждую ночь просматривала страницы Интернета в поисках хоть каких-то сведений о нем и не находила. Иногда вскользь несколько слов. Очень пространственно. Как будто кто-то намеренно чистил любые сплетни и затыкал рты журналистам. Я даже знала кто это – Марк.

Мне удалось найти лишь то интервью, которое показывали в тот день, когда я впервые увидела Огинского по телевизору... его тигриные глаза, которыми он выжигал невидимые автографы на моей душе. Наверное, еще в тот момент я уже была отмечена его дьявольским клеймом, от которого не отмыться и ничем не вывести. Этот взгляд, он запомнился мне настолько отчетливо, что, даже вспоминая его, я покрывалась мурашками и стонала от адской тоски по этому проклятому подонку с глазами зверя. Бывали моменты, когда я до отчаянной ломоты во всем теле хотела ему позвонить и орать в трубку, чтоб вернул мне мою душу. Что мне мало одного тела. Чтоб вышвырнул ее точно так же. Можно даже в окно, и чтоб плашмя о землю, чтоб от нее ничего не осталось кроме брызг крови и моих слез. Недостойн он душу мою в руках своих грязных. Мерзких, подлых... нежных, ласковых, любимых... держать.

«Отдай мою душу, Ромааа. Отдай! Она ведь не нужна тебе!».

И с тоской понимала, что, даже если вышвырнет в окно, эта самая душа соберется по каплям и вернется обратно к своему хозяину. Я только одного не понимала – за что? За что я люблю этого изверга с камнем в груди вместо сердца, с дырой вместо души? За что мне такое проклятие, ведь по всем законам жизни я должна была его ненавидеть, а не любить. И не находила ни одной логической причины... я любила его вопреки всему. Любила того маленького мальчика с заячьей губой, любила замкнутого зверя, одинокого и злого в своем одиночестве, любила монстра, который вынужден был им стать... вынужден был быть еще страшнее, чем те твари, что его окружали. Любила вопреки всему, что видели глаза.

Но именно за это я ненавидела себя саму. Люто ненавидела. Мне было омерзительно собственное лицо в зеркале и собственное тело. Оно меня предавало не меньше, чем моя душа и сердце. Все во мне принадлежало тому, кому я клялась никогда ничего не отдать добровольно, а сама не просто отдала, а бросила к его ногам, где по ним прошли грязными сапогами.

Он мне снился по ночам. Странно снился. Словно не он вышвырнул меня, а я сама ушла. Он говорил мне об этом, кричал в лицо, сжимая мои руки до хруста.

И я просыпалась в слезах.

«Я найду тебя везде, Надя. Куда бы ты от меня не спряталась. И я сейчас не только об этом доме».

Зачем все это? Ради чего? Зачем же так жестоко играть чьими-то чувствами? Но это Роман Огинский. У него свои игры и свои правила.

Когда мама немного пришла в себя, я вернулась обратно на работу в больницу и ее с собой привела. Говорят, что, когда видишь боль и горе других людей, свое собственное отступает на второй план. Мама пошла санитаркой в реанимацию в детском отделении, а я к Светлане Анатольевне обратно в терапию.

Конечно, мама могла вернуться на работу бухгалтером, тем более там работала ее знакомая, но она отказалась. И я знала почему... мама искала утешения рядом с другими беспомощными людьми, они напоминали ей Митю, и она отдавала им то, что, как ей казалось, она не успела дать моему покойному брату. Я даже видела, как она улыбается, подбадривая своих маленьких пациентов.

– Как там было в столице, Наденька? Почему вернулась?

Светлана Анатольевна смотрела на меня с нескрываемым любопытством, перекладывая бумаги из одной папки в другую, когда я пришла проситься обратно. Сквози в ее голосе некое триумфальное презрение, и мне оно было бы совершенно понятно, ведь я рвалась в большой город к большим возможностям, убегая от перспектив здесь, и вот вернулась.

– Не вышло ничего. Не устроена я для городской жизни. Не того полета я птица. Я летаю низенько, а высоко там никто не даст. Так что мой удел клизмы, Светлана Анатольевна. Зря вы мне конкурсы красоты и папиков пророчили.

Она на меня внимательно посмотрела и ничего не ответила. Потом на стул кивнула напротив.

– А ведь не зря пророчила. Было все. По глазам вижу, по серьгам

дорогим, по волосам с иным блеском.

Я невольно за серьги схватилась, и захотелось их вместе с мочками оторвать. Забыла о них, идиотка!

– Было да сплыло. Не нужны олигархам деревенские матрешки.

– А это уже от способностей матрешки зависит.

И мне вдруг ужасно захотелось на нее закричать. Закричать, что ни черта там от меня не зависело. Что она понятия не имеет, какие они эти олигархи и насколько отличаются от нормальных людей.

– Не обижайся, Надюш, просто шансы такие раз в жизни выпадают, и если вернулась, значит, профукала.

– Значит, профукала, – ответила, глотая слезы, – вы меня обратно возьмете или мне другую работу искать?

– Возьму, конечно. Мне люди всегда нужны, а такие, как ты, втройне. Надеюсь я, что все же у тебя жизнь иначе сложится с красотой твоей и умом.

Больше мы с ней об этом не говорили. Она в душу не лезла, а мне рассказывать не хотелось никому. И тоска не проходит, и только тяжелее день ото дня становится. Увидеть хочется до какой-то боли исступленной в груди, пальцы сжимаю до хруста, чтоб не зарыдать ночью рядом с мамой. По утрам не выспавшаяся и еле стоящая на ногах в больницу на планерку. А у самой голова кругом и ком в горле горчит. Вроде и есть хочется, но кусок в горло не лезет, тошнит после бессонной ночи так, что перед глазами черные мушки прыгают. Наверное, от стресса сильно упало давление. Я маму старалась не беспокоить и не пугать, воду в туалете включала, когда тошнота особо нестерпимой становилась. И еще появилось странное неприятие чужой крови – увижу, и горло сводит судорогой. В тот день к нам привезли пациента после пожара, у него все тело в ожогах было, и волдыри вздулись на руках и ногах, я увидела и меня повело. Перед глазами потемнело.

– Надя! Надя! Ты меня слышишь? В реанимацию надо. Коли обезболивающее и к Виктору Петровичу его! Надь... Надя!

А я по стеночке на пол ползу. Во тьму погружаюсь. Пока в себя не пришла от резкого запаха и шлепков по щекам. Словно вынырнула из какого-то болота с мутностью в глазах и кислым привкусом во рту.

Рядом Светлана Анатольевна стоит с тонометром и на меня чуть сощурившись смотрит, и Стасик со стаканом воды.

– Так, ты иди пациентом займись, Стасик, а мы тут с Надей пообщаемся.

Дал мне отпить из стакана и, поставив на стол, ушел из кабинета

главврача. А я поднялась с лежака, придерживаясь за голову, которая все еще кружилась.

– Я последние дни плохо сплю. Мама все еще сильно горюет по Мите. Наверное, от недосыпа. Я очень извиняюсь. Я еще утром поесть забыла. Неловко так.

– А задержка у тебя как долго, Надежда?

Я несколько раз закрыла и открыла глаза, не отводя взгляда от полного лица Светланы Анатольевны.

– Нннне знаю. Я как-то. Не помню. Больше месяца... но у нас такое горе и стресс, и...

Светлана Анатольевна усмехнулась и откусила зеленое яблоко, смачно прожевала и положила надкусанным на стол.

– Думаю, месяцев через восемь мы твоему стрессу имя придумывать будем.

Я смотрела на нее и с трудом понимала, что она такое мне говорит.

– Иди к Алевтине Ивановне в гинекологию, пусть тебе экспресс-тест на беременность сделает. Как раз натошак самое оно.

– Какой тест?

– На беременность, Надя. Молодые женщины иногда беременеют. Особенно с такими симптомами кричащими. У меня даже сомнений нет.

Я отрицательно качала головой. А у самой шумело в ушах.

– Бред какой-то.

– Ты сходи-сходи. Бред или нет – анализ покажет. Я троих выносила, я точно знаю этот поплывший взгляд, это давление и обмороки по утрам. От крови не тошнит, м? Меня выворачивало на фиг. Особенно когда Ваньку носила.

Я даже верить в это не хотела, и когда вошла в кабинет Алевтины Ивановны и попросила тестовую полоску, мне казалось, что я совершаю какие-то абстрактные телодвижения, и это вообще не про меня и не обо мне. Увиденные на тесте две полоски повергли в состояние шока. Я села на стул в кабинете гинеколога, отвечая на ее вопросы и словно зомби глядя то на экран маленького телевизора, то на руки врача, нервно подрагивающие, с шариковой ручкой, зажатой между пальцами.

– Я думаю, что беременность у нас примерно восемь неделек. Завтра отправлю тебя к нашей узистке, она посмотрит и даст более точную информацию. После УЗИ снова ко мне придешь, я дам направление на анализы. Что ж ты молчишь, Надюшка? Кто у нас счастливый отец, м?

В этот момент я подняла взгляд на телевизор и стиснула руки в кулаки. Увидела ЕГО лицо крупным планом. Не слыша, что именно говорит диктор

новостей. А потом уже издалека камера выхватывает, как Огинский выходит из машины с той... с блондинкой, чей отец и муж... тогда на вечеринке.

«Я слышала, дочка Неверова как-то была его любовницей. Кажется, пыталась выбить инвестиции для своего мужа. В итоге инвестиций не получила, но член Огинского попробовала. Какой же он любовник, оооох».

Кажется, я рассмеялась в ответ на вопрос Алевтины Ивановны – потому что так называемого отца как раз показывали с очередной шлюхой. Я даже не слышала, что мне говорит врач, вышла шатаясь из ее кабинета и не отпрашиваясь пошла домой. Всю дорогу у меня перед глазами мельтешили две полоски и внутри такой хаос поднимался, что, казалось, с ума схожу. Казалось, я от боли сейчас взвою. Зашла домой, в обуви прошла в ванную, выхватила из шкафчика ножницы, ими принялась кромсать свои волосы. С какой-то одержимой хаотичностью, кусая губы до крови и захлебываясь слезами.

– Ненавижу! Будь ты проклят... как же я тебя ненавижу! Ненавижуууу!

«Мне тебя надо, Надя. Тебя... Вместо перекиси, вместо анестезии, ты же сама... сама сказала, что нужна мне».

Ложь! Сплошная ложь! Ты весь ложь! И ребёнка твоего я не хочууу, не хочу, не хочу, не могу больше... не могу.

«К черту всех, когда ты здесь. Когда ты здесь, весь мир может на хер взорваться, и я не замечу. Ты это понимаешь, Надя?»

Ткнула ножницами в зеркало и покромсала свое отражение, содрогаясь и задыхаясь от рыданий. Держась одной рукой за раковину, а другой кроша ту дуру в зеркале на осколки.

ГЛАВА 34

И буду благодарен я судьбе:

Пускай в борьбе терплю я неудачу,

Но честь победы приношу тебе

И дважды обретаю все, что трачу.

Готов я жертвой быть неправоты,

Чтоб только правой оказалась ты.

© Уильям Шекспир

– Ну и что, моя хорошая? Пусть без отца. Какое это имеет значение? Он наш с тобой...

– Не хочу, мамаааа. Он вышвырнул меня... вышвырнул, понимаешь? Он дьявол... не человек. Как можно от такого рожать... ты не знаешь, что это за монстр!

– Тишшшш... посмотри на меня. Посмотри мне в глаза. Во мне ты видишь дьявола?

Захлебываясь слезами, сидя на полу в объятиях мамы, я сквозь рябь слез смотрела на ее осунувшееся лицо и отрицательно качала головой.

– Ну вот... вот... А этот ребенок часть меня, часть тебя... Может, это наш Митя вот так вернулся обратно.

Она гладила меня по щекам, по голове, а я задыхаясь вертела головой из стороны в сторону, размазывая кровь и слезы, сжимая ее пальцы все сильнее.

– Не хочу... ничего от него не хочу. Забыть хочу. Мамаааа, забыть. А теперь как? Как я забуду?

– Никак. Любовь невозможно забыть. А если забыла, значит, не было любви. Может, и забудешь, и ребенок не причина в обоих случаях. Это дар свыше. Святое. Чудо из чудес.

Я склонила голову ей на плечо, позволяя себя укачивать и гладить по вздрагивающей спине.

– Он ни в чем не виноват. Какая разница кто отец? Главное, что его мама – это ты. Главное, что мы будем его ждать и любить. Я хочу, чтобы он родился.

Заставила меня посмотреть ей в глаза.

– Он послан нам пережить потерю Мити. Мне послан и тебе.

Я снова обняла ее за шею, всхлипывая и сжимая хрупкое тело в объятиях.

– А жить на что, мам? Нам и так еле хватает.

– Найдем. На Митю хватало и на малыша нашего хватит. Справимся. И не с таким люди справляются. Не война, не голодовка. Вырастим. Кредит возьмем. Я прошлый выплатила еще перед поездкой в Германию.

Мы еще долго так сидели на полу посреди разбросанных волос и битого стекла. Мне казалось, что в этот момент я сидела в осколках себя прежней. От нее почти ничего не осталось. Огинский все же меня сломал. И мне оставалось либо сдохнуть на коленях, либо пытаться воскреснуть назло всему.

Пока что я не была уверена, что у меня получится, что я вообще способна стоять на ногах после того, как мне сломали колени и перебили

хребет. Но, оказывается, на свете существует нечто невероятное, мощное, способное возродить женщину даже из одной пепелинки – это ребенок. Я очнулась от своего летаргического сна, когда услышала сердцебиение малыша на УЗИ. Мама расплакалась, а я медленно открыла глаза и слушала-слушала-слушала, чувствуя, как болезненно начинают срастаться переломы моей души. В эту минуту я поняла, что смогу подняться, смогу вздернуть подбородок и ухватится за жизнь. Мне есть ради чего и ради кого. Это только МОЙ ребенок. Все было не напрасно...

Мы наконец-то смогли перебрать вещи Мити и отнести их в дом детей инвалидов. Отдать его кресло-каталку и разные приспособления, которые мы покупали для облегчения его жизни. Убрали вместе в комнате. Я смотрела на маму и понимала, что ей действительно вдруг стало легче. У нее появился какой-то стимул, и она с диким рвением бросилась занимать мне очереди по врачам, проверкам, анализам. Дома появились фрукты и всякая вкуснятина, употребление которой мама контролировала так же, как и питание Мити. И я была счастлива видеть ее такой, а не полумертвой от горя. Когда казалось, что скоро можно будет похоронить и ее саму.

Именно с этих дней я перестала искать информацию об Огинском. Нет, боль и тоска по этому подонку не утихли, не стали слабее, они усилились во сто крат и душили слезами отчаянной безысходности. Но теперь мне, наоборот, хотелось ничего не знать о нем, и чтобы он также ничего не знал обо мне. Я помню как-то вскочила посреди ночи в ужасе, что если монстр узнает, то может отобрать у меня малыша, и я ничем не смогу ему помешать. Тогда я впервые заговорила с мамой о продаже квартиры и переезде в другой город. Она и слышать ничего не хотела, а мне казалось, что я от ужаса с ума сойду. Я накручивала себя день ото дня. Мне даже начало казаться, что за мной следят и что по вечерам у нашего дома стоит незнакомая машина.

– Надюш, ну куда мы поедem, а? Наша квартира стоит копейки. Где мы купим дешевле? Мы и так живем в провинции, можно сказать.

– Значит, и правда, возьмем кредит. Я завтра поеду в город.

Раньше я и слышать о втором кредите не хотела. Прошлый нас чуть не задушил. А сейчас не видела иного выхода. От одной мысли, что Огинский придет и заберет моего ребенка, мне становилось плохо. Тем более я уже знала, что жду маленького мальчика. Моя любовь к еще нерождённому малышу походила на одержимую болезнь. Я влюбилась в каждое его движение на мониторе узиста, в его ладошки и согнутые ручки, влюбилась в то, как он сосет пальчик. Я уже и не верила, что могла хотя бы на секунду не захотеть его. Мама права – он наш. Не Огинского, а мой и только мой. Я

заслужила себе это счастье, этот смысл жизни после всего, что мы пережили.

Нет, мы не думали назвать ребенка Митя. Мама боялась, что имя может принести малышу такие же проблемы, как были у моего брата. Хотя, конечно, первое имя, которое пришло в голову, было именно это имя. Особенно когда мама в очередной раз расплакалась в кабинете врача.

– И куда мы поедем?

– Светлана Анатольевна даст рекомендации и договорится с лучшим другом ее покойного мужа. Он главврач в областной больнице в *****. Тебя тоже возьмут на работу.

– Не знаю, дочка, чего ты так боишься. Этот человек за все время ни разу не попытался выйти с тобой на связь и даже не звонил тебе. Не думаю, что он может узнать о ребенке.

– Он может все, мама. Если захочет. А еще он может в одну секунду поменять свое мнение. И когда это случится, ни один адвокат нам не поможет.

– А может быть, это к лучшему – узнает о ребенке и приедет. Встретитесь – поговорите.

– С кем? С чудовищем? О чем? О том, что использовал меня и вышвырнул из своей жизни, как надоевшую игрушку?

О том, что насиловал меня, гонял по снегу собаками, потом заставил себя полюбить, увидеть в себе человека и после этого разодрал меня на ошметки, и обглодал мои кости.

– Но он же и помог нашему Мите. Если ты помнишь.

– Я за эту помощь заплатила сполна!

Закричала и сама не поняла, как это произошло. Я вообще редко повышала голос, тем более на маму.

– Хорошо. Как скажешь. Как ты решишь, так и будет. Я в любом случае поеду за тобой. Мне здесь без вас делать нечего.

В банк я собиралась очень тщательно. Говорят, от первого впечатления зависит – одобрят ли вам кредит или нет. Я пригладила расческой свои густые волосы, которые мама после моего варварства аккуратно подровняла, и теперь они немного отрасли и едва доставали мне до плеч, завязала их в хвост на затылке. Немного подкрасила бледное лицо. Долго выбирала наряд... и почему-то именно в этот момент думала о том, что выбрал бы Огинский на такую встречу. Во что бы одел меня он. И каждая мысль о нем резонансом боли волнами прокатывалась по всему телу, заставляя закрывать глаза и стараться успокоиться. Но его проклятые глаза словно преследовали меня, словно отпечатались кадрами у меня в голове и

на повторе крутили издевательское видео с его дьявольской улыбкой такой белоснежной и заразной, особенно когда смеялся над моим вкусом и стягивал с меня платье, чтобы взять прямо там посреди разбросанных вещей и потом одевать заново, но уже на свой вкус.

Как же я скучала по его голосу, по вкрадчивым ноткам, пробуждающим от оплетающей паутины ненависти до огненных нитей похоти, впивающихся в плоть колючей проволокой. С какой отчаянной и бессильной яростью я понимала, что никогда и никто не сможет возродить из пепла мое сердце, пробудить мое тело. Когда любовником был сам дьявол, у простого смертного нет ни малейшего шанса.

Мама иногда говорила мне, что со временем я смогу смотреть и на других мужчин, смогу позволить себе и впустить в свою жизнь еще кого-то. Ведь ребенку будет нужен отец. А я не знала, как объяснить ей, что ни один из мужчин не сравнится с НИМ. Все они по сравнению с Огинским и на мужчин не похожи. Кажутся глупыми, пресными, неинтересными, никакими. У них не такие руки. Не такой запах и голос. Они не он. В них нет и десятой доли его тьмы и непостижимой тайны, которую хочется не только разгадать, в которую погружаешься, как в марево дурмана, и уже не можешь вынырнуть обратно. Роман мог довести меня почти до оргазма одними словами... Иногда, корчась от тоски и от ужасной ломки по нему, я трогала себя так, как это делал он, закрывая глаза и представляя, что это его пальцы или руки.

«Возбуждена до предела, Надя. Вот он голод. Ты теперь понимаешь, что он причиняет боль?»

А потом лежала на боку и захлебывалась слезами, потому что ненавидела себя и свое тело за эту унижительную зависимость от монстра, который в этот момент трахал своих многочисленных шлюх и забыл, как я выгляжу. И да, голод причиняет адскую боль, и это не голод по сексу, это голод по всему, что является ИМ и никогда не будет ни в ком другом.

«Ненавижууу. Как же я тебя ненавижу, как же я хочу тебя забыть». И мама была права. Об Огинском мне напоминал не ребенок. О нем я помнила сама.

Я надела один из тех костюмов, что он покупал мне на свои деловые встречи. Многие из вещей пришлось продать, чтобы оплатить многочисленные анализы, но несколько костюмов и платьев у меня все же остались, как и обувь с аксессуарами. Живот был почти незаметен, и жакет скрыл округлость вместе со свободной блузкой.

Когда садилась за столик менеджера, сердце колотилось быстро-

быстро. Стало страшно, что мне, скорее всего, откажут в такой большой сумме.

– Надежда Владимировна, я так понимаю, вы хотите снять данную сумму на покупку квартиры в другом городе?

– Да. Верно... – а потом вдруг что-то показалось мне странным, – я хотела бы взять кредит на покупку квартиры.

Глаза симпатичной молодой женщины слегка округлились. Я бросила взгляд на бейджик на ее груди «Людмила».

– Кредит?

– Д-да. Кредит.

– А зачем?

Ее вопрос явно был задан не по уставу, потому что она сама выглядела очень удивленной. Она еще раз переспросила мою фамилию и номер счета и снова округлившимися голубыми глазами смотрела на меня, как на ненормальную, при этом совершенно не в силах изменить свое выражение лица.

– Мы... мы хотим с мамой переехать. Я продам нашу квартиру, но там сумма будет незначительной, и остальную нам потребуется взять в банке.

– Так вы оформляйте сделку, а затем просто предварительно позвоните в наш VIP-отдел, и вам подготовят для снятия нужную сумму с вашего валютного счета. Или вы можете провести эту сделку прямо у нас. Вас будет сопровождать наш юрист, как и положено VIP-клиенту.

Я нахмурилась и слегка подалась вперед.

– С какого счета?

– С валютного. У вас на данный момент имеется три счета. Два валютных и один в рублях. Также имеется закрытый счет с депозитом на десять лет в размере...

Я ничего не понимала, о чем она сейчас говорит. О каких счетах.

– Вы, наверное, ошиблись. Может, есть другой ваш клиент с такой же фамилией, именем и отчеством. У меня всего один счет рублевый, и то на нем лежит пара тысяч на данный момент... Ну должны лежать.

Девушка снова странно на меня посмотрела.

– Это ваш счет здесь, ваши паспортные данные и даже фото имеется. На данный момент общая сумма, которая лежит на ваших счетах, составляет... Именно поэтому я не могу понять – зачем вам кредит.

Когда она назвала цифры, я резко встала с кресла и застыла на месте.

– Может, вам принести воды?

Кивнула, и пока она ходила к кулеру, я в оцепенении смотрела в никуда и не могла понять – слышалось ли мне или я сошла с ума. Такие

суммы существуют в природе? Я пила воду маленькими глотками, пока Людмила говорила мне, когда сумма поступила на счет и кто перевел ее. Впрочем, я знала кто... только понять не могла зачем. Это уже далеко не походило на оплату за услуги. Я не знала, что это. С этой секунды мое сердце ускорило бег и внутри начало происходить что-то странное. Наверное, в банке меня сочли сумасшедшей. Я ушла оттуда. Долго сидела на скамейке, пытаюсь справиться с ощущением шока.

Огинский положил эти деньги на мой счет именно в дни своего отсутствия. Но я до боли в груди не могла понять, зачем он это сделал. Это же состояние. Это... это немыслимые деньги. Я выхватила сотовый и застыла, не решаясь набрать его номер. Сунула аппарат в сумочку. Домой ехала в каком-то трансе. Мои мозги отказывались обрабатывать поступившую информацию, и почему-то все сжималось там в груди под ребрами. Я чего-то не понимаю, да? Я что-то где-то упустила и не могу понять что. Хочется закричать или расплакаться, но я пока не знаю причины этого состояния бешеной тревоги.

Приехала домой, сбросила туфли и бросилась к старенькому компьютеру, швырнув сумочку на кресло. Не знаю, что именно я хотела найти, что именно набирали мои пальцы в поисковике. Но отчего-то я нашла сразу. В первом же результате. Яркий заголовок:

«Олигарх Роман Огинский на грани банкротства после неудачной сделки?»

«Компания Неверова готова поглотить концерн Огинского и выплатить его долги. Согласится ли Огинский продать бизнес своего отца?»

Я листала и листала статьи. Бесконечное множество и у всех срок давности несколько месяцев. Примерно тот, когда я перестала искать любую информацию о Романе.

– Ой, неужели обанкротился. Такой прекрасный человек. Это он привез тело Мити из Германии, и он помог мне организовать все здесь. Он был у нас...

Я вскочила с кресла, хватаясь за горло и чувствуя, как начал потихоньку качаться пол под ногами.

– Что значит, был у нас... когда был?

– Ты чего так разнервничалась? Тебе нельзя.

– Когда был, мама? Когдааа? – закричала и стиснула ее плечи руками.

– Перед твоим приездом. Помог вывезти Митеньку. Груз 200 обычно ждут месяцами. Да и вместе с гробом могут не выпустить сразу. Марк Борисович все сделал в самые кратчайшие сроки. И здесь организовал похороны.

– Марк?

– Ну да. Представитель компании, которая спонсировала операцию для Мити и жертвует деньги фонду. Он и в Германию звонил мне, узнавал, как мы с Митей. Особенный человек... и мне кажется, глубоко несчастный. В день похорон привез меня домой. До вечера со мной сидел. Слушал про Митю, чай мне заваривал. Фото со мной смотрел и твои тоже. Очень на них засматривался. Просил показать еще. Я даже твой портрет с выпускного приносила. Не знаю, что я рассказывала. В слезах много болтала, а он слушал, не перебивал.

Пока она говорила, я металась по комнате. Я еще не понимала, что именно происходит внутри меня, но я словно разрывалась на части от каждого ее слова и не понимала ничего из того, что она говорила. Не понимала зачем... не понимала, что именно происходит. Такое впечатление, что я смотрю на какую-то фальшивую картину, под которой прячется еще одна. И я только что содрала первый слой фальшивки, а там оригинал... и остальная краска не сдирается. Я ломаю ногти до крови, а она просто не поддается... но там точно есть другая картинка.

– Господи, как я забыла. Он еще для тебя оставил... Сказал отдать, когда приедешь. Кто ж знал тогда, что тот изверг тебя вышвырнет. А я совсем забыла после похорон, и ты приехала. Я вся в горе своем. Сейчас поищу. Я в комнате у Мити спрятала.

Я плохо ее слышала. Меня слегка пошатывало и хотелось сдавить голову обеими руками, и орать, пока в ней не прояснится и не станет понятно, что именно происходит.

«– Будешь скучать по мне?

– Не знаю.

– Знаешь. Но либо сейчас скажешь правду, либо солжешь.

– Буду скучать по тебе, Рома, буду скучать каждую секунду.

– Ты единственный человек во всей вселенной, чья ложь меня не раздражает и не злит.

– Может быть, потому что ты чувствуешь, что я не лгу».

Мама вернулась с конвертом.

– Вот это дал. Не знаю, что там. Я не открывала.

А я открыла, тут же содрала дрожащими руками конверт, несколько раз уронила сложенную вчетверо бумажку. Пока наконец-то не поднесла к глазам, чувствуя, как немеют кончики пальцев.

«Отпускать очень больно, малышка, отпускать невыносимо. Словно резать себе грудную клетку, вынимать из нее сердце и выбрасывать в окно с последнего этажа небоскреба, отчаянно веря, что у него появятся

крылья и оно сможет взлететь в небо. Я не купил тебе Вселенную, страну, город и даже улицу. Зачем? Тебе все это не нужно. Я могу лишь помочь осуществить любую твою мечту в обмен на ту, что осуществить так и не смог. И, да, ты права – нет ни одной причины, по которой один человек любит другого. И я бы сдох от счастья, если бы ты могла меня полюбить. Но я бы никогда не смог тебя заставить... а всего остального мне стало ничтожно мало. Я не умею просить прощения, не умею сожалеть о том, что сделал. Я могу только отпустить.

Ты свободна, Надя».

ЭПИЛОГ

Я не могла успокоиться, я перечитывала его письмо снова и снова, как одержимая, как пересохшая от голода и жажды, потрескавшаяся на куски, я впитывала каждое слово. Потом схватила за сотовый и, едва попадая дрожащими пальцами по кнопкам, набрала номер, выученный наизусть еще когда писала ему бессчётные смски и звонила, когда было невозможно пережить разлуку в несколько часов. Сработал автоответчик. Я набрала еще раз, и снова металлический голос сообщал, что абонент недоступен. Тяжело дыша, я смотрела перед собой, с трудом перебарывая приступ слабости и дрожи в кончиках пальцев рук и ног. Нет, мне не нужны были часы на раздумья или какие-то варианты выхода из черного, заросшего терновником лабиринта по имени Роман Огинский. Я вдруг наткнулась на колючую стену из вязкого «ничего», за которым он скрывал очередных своих демонов, но я уже давно его не боялась, и я хотела столкнуться с ними лицом к лицу. Потому что я больше не верила в устроенный для меня спектакль. Повернулась к маме и тихо сказала:

– Мне надо уехать.

– Куда?

– К нему... – ответила, голос дрогнул, и сердце сковырнуло острым концом раскаленного железа.

И никаких больше сомнений, никаких раздумий, никаких колебаний. А от мгновенно разлившейся по телу больной тоски запекло глаза.

– Мне к нему надо... очень надо, – как заведенная срывающимся шепотом, хватая сумочку, забрасывая в нее паспорт и деньги. Мама что-то говорила мне, даже кричала, хватала за руку и умоляла никуда не ехать, но я как обезумела, мне было действительно надо. Так сильно надо, что заболело все тело в истерическом приступе ломки настолько жестокой, что я не могла себя контролировать.

Всю дорогу я видела перед глазами строчки его письма, они словно отпечатались внутри меня его неровным хаотичным почерком. И каждое слово имело свой особенный смысл, свое тройное дно. Он кричал и звал меня в этом письме, я знаю, я чувствую это всем сердцем.

Ромаааа, какой же ты... сумасшедший, безумец, разве так отпускают? Ты бы сначала выпотрошил меня, изрезал мне сердце и сжег душу, а все твои ходы на нашем с тобой игровом поле вели нас обоих к проигрышу. Нет никакой «ничьей», каждый из нас нанес другому травмы, несовместимые с жизнью. Ты бросил меня истекать кровью и тянуть к тебе сломанные руки, тогда как сам пытался дышать со сломанными ребрами, осколки которых изрешетили твои легкие. Ты все просчитал, но не просчитал лишь одного, что невозможно отпустить того, кто не хочет уходить, как и невозможно держать того, кто не хочет остаться.

Мне казалось, что дорога длится целую вечность. Не часы, не минуты, а года и столетия. И чем ближе я к нему, тем сильнее бьется сердце в груди. Когда взяла такси, я уже не знала – сердце ли во мне или колокол, который сотрясает набатами все мое тело.

– Вам куда?

Я назвала адрес и увидела, как вскинул голову таксист и посмотрел на меня в зеркало.

– Вы уверены, что вам нужно именно туда?

– Да, уверена.

– Там только одна усадьба Багровый закат.

– Мне нужно именно в нее. Все верно.

Таксист повернулся ко мне всем корпусом, его глаза округлились:

– А вы ничего не знаете? Несколько недель назад об этом гудел весь Интернет.

– Чего не знаю?

Мне вдруг стало не по себе, словно ком подкатил к горлу, и сердце резко замедлило свой бег, внутренности скрутило предчувствием.

– Багровый закат сгорел дотла. Не уцелел даже заповедник. В тот день был сильный ветер, и огонь перекинулся на деревья. Пожар не могли потушить очень долго. Зарево было видно на окраине города, так полыхало. К СОЖАЛЕНИЮ НИКТО НЕ ВЫЖИЛ.

КОНЕЦ КНИГИ

Вторая часть дилогии выйдет летом

2018г.

Украина. Харьков